

Л.М. Майданова

**ПРАКТИКУМ
ПО СОВРЕМЕННОМУ РУССКОМУ
ЛИТЕРАТУРНОМУ ЯЗЫКУ**

Для студентов-журналистов

**Екатеринбург Издательство Уральского университета
1993**

Ш 141.12 — 932.203
М141

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор И.П.Лысакова;
кафедра русского языка Челябинского пединститута

Научный редактор

кандидат филологических наук, доцент И.Т.Вепрева

Редактор В.И.Первухина

Майданова Л.М.

М141 Практикум по современному русскому языку: Для
студентов-журналистов. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та,
1993. — 384 с.

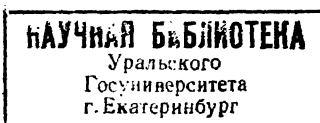
ISBN 5—7525—0224—1

В пособии в соответствии с учебной программой факультетов журналистики кратко освещаются основные темы курса современного русского литературного языка. Главное внимание уделено методике, позволяющей студенту усвоить теоретический материал, овладеть приемами стилистических функций языковых единиц, закрепить навыки грамотного письма и произношения.

Учебное пособие предназначено для студентов факультетов и отделений журналистики.

М 4602020101- 75
182(02)- 93

ББК Ш 141.12—932.203

ISBN 5—7525—0224—1

© Л.М.Майданова, 1993

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемое читателю учебное пособие отражает материал типовой программы курса «Современный русский литературный язык» для факультетов и отделений журналистики. В освещении учебного материала автор исходил из следующих соображений.

1. Пособие должно максимально соответствовать знаниям, полученным студентами в школе, материал подбирается и подается так, что не нужно переучиваться, отказываться от школьных навыков. Например, сохраняются такие традиционные понятия, как члены предложения, тем более что они фигурируют в правилах орфографии и пунктуации, которые на факультете журналистики приходится повторять.

2. Вместе с тем вузовское пособие не может обойти новей проблематики, новых концепций, которые есть в современной русистике. Этот материал отбирался автором так, чтобы он служил естественным продолжением и углублением знаний и не вступал с ними в противоречие.

3. Пособие не случайно называется практикумом. В нем нет упражнений, но оно имеет сугубо практическую направленность, так как показывает, как лучше усвоить теоретический материал, как проанализировать языковые явления, как использовать в журналистской практике единицы разных уровней языка. Даются сведения о нормах — орфоэпических, грамматических, орфографических, пунктуационных и др. Таким образом, данное пособие не может заменить вузовские учебники по современному русскому литературному языку. Это методическое руководство по овладению материалом, изложенным в существующих учебниках.

4. Автор учитывал разницу в положении курса современного русского литературного языка на филологическом факультете и на факультете журналистики. Если филолог воспринимает русистику на фоне историко-лингвистических дисциплин и общелингвистических курсов, то журналист сталкивается с теоретическими сведениями о языке только в пределах курса русского языка. Конечно, в связи с профессиональной подготовкой журналисту нет необходимости знать историю изучения русского языка,

разнообразные трактовки той или иной его категории, ему не нужна в полном объеме проблематика общего языкознания. Вместе с тем отсутствие общелингвистических сведений лишает студента-журналиста системного взгляда на изучаемый родной язык. Без необходимого минимума ключевых общелингвистических понятий не просматриваются глубинные связи между языковыми явлениями, единицы разных уровней предстают изолированными, сведения о языке рассыпаются на множество учебных тем и экзаменационных вопросов, слабо связанных друг с другом. Предлагаемое учебно-методическое пособие и призвано показать эти связи, с тем чтобы облегчить студенту усвоение материала, изложенного в существующих учебниках русского языка.

ВВЕДЕНИЕ

Прежде чем браться за изучение какого-либо предмета, полезно спросить у себя: «Нужен ли он мне?». Введение к данному пособию и призвано ответить на вопрос, нужен ли курс современного русского языка для профессиональной подготовки журналиста и почему этот курс строится так, а не иначе.

Журналистская деятельность складывается из двух основных направлений: журналист пишет, творит, т.е. создает свои собственные произведения, и журналист редактирует, т.е. готовит к печати авторские материалы, без которых, как известно, не выходит ни один номер газеты.

Найдя тему, собрав материал и в той или иной форме создав мысленный набросок произведения, журналист начинает оформлять текст на бумаге. Мы погрешим против истины, если скажем, что при этом пишущий только и думает о том, что вот сейчас он воспользуется глаголом, а потом существительным, здесь он поставит запятую по такому правилу, а там по такому употребит двоеточие. Никто так не пишет. Процесс построения предложения, подбора слов, выстраивания текста происходит в основном автоматически и протекает без активизации знаний о языке — активизировано знание самого языка. Языком при написании произведения пользуются, а не размышляют о нем как таковом.

Означает ли это, что в процессе написания произведения журналист ни разу не задумается о языке? Отнюдь. При любом затруднении в подборе слова, в конструировании предложения, в написании слова автор переключает свое внимание с языка как орудия воплощения замысла на язык как некое целое со своими законами и правилами, которые приходится соблюдать, а следовательно, и вспоминать, если они подзабылись, а также выяснять их действие, если оно почему-либо оказалось неизвестным.

Далее: весьма желательным этапом работы над текстом является его редактирование самим автором. К сожалению, из школы человек пока не выносит никаких навыков этой работы, порой он не имеет привычки даже просто перечитать то, что написал. В процессе учебы на факультете журналистики надо учиться саморедактированию. По отношению к нашему курсу это означает, что автор должен уметь оценить стиль, которым написано его произведение, выправить неудачные фрагменты, проверить, соблюдены ли языковые нормы.

Итак, в работе над собственным произведением журналист не раз обращается к его языковой стороне, обнаруживает и исправляет погрешности, усиливает тот или иной стилистический прием. Для всего этого нужны навыки профессионального чтения и использования справочной литературы.

В той же степени знание языка и основ русского языкознания необходимо журналисту в процессе редактирования чужих материалов. Учтем, что эта работа занимает большое место в журналистской практике, что она отнюдь не эпизодична: по данным социологических исследований, журналист местной газеты готовит для публикации в течение недели авторских строк не менее, а иногда и более, чем своих.

Читатель сейчас вправе спросить, не достаточно ли для всей этой работы просто хорошего знания языка, хорошего владения его нормами, без всяких теоретических рассуждений о языковых фактах. Ответ может быть таков. Достаточно, если не встречаться с авторами публикуемых материалов, не работать с ними, не объяснять им их ошибки. Если же встречаться, работать, объяснять, тогда о языке нужно говорить, а говорить о нем желательно грамотно, ясно, понятно для собеседника. Без изучения структуры языка всех этих умений не приобретешь. Так, например, неслучайно в «Рабочей книге редактора районной газеты» (М., 1988) авторы предлагают на занятиях с авторским активом газеты рассмотреть тему «Творческая лаборатория журналиста», а в ней показать «выбор темы, определение жанра, сбор фактов, составление плана, использование языковых средств, поиск заголовка» (с.266). Предлагается и такая форма работы, как языковая разминка: слушатели должны проанализировать фрагменты газетных текстов, включающие речевые погрешности (например: «Студенчество разъехалося на каникулы, там они хорошо отдохнут» — неверное употребление местоимения») (там же, с.266). Согласимся, что для проведения такой работы требуется умение анализировать и точно объяснять языковые явления, что и дается изучением курса современного русского литературного языка в вузе.

Если рассматривать литературную сторону работы журналиста, то можно сказать, что в ее основе лежит текстовая деятельность: журналист создает или редактирует текст. Поэтому и русский язык на факультете журналистики изучается в связи с его функционированием в тексте. Для того чтобы понять смысловую нагрузку языковых средств в тексте, надо уметь читать произведение: разбираться в его смысловой структуре и композиции, понимать авторский замысел. Это с одной стороны. С другой — требуется навык оценки собственного текста, умение выявить в нем логическую непоследовательность, недостаточную аргументированность, избыточность, несоответствие языковых средств и композиции замыслу. Учитывая обращенность всего материала курса к тексту, мы предвараем описание языковых фактов характеристикой смысловой структуры текста.

Смысловая структура текста представляет собой его логический каркас, определяющий отношения между аналитическими, событийными и предметными элементами. Используем для описания данного явления методику, предложенную в работах Т.М.Дридзе, и схематически покажем элементы смысловой структуры текста:

I. Главная мысль	
II. Элементы общего содержания текста:	
А. Основные элементы:	Б. Второстепенные элементы:
1. Основной констатирующий тезис	1. Иллюстрации к тезисам
2. Разъяснение основного тезиса (развивающий тезис)	2. Общий фон к цели сообщения
3. Аналитическая оценка ситуации	

Чтобы выделить главную мысль текста, нужно ответить на два вопроса: о чем говорится в тексте (так выделится тема) и что говорится об этом главном предмете мысли (так выделится основной анализируемый признак). Главная мысль обязательно должна быть выражена в форме предложения, а не слова или словосочетания, поскольку это суждение о предмете мысли. Далее нужно проследить, как развивается главная мысль, т.е. выяснить (поставив соответствующие вопросы), что говорится об основном анализируемом признаке, а затем и о новом признаке, который введен предшествующим суждением. Схематично ход этого анализа можно представить так:

Главная мысль = предмет мысли 1 + признак 1.

Констатирующий тезис = признак 1 → предмет мысли 2 + признак 2.

Развивающий тезис = признак 2 → предмет мысли 3 + признак 3.

Аналитическая оценка раскрывает значение или следствие ситуации, рассмотренной в тексте. Совокупность главной мысли, развивающих ее тезисов и аналитической оценки назовем логической схемой. Фон подводит к теме и часто заканчивается прямой формулировкой задачи выступления. В качестве иллюстраций тезисов приводятся эпизоды, цифры, цитаты.

Рассмотрим смысловую структуру фельетона.

Лом ломом выбивают

Говорят, одной археологической экспедиции здорово повезло: откопали тапочки чуть ли не самого Ричарда Львиное Сердце! Пока ученые спорили, с какой ноги он вставал и как это сказалось на ходе мировой истории, завхоз экспедиции потихоньку закопал один тапочек.

— Сдадите два — на следующий год потребуют четыре, — пояснил он. — Помню, у нас на заводе так было с металлоломом...

Не знаю, как насчет Ричарда, а с ломом все так и есть. В конце года плановики жмут:

— Ну-ка, ребятки, навалитесь! Дайте еще тыщонку-другую (третью, пятую, десятую) тонн!

Куда денешься, наваливались, давали. Всеми правдами, а больше неправдами. Проходил год, и им снова планировали «от достигнутого». Когда желаемое выдают за сдаваемое, люди гибнут за металл. В частности, люди из системы Минавтотранса РСФСР, которых — хоть разбейся! — обязали сдать непомерные тонны. «Против лома нет приема» — эта народная мудрость из фольклора ломосдатчиков и дала название мини-фельетону в N 188 «Известий».

Что тут началось! Ничего. Все шло, как по писанному в газете. В.Слюсарь из треста «Краснолучпромстрой» писал: «За последние годы у нас резко сократились объемы работ и количество машин, а металлолома требуют все больше. Не можете сдать? Платите штрафы!». «План или пропал — это про нас! — утверждал Ф.Ушаповский, председатель группы народного контроля Коростенского завода бытовой химии. — Сдай ежегодно 80 тонн отходов цинка, и точка. Кому отходы, а нам сырье для изготовления сухих цинковых белил. Вот и выбирай, какой из двух планов заваливать...»

А тут еще переход на хозрасчет и самофинансирование. То ли списывать все подряд в утиль, то ли использовать каждую гайку до упора. <...>

Но что же Госплан РСФСР, который упоминался в фельетоне? Прошло полгода после публикации, и он ответил. Не словом — делом. Минавтотрансу план подняли еще на 28 тысяч тонн. Транспортники доказывали: даже сдав в переплавку все свои машины, они не выйдут на эту зверстную цифру. Им посочувствовали — и оставили план в силе. А раз сила есть...<...>

Строчат раскалившиеся докрасна телетайпы: «...любой ценой ликвидировать отставание с металлоломом. Все силы на!.. персонально ответите за!..» Слышится лязг административного лома, который числится экономическим рычагом. И попадись тут хоть сам Ричард Львиное Сердце, разделают его под орех. Кому бесстрашный рыцарь, а кому — центнер бесхозных доспехов. Кому?! (Известия. 1988. 9 февр.)

О чем говорится в тексте? О сдаче металлолома. Что самое главное утверждается по поводу этого предмета речи? То, что сдача неправильно планируется. Поэтому главную мысль мы можем сформулировать следующим образом: «Сдача металлолома у нас до сих пор неправильно планируется от достигнутого».

Мысль эта развивается так: «Планирование от достигнутого не учитывает совершенствования производства» (иллюстрация — сообщение В.Слюсаря); «Планирование от достигнутого мешает выпуску основной продукции» (иллюстрация — сообщение Ф.Ушаповского); «Планирование сдачи металлолома от достигнутого мешает переходу на хозрасчет» (иллюстрация — использование гаек); «От такого планирования Госплан

РСФСР не собирается отказываться» (иллюстрация — план Минавто-трансу). Все тезисы констатирующие, признаки, в них введенные, развития не получают.

Аналитическая оценка: «Планирование от достигнутого — пример администрирования, забвения экономических рычагов управления хозяйством». Фон к цели выступления — находка экспедиции и рассуждение завхоза.

Мы рассмотрели текст, в котором композиция определена логической схемой: первые пять абзацев подводят к теме и формулируют главную мысль, затем последовательно даются тезисы и иллюстрации к ним, в последнем абзаце содержится аналитическая оценка. Однако такое соответствие наблюдается далеко не всегда. Даже этот фактический материал можно было бы скомпоновать по-другому. Представьте, что вначале вы как бы рисуете «картинки»: на предприятиях Минавтотранса оплакивают машины, которые надо сдать в переплавку, на заводе бытовой химии готовятся закрыть цехи, так как нет сырья, и отпраздновать перевыполнение плана по сдаче отходов цинка. А после «картинок» вы подводите читателя к сути проблемы, раскрывая причину всех нелепостей — неправильное планирование сдачи металлолома.

Оба варианта подчинены логике развития главной мысли (логическая композиция). Можно, однако, вообразить и событийный вариант композиции. Если изложить, как на каком-то предприятии получили план сдачи металлолома в начале года, потом думали, как его выполнить, добивались корректировки, разными способами пытались добыть лом, получится событийная композиция. При этом аналитический комментарий вы размещаете либо в связи с разными эпизодами, либо в конце текста.

При всех композиционных вариантах логическая схема остается неизменной, меняется лишь ее размещение, а также количество и компоновка иллюстративного материала. Таким образом, смысловую структуру текста не нужно отождествлять с его композицией.

В процессе изучения русского языка нам постоянно придется обращаться к анализу смысловой структуры текста для выявления стилистической роли языковых единиц. (Напомним, что этот анализ необходим и в практической работе — при редактировании авторских материалов, при саморедактировании.) Для тренировки удобно пользоваться следующей схемой:

Главная мысль: о чем? что? — формулировка в виде предложения, место в тексте.

Констатирующий тезис (их может быть несколько): о чем? (из основного анализируемого признака главной мысли), что? — формулировка в виде предложения, место в тексте.

Развивающий тезис: о чем? (из признака констатирующего тезиса), что? — формулировка в виде предложения, место в тексте.

Аналитическая оценка ситуации, рассмотренной в тексте: формулировка в виде предложения (помещается всегда в конце текста, выражается словесно или в подтексте).

Иллюстрации: к констатирующему тезису, к развивающему тезису.

Фон к цели выступления помещается всегда в начале публикации.

Работа по этой схеме контролирует понимание текста (авторского замысла, композиции).

В дальнейшем будут охарактеризованы ключевые понятия курса современного русского литературного языка и на этой основе представлено описание единиц разных языковых уровней.

ЛИТЕРАТУРА

Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: Проблемы семиосоциопсихологии. М.: Наука, 1984.

Глава I

КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ КУРСА «СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК»

§ 1. Язык как знаковая система

Ключевым в курсе является понятие **язык**. Язык представляет собой естественно сложившуюся в человеческом обществе знаковую систему, предназначенную в первую очередь для выполнения коммуникативной функции, т.е. для передачи информации от человека к человеку, от человека к группе людей и наоборот, а также от поколения к поколению. Определение языка дает нам еще несколько ключевых понятий.

Знак. В широком смысле знак — это предмет (нечто материальное), в информационном процессе замещающий собой тот предмет, о котором передается сообщение. В процессах общения и мышления мы замещаем окружающие нас предметы, явления, ситуации языковыми знаками — словами, предложениями. Например, если мы хотим рассказать кому-то о прогулке в лес, нам нет необходимости вести адресата на место события. Отобрав нужные слова, построив из них предложения, где в связях слов будут смоделированы связи между реальными явлениями, мы передадим наше сообщение собеседнику.

Языковые единицы (например, слова, предложения) двусторонни, материально-идеальны, они имеют значение и материальную форму выражения этого значения (звуковую или буквенную оболочку). **Значение и форма** его выражения — еще два ключевых понятия курса.

Система. Системный характер языка определяется тем, что его единицы образуют иерархию: они объединяются в четыре уровня, причем единицы одного уровня являются строительным материалом для единиц другого, вышележащего уровня. Единицы фонетического уровня — фонемы служат для построения единиц морфологического уровня — морфем. Из морфем строятся слова, которые являются единицами лексического уровня и служат материалом для построения предложений — единиц последнего, синтаксического уровня языка. Из предложений строится речевое образование — текст.

Системность языка проявляется не только в межуровневых связях его единиц, но и в том, что единицы особым образом организованы внутри

своих уровней. Эти внутриуровневые связи единиц бывают двух типов. Отношения, обусловленные сходством единиц по какому-либо признаку и приводящие к образованию классов сходных элементов, называются парадигматическими. Из школьного курса русского языка вам хорошо известны такие парадигмы, как синонимы (лексический уровень), набор падежных форм существительного или временных форм глагола (морфологический уровень). В дальнейшем мы узнаем и о других видах парадигм.

Второй вид внутриуровневых связей языковых единиц — это связи по смежности в потоке речи, их называют синтагматическими. Например, язык допускает звуко сочетания [зз], [бб], но не [сз], [пб], вспомните, что мы пишем «с земли», но произносим [з земли]. Это образчик синтагматических связей на фонетическом уровне. Если мы произнесем слова «ни зги», каждый добавит: «не видно», поскольку эти единицы синтагматически связаны на лексическом уровне. Таким образом, мы узнали еще два ключевых понятия: парадигматика и синтагматика.

Уже говорилось о том, что язык выполняет в обществе коммуникативную функцию. Передавая информацию, мы вычленим из окружающей нас действительности какой-то фрагмент, мысленное его отражение членим на элементы, с помощью слов создаем языковую модель этого фрагмента и через ее посредство передаем информацию. Назовем этот вычленимый из внеязыковой действительности фрагмент ситуацией, моделируемой в предложении. Ее структуру схематически можно изобразить так:

Субъект	Действие		Объект
	/	\	
Признаки субъекта (величина, цвет, возраст и др.)	Качества действия (скорость, степень и др.)	Обстоятельства действия (место, время, причина, цель и др.)	Признаки объекта (величина, цвет, возраст и др.)

Элементы моделируемой в предложении ситуации язык позволяет обозначать самыми разными способами. Например, в лексическом значении глагола лаять отражены субъект (собака, лиса) и действие — «издавать лай (о собаке, лисице и некоторых других животных)» (СлРЯ), т.е. в семантике слова как бы свернуто предложение «Собака лает». Время в предложении «В течение всего года он готовился к экзаменам в институт» отражается с помощью существительного год, предлога в течение и формы прошедшего времени глагола готовиться.

Коммуникативный акт (акт передачи информации) совершается в определенных условиях, которые назовем ситуацией общения. Это для нас тоже ключевое понятие курса. В ситуации общения выделяются: отправитель речи, автор (говорящий или пишущий), получатель речи,

адресат (слушающий или читающий) и передаваемая информация (текст). Ситуация общения также тем или иным образом отражается в значении слова и предложения. Например, местоимение я показывает, что говорящий обозначает сам себя, настоящее время глагола (пишу, читаю) означает, что действие происходит в момент речи, т.е. в момент производства текста.

Итак, с помощью системно организованных языковых знаков в определенных условиях мы моделируем ситуацию и сообщаем о ней своему адресату.

ЛИТЕРАТУРА

Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка /Под ред. Б.А.Серебренникова. М.: Наука, 1970.

§ 2. Функциональные стили языка

Чем более развито общество, тем в большей степени дифференцируются ситуации общения и передаваемая информация. Бесспорно, что дома с родными и на вступительных экзаменах в вуз мы говорим по-разному, заявление на имя ректора пишем не так, как письмо близкому другу, газету читаем не так, как лирическое стихотворение, а актеров на сцене слушаем иначе, чем докладчика на собрании. В разных сферах общения язык функционирует по-разному, поэтому и выделяются функциональные разновидности языка, или функциональные стили. Их пять: научный, официально-деловой, газетно-публицистический, художественный и разговорно-бытовой. Мы пока не можем говорить о языковых особенностях этих стилей — для этого надо изучить систему современного русского языка. Но мы можем хотя бы коротко сказать о текстах в этих стилях, пользуясь сведениями, которые даны во введении. Поскольку ранее был приведен газетный текст, начнем с газетно-публицистического стиля.

Газетный текст выполняет информативную и социально-оценочную функции, его автор всегда выступает как представитель той или иной социальной группы, чьи взгляды он выражает и защищает, с чьей точки зрения он оценивает обсуждаемое явление. Данное свойство печати называется партийностью. В этом смысле партийна любая пресса, что и обуславливает особый подход журналиста к предмету речи: в предмете вскрывается его социальная значимость, полезность или вредность для общества (напомним: с точки зрения определенной социальной группы). Поэтому основной анализируемый признак обязательно фиксирует социальную оценку предмета речи («Сдача металлолома неправильно планируется от достигнутого»), главная мысль является компактной и отражает предмет речи однопланово (вспомним, что фельетон и в целом поэтому

предмет речи однопланово (вспомним, что фельетон и в целом поэтому однопланов, так как раскрывает, чем объясняется и к чему ведет неправильное планирование сдачи металлолома). Необходимость убедить в правильности оценки, повлиять через убеждение на поведение читателя (действенность выступления) приводит к тому, что газетный текст должен быть эмоционально окрашенным, воздействующим на чувства читателя (например, в нашем фельетоне использованы различные приемы создания комического эффекта, о которых в свое время мы будем говорить).

Научный текст имеет более развернутую главную мысль, чем текст газетный: если журналисту важно подчеркнуть в предмете речи его социальную значимость, что и становится основным анализируемым признаком, то научный анализ вскрывает существенные признаки предмета, которые и включаются в главную мысль. В результате главная мысль может оказаться довольно развернутой конструкцией. Например, представим, что введение к данному пособию — это самостоятельный текст. Попробуем сформулировать его главную мысль: «Изучение современного русского литературного языка необходимо журналисту в связи с созданием и редактированием собственного произведения и в связи с редактированием чужих текстов, требующих прежде всего понимания авторского замысла». Эта мысль точно передает все содержание и объясняет построение введения: каждый признак раскрывается в особом разделе, композиция определяется развертыванием главной мысли. Отметим, что композиция научного текста является логизированной.

Официально-деловой текст также имеет развернутую главную мысль, включающую признаки предмета речи, сообщения которых требует схема делового документа. Например, жанр служебной характеристики требует, чтобы были отражены качества человека как специалиста, его общественная работа, моральный облик. Главная мысль и включает эти признаки, которые в общем содержании будут конкретизированы и аргументированы. Вот примерная формулировка главной мысли: «Х — опытный инженер с двадцатилетним стажем, ведет активную профсоюзную работу, морально устойчив». В тексте должны быть подробно раскрыты эти признаки: разработал такие-то проекты, руководит таким-то сектором профбюро (сделал то-то и то-то), помогает молодым инженерам, уважаем коллегами, отзывчив.

Официально-деловой текст также логизирован, причем эта черта проявляется в нем более жестко, чем в научном стиле: научный текст отражает логику развития главной мысли, а логика официального документа закреплена в его традиционной схеме, заранее заданной, порой даже отпечатанной на особом бланке, в котором требуется заполнить только переменные сведения (мы хорошо знаем, что есть формы отчетов, заявлений, служебных характеристик, докладных записок, коммюнике и т.д.).

Художественный текст является самым сложным по организации содержания. Рассмотрим его особенности на примере стихотворения Л. Мартынова.

Я поднял стихотворную волну,
Зажег я стихотворную луну
Меж стихотворных облаков.
И вот решил: «Теперь возьму засну,
Засну теперь на несколько веков!»
Но я забылся не на сотни лет,
А стихотворный заблестал рассвет,
И не в мою он даже честь вставал,
А величайший наступал расцвет
Всего того, что я предсоздавал.
И будь я даже в сотни раз сильней —
Не мог бы на минуту хоть одну
Пресечь течение стихотворных дней,
Объявивших стихотворную страну.

Художественный текст многозначен. Многозначность его проявляется в том, что у предмета мысли каждый читатель находит наиболее интересные для себя признаки, хотя, конечно, возможность «вычитывания» таких признаков содержится в самом тексте. В приведенном стихотворении поэт говорит об искусстве, которое творит как бы вторую жизнь, стихотворную, живописную, музыкальную. Что же в этой жизни может оказаться интересным для читателей? Одних привлечет мысль, что художественный мир живет по своим законам, другие увидят в стихотворении утверждение, что у художественного произведения своя судьба, которую автор не в силах предугадать. Вряд ли мы можем перечислить все варианты интерпретации, допускаемые стихотворением Л. Мартынова.

Каким же образом автор передает читателю эти мысли? В стихотворении нарисовано событие, пусть и фантастическое. Оно изображено красочно, динамично, причем изображение это двучастно: в первой части действующее лицо — художник, поэт, создавший художественный мир, а во второй части действует, живет уже сам этот мир, хотя он по-прежнему «стихотворный», как и мир первой части. Великолепно передано движение этого мира: в стихотворении была изображена ночь, а затем мир оказался подхваченным течением **д н е й**. Читатель должен истолковывать изображенное событие, в единичном фантастическом эпизоде усматривать важные свойства произведений искусства, вместе с поэтом он восхищается чудом творчества.

Значит, художественный текст рассказывает нам о людях, природе, событиях реальных и вымышленных, фантастических, рассказывает живо и ярко, рисует в слове кусочек жизни. Но это не картина ради картины — в ней, через нее художник говорит читателю о своем взгляде на мир, на человека, смысл жизни, любовь, смерть, он говорит о родине, об уважении к труду, о совести, обо всем, что сейчас или вечно волнует человечество. Иными словами, рисуя яркое жизненное полотно, художник говорит о том, что касается каждого читателя.

Разговорно-бытовой текст — последняя функционально-стилевая разновидность текстов. Он имеет две формы: диалогическую и монологическую. Проиллюстрируем их следующими записями.

Разговорно-бытовой диалог

Студентки говорят о конспектах, которые были обещаны, но не даны первой участнице разговора: «1. Очень красиво. 2. А что? 1. Обманывать // 2. Ничего мы не обманывали / просто... 1. (*Машет рукой*). 2. Ну послушай пожалуйста! 1. (*Отворачивается*). 2. Ты чего / правда обиделась? 1. (*Пожимает плечами*). 2. Ты эти хотела? (*Достает тетради, показывает*). Или вот эти? 1. Все равно //»¹.

Разговорно-бытовой монолог

«И после окончания гимназии я решил идти в Лесной институт // Причины разные // Вот в моих «Записках старого петербуржца» я там об этом даже рассказываю что с одной стороны у меня отец был удельный служащий / а в министерстве уделов было огромное количество имений / царских // И одно из таких имений я хорошо знал потому что брат отца был там управляющим // Под Киевом // В Клеване // Недалеко от Кисва туда / к Владимир Подольскому // И я знал как живут вот эти удельные лесничис // Они жили знаете как крепостные помещики // у них был свой доход / ведь это было рассчитано что в каждый миг туда мог приехать кто-нибудь из царствующего дома / и тогда надо их там угощать и развлекать // Поэтому там все было наготове // И собственная охота / и доезжачие там / и свора собак / и всегда всякая дичь редкая / и косули / и лоси / и кабаны / кто угодно // Там были // И мне эта перспектива показалась очень такой радужной / что я буду такую жизнь вести //»².

В диалоге каждый из говорящих по-своему ведет общую тему. В приведенном разговоре обсуждаются последствия одного события — «конспекты были обещаны, но не даны». Первый говорящий ведет один аспект темы — «случай этот некрасивый и обидный». Второй говорящий отрицает выдвинутый признак. Постепенно предметом речи становится не прошлое событие, а объект «конспекты», и снова один говорящий выделяет важный для него признак — «желательность конспектов для собеседника», а второй говорящий подчеркивает другой признак — «безразличие в выборе». Как видим, в диалоге может произойти смена предмета речи, кроме того, у него выделяются два ряда признаков с позиции каждого из говорящих.

В разговорном монологе мы также видим резкие переходы от одного предмета речи к другому, строго последовательное и плавное развитие главной мысли для него не является правилом. Так, в приведенном тексте первый и главный предмет речи — решение пойти в Лесной институт. Мо-

¹ Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука, 1983. С. 150.

² Ширяев Е.Н. Структура разговорного повествования // Русский язык: Текст как целое и компоненты текста. М.: Наука, 1982. С. 111—112.

нолог начинается как объяснение причин этого решения, и главная мысль намечается такая: «решение пойти в Лесной институт объяснялось следующими причинами» (обратите внимание на вводное слово «с одной стороны»: по-видимому, планировалось рассказать и о какой-то другой стороне). Но происходит «перескок» на новый предмет речи, он поглощает все внимание говорящего, тема подробно развивается («царские имена были отличным местом работы потому-то»). Соответственно первая тема свертывается и даже не доводится до конца. Такая «невыдержанность» предмета речи объясняется неподготовленностью высказывания, отсутствием заранее продуманного, заготовленного плана.

О функциональных стилях мы будем в дальнейшем говорить в связи с употреблением в речи единиц различных языковых уровней. В конце пособия все сведения о стилях сведены в таблицы.

§ 3. Устная и письменная речь

Тексты всех функциональных стилей могут существовать в письменной и устной форме. Ни в коем случае нельзя считать, что письменный текст — это зафиксированный буквами текст устный или что устный текст — это озвученный текст письменный. Устные и письменные тексты изначально создаются в соответствующей форме, а это означает, что они различаются принципами, по которым складывается в них высказывание.

Дело в том, что на устную речь (мы говорим о речи, не вооруженной технически, какой она и была в течение тысячелетий) влияют такие физические факторы, как ограниченность нашего голоса и слуха, из-за которой устное общение должно быть контактным в пространстве и времени; ограниченность дыхания, того объема воздуха, который мы можем набрать в легкие, чтобы на выдохе произнести высказывание; ограниченность нашей кратковременной памяти, которая руководит построением текущего высказывания и объем которой невелик (7 ± 2 единицы). Следствия этих ограничений таковы.

Во-первых, в построение устного высказывания вмешивается ситуация общения, а именно то обстоятельство, что говорящие слышат и видят друг друга. Автор в результате этого получает возможность передавать информацию по нескольким каналам: через вещный контекст, через интонацию, через мимику и жесты. Вспомним разговорно-бытовой диалог: трижды первый говорящий реагирует на слова собеседника не словесно, а жестом, движением. Обратим внимание на то, что ни разу собеседники не употребили слово «тетради» (или «конспекты», «записи»), потому что предмет был у них перед глазами и на него достаточно было указать не называя, чтобы информация была передана с достаточной полнотой. Посмотрим также на первую реплику. По прямым значениям составляющих

ее слов это положительная оценка чего-то. Однако ответ «А что?» не соответствует реакции на положительную оценку. Ясно, что фраза была произнесена с иронической интонацией, которая показала слушающему, что говорящий чем-то недоволен. Контактность во времени и пространстве сказывается на структуре устного высказывания в том, что это часто структурно неполные высказывания, включающие в себя много указательных элементов («Ты эти хотела... Или вот эти?»).

Во-вторых, ограниченность дыхания, необходимость периодически набирать в легкие новую порцию воздуха приводит к тому, что устная речь обладает особым ритмом, по которому мы, между прочим, включив радио и услышав с полуслова какой-то текст, безошибочно узнаем, читается ли он побумажке или создается сразу как устный, в устной форме. Наша речь строится так, что при образовании высказывания слова группируются в смысловые беспаузные единства (синтагмы). В устной речи эти синтагмы примерно одной длины, и в паузы между ними человек имеет возможность перевести дыхание.

В-третьих, малый объем кратковременной памяти заставляет нас в устной речи строить предложения недлинные и с малой глубиной (т.е. не вставлять придаточные внутрь главного, ограничивать число обособленных конструкций).

Обратимся к разговорному монологу: «И одно из таких имений я хорошо знал потому что брат отца был там управляющим // Под Киевом // В Клеване // Недалеко от Киева туда / к Владимир Подольскому». Письменный эквивалент фразы вполне может быть таким: «И вот одно из таких имений, под Киевом в Клеване, недалеко от Киева, туда, к Владимиру Подольскому, я хорошо знал, потому что брат отца был там управляющим». Понятно, что между дополнением одно из имений и сказуемым знал оказывается слишком много слов, они вытеснили бы из кратковременной памяти и говорящего и слушающего начало высказывания и помешали бы установить нужные грамматические связи. Если бы говорящий решил все-таки поместить уточнения на этом месте, он скорее всего после уточняющего ряда ввел бы повтор типа «Так вот имение такое я знал, потому что...». Рассмотрим также конец монолога: «И мне эта перспектива показалась очень такой радужной / что я буду такую жизнь вести». Письменный эквивалент его был бы такой: «И мне эта перспектива, что я буду такую жизнь вести, показалась радужной». Чтобы избежать возрастающей глубины высказывания, говорящий ставит придаточное после главного.

Не следует думать, что устный характер речи влияет на структуру высказывания только в разговорно-бытовом стиле. Текст любого функционального стиля, если он сразу создается как устный, испытывает на себе и влияние ситуации, и воздействие других физических факторов. Представим, что во время научного доклада ученый демонстрирует таблицу или опыт. Ясно, что в его речи появятся неполные конструкции с указа-

тельными местоимениями или местоименными наречиями, заставляющими слушателей черпать нужную информацию не из слов, а из видимой ситуации, из вещного контекста.

Письменная речь возникла, чтобы преодолеть пространственную и временную ограниченность устной речи, и отрицает качества последней. Поскольку при письменном общении нет вещного контекста, снижается степень структурной неполноты высказываний, а указательные элементы меняют функцию и превращаются из заместителей окружающих, видимых предметов в средства межфразовой связи. В письменной речи утрачивается зависимость от дыхания и появляется возможность аритмичности, построения синтагм разной длины. Независимость от объема кратковременной памяти снимает ограничения с величины и степени сложности предложения. Обеднение интонационных возможностей компенсируется сложной системой союзов, число которых постоянно увеличивается.

В дальнейшем нам придется говорить о том, какими средствами журналист может в письменном тексте имитировать устную речь своих героев или свое устное общение с читателем.

ЛИТЕРАТУРА

Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи. М.: Высш. шк., 1982.

Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 1983.

Русская разговорная речь / Под ред. Е.А.Земской. М.: Наука, 1973.

§ 4. Понятие литературного языка

В предлагаемом курсе будет описан литературный русский язык. Литературный язык представляет собой одну из форм существования национального языка, другие формы его существования — это территориальные диалекты. Различия этих форм состоят в следующем. Диалект территориально ограничен, а литературный язык надтерриториален. Русские диалекты сегодня обслуживают в основном бытовую речь своих носителей, между тем как литературный язык — это язык международного и межнационального общения, язык науки, средств массовой информации, вузовского и школьного обучения, искусства (литературы, театра, кино, телевидения). Не забудем, что наряду со всем этим литературный язык обслуживает и бытовое общение (см. разговорно-бытовой стиль).

Литературный язык и территориальный диалект различаются характером своей нормы. Норма — это правило употребления языковых единиц. В диалекте она традиционна и усваивается младшим поколением от стар-

ного в процессе овладения языком. В русском языке такая норма письменно не фиксируется, наши современные территориальные диалекты не знают письменной формы. А вот в литературном языке норма фиксирована и запечатлена в сотнях словарей, вузовских и школьных учебников, в академических грамматиках и в бесчисленных текстах художественной, научной, публицистической и деловой литературы.

Итак, мы будем рассматривать систему современного русского литературного языка, выясняя специфику единиц четырех его уровней (их значение, форму, участие в моделировании ситуации, отражаемой в предложении); системные связи внутри уровней (парадигматические и синтагматические); использование единиц в текстах функциональных стилей. Прежде чем приступить к описанию материала, укажем учебную литературу по всему курсу.

ЛИТЕРАТУРА

Современный русский язык / Под ред. Д.Э.Розенталя. М.: Высш.шк., 1984.

Современный русский язык / Под ред. Д.Э.Розенталя. М.: Высш.шк., 1979. Ч. 1, 2.

Современный русский язык / Под ред. В.А.Белошапковой. М.: Высш.шк., 1989.

ЛЕКСИКОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

§ 1. Лексическое значение слова

Мы начинаем описание системы современного русского литературного языка с лексического уровня, единицей которого является слово. Такое начало не случайно: со словом связаны единицы всех других уровней, слово — центральная единица языка, с помощью которой человек именует окружающие его явления. В связях между словами он моделирует отношения, которые наблюдает между этими явлениями. Из звуков и морфем человек строит слова, а из слов предложение, которое и позволяет передать информацию адресату.

Слово — это знаковая единица языка, представляющая единство материальной формы и идеального содержания. Содержание, информация, исторически закрепившаяся за звуковым комплексом (звуковой оболочкой слова), является значением слова.

У слова различаются лексическое и грамматическое значения. О грамматическом значении мы будем более подробно говорить в разделе «Морфология», пока лишь проиллюстрируем это понятие фактами, известными из школьного курса русского языка: совершенный и несовершенный вид у глагола, падеж, число у существительного. Грамматическое значение характеризует класс слов. Но у каждого слова есть еще индивидуальное значение, которое и называется лексическим. Оно состоит из четырех элементов.

Первый элемент лексического значения слова — его предметная отнесенность. Употребляя звуковой комплекс, мы передаем информацию о явлении действительности. Наш адресат слышит набор соответствующих звуков или видит набор соответствующих букв, и этот сигнал вызывает у него примерно такое же представление о кусочке действительности, какое было связано с данным звуковым или буквенным комплексом у автора высказывания. Например, звуковой и буквенный комплекс *стол* связан с классом определенных предметов и с каждым предметом этого класса в отдельности; комплекс *красный* связан с определенным цветом и с каждой разновидностью этого цвета в отдельности (цвет крови, гвоздики, заката, рябины, кирпича).

Связь звукового (буквенного) комплекса с кусочком действительности называется предметной отнесенностью слова (денотатом). Звуковой (буквенный) комплекс в ситуациях общения и мышления замещает собой предмет (действие, признак предмета или какой-то другой фрагмент действительности) и тем самым выполняет знаковую функцию.

Второй элемент лексического значения слова — его понятийное содержание. Передача информации с помощью слова возможна только потому, что у всех носителей языка с каждым из слов связано сходное содержание. Например, со словом *стол* мы ассоциируем такое содержание: «предмет мебели в виде широкой доски на высоких опорах, на который ставят что-то при работе, еде» (СО, СлРЯ-1).

Наличие общего в содержании, закреплённом за звуковым комплексом, обусловлено тем, что звук связан с кусочком действительности не непосредственно, а через отражение этого кусочка действительности в сознании носителей языка. Класс предметов или явлений отражается в нашем сознании в форме *п о н я т и я*, которое и входит составным элементом в лексическое значение слова. Элемент этот называется понятийным содержанием (сигнификатом).

Понятие представляет собой обобщенное отражение класса предметов, т.е. отражение в виде совокупности существенных признаков. Например, в понятие *стол* не входят такие признаки, как величина, цвет, форма столешницы, количество ножек, материал. Для него важны лишь существенные признаки: вид мебели, общая форма, функция.

Мы не можем наблюдать понятие непосредственно, так как оно хранится в нашей памяти. Поэтому, чтобы рассуждать о природе понятия, нужно воспользоваться его словесной моделью — определением его через род и видовое отличие. Сравним несколько определений: скрипач «музыкант, играющий на скрипке», виолончелист «музыкант, играющий на виолончели», пианист «музыкант, играющий на пианино, фортепьяно». В понятие входит признак, который включает данный предмет в более широкий класс (в нашем случае — признак «музыкант»). Этот признак называется родовым. Кроме него, в понятие входит один или несколько признаков, выделяющих предмет из широкого класса в более узкий класс. Это признаки видовые, или отличительные (в нашем примере — указание на инструмент).

Понятийное содержание слова складывается из признаков понятия, которые применительно к лексическому значению называются семами и, соответственно родовому и видовым признакам, делятся на семы интегральные («музыкант») и семы дифференциальные («играющий на скрипке», «играющий на виолончели», «играющий на пианино»).

Можно спросить, почему мы употребляем термин «понятийное содержание», не проще ли данный элемент лексического значения именовать понятием и полностью отождествить его с обобщенным отражением класса в нашем сознании? Но дело в том, что понятийное содержание слова не

исчерпывается интегральной и дифференциальными семами. В него входят семы еще двух разновидностей: семы, отражающие грамматическую природу слова, и семы, отражающие представление.

Лексико-грамматические семы включают слово в классы еще более широкие, чем родовые. Интегральная сема соотносит слово с ближайшим родом: стол → мебель, скрипач → музыкант, дождь → атмосферные осадки, комната → помещение. Есть ли что-то общее у этих четырех слов? Есть. Они все обозначают предметы, причем предметы считающиеся, и этим они отличаются, с одной стороны, от слов играть, красный, а с другой — от слов синева, листва, вода. Общность этих слов фиксируется в семах: категориальной 'предмет' и разрядной (или, в узком смысле, лексико-грамматической) 'конкретный предмет'. Таким образом, в понятийном содержании происходит как бы постепенная конкретизация значения: предмет → конкретный неодушевленный → мебель → доска на высоких опорах для того, чтобы ставить на нее что-либо при работе, еда = стол; действие → непереходное несовершенного вида → двигаться → переступая ногами = идти; пассивный признак предмета → качественный → цвет → крови = красный.

Понятие в нашем сознании не существует в отрыве от других форм отражения действительности. Одной из таких форм является представление. Представление — это отражение конкретного предмета или явления в форме совокупности признаков, в том числе и чувственно воспринимаемых, без непосредственного взаимодействия с этим предметом (в противном случае мы имеем другую форму отражения действительности — восприятие). Если в понятии отражаются существенные признаки предмета, то в представление включаются и несущественные признаки. Например, когда мы представляем себе стол, то он имеет определенную форму, цвет, высоту, количество ножек. Эти несущественные признаки являются непостоянными, поэтому представление стола у каждого будет свое. Есть, однако, предметы, которые обладают хоть и несущественными, но постоянными признаками. Например, костер имеет ярко-оранжевый цвет. Это несущественный признак данного предмета, но без него никто себе костер не представит. Такие признаки тоже отражаются в понятийном содержании слова, образуя его периферийные семы.

Кроме того, в понятийном содержании слова в различных речевых условиях может появиться потенциальная сема, отражающая любой пондобившийся говорящему несущественный признак предмета. Например, сказав о человеке «хитер, как лиса», мы оживили в значении этого слова потенциальную сему 'хитрый', так как по традиции, под влиянием сказок и пословиц, привыкли считать это животное хитрым. Данный признак не входит в понятийное содержание слова лиса как постоянный, не войдет он и в каждое представление этого животного, в отличие от цвета, узкой мордочки или пушистого хвоста. Это потенциальная сема, которая может быть, а может и отсутствовать в понятийном содержании слова.

Схематично представим состав понятийного содержания: категориальная сема (КС) + разрядная сема (РС) + интегральная сема (ИС) + дифференциальные семы (ДС) + периферийные семы (ПС) + потенциальные семы (ПТС).

Третий элемент лексического значения слова — коннотации. Коннотативные семы представляют собой различные сопутствующие понятийному содержанию смыслы, которые у одного слова могут наличествовать, а у другого — отсутствовать.

К таким сопутствующим смыслам относится прежде всего оценочная коннотация — эмоциональная оценка именуемого предмета, которая может передаваться словом наряду с названием явления. Сравним, например, слова юноша и юнец: юноша «человек в возрасте, переходном от отрочества к зрелости»; юнец «пренебр. Юноша, мальчик» (СО). Если словом юноша мы только называем лицо, то словом юнец передаем еще пренебрежительное, иногда резко отрицательное отношение к человеку. Развернуто, эксплицитно это можно передать так: юнец — «человек в возрасте, переходном от отрочества к зрелости или в отроческом возрасте» (понятийное содержание) + «я, говорящий, отношусь к этому человеку пренебрежительно, он мне не нравится» (эмоционально-оценочная коннотация). Именно благодаря наличию оценочного содержания в слове юнец невозможно сказать вместо «На работу приглашаются юноши и девушки» — «На работу приглашаются юнцы». Объявление, как текст официально-деловой, не допускает слов с субъективной оценочностью.

Вторая разновидность сопутствующих смыслов — стилистические коннотации. Мы можем воспринимать слово как грубое, торжественное, фамильярное, поэтическое. Объясняется это тем, что слова закреплены за функциональными стилями. Эта закреплённость и воспринимается нами как стилистическая окраска слова.

Наконец, у слова могут быть исторические коннотации, связанные с временной перспективой. Одни слова ощущаются носителями языка как новые, другие, напротив, — как устаревшие.

Итак, понятийному содержанию могут сопутствовать эмоционально-оценочные, стилистические и исторические семы.

Четвертый элемент лексического значения слова — его структурная значимость. Это своеобразный адрес слова в лексической системе языка, обусловленный связями данной единицы с другими словами по сходству в значении и по смежности в потоке речи, т.е. связями парадигматическими и синтагматическими.

Парадигматические связи

По общности тех или иных элементов формы и значения слово включается в словесные группы разного объема — парадигмы.

Начнем с формы. Одинаково звучащие слова образуют группы омонимов: ключ «отмычка», ключ «источник», кампания «событие», компания

«группа людей». Слова, одинаковые по написанию, образуют группы омографов: замо́к «строение», замо́к «запор».

А сейчас обратимся к значению; элементы которого мы описали.

Общность предметной отнесенности приводит к объединению слов в тематические группы. Например, слова театр, сцена, актер, играть, суфлировать, драматический относятся к теме «театр». Это слова разных частей речи, но отражают они одну область действительности. Нетрудно подобрать слова по темам «семья», «школа», «газета». Есть в языке и слова межтематические (начать, успеть, мочь, относиться, связь, причина и др.), без которых не обходится ни один текст.

В понятийном содержании слов одной темы есть общие семы: учиться «приобретать знания», школа «учебное заведение, где человек приобретает знания», учитель «человек, занимающийся обучением, т.е. передачей знаний». При этом совпадать могут разные семы: интегральные, дифференциальные. Важно лишь, что такая общая сема есть.

Тема обычно имеет ядро и периферию. В ядро входят слова, у которых тематическая сема входит в число основных сем понятийного содержания, периферию составляют слова, у которых тематическая сема является периферийной или потенциальной. Например, существительное портфель связано с темой «школа», но среди основных сем своего понятийного содержания соответствующей семы не имеет (то же у слов ручка, карандаш, тетрадь, дневник). Для перечисленных слов смысл «школьный» является потенциальным. Не случайно для передачи бесспорной принадлежности данных слов к теме «школа» мы добавляем к ним определение: школьный дневник, школьный портфель, ученическая тетрадь.

Тематическая группа функционирует в тексте. Развертывание смысловой структуры текста связано с привлечением слов одной темы, членящейся на подтемы, или слов разных тем. Представим, что текст посвящен проблемам строительства и имеет главную мысль «Строительство школы затягивается и может оказаться не законченным к первому сентября». В тезисах отражены причины этого положения: нехватка кадров, плохая работа смежников, поставляющих строительные материалы. Каждый из тезисов вычленит в теме «строительство» свою подтему. Первый, например, привлечет слова маляры, штукатуры, отделочники, слесари, второй — слова кирпич, доски, кровельное железо. Говоря о последствиях затягивания строительства, автор может привлечь слова из темы «школа»: учащиеся не начнут занятия, учителя не успеют оборудовать учебные кабинеты. На примере такого текста мы видим, что темы и подтемы могут объединяться за счет формулировок тезисов логической схемы текста. Это первая разновидность логического объединения тем.

Вторая разновидность логического объединения тем — это введение новых тем в иллюстрации к тезисам. Например, если многофактовый фельетон рассказывает о последствиях недисциплинированности, безот-

ветственности, то в качестве иллюстраций могут быть приведены сюжеты на разные темы: производственные, школьные, театральные. И каждый из них привлечет в текст свою тематическую группу слов.

Кроме логического способа объединения тем, выделяются событийный и образный. Суть событийного объединения легко понять, если представить текст с событийной композицией, когда, например, рассказывается, как герой учился в школе, потом в вузе, потом работал на заводе. Ясно, что каждый эпизод из жизни героя будет связан с той или иной тематической группой. Возможны и другие событийные мотивировки объединения тем — путешествие героя, беседы его с людьми, рассказывающими о своей жизни (каждый рассказчик введет свою тему).

Образное объединение тем возникает в тексте, если в нем использовано развернутое сравнение (или развернутая метафора, о которой подробнее будет сказано далее). Напомним эпизод с дубом в романе «Война и мир», где в одном фрагменте переплетаются темы «человеческая жизнь», «чувство», «растения».

Общность категориальной семы обеспечивает выделение самых крупных объединений слов в языке — частей речи. Все существительные имеют общую категориальную сему 'предмет', все глаголы — сему 'действие'. Прилагательные объединены семой 'признак предмета, не проявляющийся во времени', наречия — семой 'признак признака'.

Общность разрядной семы вычленяет внутри частей речи так называемые лексико-грамматические разряды слов, объединенных разрядной семой и общими грамматическими чертами (откуда и их название). Например, у всех конкретных существительных есть разрядная сема 'конкретный предмет', у всех вещественных существительных — сема 'вещество', у всех относительных прилагательных — сема 'отношение'.

Общность интегральной семы объединяет слова в лексико-семантические группы, отметим, что это обязательно слова одной части речи. Рассмотрим такие глаголы: склеить «с к р е п и т ь клеем», сшить «с о е д и н и т ь посредством шитья», сколотить «колотя, с о е д и н и т ь», связать «с о е д и н и т ь, завязывая». Это фрагмент лексико-семантической группы глаголов соединения, общая интегральная сема выделена. Лексико-семантическая группа — более абстрактное образование, чем тема, и не всегда доступна прямому наблюдению. Однако эти объединения очень важны для функционирования слов, так как внутри таких групп складываются модели развития лексического значения, словообразовательные модели. Словообразовательное сходство видно и на нашем фрагменте (приставка с-), общность производных лексических значений обнаруживается в таких употреблениях: о пошатнувшихся отношениях мы можем сказать «сейчас уж не склеишь, не свяжешь», с некоторой натяжкой можно даже сказать «не сколотишь».

Общность интегральных и частично дифференциальных сем дает синонимические ряды и антонимические пары, о которых речь впереди.

Общность коннотаций обуславливает выделение групп эмоционально-оценочных слов, стилистически окрашенных слов, а также групп новых и устаревших слов.

Таковы парадигматические классы единиц лексического уровня.

Синтагматические связи

По смежности в потоке речи слова также объединяются в группы, называемые синтагмами: шить платье, связать обрывки нити, лес шумит. В зависимости от сочетаемостных возможностей выделяется четыре типа лексических значений слова.

Во-первых, существует свободное лексическое значение, при котором связи слова с другими словами в предложении или словосочетании ограничены только предметно-логически, объективным положением дел. Употребляя слово в свободном значении, говорящий руководствуется лишь интересами моделирования ситуации и отражает в межсловных связях отношения между элементами ситуации. Например, у слов книга, спать свободное лексическое значение. Отражая реальное положение вещей, мы можем сказать: «интересная книга», «читаю книгу», «книга из библиотеки», но без особых условий не скажем: «книга голодает, вздыхает», «книга вкусная». Особыми условиями может стать то, что мы пишем сказку. Если мы олицетворим книгу и сделаем ее героем нашего произведения, тогда, отражая эту художественную действительность, могут появиться сочетания типа «книга вздыхает».

Во-вторых, связи, в семантическом отношении обусловленные лишь предметно-логически, часто осложняются грамматическими требованиями. Так, при глаголе коснуться в результате отражения реального положения вещей допустимо употребить слова: рука, стекло, лист, клавиша, но без особых установок нельзя сказать: «коснуться тумана, холода». Однако нельзя сказать и просто «я коснулся», не добавив, чего именно. При данном глаголе обязательно должно быть зависимое слово, обозначающее объект и стоящее в родительном падеже. Если слово в данном значении требует зависимого слова в определенной грамматической форме, значение это называется конструктивно обусловленным.

В-третьих, язык может в силу традиций накладывать на сочетаемость слова чисто количественные ограничения. Например, слово склад в значении «часть слова, слог» употребляется только в выражении «читать по складам», т.е. «не бегло, неумело» (СО), а в других случаях мы говорим: «разбить слово на слоги», «переносить по слогам», «ударный слог» и ни в коем случае не «ударный склад». Это запрещает делать языковая традиция, хотя само значение слова, казалось бы, не препятствует свободной сочетаемости. Если сочетаемость слова в данном значении ограничена языковой традицией, значение называется фразеологически связанным.

В-четвертых, слово может иметь такое лексическое значение, которое требует употребления данной лексической единицы в определенной син-

таксической функции. Так, слово бревно имеет свободное значение «очищенный от веток и верхушки ствол срубленного большого дерева» (СО). А вот значение «тупой человек» передается этим словом, когда оно употреблено как именное сказуемое («Он настоящее бревно») или как обращение («Эй ты, бревно!»). В других синтаксических функциях слово бревно в таком характеризующем значении может быть употреблено лишь как повторная номинация, когда речь идет об известном, уже упоминавшемся лице («А я этому бревну и говорю»). Этот тип значения называется синтаксически обусловленным.

Сочетаясь друг с другом в тексте, слова обеспечивают его связность за счет того, что особым образом взаимодействуют их лексические значения. Рассмотрим предложение «Ученик читает книгу». Значение каждого слова представим как комплекс сем:

ученик: КС 'предмет'; РС 'конкретный, одушевленный, лицо'; ИС 'человек'; ДС 'который учится в школе или обучается какой-нибудь профессии, мастерству' (СО);

читать: КС 'действие предмета'; РС 'действие, направленное на прямой объект, незаконченное'; ИС 'воспринимать'; ДС 'написанное, произносимое вслух или воспроизводя про себя' (СО);

книга: КС 'предмет'; РС 'конкретный, неодушевленный'; ИС 'произведение'; ДС 'печати в виде сброшюрованных, переплетенных листов бумаги с каким-нибудь текстом' (СО).

Мы видим, что слова имеют общие семы (они выделены). Такое совпадение сем у сочетающихся слов называется семантическим согласованием, которое является неременным условием любого связного текста. Отметим, что повторение сем наблюдается не только в предложении, но и в группе предложений, в целом тексте, ведь текст включает в себя тематически связанные слова, а они, как говорилось, обладают общими семами. Кроме того, подчиняясь тематике, слова актуализируют свои периферийные и потенциальные семы, которые также подключают их к главной теме текста.

Мы рассмотрели пример нормативного, нейтрального семантического согласования. В художественной и публицистической речи могут быть случаи экспрессивного согласования. Вспомним строчку из стихотворения Л. Мартынова: «Я поднял стихотворную волну». Если мы обратимся к прямым значениям слов, то связность речи как будто оказывается нарушенной. Слова поднять «сделать более высоким» и волна «водяной вал, т.е. нечто поднятое, возвышающееся над поверхностью» сочетаются друг с другом, но как быть с прилагательным стихотворный «написанный стихами», ведь у него нет общих сем ни с глаголом, ни с существительным (за исключением категориальной 'пассивный признак предмета' — волна 'предмет')? Однако мы чувствуем, что высказывание связно. Следовательно, совпадение сем должно существовать. Действительно, подумаем, о чем говорится в стихотворении. Поэт пишет не о реальной волне,

а о ее изображении, изобразить же можно не только в красках, но и в стихах. Таким образом, слово волна обозначает не просто «водяной вал», а «изображение водяного вала», поэтому с данным существительным сочетаются и глагол, и прилагательное. Значит, если в хорошем художественном или публицистическом произведении мы встречаемся с необычной сочетаемостью слов, нужно выяснить, как автор изменил их значение, чтобы у них возникли общие семы и связность речи была сохранена.

Наш разговор о структуре лексического значения слова завершим анализом связи значения и моделируемой ситуации.

1. Самое очевидное отношение заключается в том, что говорящий выбирает из памяти слова, чтобы обозначать ими элементы моделируемой ситуации. И лексическое значение в известной степени ориентировано на роль называемого явления в типичной ситуации. Глаголы ориентированы на обозначение действий, существительные — на обозначение их субъектов и объектов, наречия — на обозначение обстоятельств, прилагательные — на обозначение признаков субъектов и объектов.

2. Гораздо менее очевидная, зато глубинная связь состоит в том, что семы понятийного содержания и валентности (сочетаемостные возможности) слова в свернутом виде отражают структуру тех типичных ситуаций, в которые бывает включен именуемый предмет. Вот слово дом «жилое (или для учреждений) здание» (СО). Сема 'жилое' означает, что в типичных ситуациях дом выступает как обстоятельство места для действия жить («Я живу в этом доме»). Сема 'для учреждения' тоже связана прежде всего с обстоятельственным употреблением существительного дом («Контора находится в угловом доме»). Сочетаемость слова дом также отражает типичные ситуации, в которые включен сам предмет: «строить дом», «разрушать дом» — дом здесь объект действий; «жить в доме» — дом является обстоятельством действия жить; «дом находится в конце квартала» — дом выступает как субъект действия.

Еще раз обратимся к семной структуре глагола читать. Семы отразили действие (обобщенно в виде КС и конкретно в виде ИС 'воспринимать'), субъект (в КС), объект (обобщенно в РС и конкретно в ДС 'написанное'), способ осуществления действия (ДС 'произнося вслух или воспроизводя про себя').

3. Слово возникает, создается нами для обозначения элемента ситуации. При этом вначале из ситуации или ряда ситуаций извлекается комплекс сведений об элементе: действие ли это, предмет или пассивный признак предмета, каковы хотя бы некоторые конкретные качества, свойства, черты именуемого явления. Как видим, мы получаем некие заготовки для сем лексического значения будущего слова. Представим себе, что из ряда ситуаций мы вычленили знание «купить много ковров». Обозначено ли это действие у нас в языке особым словом, в отличие, скажем, от действий «купить много хлеба», «купить много книг»? Нет, такого слова у нас нет, и можно спросить, зачем бы это оно нам понадобилось. Не нам, оказыва-

ется, а участникам следующего диалога (беседуют двое о своих соседях по подъезду): «1. Опять они купили ковер. 2. Да они чего это... (*останавливается, подыскивая слово*). 1. Расковрились!»

Глагол расковрились, образованный по образцу глаголов раскричались, размахались, обозначает действие (КС), имеет интегральную сему 'купили' и дифференциальную 'много ковров', семы отразили и свернули в лексическом значении элементы ситуации: действие, объект, количественный признак объекта.

§ 2. Структура словарной статьи и отражение в ней элементов лексического значения слова

Все элементы и все типы лексического значения слова находят отражение в словарной статье толкового словаря. Рассмотрим несколько словарных статей.

Ловкач, -а, м. (разг. неодобр.). Ловкий (во 2 знач.), пронырливый человек, умсющий выгодно устраивать свои личные дела. // ж. ловкачка, -и (СО).

Заждаться, -дусь, -дёшься, -ался, -алась -алось (и -алось); сов., кого-чего (разг.). Устать от долгого ожидания. *Домашние его заждались* (СО).

Дурачина, -ы, м. (Прост. бран.). То же, что дурак (в 1 знач.). *Старика старуха забранила: — Дурачина ты, простофиля! Не умел ты взять выкупа с рыбки!* Пушкин. Сказка о рыбаке и рыбке. [Чебаков:] *Экий дурачина! Вот олух-то!* Воображает, что в него влюбятся! А.Островский. За чем пойдешь, то и найдешь (СЛРЯ-1).

Необычайный, -ая, -ое; -аён, -айна. Исключительный, поразительный. *Необычайное волнение.* // сущ. необычайность, -и, ж. (СО).

Неподалёку, нареч. (разг.). Недалеко, поблизости. *Живет неподалёку* (СО).

Во-первых, выделим основные элементы словарной статьи. Их четыре: заглавие, толкование значения, иллюстрации, система помет. В заглавии представлена материальная оболочка слова. Толкование может быть нескольких типов.

Развернутое толкование представляет собой модель понятийного содержания слова: в словах, из которых составлено такое толкование, отражаются семы лексического значения описываемого слова. В нашем материале развернутое толкование словари дают к словам ловкач и заждаться. Интегральная сема в первом случае обозначена словом человек, во втором — словом устать. Все остальные элементы толкования обозначают дифференциальные семы.

Синонимическое толкование отражает парадигматические связи слова. Поскольку хотя бы один из синонимов получает в словаре развернутое толкование, через синонимические связи словарь тоже дает возможность установить семный состав лексического значения заглавного слова статьи.

В нашем материале синонимические толкования разной формы получают слова дурачина, необычайный, неподалеку. Семный их состав мы можем установить, опираясь на статьи: дурак «глупый человек»; поразительный «производящий сильное впечатление чем-нибудь необычайным, исключительным»; вблизи «на близком расстоянии» (с помощью слова вблизи толкуется наречие поблизости). Развернутое толкование может соединяться с синонимическим.

Иллюстрации показывают синтагматические связи слова. В качестве примеров его употребления могут быть приведены цитаты из литературы и типичные высказывания, составленные авторами словаря.

Пометы делятся на несколько разрядов, каждый из которых отражает тот или иной элемент лексического значения слова. Выделяются пометы грамматические, семантические, стилистические, оценочные, исторические.

Грамматические пометы типа м. (мужской род), сов. (совершенный вид), -ая (окончание женского рода прилагательного) указывают не только на соответствующую грамматическую категорию, но косвенно и на часть речи, к которой относится заглавное слово. Есть в словаре пометы, прямо называющие части речи, например, в нашем материале помета нареч. (наречие). В статье на глагол зажаться есть грамматическая помета кого-чего, она указывает на то, каким падежом существительного управляет глагол, и свидетельствует о том, что данное значение является конструктивно обусловленным.

Семантическая помета перен. (переносное) будет охарактеризована при рассмотрении многозначности.

Стилистические пометы разг. (разговорное), прост. (просторечное), книжн. (книжное) и др. отражают стилистическую окраску слова, т.е. закрепленность его за определенным функциональным стилем.

Оценочные пометы неодобр. (неодобрительное), бран. (бранное), пренебр. (пренебрежительное), шутол. (шутливое) и др. указывают, какую эмоциональную оценку выражает заглавное слово в данном значении.

Исторические пометы нов. (новое), устар. (устаревшее) выделяют новые и устаревшие слова.

Словарь требует очень внимательного чтения; умение пользоваться словарем, правильно истолковывать содержащиеся в нем сведения совершенно необходимо в творческой работе журналиста.

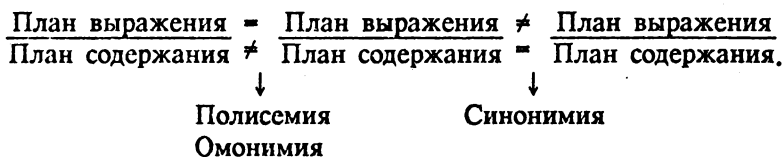
Прежде чем приступить к изложению конкретных вопросов лексикологии, укажем литературу ко всему данному разделу курса.

ЛИТЕРАТУРА

- Калинин А.В. Лексика русского языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978.
Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. М.: Высш. шк., 1989.
Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М.: Просвещение, 1977.
Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.

§ 3. Полисемия

Язык представляет собой естественную знаковую систему, которую никто не создавал сознательно и которая лежит в основе всех искусственных знаковых систем. Возьмем простейшую из искусственных систем — светофор. Красный свет означает «Стой!», желтый — «Внимание!», зеленый — «Двигайся!». Знаки, как видим, однозначны: их форма (цвет) соответствует одному и только одному значению. Язык, однако, устроен не так. Одним из основных законов его функционирования является закон асимметрии языкового знака, по которому с одним звучанием связывается не одно, а несколько значений, а одно значение можно выразить не одним, а несколькими звучаниями. Покажем суть закона схематически:

Итак, если план выражения один, а планы содержания разные, мы имеем дело с многозначностью, полисемией, слова, а также с омонимией. Если же звучания различны, а значения одинаковы или близки, мы имеем дело с синонимией. Эти явления нам и предстоит рассмотреть. Начнем с многозначности.

Большинство слов современного русского литературного языка имеет не одно, а два и более значений, т.е. они многозначны. Несколько значений сохраняются в пределах одного слова до тех пор, пока в сознании носителей языка ощущается смысловая связь между ними, что при анализе можно показать путем обнаружения у значений общих сем (кроме категориальной, конечно). Рассмотрим два слова.

Катить, качу́, ка́тишь; несов. 1. *кого-что*. Двигать, вращая или заставляя скользить по какой-нибудь поверхности, а также двигать предмет, имеющий колеса. *Катить бочку, катить коляску*. 2. Быстро ехать (прост.). *Катить в автомобиле* (СО).

Неумоли́мый, -ая, -ое; -им (книжн.). 1. Такой, которого нельзя упротить, непреклонный. *Неумолимый человек*. 2. перен. Твердый, непреложный. *Неумолимые законы* (СО).

Два значения глагола катить объединены общими семами 'двигаться, скользя по поверхности, вращая колесами', так как ехать означает 'двигаться куда-нибудь при помощи каких-то средств передвижения', но невозможно сказать «Он катит верхом на лошади». Эта невозможность подсказывает, что часть «при помощи каких-то средств передвижения» должна быть сужена, и сужается она за счет сем предшествующего, исходного

значения — именно они перенесены в производное, второе значение. Таким образом, значение 2 лучше сформулировать так, чтобы передать его семный состав: «двигаться с помощью приспособлений, скользящих по поверхности или имеющих колеса» (катить на коньках, на велосипеде, на автомобиле).

Первое и второе значения прилагательного неумолимый также имеют общую сему 'такой, который невозможно преодолеть'.

Несколько значений возникает у слова за счет так называемого переноса. В процессе познавательной деятельности, в результате образного, художественного отражения явлений название может быть перенесено с одного предмета на другой. Иными словами, именуемое явление может получить название не за счет того, что создан новый звуковой комплекс (как в случае с глаголом расковрились), а за счет того, что использован уже имеющийся звуковой комплекс, который наделен новым значением, отнесен к новому предмету. Перенос названия с одного предмета на другой может осуществляться разными способами, которые нам и предстоит рассмотреть, но прежде несколько слов о том, как оформляется многозначное слово в толковом словаре.

Как видно из статей, приведенных выше, значения даются под цифрами 1, 2 и т.д. Особое внимание нужно обратить на расположение помет. Если помета дана перед всеми значениями, она относится к каждому из них. Например, грамматическая помета несов., расположенная перед значениями 1 и 2 глагола катить, указывает, что и в том и в другом значении глагол имеет несовершенный вид. Стилистическая помета книжн., расположенная перед значениями 1 и 2 прилагательного неумолимый, указывает, что стилистически окрашены оба значения этого слова.

Если помета располагается перед одним из значений или после него, она характеризует данное и только данное значение. Например, грамматическая помета кого-что, расположенная перед первым значением глагола катить, указывает, что переходным этот глагол является только в этом значении. Стилистическая помета прост., расположенная после второго значения того же глагола, означает, что только значение «быстро ехать» стилистически окрашено. Семантическая помета перен. говорит о том, что переносным является второе значение прилагательного неумолимый, а первое его значение — прямое.

Типы переносов

Синекдоха. В процессе переноса может произойти сужение или расширение значения: название можно перенести с родового понятия на видовое (сужение) или с видового на родовое (расширение). Семное соотношение значений выглядит при этом так: в толковании производного значения уменьшается или увеличивается объем понятийного содержания слов, обозначающих интегральную или дифференциальную сему, — сигнал того, что появляется или исчезает дифференциальная сема.

- Имение. 1. Поместье, земельное владение с помещичьим хозяйством.
2. Имущество, собственность (устар.) (СО).

Устаревшее значение можно раскрыть так: «то, что человек имеет, чем владеет». Первое же значение в таком случае можно сформулировать следующим образом: «земля, хозяйство, которыми владеет помещик». Мы видим, что интегральная сема устаревшего значения шире по объему, так как под нее можно подвести и землю, и хозяйство, и предприятие, и деньги, и драгоценности. Шире по объему и дифференциальная сема «человек» — владельцем может быть и помещик, и заводчик, и банкир. В современном значении объем сем уменьшился, в слове произошло сужение значения.

Если упростить формулировки значений, суть процесса сужения будет еще явственнее: 1. Собственность. 2. Собственность помещика. Семное соотношение значений при сужении можно изобразить так: $I_1D_1 \rightarrow I_1D_1D_2$.

В приведенном примере любопытно отметить своеобразную капризность языка. Исходное значение устарело, а производное употребляется и в настоящее время, хотя только по отношению к дореволюционной и зарубежной действительности, что обусловлено не языком, а реальным положением дел — отсутствием помещиков в социальной структуре нашего общества. Между тем именно второе значение могло бы сохраниться в активном запасе, так как у нас существует личная, кооперативная собственность, собственность организаций, т.е. мы могли бы говорить «имение клуба», «конфискация имения». Однако это значение вытеснено словом имущество, а вот производное осталось в активном запасе, хотя и относится к устаревшим или чуждым нам реалиям.

Теперь рассмотрим расширение значения.

- Минута. 1. Мера времени, равная 1/60 часа и состоящая из 60 секунд.
2. Короткий промежуток времени, мгновение (разг.) (СО).

В этом слове произошел процесс, обратный рассмотренному. Сформулируем значения так, чтобы было ясно их семное соотношение: «1. Отрезок времени в 1/60 часа. 2. Короткий отрезок времени». Мы видим, что интегральная сема не изменилась, а дифференциальная сема во втором значении стала шире, неопределеннее: когда мы говорим «подожди минуту», мы обозначаем этим словом не только 1/60 часа, но, может быть, и 2, и 3, и 5 таких долей. Еще более упростим толкования: «1. Отрезок времени, короткий, в 1/60 часа. 2. Отрезок времени, короткий». Схематично расширение значения можно показать так: $I_1D_1D_2 \rightarrow I_1D_1$.

Сужение и расширение значения представляют собой первую разновидность синекдохи. Вторая ее разновидность такова.

Новое значение может образоваться в результате переноса названия с части на целое и с целого на часть, с детали на весь предмет и с предмета на деталь. При этом дифференциальная сема исходного значения становится интегральной в производном: $I_1D_1 \rightarrow I_2$ (из D_1).

Час. 1. Промежуток времени в 60 минут. 4. Пора, время (высок.) (СО).

Голова. 1. Часть тела человека (или животного). 4. перен. Человек как носитель каких-нибудь идей, взглядов, способностей, свойств (СО).

Родня. 1. собир. Родственники. 2. То же, что родственник или родственница (разг.) (СО). Переформулируем значения, чтобы было видно их семное соотношение: «1. Группа родственников. 2. Родственник».

Часом мы называем определенную (в 60 минут) часть времени, но можем назвать и время вообще. Сема 'время' переместилась с позиции дифференциальной в первом значении на позицию интегральной во втором. Слово голова обозначает часть тела, но им можно назвать и человека в целом, снова в толковании видно уже знакомое нам перемещение сем. Родней мы называем не только группу родственников, но и часть этой группы — одного родственника.

Таковы разновидности синекдохи. Переходим к следующему типу переноса.

Метонимия. Производное значение часто возникает в процессе переноса названия с одного явления на другое в результате пространственной, временной или логической смежности этих явлений. При этом все семы исходного значения оказываются на положении дифференциальных сем производного значения: $I_1D_1 \rightarrow I_2D_2$ ($D_2 = I_1D_1$). Такой перенос называется метонимией.

Стекло. 1. Прозрачное вещество, получаемое путем плавления кварцевого песка. 2. Тонкий лист или другой формы изделие из этого вещества (СО).

Сформулируем значения так, чтобы отчетливо было видно их семное соотношение: «1. Прозрачное вещество, получаемое путем плавления кварцевого песка. 2. Изделие из прозрачного вещества, получаемого путем плавления кварцевого песка». Хорошо видно, что все семы первого значения стали дифференциальными во втором значении. То же самое наблюдается при любом метонимическом переносе. В следующем примере даем толкования сразу в том виде, когда обнаруживается семное соотношение значений:

Осложнение. 1. Действие осложнить, т.е. сделать сложным, сложнее, отраженное как предмет. *В настоящее время наблюдается осложнение обстановки на Ближнем Востоке*. 2. Явление, событие, которое осложняет, т.е. делает сложным, сложнее, ход дела. *Встретиться с новыми осложнениями в работе*.

Во втором значении выделен элемент, перенесенный из первого значения. Как видим, этот элемент равен всему первому значению слова. Название перенесено здесь с действия на субъект действия (то, что осложняет).

Метафора. Производное значение может возникнуть в процессе переноса названия с одного явления на другое явление в результате сходства этих явлений по какому-то признаку. При этом у исходного и производного значений обнаруживаются общие дифференциальные семы (часто это семы периферийные или даже потенциальные, факультативные, и, чтобы их выявить, нужно переформулировать словарное толкование, в котором эти семы могут отсутствовать). Схема метафорического переноса: И₁Д₁Д₂ → И₂Д₁Д₃.

Луковица. 1. Утолщенная шарообразная, из плотно прилегающих друг к другу листьев обычно подземная часть стебля некоторых растений. 4. Шаровидный церковный купол (СО).

Совершенно очевидно, что название с части растения перенесено на часть архитектурного сооружения по причине сходства этих предметов в форме. Семное соотношение значений демонстрирует совпадение дифференциальных сем (они выделены).

Шут. 1. В старину: лицо при барском доме или при дворце, развлекавшее забавными выходками господ и гостей. 2. Комический персонаж в балаганных представлениях, паяц. 3. перен. Тот, кто балагурит на потеху другим, является общим посмешищем (СО).

Сходные дифференциальные семы выделены. Метафора обнаруживается и с помощью формулировки значения со сравнительным оборотом: шут «3. Тот, кто ведет себя, как шут». Основанием сравнения служит сходство в действиях шута по должности и шута по поведению, по характеру (действия их вызывают смех у окружающих).

Скрипеть. 1. Производить скрип. 2. перен. Продолжать жить, еле поддерживая свое существование (разг. шутол.) (СО).

В той формулировке, какая дана в словаре, сходство дифференциальных сем в значениях не отражено. Переформулируем их: «1. Производить скрип, резкий звук, возникающий при трении, что может быть признаком ветхости, старости. Скрипят двери, старая мебель, старое дерево. 2. Продолжать жить, еле поддерживая свое существование, что происходит от старости, болезни, бедности».

Как видим, сема 'от старости, ветхости' является в первом значении потенциальной, ведь известна масса употреблений глагола скрипеть в первом значении, где нет никакого намека на этот признак (снег скрипит под ногами, новые сапоги скрипят), однако именно на базе потенциальной семы рождается рассмотренное метафорическое значение этого слова.

Словарь отражает разное восприятие производных значений носителями языка.

Во-первых, производные значения могут выполнять чисто номинативную функцию, не обладая никакой выразительностью. В этом случае словарь дает их без специальных помет, просто как очередное значение слова (луковица, катить, имение, осложнение).

Во-вторых, производное значение может ощущаться как выразительное, образное, в этом случае словарь дает помету перен. (голова, шут, скрипеть, неумолимый). Таким образом, эта семантическая помета фиксирует не сам факт переноса в истории слова, а ощущение переноса носителями языка.

В-третьих, если перенос является необычным, не закрепившимся в языке, характерным только для данного текста, словарь это значение не отражает совсем. Перед нами индивидуально-авторское переносное значение слова, один из выразительных словесных присмов. Рассмотрим два примера, взятых из произведений И. Бунина. Из стихотворения «Сатурн»:

Рассеянные огненные зерна
Произрастают в мире без конца,
При виде звезд душа на миг покорна:
Непостижим и вечен труд творца.

Сочетанием «огненные зерна» обозначены в стихотворении звезды, но в языке у слова зерно нет такого значения. Перед нами авторская метафора, так как перенос названия с одного предмета на другой основан на сходстве их формы, а также впечатления от рассыпанных на какой-то поверхности зерен и рассыпанных на темном небе звезд. У слова зерно, кроме значения «плод, семя злаков», есть и значение «небольшой предмет, частица чего-нибудь». Таким образом, в первом значении (а исходным в тексте является именно оно, так как метафора разворачивается: огненные зерна рассеяны, они произрастают, и это труд творца, так же как рассеивание хлебных зерен — труд земледельца) есть периферийная сема 'нечто мелкое', на ее основе произведен языковой перенос, и на ее же основе построена метафора в стихотворении Бунина.

В первом параграфе данной главы у нас шла речь о способах объединения слов разных тем в одном тексте. Были показаны два логических, событийный и образный способы объединения тем. Строки Бунина демонстрируют последний: тема космоса переплетается здесь с темой земледелия за счет того, что слова второй темы метафоризируются и дают развернутую метафору. Развернутый троп — это переносное употребление слов одной тематической группы.

Иного типа случай представлен в бунинском стихотворении «Леса в жемчужном инее. Морозно»:

Леса в жемчужном инее. Морозно.
Поет из телеграфного столба
То весело, то жалобно, то грозно
Звонящим гулом темная судьба.
Молчит и внемлет белая долина.
И все победней, ярче и пышней
Горит, дрожит и блещет хвост павлина
Стоцветными алмазами над ней.

Словосочетанием «хвост павлина» обозначен в тексте Млечный Путь, причем значение это характеризует именно все словосочетание, а не его

опорное слово, поэтому, чтобы показать, что перед нами метафора, нужно толковать значение не слова хвост, а выражения хвост павлина — «хвост, состоящий из перьев с красивым, крупным, ярким рисунком». Млечный Путь — «звездная полоса на небе, причем звезды образуют красивый, яркий узор». Вот на основании этого признака красоты, яркости и произведен перенос названия с одного предмета на другой.

Многозначность и стиль

Научный стиль. Приведем для иллюстрации отрывок из статьи Л.П.Якубинского «О диалогической речи»:

«Мы можем говорить о мимическом, пантомимическом и жестикуляционном «интонировании». Мимика и жесты не являются чем-то посторонним, привходящим, случайным при разговоре, но, наоборот, — сросшимся с ним; даже при диалоге по телефону, когда нет зрительного восприятия собеседника, мимика и жесты часто осуществляются. Очень большое значение при самом говорении имеет восприятие мимики заинтересованности или незаинтересованности. ...Это явление каждый, конечно, наблюдал на себе: тонус речи, «температура» речи различна в зависимости от того, насколько говорящий «подогревается» или «охлаждается» мимикой слушающего».

Проанализируем выделенные в тексте слова.

Сросшиеся, срастись «2. перен. Неразрывно соединиться, оказаться тесно связанным с кем-, чем-либо» (СлРЯ). Словарь дает к слову помету «переносное», фиксируя тем самым факт, что носители литературного языка ощущают образность такого употребления слова. Означает ли это, что научный текст стал экспрессивным? Нет. Слово в переносном значении обеспечивает здесь не выразительность, а краткость и точность изложения. Вместо развернутого выражения «прочно соединившимся» автор использовал одно слово сросшимся, содержание которого читатель воспринимает непосредственно, без актуализации исходного значения «соединиться в процессе роста», поскольку текст совершенно исключает идею «роста»: ни мимика, ни жест, ни разговор не растут, не увеличиваются. Итак, в научном тексте слова могут использоваться в переносном значении не в целях экспрессии, а в целях точности и краткости. При этом факт переноса затухает в сознании читателя, так как контекстом стирается всякий след исходного, прямого значения слова.

Интонирование «действие по значению глагола интонировать — произносить или исполнять что-либо с какой-либо интонацией» (СлРЯ). В тексте мимическое, пантомимическое, жестикуляционное интонирование — произнесение чего-либо с какой-то мимикой, пантомимикой, жестом. Очевиден метафорический перенос названия по сходству явлений в функции: как и интонация, мимика сопровождает высказывание и влияет на его смысл. Автор использует эту метафору, чтобы дать наименование описываемому явлению. В сущности перед читателем три новых терми-

на: мимическое интонирование, пантомимическое интонирование, жестикуляционное интонирование. Следовательно, в научном тексте переносное значение может являться результатом терминирования, образования нового термина для обозначения нового понятия.

Температура «степень нагретости чего-либо» (СлРЯ). В тексте — «степень красноречивости, убедительности, выразительности высказывания». Метафоризация затронула еще два слова: подогревается и охлаждается. Развернутая метафора использована явно в целях выразительности речи. Но от метафоры в художественном или публицистическом тексте такое употребление отличается своей локальностью, одномоментностью действия. У него нет никакой связи с концепцией текста, оно не входит в систему выразительных средств, поскольку таковая просто отсутствует. Единственное назначение рассматриваемой метафоры — подчеркнуть данную авторскую мысль, на целый текст ее влияние не распространяется.

Официально-деловой стиль изредка прибегает к употреблению слов в переносном значении, аналогичному случаю с причастием сросшийся: языковая метафора обеспечивает краткость выражения мысли.

В разговорно-бытовом стиле слова в переносном значении используются для выражения эмоциональной оценки и самооценки, а также в целях обозначения предмета с минимальной затратой времени, когда точное обозначение забылось (субъективная потеря слова) или неизвестно: «А. Ты писал об этом? Б. Где-то я об этом мурлыкнул»; «1. А где же вся эта машина? (= мотор у подвешного холодильника). 2. Да навсрху»¹.

Художественный и газетно-публицистический стили

1. В текстах этих стилей широко используются языковые переносы, причем, в отличие от научного стиля, контекст поддерживает образный смысл, делает более ощутимым то, что в языке, возможно, начало уже стираться. Самым употребительным способом такого поддержания выразительности является семный повтор. Приведем небольшой отрывок из иронической миниатюры И. Бунина «В летний вечер»:

«Дождь перестал. Зелень засверкала, яркая, молодая, обновленная. Весело защелкали птицы. Ласточки, упиваясь безотчетною радостью, топили в чистом воздухе. И солнце догорало тихо и безмятежно. Наступила заря, вся напоенная свежестью и благоуханьем. Да, уже давно не было такого заката! Как хорош был зеркальный затон у подножия старого живописного парка! Как привольно было вершинам столетних пирамидальных тополей в прозрачном весеннем воздухе!»

Выделенное прилагательное зеркальный имеет в тексте значение, зафиксированное в словаре: «2. перен. Обладающий блестящей, гладкой поверхностью» (СлРЯ). Поскольку характеризуется вода, мы понимаем, что речь идет о ее спокойной и блестящей поверхности. Вот эти два смысла — «спокойный» и «блестящий, отражающий» — и передаются в значениях

¹ Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука, 1983. С. 153, 199.

окружающих слов: тихо, безмятежно, напоенный, прозрачный, засверкала, яркая, обновленная.

Далее поведение героев миниатюры описано так: «Жаба сидела на корявом водяном пне, на корнях затонувшей ракиты. Вся она отражалась в зеркальной воде, видела в ней и розовые тоны заката, и синеву глубины отраженных небес — чистый, ясный лик природы»; «Водяная лилия наклонила свою нежную головку, отражаясь в воде». Как видим, повторяется тот же мотив зеркальности, отражения, ясности.

Другой способ подчеркнуть, оживить языковой перенос — это включение его в развернутую метафору, сравнение. Приведем с некоторыми сокращениями отрывок из повести Д.Гранина «Эта странная жизнь»:

«Вникая в Систему Любищева, автор увидел Время словно через лупу: Минута приблизилась; она текла не монотонным, безразличным ко всему потоком — она отзывалась на внимание, растягивалась, как будто перед глазами автора проявилось течение мысли, время стало осмысленным. Если сравнить время с потоком, как это принято было еще у древних греков, то Любищев в этом потоке — гидростанция, гидроагрегат. Где-то в глубине крутится турбина, стараясь захватить лопастями поток, идущий через нас».

Глагол *течь* употреблен в значении «3. перен. Идти, проходить, протекать (о времени, состоянии)» (СО). Однако развернутое сравнение поддерживает в сознании читателя исходное значение «литься, струиться» и делает перенос ярким и выразительным.

II. Художественные и публицистические тексты часто используют индивидуально-авторские переносы, одиночные и развернутые. От употребления в научных текстах такие переносы отличаются тем, что являются частью словесной образной системы произведения и связаны с авторской концепцией, что, отметим, касается и языковых переносов.

Рассмотрим это кардинальное качество образности художественных и публицистических текстов на трех примерах.

В проницательной миниатюре И.Бунина спокойствие и красота пруда, а через них спокойствие и красота вечера подчеркиваются отнюдь не случайно: именно в такой вечер герои повествования гадюка, жаба, улитка, уж и ворона вдруг разнежились и почувствовали себя возвышенными, утонченными натурами. Проницательный скептик жук говорит им: «Так, так... Все вы прекрасно себя чувствуете и думаете, друзья мои, что нет лучше вас на свете... А знаете что? Не приходит ли вам в голову, что хо-роши-то не вы, а вечер? В этом, знаете ли, большая запятая!» В тексте возникает оценочный контраст, и рассмотренные языковые средства в нем участвуют.

Развернутое сравнение из повести Д.Гранина используется для формулировки главной мысли, входит в цепочку ключевых слов, ведь герой повествования тем и интересен, что развил в себе способность как бы ощущать ход, течение времени.

Роль индивидуально-авторского переноса покажем на примере рассказа А. Платонова «Песчаная учительница». В заголовок вынесено ключевое сочетание текста, прилагательное *песчаная* употреблено в нем метонимически, общий его смысл можно сформулировать так: «имеющая отношение к песку». В прямых значениях слов, составивших заголовок, общего нет, заголовок выглядит необычным и неясным. Лишь по мере чтения он расшифровывается и наполняется все новыми смыслами: «учительница, живущая в песчаной пустыне», «учительница, преобразующая песчаную пустыню», «учительница, помогающая крестьянам жить в песчаной пустыне», «учительница, готовая всю свою жизнь посвятить людям, живущим в песчаной пустыне». Таким образом, весь сюжет, все действия героини фокусируются в заголовке.

III. Многозначность используется в художественном или публицистическом тексте для создания игры слов, намеренной двусмысленности высказывания. Содержательная роль приема различна.

1. Прежде всего игра слов используется в каламбуре, с установкой на комический эффект — на обнаружение и отрицание какого-то негативного момента. Техника построения каламбура двойная. Первый способ заключается в том, что слово дважды употребляется в разных значениях, причем так или иначе эти употребления связываются в памяти читателя и оттеняют друг друга. Например, в следующем фрагменте из «Двенадцати стульев» связь возникает потому, что один герой повторяет слова другого героя:

«Клавдия Ивановна продолжала: — Я видела покойную Мари с распущенными волосами и в золотом кушаке. <...> Владельцев «Нимфы» было трое. Они враз поклонились Ипполиту Матвеевичу и хором осведомились о здоровье тещи. «Здорова, здорова, — ответил Ипполит Матвеевич, — что ей делается? Сегодня золотую девушку видела, распущенную. Такое ей было видение во сне». Три «нимфа» переглянулись и громко вздохнули».

Определение *распущенный* употреблено дважды, причем если в первом случае мы безоговорочно понимаем его как «освобожденный от чего-то связывающего, ослабленный», то во втором случае мы вольны толковать его и как «безнравственный», потому что чувствуем, что герою очень хочется хоть как-то обругать свою тещу, а нам, читателям, очень хочется, чтобы герой раскрылся в своих отрицательных качествах и стал смешным. Таким образом, установка на смешное есть — и перед нами каламбур. —

Второй прием построения каламбура — это употребление многозначного слова один раз, но так, что за счет смыслового согласования с разными словами текста активизируются два его значения. Вот каламбур из книги Э. Кроткого «Отрывки из ненаписанного»: «Дети — цветы жизни. Не давай, однако, им распускаться». В соседстве со словом *цветы* глагол *распускаться* реализует значение «раскрыться», а смысловая связь со словом *дети* заставляет его актуализировать и другое значение: «3. перен. Стать недисциплинированным, избаловаться» (СО). Очевидна установка на ко-

мическое: в поэтическом штампе сатирик обнаруживает возможность неожиданного и резко отрицательного результата и предостерегает нас от него.

2. Если установки на комическое нет, то игра слов воспринимается как остроумное выражение мысли, особый «блеск» высказывания. Приведем отрывок из серенады Дон-Жуана (пьеса А.К.Толстого «Дон-Жуан»):

От Севильи до Гренады,	Много крови, много песней
В тихом сумраке ночей,	Для прелестных льется дам, —
Раздаются серенады,	Я же той, кто всех прелестней,
Раздается стук мечей,	Песнь и кровь мою отдам!

Выделенный глагол употреблен сразу в двух значениях: «течь, струиться» и «раздаваться, разноситься», однако комического эффекта не возникает, поскольку не обнаруживается никаких недостатков, которые надо обличить с помощью смеха.

3. Игра значений иногда используется автором для выражения глубокого художественного смысла. В романе Ф.М.Достоевского «Идиот» повествователь рассуждает о князе Мышкине:

«Казалось бы, разговор князя был самый простой; но чем он был проще, тем и становился в настоящем случае нелепее, и опытный камердинер не мог не почувствовать что-то, что совершенно прилично человеку с человеком и совершенно неприлично гостю с человеком. А так как люди гораздо умнее, чем обыкновенно думают про них господа, то и камердинеру зашло в голову, что тут два дела: или князь так какой-нибудь потаскун и непременно пришел на бедность просить, или князь просто дурачок и амбиции не имеет, потому что умный князь и с амбицией не стал бы в передней сидеть и с лакеем про свои дела говорить, а стало быть, и в том и в другом случае, не пришлось бы за него отвечать?»

В тексте сталкиваются два значения слова человек: «мыслящее существо» и «слуга, лакей». Игра значений выражает глубокий смысл: князь Мышкин во всех своих ближних видит человека, существо равное себе. Это одна из самых замечательных черт главного героя романа.

Еще сложнее другой случай игры слов в том же произведении. Описывается первый визит князя Мышкина к Епанчиным:

«— Чужое меня убивало. Совершенно пробудился я от этого мрака, помню я, вечером, в Базеле, при въезде в Швейцарию, и меня разбудил крик осла на городском рынке. Осел ужасно поразил меня и необыкновенно почему-то мне понравился, а с тем вместе вдруг в моей голове как бы все прояснело.

— Осел? Это странно, — заметила генеральша. — А впрочем, ничего нет странного, иная из нас в осла еще влюбится, — заметила она, гневно посмотрев на смеявшихся девиц. — Это еще в мифологии было. Продолжайте, князь.

— С тех пор я ужасно люблю ослов. Это даже какая-то во мне симпатия. Я стал о них расспрашивать, потому что прежде их не видывал, и

тотчас же сам убедился, что это преползнейшее животное, рабочее, сильное, терпеливое, дешевое, переносливое; и чрез этого осла мне вдруг вся Швейцария стала нравиться, так что совершенно прошла прежняя грусть.

— Все это очень странно, но об осле можно и пропустить; перейдемте на другую тему. Чего ты все смеешься, Аглая? И ты, Аделаида? Князь прекрасно рассказал об осле. Он сам его видел, а ты что видела? Ты не была за границей?

— Я осла видела, тамап, — сказала Аделаида.

— А я и слышала, — подхватила Аглая. Все три опять засмеялись. Князь засмеялся вместе с ними.

— Это очень дурно с вашей стороны, — заметила генеральша, — вы их извините, князь, а они добрые. Я с ними вечно бранюсь, но я их люблю. Они ветрены, легкомысленны, сумасшедшие.

— Почему же? — смеялся князь, — и я бы не упустил на их месте случай. А я все-таки стою за осла: осел добрый и полезный человек.

— А вы добрый, князь? Я из любопытства спрашиваю, — спросила генеральша.

Все опять засмеялись.

— Опять этот проклятый осел подвернулся; я о нем и не думала! — вскрикнула генеральша. — Поверьте мне, пожалуйста, князь, я без всякого...

— Намека? О, верю, без сомнения!

И князь смеялся не переставая».

Разговор, как видим, все время соскальзывает со значения осел «животное» на значение осел «глупый человек». Это происходит то нечаянно, то откровенно нарочито. Зачем это понадобилось художнику? Известно, что человека характеризует поступок. Героя романа надо было поставить в такую ситуацию, чтобы он прошел некую проверку на искренность или фальшь. Словно по лезвию ножа идет он в этом разговоре. Достаточно ему заподозрить собеседников в желании оскорбить его, князя, достаточно обидеться, испугаться за свою репутацию, достаточно хоть немного покривить душой, самому попытаться обойти разговор об осле — и читатель поймет, что перед ним обыкновенный мелкий человек. Однако герой ничего подобного не совершает: он думает только о своем рассказе, о том, чтобы правдиво передать свои давние переживания. Он не обойдет осла, если там, в Швейцарии, он этого осла видел. Он не будет, еще не зная людей, сразу подозревать их в душевной грубости. Наконец, он умеет посмеяться над собой. Вот какие качества раскрывает в герое этот разговор об осле. В глубины характера ведет словесная игра. Поэтому с полным удовлетворением мы воспринимаем окончательный приговор в данном эпизоде: «Да и об осле было умно, — заметила Александра».

4. Тропы могут участвовать в создании национального колорита изложения. В повести Ю. Шесталова «Синий ветер каслания» так описывается костер:

«На обугленной перекладине висит котел чернее темной ночи. Его кусают красные лисицы. Котел шипит, дымит паром... Ноздри щекочет запах свежего оленьего мяса. Вокруг костра сидят олениводы. Они смотрят на пляску красных лисиц, греются их теплом и слушают шипенье костра. В эту музыку осторожно влетают свои мысли».

ЛИТЕРАТУРА

Харченко В.К. Переносные значения слова. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989.

§ 4. Омонимия

Омонимия — это еще одно проявление закона асимметрии языкового знака. Как и многозначность, омонимия заключается в единстве плана выражения двух и более единиц и в различии плана содержания. Но она глубоко отлична от многозначности: если носители языка осознают семную связь значений многозначного слова, то они совсем не ощущают связи между значениями двух омонимичных слов. Омонимы — одинаково звучащие слова, значения которых либо никогда не были связаны общими семами, либо утратили эту связь в процессе развития языка. Словарь дает омонимы в самостоятельных статьях и нумерует не значения внутри статьи, а сами статьи с помощью индексов у заглавных слов:

Колоть¹. Раздроблять, рассекая, делить на куски (СО).

Колоть². 1. Касаться чем-нибудь острым, причиняя боль. 2. Убивать чем-нибудь острым. 3. перен. Язвительно задевать, упрекать (разг.) (СО).

Словарь, однако, отражает далеко не все омонимы. Почему это происходит, мы поймем, когда выясним, какие типы омонимов существуют в языке.

Две классификации омонимов. Поскольку изменяемое слово представляет собой совокупность грамматических форм, можно предположить, что не обязательно все формы обоих слов совпадут по звучанию. Есть в языке и неизменяемые слова, у которых одна грамматическая форма. Учитывая это многообразие, мы можем классифицировать омонимы прежде всего по степени совпадения звучания их грамматических форм.

Выделяются омонимы полные и неполные. К полным омонимам относятся прежде всего одинаково звучащие неизменяемые слова: но «противительный союз», но «мсждометие, понукание лошадей»; никак «нареч. Никаким образом» (СО), никак «вводн. слово. Кажется, как будто» (СО). Они немногочисленны в нашем языке. Гораздо больше полных омонимов среди изменяемых слов, например: массировать «делать массаж», массировать «сосредоточивать в одно место (войска, артиллерийский огонь)» (СО); дождевик «гриб», дождевик «плащ».

Неполные омонимы также делятся на две группы. К первой относятся слова одной части речи, у которых совпадают по звучанию части их грамматических парадигм, одноименные формы. Например, у слов точка «действие точить, отраженное в языке как предмет» и точка «след от острия» совпадают по звучанию формы единственного числа. Во множественном числе совпадения нет по той причине, что у первого слова как абстрактного существительного нет форм этого числа. Существительные образ «икона» и образ «представление» имеют совпадающие по звучанию формы единственного числа, а во множественном первое звучит как образа́, образо́в, второе — как образы, образов.

Вторая группа неполных омонимов представляет собой случайное совпадение звучания одноименных или неоднoименных форм: нагоняй — существительное, нагоняй — глагол в повелительном наклонении; плод и плот в именительном падеже единственного числа, но уже в родительном (плода, плота) сходство исчезает. Сравним также существительное туша, у которого именительный единственного омонимичен родительному единственного слова туш, а отдельные формы других падежей звучат так же, как формы существительного тушь.

Такова первая классификация омонимов. Вторую осуществим по их изображению на письме. Напомним еще раз, что звучат омонимы одинаково, а вот на письме, как видно из уже приведенного материала, они могут совпадать и не совпадать: образ и образ, туш и тушь. Первая пара — омографичные омонимы, вторая — неомографичные омонимы.

Источники омонимов. Живой язык постоянно пополняется омонимами как за счет внешних, так и за счет внутренних источников. Внешние источники — это заимствования, в результате которых появляются одинаково звучащие слова: тик «подергивание мышц» — фр. *tic*; тик «ткань» — голл. *tijk*, англ. *tick*; тик «дерево» — англ. *teak*.

Внутренние источники — это фонетические и словообразовательные процессы, приводящие к появлению одинаковых звуковых комплексов, а также процессы семантические, в результате которых у двух значений одного слова утрачивается связующее их смысловое звено и слово распадается на два омонима. Например, формы нарой — глагол в повелительном наклонении и норой — существительное в творительном падеже звучат одинаково только в условиях акающего произношения, если человек окает, этих омоформ в его речи нет. Омонимы замотать «начать мотать» и замотать «навить что-то вокруг чего-то» отражают омонимичные значения приставки за-. Омонимы плавить «сплавлять по воде» и плавить «делать жидким» в прошлом были одним словом, которое означало «заставлять что-либо плыть»¹.

Различение омонимов в речи. Поскольку омонимы относятся чаще всего к разным тематическим группам, то сам тематический набор слов в

---

¹ Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971. С. 340.

тексте подсказывает значение омонима. Например, если статья посвящена вопросам качества продукции, то слово брак скорее всего будет выступать в ней в значении «отступление от стандарта, нормы». Если же статья посвящена проблемам семьи, воспитания детей, естественно ожидать в ней слово брак в значении «супружеские отношения».

Если омонимы относятся к одной тематической группе или являются межтематическими словами, то их значение подсказывается адресату семантическим согласованием — выбирается то значение, которое обеспечивает повторяемость сем в связанных друг с другом словах. Отметим, что в первом случае семантическое согласование, конечно, тоже присутствует, просто «смысловое ожидание» складывается раньше, чем начинают действовать межсловные семантические связи внутри предложения с омонимом. Вернемся к согласованию. Рассмотрим омонимы раздаться «растолстеть» и раздаться «прозвучать». Оба слова могут быть употреблены в одном и том же разговоре, но их лексическое окружение, с которым они будут связаны семантическим согласованием, ясно покажет слушателю, как нужно понимать значение звукового комплекса: «Вдруг раздался звонок в дверь», «Уж очень он раздался».

Стилистическое использование омонимов. На омонимии часто строятся каламбуры, техника их построения та же, что и при полисемии. 1. Каждый омоним употреблен самостоятельно, с установлением связи между контекстами:

«„Пивной зал“ был похож на баню — дикая жара, стены из белого кафеля и столы из мраморной крошки. Густой табачный дым вполне заменял клубы пара, пивная пена — мыльную, пиво лилось, как вода, и действительно, воды в нем хватало, но особенно дополнял сходство глухой гомон голосов. При входе в „Пивной зал“ посетитель инстинктивно оглядывался, ища глазами шайку. Шайка здесь тоже была — ее возглавлял Филипп Картузов». (Э. Брагинский, Э. Рязанов. Берегись автомобиля!)

2. За одним звуковым комплексом скрыты значения двух омонимов: «Короли и дворники равно должны заботиться о блеске своего двора» (Э. Кроткий).

Комический эффект рождается в таких каламбурах за счет неожиданного сближения далеких тем: «баня» и «жулики», «король» и «уборка улиц». На том же основан комический эффект так называемой каламбурной рифмы — точного словесного созвучия концов стихотворных строк. Один из героев пьесы «Гражданский брак» распевает такие куплеты:

Чтоб сегодня мы у крали
Да сердечка не украли, —
Было бы смешно!

Благо путь отличный, санный —
Укачу в Казань я с Анной!..
Это решено!

(Г. И. Жулев)

Как видим, рифма здесь возникает не потому, что одинаково звучат ударный и заударный конечные слоги, а потому, что созвучны значимые единицы конца строк — слова и группы слов.

Мы рассмотрели первое проявление закона асимметрии языкового знака, когда при единстве звучания различны значения. Переходим к другому проявлению того же закона.

§ 5. Синонимия

В случае синонимии один план содержания связан с разными планами выражения. Синонимы — это слова, различающиеся по звучанию, но имеющие либо тождественные значения, либо значения с таким различием, которое исчезает, нейтрализуется в части контекстов. Таким образом, синонимы обладают способностью заменять друг друга хотя бы в части высказываний без изменения их логико-предметного содержания.

Классификации синонимов. По соотношению понятийных содержаний различаются синонимы полные и неполные. У полных понятийное содержание одинаковое, у неполных есть различия в дифференциальных семах. Сводятся различия к тому, что, во-первых, один из синонимов имеет данную дифференциальную сему, а другой лишен ее: ИД₁ — ИД₁Д₂; во-вторых, синонимы включают в себя разные дифференциальные семы: ИД₁ — ИД₂. Сравним значения синонимов в статье «Выговор»:

«Выговор, внушение, нагоняй (разг.), проборка (разг.), разнос (разг.), нахлобучка (разг.), взбучка (прост.), головомойка (разг.), баня (разг.), фитиль (прост.). Порицание поведения, поступков и т.д., неудовольствие поведением, поступками и т.д., выражаемое кому-либо в устной и реже письменной форме. Выговор — строгое порицание поведения, поступков и т.п.; внушение — порицание поступков, поведения и т.д., выражаемое кому-нибудь с целью предостеречь от подобного поведения; все другие слова употребляются в обиходно-разговорной речи с усилительным значением как синонимы слова выговор: проборка, головомойка, баня — основательный выговор с резкой оценкой поведения; нагоняй и в особенности разнос — строгий выговор в резкой и иногда грубой форме; нахлобучка, взбучка — резкое порицание поведения; слово фитиль имеет жаргонный характер» (СС-2).

Синонимы выговор, с одной стороны, и нагоняй, проборка, разнос, нахлобучка, взбучка, головомойка, баня, фитиль, с другой, различаются тем, что к содержанию слова выговор в остальных словах добавляется сема 'в большой степени', а в синонимах нагоняй и разнос еще и сема 'резко, грубо'. Слова выговор и внушение различаются также дополнительной семой во втором синониме: 'предупредить такое поведение'. Слова внушение, с одной стороны, и нагоняй, разнос, с другой, различаются не добавлением новых сем, а сменой их: в слове внушение есть сема, указывающая на цель действия, в словах нагоняй, разнос есть семы, указывающие на интенсивность и форму действия.

Синонимы могут отличаться друг от друга наличием и отсутствием

оценочной или стилистической окраски, что хорошо видно из приведенного материала, ср.: выговор и нахлобучка.

По синтагматическим свойствам синонимы могут быть взаимозаменяемыми в любых контекстах, взаимозаменяемыми в части контекстов и взаимозаменяемыми при условии грамматической перестройки контекста.

Первый случай. Словарь сообщает, что синонимы мировой и всемирный свободно замещают друг друга, лишь в некоторых сочетаниях закрепилось одно из слов, например, в словосочетании терминологического характера мировая война, причем сочетание всемирная война тоже возможно, но оно нетерминологично, экспрессивно (СС-2).

Второй случай. В синонимическом ряду «Выговор» слова заменяют друг друга лишь в части контекстов. Так, можно сказать задать баню, взбучку, головомойку; учинить разнос, головомойку, но не «задать выговор», «учинить внушение». Словарь дает такую иллюстрацию: «Из корпуса по проводу пришла резкая нахлобучка за невыполнение точного приказа комкора» (СС-2). В этот текст можно поставить синонимы: «пришел резкий выговор, пришло резкое внушение, нагоняй, разнос, взбучка», даже, может быть, «головомойка», но не «пришла резкая баня». Как видим, на сочетаемость влияет ощущение нами, носителями языка, образного происхождения синонимов, а также традиционной закреплённости их за некоторыми контекстами.

Третий случай. Перестройка контекста требуется тогда, когда синонимы обладают разным управлением. Рассмотрим такой ряд: «Касаться, прикасаться, притрагиваться, дотрагиваться, трогать, затрагивать. О прикосновении к кому-, чему-либо» (СС-2). Далее в словаре указано управление: касаться кого-чего, прикасаться к кому-чему, притрагиваться к чему, дотрагиваться до чего, трогать кого-что, затрагивать что. У этих слов разное управление, поэтому при замене одного синонима другим необходимо перестраивать контекст, меняя падеж зависимого от глагола имени: его рука касается стола, прикасается к столу, дотрагивается до стола.

Синонимический ряд. Синонимы в языке образуют группы, называемые синонимическими рядами. Ряд синонимов возглавляется словом-доминантой. Оно воплощает основную идею ряда, нейтрально по окраске (если только не окрашен весь ряд) и обладает способностью заменять в контексте остальные синонимы. Между членами ряда такой взаимозаменяемости может и не быть, да и на место доминанты способен стать не каждый член ряда. Рассмотрим такой ряд:

«Идти, шагать, вышагивать, ступать, выступать, шествовать, переть (прост.) и переться (прост.), топать (прост.). Передвигаться, делая шаги. Идти — основное слово для выражения значения; шагать — идти широким, обычно размеренным шагом, иногда слово полностью совпадает по значению с идти, приобретая в этом случае разговорный характер, а в

повелительной форме — оттенок грубоватого побуждения к действию; ступать обычно сопровождается какой-либо характеристикой: осторожно, неторопливо, тяжело и т.д.; слово вышагивать близко по значению к шагать, но иногда подчеркивает торжественность, достоинство, с которым кто-либо идет, и в этом случае имеет обычно шутивно-иронический или пренебрежительный оттенок; шествовать, выступать — идти важно, с достоинством, обычно не спеша, оба слова характерны преимущественно для литературно-книжной речи, часто употребляются шутивно-иронически; переть и переться — идти куда-либо далеко, на большое расстояние, оба слова имеют грубоватый характер; слово топать близко по значению к идти, но имеет грубовато-фамильярный характер» (СС-2).

Как видим, только глагол идти просто выражает значение «передвигаться, делая шаги», все остальные синонимы так или иначе идею ряда обогащают. Глагол идти может заменить любой глагол в высказывании, не меняя предметно-логического его содержания, хотя экспрессивность, наглядность, конечно, может уменьшиться: «Он важно вышагивает» — «Он важно идет»; «Не хочется переться так далеко» — «Не хочется идти так далеко»; «Он ступает осторожно» — «Он идет осторожно». Но члены ряда не всегда способны заменить друг друга в контексте: «Он шествует важно» — но не «Он топает важно»; «Он ступает осторожно» — но не «Он прется осторожно».

Материал демонстрирует и еще одно важное свойство синонимического ряда — его грамматическое единство. В ряду объединяются слова одной части речи с комплексом одинаковых грамматических признаков. Например, в глагольном ряду все члены имеют один и тот же вид: в ряду «Идти» — несовершенный, в ряду «Изъездить» (избороздить, исколесить, искрестить) — совершенный. Если в ряд входят прилагательные, они все будут либо качественные, либо относительные, если в ряд входят существительные, все они будут одного лексико-грамматического разряда: одушевленные или неодушевленные; конкретные, абстрактные, вещественные или собирательные. Таким образом, разрядные и категориальные семы в синонимах совпадают.

Стилистическое использование синонимов. Их функции многообразны.

I. Назначение синонимов заключается прежде всего в том, чтобы обеспечить точность выражения авторской мысли. Из синонимического ряда для этого выбирается наиболее подходящий синоним. Проанализируем часть словарной статьи на такой синонимический ряд: «Круг, сфера, мир. Совокупность лиц, образующих отдельную общественную группировку на основе общности социального положения или профессиональных интересов, занятий» (СС-2). Все три слова характеризуются как книжные. Рассмотрим несколько иллюстраций из этой статьи.

«Клим Иванович Самгин с удовольствием узнал немало интереснейших новостей из жизни высших сфер» (М.Горький). В этом предложении возможна замена слова сферы словом круги: «из жизни высших кругов».

Но слово сфера более образно в данном тексте, поскольку участвует в создании иронической окраски повествования, чего нельзя сказать о слове круги.

«Нужна, что ли, простому человеку война? Ее, конечно, ведь из высших кругов люди начали» (С.Н.Сергеев-Ценский). Снова возможна замена слова круги словом сфера: «люди из высших сфер». Но, сохраняя логический смысл, мы нарушаем разговорную окраску текста: книжность слова круги, оказывается, гораздо меньше, чем у слова сферы, поэтому первый синоним лучше совмещается с разговорным что ли, с несколько хаотичным, как в разговорной речи, размещением слов во втором предложении. Сравним нейтральное размещение: «Ведь ее начали, конечно, люди из высших кругов».

«Слухи о темных делах, творящихся в городе, достигли деловых сфер столицы» (А.Н.Толстой). В этом предложении возможно употребление слов круги и мир, так как речь идет о людях, объединенных видом занятий: «достигли деловых кругов столицы», «достигли делового мира столицы». Но снова авторский выбор, скорее всего интуитивный, обусловленный острым языковым чутьем, не случаен: только слово сферы возбуждает у читателя представление о зарождении слухов внизу и о распространении их все выше и шире. Ни один из двух других синонимов никаких пространственных представлений не рождает, хотя количественный смысл (о слухах узнавало все большее число людей разных социальных слоев) каждый из них передает.

II. В тексте может быть представлен фрагмент синонимического ряда.

1. Наиболее часто несколько синонимов вводятся в текст, чтобы избежать буквального словесного повтора, если пишущему требуется обозначить одно и то же явление в соседних или близко отстоящих друг от друга предложениях. Отметим, однако, что у большого мастера такое употребление не бывает чисто механической подстановкой в текст другого слова, поскольку поменять синонимы местами обычно бывает нельзя. Они, конечно, разнообразят речь и устраняют нежелательный повтор, но каждый в своем контексте играет собственную роль, которую другой синоним исполнить не может. Вот небольшой отрывок из романа М.Булгакова «Мастер и Маргарита»:

«— Нет, не могу видеть этого, нет, не могу! — закричала Анна Ричардовна и выбежала в секретарскую, а за нею, как пуля, вылетел и бухгалтер. ...Бухгалтер, чувствуя, что он здесь совершенно лишний, выскочил из секретарской и через минуту уже был на свежем воздухе».

В нескольких строках неудачным выглядел бы повтор какого-то одного слова: «выбежала в секретарскую, а за нею выбежал бухгалтер... выбежал из секретарской». Вместе с тем мы не можем поменять слова местами: «Анна Ричардовна выскочила или вылетела, а бухгалтер выбежал». Употребление глагола вылетел поддерживается сравнением «как пуля», ни выбежал, ни выскочил здесь не подойдут. Выскочил само по себе хорошо пе-

редает скорость, стремительность действия и удачно сочетается со следующей временной деталью «через минуту был на свежем воздухе». Слово выбежала рисует телодвижение и объединяется с констатацией другого действия героини — закричала: она бежала крича. Два других синонима менее наглядно передали бы единство этих действий.

2. Синонимы используются для построения ряда синтаксических фигур. Во-первых, это две фигуры, функцией которых является подчеркивание признака. Они представляют собой ряд однородных членов. В одном случае он состоит из слов с тождественным значением — фигура накопления синонимов, в другом — из слов, обозначающих разные степени одного и того же признака, — фигура градации. Пример накопления синонимов: «Когда мы очутились на дороге „туда“, я понял, что „обратно“ для нас вещь весьма проблематичная. Но делать было уже нечего, и даже если бы мы, смалодушничав, издумали повернуть вспять, то выбраться из потока машин, мчащихся, несущихся, летящих, было делом непростым» (В.Зорин. Мистеры Миллиарды). Пример градации: «Только там, где к дороге бросились кучей домишки — те, что поплосше да попоганее, из чайной неслись и крики, и песни; а то будто вымерло село — такой покой, такая дрема повисли в солнечном блеске и треске кузнечиков» (А.Белый. Серебряный голубь).

Во-вторых, синонимы используются для построения фигуры контраста, антитезы. Словарь толкует слово салон так: «Комната для приема гостей в барском доме, гостиная» (СО), т.е. отмечается синонимия слов салон и гостиная. Но А.Блок, характеризуя XIX век, говорит о нем в поэме «Возмездие»:

Век не салонов, а гостиных,
Не Рекамье, — а просто дам.

Он обнаруживает в этих словах различительные признаки, не нейтрализует, а, напротив, подчеркивает разницу: салон «нечто изысканное, утонченное», гостиная «нечто будничное, серое».

III. Было показано стилистическое использование языковых синонимов. Кроме них, автор может прибегнуть к контекстуальной синонимии, в частности, к описательным наименованиям — перифразам. Когда Гамлет говорит: «Еще есть память в разбитом шаре этом» (пер. Б.Пастернака), читатель понимает, что герой имеет в виду голову. Именно перифразы создали своеобразную фразеологию современной газеты, когда без всяких пояснений мы воспринимаем выражение «черное золото» как нефть или уголь, а «голубой экран» как телевизор.

Номинативная цепь текста. Это текстовое явление связано с синонимией, поэтому его рассмотрением мы завершаем раздел. Предмет речи на протяжении изложения нам нужно как-то обозначать. Есть два варианта.

Вариант первый. Представим, что мы создаем более или менее развернутый текст — зарисовку о сталеваре Иванове или рецензию на роман

Сидорова. Мы обозначаем предмет речи в тексте только его прямым базовым именем: «И.И.Иванов», «роман С.С.Сидорова „Восход“» — и перемежаем этот ряд местоименными обозначениями, или субститутами («он»). Такие номинационные цепи встречаются, но довольно редко. Обычно номинационный ряд включает в себя еще и описательные неэкспрессивные обозначения типа «сталевар Иванов», «опытный рабочий», «этот человек», «новое произведение писателя», «этот роман», а также однословные родовидовые соответствия «рабочий», «роман». Так выглядит первый вариант номинационной цепи. Он лишен экспрессии.

Вариант второй. Нередки номинационные цепи, в которые включены экспрессивные обозначения предмета речи. Рассмотрим их на примере романа М.Булгакова «Мастер и Маргарита». Вот несколько фрагментов из первой главы:

«И вот как раз в то время, когда Михаил Александрович рассказывал поэту о том, как ацтеки лепили из теста фигурку Вицли-Пуцли, — в аллее показался первый человек. Впоследствии, когда, откровенно говоря, было уже поздно, разные учреждения представили свои сводки с описанием этого человека. <...> Раньше всего: ни на какую ногу описываемый не хромал и росту был не маленького и не громадного, а просто высокого.... По виду — лет сорока с лишним. Рот какой-то кривой. Выбрит гладко. Брюнет. Правый глаз черный, левый — почему-то зеленый. Брови черные, но одна выше другой. Словом — иностранец. Пройдя мимо скамьи, на которой помещались редактор и поэт, иностранец покосился на них...<...> Иностранец вдруг поднялся и направился к писателям. «Извините меня, пожалуйста», — заговорил подошедший с иностранным акцентом».

Мы знаем, что речь идет о Воланде, но эта базовая номинация будет введена позднее. В первой главе использованы вторичные номинации героя. Кроме приведенных, там есть и такие: неизвестный, непрошенный собеседник, интурист, удивительный иностранец, заграничный чудак, путешественник, иноземец, незнакомец, владелец портсигара, собеседник, мелющий чепуху иностранец, профессор, ученый, странный профессор, полоумный немец, сумасшедший, больной, безумный. Перед нами сейчас два вопроса: что представляют собой эти наименования по своей языковой природе, каков источник этих номинаций, т.е. чем обусловлено многообразие названий?

Вторичные номинации отражают различные признаки именуемого предмета, в данном случае лица: Воланд оказался писателям иностранцем, потом сумасшедшим. Отсюда соответствующие обозначения в тексте. Используются также синонимы этих слов: иноземец, безумный. В номинационный ряд включаются и слова, которые находятся с предыдущими в родовидовых отношениях. Например, больной по отношению к сумасшедшему шире по объему, поскольку сумасшествие — разновидность болезней. Путешественник по отношению к иностранцу в данной ситуации шире по объему, поскольку путешествовать могут и соотечественники

беседующих с Воландом писателей. Интурист по отношению к иностранец, напротив, обозначает вид, так как иностранец может быть и не туристом, а приглашенным для консультации специалистом. В номинационный ряд введены также разнообразные перифрастические обозначения героя, в которых сочетаются выделенные признаки: удивительный иностранец, странный профессор и др.

Механизм введения номинаций из всего сказанного выше вырисовывается достаточно ясно. Развитие сюжета раскрывает в герое все новые и новые признаки, на базе которых и строятся обозначения. Например, рисуется пустынная аллея, в которой наконец появляется кто-то. Этот «кто-то» получает обозначение «первый человек». Повествователь дает описание героя и делает лукаво нелогичный вывод «Словом — иностранец». Тотчас в тексте появляется номинация «иностранец». Воланд достает портсигар и предлагает Ивану Бездомному закурить. И тут же получает наименование «владелец портсигара». В результате складывается номинационная цепь экспрессивного типа, интересная прихотливостью и неожиданностью наименований, в нее включенных.

Члены номинационной цепочки называют один и тот же предмет. У них одинаковая речевая предметная отнесенность, или референтность, поскольку предмет речи по отношению к совокупности его текстовых именовании называется референтом. Означает ли это, что слова стали синонимами? Нет, не означает. В номинационной цепи объединяются и языковые синонимы (иностранец, иноземец; сумасшедший, безумный), и несинонимичные средства (иностранец, профессор, владелец). Объединяются эти разнородные языковые элементы только общей текстовой функцией — отнесенностью к одному референту.

ЛИТЕРАТУРА

Языковая номинация: Общие вопросы. М.: Наука, 1977.

§ 6. Антонимия

Антонимы — парадигматические группировки слов, называющих явления, между которыми человек усматривает отношения противоположности, противоречивости и обратимости, о чем подробнее вы можете прочитать в уже указанной книге Ю.Д.Апресяна «Лексическая семантика».

Отношения противоположности понятий отражаются в таком соотношении семного состава антонимов: одна из дифференциальных сем первого антонима отрицается во втором, все другие семы совпадают: быстрый — медленный. Сформулируем значения так, чтобы было видно соотношение сем: «имеющий значительную скорость» — «имеющий незначительную скорость». Как видим, сема первого слова отрицается во втором.

Отношение противоречивости понятий отражается в антонимической паре так: все семы первого антонима отрицаются во втором, ср.: реальный «действительный, существующий, не воображаемый» — нереальный «недействительный, несуществующий, воображаемый» (СО). Все содержание первого слова отрицается во втором, в последнем элементе направления отрицания обратное.

Отношение обратимости выглядит в лексическом значении антонимов следующим образом: начальные и конечные семы первого члена пары меняют расположение во втором члене: получить — отдать — «не имея, приобрести от того, кто имел, но лишился чего-то» — «имея, лишиться себя чего-то в пользу того, кто, не имея, приобрел это». Мы видим, что семы меняются местами, а процессы имеют обратную направленность: то, с чего начинается один процесс, является концом для другого, и наоборот.

По морфологической структуре антонимы могут быть разнокоренными и однокоренными: свет — тьма, логичный — алогичный.

Антонимы обладают одинаковой сочетаемостью, характеризует их в этом плане то, что они могут употребляться в одном контексте, создавая высказывания с прямым противопоставлением («Река не широкая, а узкая») и со значением полного охвата явления («Пришли все: и большие и маленькие»).

В художественных и публицистических текстах антонимы используются для получения различных стилистических эффектов.

1. Прежде всего это антитеза, передающая контраст между предметами, состояниями, действиями. Контраст передают языковые антонимические пары, как в следующем рассуждении И.Зюсюкина о подростке:

«В этой двойственности — его великое несчастье. Он хочет сделать больше, чем умеет. В этой двойственности — его великое счастье. Видом взрослый человек, он обаятелен и непосредствен, как ребенок. Переживая ренессанс возраста, он сразу и поэт, и политик, и искусствовед, и инженер, и естествоиспытатель, и философ» („Мост через речку детства“).

Контраст, выраженный с помощью антонимов, подчеркнут структурным параллелизмом и одинаковым началом конструкций — анафорой («В этой двойственности — его великое...»).

Для выражения контраста автор может создавать контекстуальные антонимические пары, которые бывают двух видов. Во-первых, это преобразованные языковые пары. Автор в этом случае сталкивает смыслы, которые сталкиваются в языке, но обозначает их другими словами. Вот четверостишие А.Блока:

Пускай и счастье и муки
Свой горький проложили след,
Но в страстной буре, в долгой скуке
Я не утратил прежний свет.

Привычная языковая пара «счастье — несчастье» или «счастье — горе» заменена здесь обновленной «счастье — муки», второй элемент усилен,

слово муки фиксирует более высокую степень душевного переживания лирического героя, чем это делает слово горе. Пара «буря — скука» тоже дает противопоставление явлений, известное языку: «покой — непокой», «беспокойная и спокойная жизнь». Оба элемента интенсифицируют противопоставление.

Во-вторых, авторская антонимическая пара может выражать контраст между явлениями, которые в языке не фиксируются как противопоставляемые, т.е. создается пара антонимов, новая не только по обозначению контрастирующих смыслов, но и по самим противопоставляемым смыслам. Прочтите отрывок из публицистической статьи А.Стреляного «Приход и расход»:

«Для наглядности и сейчас можно бы „товарников“ окрестить „купцами“, а их противников — „кавалеристами“. Оба наименования тогда восходили бы прямо к Ленину: первое — к его расчетам на достоинства купцовских способов хозяйствования, второе — к его нелестным отзывам об охотниках вечно вершить все хозяйственные, политические, культурные дела административно, методом кавалерийских налетов».

Мы никогда не противопоставляли понятия купец и кавалерист. Здесь слова использованы метафорически и обозначают защитников и противников последовательно товарного ведения социалистического хозяйства. Для языка это новое смысловое противопоставление, и обозначения его элементов создают новую антонимическую пару.

2. Художественная и публицистическая литература охотно использует антонимы для описательного обозначения смысла «весь», «всё». Сравним в стихотворении А.Блока:

И я любил. И я изведal
Безумный хмель любовных мук,
И поражения, и победы,
И имя: *враг*; и слово: *друг*.

Если выразить смысл нейтральным способом, будет всего лишь «изведal все». В стихотворении понятие конкретизировано, представлено расчлененно и наглядно: «поражения — победы», «друзья и враги».

3. Как видно из рассмотренного материала, антонимы — это слова одной части речи. Однако в связи с нашей темой нужно сказать, что противопоставление может затрагивать не все слово, а лишь его сему. Например, существительное зима означает «холодное время года, когда наблюдается н и з к а я температура воздуха». А прилагательное жаркий означает «имеющий в ы с о к у ю температуру». В результате такой противопоставленности сем сочетаемость этих слов по норме не предусмотрена. Но экспрессия и состоит в отступлении от нормы, поэтому в художественном или публицистическом тексте мы можем встретить прием, который называется оксюмороном и представляет собой сочетание таких несочетающихся по норме слов. Вот пейзажное описание из романа А.Грина «Бегающая по волнам»:

«Легкий ночной ветер, сомнительно умеряя духоту, кружил среди белого света электрических фонарей тополевый белый пух. В гавани его намело по угольной пыли у каменных столбов и стен так много, что казалось, что север смешался с югом в фантастической и знойной зиме».

С помощью оксюморона здесь раскрывается смысл эпитета «фантастическая зима»: стоит лето, но смешение красок заставляет повествователя вспомнить зиму и с помощью оксюморона нарисовать эту противоречивую картину.

4. В литературе немало произведений, которые характеризуются сквозным контрастом. Он создается не только собственно антонимами, но и актуализацией противоположных сем в неантонимичных словах. Актуализации подвергаются семы и основные, и периферийные, и потенциальные. Рассмотрим стихотворение Ф.И. Тютчева «Волна и дума»:

Дума за думой, волна за волной —
Два проявления стихии одной:
В сердце ли тесном, в безбрежном ли море,
Здесь — в заключении, там — на просторе, —
Тот же все вечный прибой и отбой,
Тот же все призрак тревожно-пустой.

Перед нами лирико-философские размышления о единстве природы и человеческой души, внутренне противоречивых и в этих противоречиях похожих друг на друга. В тексте созданы две линии контраста. Первая передает несходство души и природы с помощью антонимов тесный — безбрежный, заключение — простор. Вторая рисует противоречивость души и природы и в этом их внутреннее родство: антонимы прибой — отбой. Неантонимичные слова актуализируют семы, усиливающие две названные линии контраста: в слове сердце актуализируется сема 'нечто маленькое, ограниченное в размерах', в слове море — сема 'нечто огромное, безмерное'; в словах дума и волна в конце текста актуализируются семы вечности и непостоянства.

В заключение раздела отметим, что антонимы участвуют в реализации закона асимметрии языкового знака на синтаксическом уровне. Когда мы говорим «Брат старше сестры» — «Сестра младше брата», мы отражаем один и тот же фрагмент действительности, одно и то же положение дел. Высказывания эти синонимичны: план содержания у них один и тот же, а планы выражения различны.

В следующих разделах мы будем рассматривать парадигматические группировки слов, связанные с общностью коннотаций.

§ 7. Оценочная лексика

Оценочное содержание включается в лексическое значение слова по-разному.

1. Оценка может выступать на правах дополнительной семы, оценоч-

ной коннотации, что в словаре показывается с помощью особых помет: горлан, горлодер, горлопан «тот, кто громко кричит (прост. неодобр.)» (СО); молокосос «разг. пренебр. Тот, кто слишком молод для суждения о чем-нибудь» (СО); сопляк «прост. бран. То же, что и молокосос» (СО). Напомним также слово юнец.

Обратим внимание на особенность слов этой группы. Они обозначают предметы и явления, сами по себе нейтральные, не содержащие признаков объективно отрицательных или объективно положительных для общества. В самом деле, то, что человек юн, молод и высказывает какое-то суждение (вполне возможно, разумное), то, что человек громко кричит (быть может, по необходимости), — все это само по себе обществом не оценивается. Поэтому в понятийном содержании данных слов нет сем, связанных с оценкой.

Что же тогда стоит за словарными пометами «неодобрительное», «пренебрежительное», «бранное»? За ними стоит субъективное отношение говорящего к данному явлению. Смысл помет к словам, например, сопляк, молокосос можно передать так: «Этот человек молод и высказывает какое-то суждение. Мне этот человек неприятен, я недоволен его высказыванием».

2. Оценка может входить в понятийное содержание на правах семы: прелесть «1. Очарование, вызываемое кем-, чем-нибудь красивым, милым. 2. мн. Приятные, пленяющие явления, впечатления (также ирон.)» (СО); подлый «низкий, в нравственном отношении, бесчестный» (СО). Оценочные семы в значениях выделены.

3. Возможно совмещение обеих этих форм выражения оценки. Данный класс оценочных слов наиболее многочислен. Оценочный признак, вошедший в понятие, совмещается с субъективной эмоциональной оценкой явления: свистопляска «пренебр. Безудержное, разнузданное проявление чего-нибудь отрицательного» (СО); ловкач «разг. неодобр. Ловкий, пронырливый человек, умеющий выгодно устраивать свои личные дела» (СО).

Слова этой группы нередко содержат лишь недифференцированно отрицательную или положительную оценку предмета или человека. Грымза, сволочь, дрянь и другие подобные слова, будучи бранными, выражают значение «очень плохой человек» или «очень плохая вещь», слово прелесть столь же недифференцированно употребляется для наименования предметов, оцениваемых положительно.

4. Особую группу слов составляют наименования оценки: хороший, положительный, плохой, отрицательный, хорошо, плохо. Словарь при толковании их значений приходит к логическому кругу: хороший «обладающий положительными качествами», положительный «обладающий хорошими качествами». Нас такое толкование в данном случае устроить не может, поскольку оно не отличает эти слова от единиц второй группы: наименования оценок описаны так, как будто включают в понятийное содержание оценочную сему. На самом деле этого нет.

Если сформулировать значение слов хороший, положительный как «отвечающий норме», а слов плохой, отрицательный как «не отвечающий норме», то ясно будет видно отсутствие оценочных сем в их понятийном содержании и вместе с тем понятной становится функция этих слов в языке: они сами служат обозначением оценки. Хорошим мы называем то, что соответствует норме: хорошая ткань — прочная, хорошая погода летом — сухая, теплая, зимой — в меру морозная. Плохим мы называем то, что не соответствует норме: плохая ткань — непрочная, некрасивая; плохая погода — дождливая, холодная и т.д.

Названия оценок могут выражать степень их интенсивности: замечательный, отличный, превосходный «очень хороший»; отвратительный, противный «очень плохой».

5. В связи с функционированием языка в сфере массовой информации и пропаганды надо отметить, что слова, включенные в публицистические, общественно-политические тексты, могут втягиваться в поле идеологических оценок. Слова, называющие идеологически оцениваемые понятия (концептуальная лексика газеты), в языковой системе в оценочном плане нейтральны, их значения отражают существенные признаки явления и не включают в себя оценочных сем ни в понятийном содержании, ни в коннотации. Вот, например, определение значения слова демократия: «форма политической организации общества, основанная на признании народа в качестве источника власти, на его праве участвовать в решении государственных дел и наделении граждан достаточно широким кругом прав и свобод» (СлРЯ). В толковании не указаны коннотации, в нем нет оценочных слов, однако в газетном тексте эта единица будет употреблена в ореоле положительной оценки, хотя автор может говорить об ограничении демократии, о недостаточной демократизации и других отрицательных явлениях. Такие слова, не являясь в словаре оценочными, служат базой оценочности в публицистическом тексте.

ЛИТЕРАТУРА

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985.

Солганик Г.Я. Лексика газеты. М.: Высш. шк., 1981.

Телия В.П. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.

§ 8. Стилистические пласты лексики

Слова в своем употреблении по-разному связаны с функциональными стилями литературного языка. Есть слова, которые не закреплены за какой-то одной сферой общения, а одинаково активно используются в текстах всех функциональных разновидностей языка. Они составляют пласт межстилевой, или нейтральной, лексики.

Этой лексике противостоит другая группа — слова стилистически окрашенные. Стилистически окрашенное слово закреплено в своем употреблении за тем или иным функциональным стилем. В словаре на это указывают стилистические пометы: просторечное, разговорное, книжное, специальное, математическое, химическое, официальное, газетное, поэтическое и др. Например: решка «прост. Сторона монеты, обратная гербовому изображению» (СО); ростовой «спец. 1. Относящийся к росту. *Ростовая пора*. 2. Содействующий росту растений. *Ростовые вещества*» (СО).

Приведенные факты и материал, рассмотренный в предыдущем параграфе, показывают, что стилистическая окраска может существовать независимо от оценочной, а может и совмещаться с ней: как разговорные охарактеризованы, например, оценочные слова злюка, мотать, ловкач, молокосос; как просторечные — сопляк, горлопан, горлодер; как книжное — пленительный.

Классификация стилистически окрашенной лексики. Слова, закрепленные за разговорно-бытовым стилем, составляют пласт сниженной лексики, которая по степени своей сниженности делится на разговорную — нормативную, но непринужденную, обслуживающую неофициальное общение, и просторечную — грубоватую, стоящую на грани литературной нормы.

Слова, обслуживающие всю совокупность «книжных» стилей, т.е. все стили, кроме разговорно-бытового, составляют пласт повышенной лексики. В ней выделяется книжная лексика, недифференцированно употребляемая в любом книжном стиле, и лексика частностилевая, обслуживающая один из стилей. Вот примеры книжных слов: сарказм, аспект, гипертрофированный, кардинальный. А вот примеры частностилевой лексики: официально-деловые подопечный, невыезд, невестребованный, платеж, соискание, нападение; газетные военщина, ратный, единение; поэтические хлад, брег, рок.

Научная речь характеризуется употреблением терминов — слов, которые называют понятия, получившие логически выдержанное и системно ориентированное определение (дефиницию). Термины образуют терминосистему данной науки или данной концепции, в составе этой системы они определены через род и видовое отличие и их существенные признаки соотносены с существенными признаками, отраженными в других терминах, так что возникает иерархия: исходные термины — основные термины — уточняющие термины. Нам уже знакомы такие цепочки, например, знак — слово — синоним.

Отметим, что своеобразную терминологию имеет и официально-деловой стиль. Это, во-первых, слова, называющие классы однотипных предметов — «промтовары», «хлебопродукты»; во-вторых, номенклатура, слова, называющие предельно конкретизированные разновидности предметов — объективы И-22, И-50, трансформаторы ТБК-Л, ТВК-70Л2, ТВС-АМ.

Работа со словарем. При работе со стилистически окрашенной лексикой очень важно использовать данные словаря, проверяя свою языковую

интуицию и обогащая свои языковые навыки. Учитывая важность словарной работы по этой теме, продемонстрируем ее методику. Попробуем выписать из данного текста все стилистически окрашенные слова:

«Редакцию журнала тов. Вырубов представляет в виде некоего литературного салона закрытого типа, где собираются и воркуют в безмятежном покое только высокоответственные работники. Двери в редакцию закрыты наглухо, и оставлен только узкий проход, застланный ковровой дорожкой для почетных гостей. Гости беседуют тихо и чинно, а между ними расхаживают редакторы и воскуривают фимиам из благоухающих кадильниц. Закончив составление очередного номера журнала, редакторы спрашивают своих знатных читателей с изысканной любезностью парикмахера:

— Вас не беспокоит, товарищ?

И если никто не обеспокоен, если никто не тревожится, то все обстоит в наилучшем порядке. Главное — покой и никакого повода для недовольства» (Д.Заславский. Эх, дороги!).

Прежде всего напомним, что речь идет о стилистической окраске того значения слова, в котором оно употреблено в тексте. Значит, необходимо, чтобы помета в словаре стояла либо перед всеми значениями, либо перед тем, которое зафиксировано в анализируемом отрывке. Если стилистическая помета у слова есть, но она относится к значению, не подходящему к данному тексту, мы это слово в список не вносим.

Наша работа начинается с того, что мы составляем перечень слов, которые нам кажутся стилистически окрашенными. Расположив слова по алфавиту, обратимся к словарю и выпишем из него сведения, касающиеся интересующих нас слов и их значений. Приводим результаты этой работы (использован словарь С.И.Ожесова):

безмятежный «ничем не тревожимый»;

благоухающий — причастие от глагола благоухать «книжн. Приятно пахнуть»;

ворковать «1. О голубях: издавать свойственные им звуки. 2. перен.

Нежно разговаривать (разг. шутл. ирон.)»;

воскуривать — в устойчивом выражении воскурить фимиам «ирон.

Преувеличенно расхваливать кого-нибудь»;

высокоответственный — в словаре нет;

закрытый «недоступный для посторонних»;

знатный «1. Выдающийся по своей деятельности в какой-нибудь области, такой, о котором знает страна. 2. Принадлежащий к аристократии, к знати (устар.). 3. Отличный, высокий по качеству (прост.)»;

изысканный «книжн. Утонченный, нарядный»;

любезность «1. См. Любезный. 2. Любезная фраза, любезная услуга»;

наилучший «самый лучший»;

недовольство «отсутствие удовлетворенности, отрицательное отношение к кому-, чему-нибудь»;

некий «1. Какой-то, о ком-нибудь, точно неизвестном. 2. То же, что некоторый»;

почетный «1. Пользующийся почетом, заслуживающий его. 2. Избираемый в знак уважения, почета. 3. Являющийся выражением почта. 4. Доставляющий почет, делающий честь кому-нибудь»;

расхаживать «не спеша ходить взад и вперед»;

салон «1. Помещение для выставок, для демонстрации товаров. 2. Комната для приема гостей в барском доме, гостиная (устар.). 3. Политический, литературно-художественный кружок из людей избранного буржуазно-дворянского круга, собирающийся обычно в доме какого-нибудь привилегированного лица (устар.). 4. Внутреннее помещение автобуса, троллейбуса и т.п., где сидят пассажиры (спец.)»;

фиммиам «благовонное вещество для курения. Курить фиммиам кому (ирон.) — льстиво или преувеличенно восхвалять кого-нибудь»;

чинно (переформулируем значение прилагательного чинный применительно к наречию): «отвечая принятым правилам поведения, степенно, пристойно».

Проанализируем наш материал. В соответствии с данными словаря оказались стилистически окрашенными всего три слова этого текста: благоухающий, ворковать в значении 2, изысканный. (Напомним, что у многозначного слова учитывалось лишь то значение, которое дано в тексте. Например, слово знатный в значении 3 просторечное, но в тексте этого значения нет, поэтому его окраска нас не касается.)

Почему же в наш список попали другие слова, почему, несмотря на то что они даны в словаре без стилистических помет, они ощущаются нами как окрашенные, а не нейтральные?

Совершенно очевидно, что это в первую очередь слова, в понятныйное содержание которых входит оценочная сема: знатный в значении 1, любезность в значении 1, почетный в значении 1, чинно, недовольство. Кроме того, это слово наилучший, называющее высокую степень положительной оценки, и фразеологизм воскуривать фиммиам, имеющий в словаре эмоционально-оценочную помету «ироническое». Почти все оценочные слова выражают положительную оценку. Соответствует ли, однако, она сообщаемому? Оказывается, нет. Эти слова употреблены иронически, под видом похвалы они отрицательно оценивают явление, их надо понимать в противоположном оценочном смысле: изысканная любезность парикмахера — это угодливость из желания выгоды себе, а вовсе не собеседнику, как обычно указывается словом любезность; знатные и почетные гости — здесь люди, которые сковывают инициативу широких читательских кругов; беседуют тихо и чинно — решают вопросы келейно; все обстоит в наилучшем порядке — говорится как раз о беспорядке, о нарушении демократии работником редакции; главное — никакого повода для недовольства — говорится о зажиме критики. Понятно, что ирония не может быть нейтральной, это явление экспрессивной речи, в которой есть худо-

жественный элемент. Поэтому мы и воспринимаем перечисленные слова как стилистически окрашенные, хотя эта окраска является не языковой, а контекстуальной.

Теперь становится понятно, почему в наш список попали слова безмятежный, высокоответственный, закрытый, салон в значении 3. Они тоже участвуют в создании иронического эффекта: закрытым салоном называется редакция, которая должна добиваться участия читателей в своей работе, безмятежный покой не соответствует стилю работы любой редакции, высокоответственные работники ведут себя в фельетонной ситуации как раз безответственно, скрывая инициативу читателей.

Осталось два слова: некий в значении 2 и расхаживать. Первое попало в список не случайно: местоимение некий менее частотно, чем местоимение некоторый (по данным «Частотного словаря русского языка», частота первого — 28, а второго — 450), и эта разница может ощущаться как книжность первого местоимения. Кстати, последующая проверка его по синонимическим словарям показала, что оно действительно может быть так охарактеризовано: некий «некоторый» — книжное (СС-1). Глагол расхаживать попал в наш список напрасно, на него как бы упал отблеск иронического контекста, который создает не а г л я д н о е представление о поведении редактора.

Итак, из нашей словарной работы мы можем сделать для себя вывод о том, что стилистическая и оценочная окраска слова может быть и языковой, и контекстуальной. Практическое следствие из этого — со словарем нужно работать не механически, а вдумываясь в получаемые сведения, словарь — это не безапелляционный справочник, а орудие углубленного анализа текста, помогающее выявить тончайшие текстовые преобразования семантики слова. Словарь «не командует», а фиксирует устоявшееся в языке, чтобы на этом фоне мы могли понять живое функционирование слова в речи со всеми его смысловыми изменениями, переносами, рождением новых коннотаций.

§ 9. Стилистическое использование окрашенной лексики

Рассмотрим подробнее стилистическое использование оценочно и стилистически окрашенной лексики.

1. Стилистически окрашенная лексика, в которой могут сочетаться обе окраски, используется в художественной и публицистической речи для имитации (стилизации) в произведении того или иного функционального стиля. Особыми приемами в романе или рассказе, очерке или фельетоне воспроизводятся общие черты имитируемого стиля, чтобы представить читателю, например, научную статью, официальный документ, бытовой диалог или монолог. Обратим внимание на то, что речь идет не о цитировании, в тексте не приводится подлинный документ, а в подражание закономерностям стиля создается вымышленный.

Например, в романе В. Богомолова «В августе сорок четвертого...» имитируются деловые документы:

«Записка по „ВЧ“

Срочно!

Егорову

Для непосредственного руководства розыскными мероприятиями органов НКГБ по делу „Неман“ в Лиду специальным самолетом в 10.30 вылетает первый заместитель Наркома госбезопасности с группой высшего оперативного состава. При отсутствии у местных органов потребного количества автомашин под Вашу личную ответственность предлагаю обеспечить всех прибывших необходимым автотранспортом и немедленно установить с ними тесный контакт для согласованности всех усилий по розыску.

Исполнение донесите.

Колыбанов».

Мы видим здесь названия должностей, документов, официальные наименования действий, обобщающие наименования класса предметов («автотранспорт»), т.е. терминологию официально-делового стиля. Текст включает в себя констатирующую и побудительную части с соответствующим морфологическим и синтаксическим оформлением.

Роль такого документа в составе художественного текста далеко не тождественна его роли в официально-деловой сфере общения. Если реальный деловой документ предписывает определенные действия адресату и предусматривает контроль за их выполнением, то документ в художественном тексте выполняет сюжетобразующую и характерологическую функции: он движет сюжет, вводит информацию о действиях героев, разнообразит способы подачи информации — представим вариант, когда та же самая информация о прибытии новых лиц на место действия изложена не в форме документа, а в авторском повествовании.

Имитируются научные документы. Вспомним чинное, научно выдержанное начало дневника доктора Борменталь в «Собачьем сердце» М. Булгакова. Вот отрывки:

«Показание к операции: постановка опыта Преображенского с комбинированной пересадкой гипофиза и яичек для выяснения вопроса о приживаемости гипофиза, а в дальнейшем и о его влиянии на омоложение организма у людей.<...> 25 декабря. Вновь ухудшение. Пульс еле прощупывается, похолодание конечностей, зрачки не реагируют. Адреналин в сердце, камфара по Преображенскому, физиологический раствор в вену».

Это типичное построение научного текста констатирующего характера: истории болезни, записей хода эксперимента, описаний исходных данных. Много терминологических обозначений предметов и действий, характерные для этого стиля обилие абстрактных существительных. И снова мы видим сюжетоведущую функцию документа — рассказ о событии ведет не автор, а герой, пишущий, как и полагается ассистенту, историю болезни

Шарика-Шарикова. Разумеется, эти сведения могли бы быть поданы и в форме авторской речи (отмечаем это, чтобы еще раз подчеркнуть своеобразие функций документа в художественном тексте).

Большую роль играет в художественном и публицистическом тексте имитация разговорной речи. Здесь нужно обратить внимание на два момента. Во-первых, часто имитируется бытовая речь героя, как в приводимом ниже отрывке из рассказа К.М. Станюковича «Нянька»:

«— Вот хоть бы взять собаку... Лайку эту самую. Нешто она не понимает, как сегодня в обед Иван ее кипятком ошпарил от своего озорства?.. Тоже нашел над кем куражиться! Над собакой, лодыр бесстыжий! — с сердцем говорил Федос. — Небось, теперь эта самая Лайка к кухне не подойдет... И подальше от кухни-то... Знает, как там ее встретят... К нам вот не бонятся!»

Конечно, немалая нагрузка в имитации разговорной речи лежит на синтаксисе. Имитируется ведь устная форма, поэтому в ней короткие, простые по структуре предложения, многоточиями переданы большие паузы, использованы присоединительные конструкции («Лайку эту самую», «И подальше от кухни-то»). Но и лексика отвечает задачам имитации: в тексте немало слов сниженной стилистической окраски: куражиться, небось, нешто, бесстыжий.

Интересное переплетение черт двух стилей возникает, когда имитируется неофициальная речь героя-ученого, вообще специалиста. Такой герой может говорить по вопросам своей профессии и не по служебным вопросам, но в характерологических целях автор насыщает его речь терминами и в том и в другом случае. Вот герои повести Н.Амосова «Мысли и сердце» разговаривают во время операции:

«Пужно усилить сердечные сокращения.

— Введите АТФ и ланакордал. Проверьте после этого все показатели».

Здесь использование терминов обусловлено задачей передать специфику ситуации; устный характер речи имитируется уже знакомыми нам синтаксическими средствами.

А теперь посмотрим, как строятся внутренние монологи врачей в повести Н.Амосова и в романе А.Крона «Бессонница». Герой Амосова не может уснуть и передает свое состояние так:

«Спать, спать, спать... Лежу неподвижно. Торможение должно распространиться от двигательных центров на всю кору. Что-то не распространяется. Спать... спать... Нет, машина работает».

Герой А.Крона переживает встречу с соседом, с которым живет в ссоре:

«Всякий шаг к примирению он воспринимает как слабость. Мы благополучно спускаемся [в лифте]. Из множества таких не поддающихся измерению микрораздражителей, бомбардирующих нашу нервную систему и наносящих микротравмы, рождается утомление».

Согласимся, что только врачи могли так описать привычные житейские ситуации бессонницы или соседской неприязни. Такое использова-

ние терминов выполняет характерологическую функцию, поскольку изображает внутренний мир героев.

Во-вторых, имитация разговорной речи может присутствовать в авторском изложении для создания контактной формы общения с читателем. Автор строит изложение как непринужденную беседу с читателем. Вот отрывок из романа А. Рыбакова «Тяжелый песок»:

«Из трех братьев он единственный был похож на мать, такую сублимную немочку. Старшие братья были в дедушку Ивановского, здоровые, знаете ли, бугаи. Вот фотокарточка: эти двое, в белых шапочках и белых халатах, старшие, видите, мясники. Впрочем, знаменитые на всю Европу хирурги, дело свое знали и делать его умели. А вот карточка моего отца: голубоглазый блондин, изящный, нежный и застенчивый красавчик, мамин и папин любимчик».

Повествователь ведет свою речь так, как будто он находится с читателем за одним столом, рассматривает фотографии и рассуждает со своим собеседником о прошлом. Опять имитируется устная форма, непринужденный диалог, вернее, монолог, обращенный к собеседнику-читателю. Отсюда те же синтаксические черты: короткие предложения, присоединительные конструкции («Впрочем...»), прямые обращения к собеседнику: «знаете», «видите». Используются указательные элементы, подчеркивающие ситуативность речи: «вот фотокарточка», «эти двое», «а вот карточка». И наряду с этим участвуют в имитации слова сниженной окраски: немочка, мясники, красавчик, любимчик.

2. Вторая цель включения иностилевых элементов в художественное или публицистическое произведение — это пародирование стиля. При пародировании характерные черты стиля также воспроизводятся, но в утрированной форме и в контрасте с содержанием и другими языковыми средствами. Целью пародирования может быть как высмеивание недостатков самого стиля (например, сухости официально-делового, непонятности научного, вычурности газетного), так и высмеивание какого-то внеязыкового явления, но с помощью пародирования одного из функциональных стилей. Например, в юмореске А. Галасвой пародируется анкета (повествуется о космических гостях Земли):

«Анкета (форма 0000941/16-34 бис)

1. Кто вы, что вы (згасфоттек, инопланетянин, компьютер, робот, кибер, мираж, дракон, мутант, сатир, сатирик, фантом, кикимора, экстра-сенс, химера, эманация информации)?

2. Фамилия, имя, отчество (изготовитель, серия, личная кличка или номер, исходные хромосомы, предварительное состояние вещества, краткая аннотация).

3. Из чего состоите (материя, антиматерия, вакуум, дух святой — не нужное зачеркнуть)?» (Лит. газ. 1988. 27 апр.)

Комический эффект возникает за счет необычного словесного наполнения привычной формы. Однотемные ряды официальной анкеты (обра-

зование: начальное, среднее, высшее) сменились рядами, в которых переплетаются несколько весьма далеких друг от друга тем (биология, издательское дело, техника, мифология, научная фантастика). Юмореска воспринимается как высмеивание половодья бумаг, встречающих нас на каждом шагу и заставляющих нас сообщать о себе самые разнообразные сведения по самым неожиданным поводам, вроде адреса места работы в направлении на лечебные процедуры.

3. Ярким примером создания комического эффекта является стилистический контраст — объединение в одном контексте слов с повышенной и сниженной окраской. Герой рассказа М.Зощенко «Аристократка» ведет такой диалог:

«... Я говорю хозяину:

— Сколько с нас за скушанные три пирожные?

А хозяин держится индифферентно — ваньку валяет.

— С вас, — говорит, — за скушанные четыре штуки столько-то.

— Как, — говорю, — за четыре? Когда четвертое в блюде находится.

— Нету, — отвечает, — хотя оно и в блюде находится, но надкус на нем сделан и пальцем помято.

— Как, — говорю, — надкус, помилуйте. Это ваши смешные фантазии.

А хозяин держится индифферентно — перед рожей руками крутит.

Ну, народ, конечно, собрался. Эксперты. Одни говорят: надкус сделан, другие — нету».

В этом диалоге забавно сочетаются книжное индифферентно и сниженные элементы, например, просторечное рожка «лицо». Комизм усиливается тем, что не только стилистическая окраска наречия индифферентно, но и его значение «равнодушно, с безразличием» противоречат контексту. Совершенно очевидно, что наш рассказчик смысла слова не понимает и пользуется им лишь из любви к красивому, аристократическому (вспомним заголовок). Таким образом, стилистический контраст выступает здесь как характерологическое средство.

4. На основе стилистических и оценочных коннотаций могут возникать различные образные употребления, в результате которых окрашенное слово начинает выполнять функции ключевого слова текста или его фрагмента, получает прямую связь с главной мыслью, идеей произведения.

Так, рассказ В.Шукшина называется «Срезал», а не «Оборвал», «Смutil», «Поставил в тупик». Разумеется, первое название удачнее двух последних, поскольку точно называет речевое действие героя (смутить или поставить в тупик можно поступком, жестом, а не только словом). Но вот от синонимичного оборвать глагол срезать отличается именно сниженной окраской и оценочной семой в понятийном содержании: срезать «ре з ко и грубо оборвать чью-нибудь речь замечанием, репликой (разг.)» (ТСУ). Вместе с тем значение глагола, вынесенного в заголовок рассказа, не сводится к словарному толкованию, а оценочное содержание его обогащается: слово это воспринимается нами как обозначение бессмыслен-

ного, мелочного и подленького издевательства над человеком, которое превратилось в некий ритуал. Это новое значение подчеркнуто в тексте авторской разрядкой:

«И как-то так повелось, что когда знатные приезжали в деревню на побывку, когда к знатному земляку в избу набивался вечером народ — слушали какие-нибудь дивные истории или сами рассказывали про себя, если земляк интересовался, — тогда-то Глеб Капустин приходил и срезал знатного гостя. Многие этим были недовольны, но многие, мужики особенно, просто ждали, когда Глеб Капустин срежет знатного. Даже не то, что ждали, а шли раньше к Глебу, а потом уж — вместе — к гостю. Прямо как на спектакль ходили».

Вот этот спектакль и называется «срезал». Мы видим, что окрашенное слово называет центральное действие, оно стало ключевым и в значительной степени преобразовало свое значение.

Очень часто наблюдается образное употребление терминов. В стихотворении В. Брюсова «Мир электрона» термин, вынесенный в заглавие, претерпевает полную смену значения. Вот только две строфы:

Быть может, эти электроны —
Миры, где пять материков,
Искусства, знания, войны, троны
И память сорока веков!
Их меры малы, но все та же
Их бесконечность, как и здесь;
Там скорбь и страсть, как здесь, и даже
Там та же мировая песнь.

Для лирического героя электрон — не элементарная частица, а «Вселенная, где сто планет». Стихотворение передает мысль о бесконечности и в то же время единстве мира.

Термин может символизироваться, становиться знаком сложного и значительного явления. В рассказе М. Лоскутова «Психрометр Асмана» повествуется о научной экспедиции, в которой возникает конфликт между шофером и ученым. Шофер заботится о машине, которую, как ему кажется, ученые готовы сокрушить своими многочисленными приборами, а ученые грузят и грузят эти приборы, без которых какая же экспедиция. Психрометр Асмана, прибор для измерения влажности воздуха, весящий всего полкилограмма, становится тем не менее таким яблоком раздора и вызывает взрыв шоферского возмущения («Я же говорю: они нас специально хотят угробить психрометрами Асмана! — говорил водитель»). Но самоотверженная работа ученого переламинает эту неприязнь, один мастер начинает уважать другого мастера. И показан этот перелом опять же с помощью знакомой детали:

«Так у нас появилось на машине дитя. Это психрометр Асмана. Мы пеленаем его в ватник, и держим на руках, и кладем на лучшее место — в бензиновой бочке. ...Ибрагим рассказывает подъезжающим сзади водителям, делая страшные глаза:

— Давай, давай мимо! У нас научно-техническая машина. Вы думаете, мы можем идти так просто, как все? Нет! Там у нас товарищ Асман едет, ай человек! Что ж, такое у нас дело — научная работа... — вздыхает Ибрагим».

Термин психрометр Асмана, в научном тексте неоценочный, здесь приобретает оценочную коннотацию, меняющуюся на протяжении повествования. С позиции героя (шофера) вначале это нечто ненужное, тяжелое, раздражающее, потом — нечто хрупкое, ценное, важное для науки. Термин используется в олицетворении, а в заключительных словах шофера персонажируется. В целом же, повторяем, термин использован как символ — знак сложных отношений людей в конфликте нового и старого.

5. С оценочными словами часто связана ирония. Оценочное слово в ироническом употреблении меняет оценку на противоположную, а именно: слова с положительной оценочностью мы используем по отношению к отрицательному явлению. Н.Г.Чернышевский в статье «Русский человек на rendez-vous» пишет о героях русской литературы:

«Повсюду, каков бы ни был характер поэта, каковы бы ни были его личные понятия о поступках своего героя, герой действует одинаково со всеми другими порядочными людьми, подобно ему выведенными у других поэтов: пока оделенет речи, а надобно только занять праздное время, наполнить праздную голову или праздное сердце разговорами и мечтами, герой очень боек; подходит дело к тому, чтобы прямо и точно выразить свои чувства и желания — большая часть героев начинает уже колебаться и чувствовать неповоротливость в языке. Немногие, самые храбрейшие, кое-как успевают еще собрать все свои силы и косноязычно выразить что-то, дающее смутное понятие об их мыслях; но вздумай кто-нибудь схватиться за их желания, сказать: «Вы хотите того-то и того-то: мы очень рады; начинайте же действовать, а мы вас поддержим», — при такой реплике одна половина храбрейших героев падает в обморок, другие начинают очень грубо упрекать вас за то, что вы поставили их в неловкое положение...»

Определения «храбрейшие, порядочные герои» употреблены иронически, ибо всей статьей Чернышевский показывает, что герои русских повестей в решительные минуты жизни ведут себя отнюдь не порядочно и храбрости особой за ними не замечается. Перед приведенным фрагментом автор даже прямо именует их трусами («Дело кончается тем, что оскорбленная девушка отворачивается от него, едва ли не стыдясь своей любви к трусу» — это о тургеневском Рудине).

6. Слова с резко отрицательной оценочностью могут быть употреблены по отношению к положительному явлению. При особой интонации они в таком случае выражают восхищение, ласку и другие положительные эмоции, хотя и в грубоватой форме. У М.Булгакова в «Собачем сердце» Филипп Филиппович так обращается к Шарику:

«— Р-раздаются серенады, раздается стук мечей! Ты зачем, бродяга, доктора укусил? А? Зачем стекло разбил? А? ... Зина! Я купил этому про-

хвосту краковской колбасы на один рубль сорок копеек. Потрудитесь накормить его, когда его перестанет тошнить».

Бранные слова использованы здесь явно не в полную меру их отрицательной оценочности. Профессор не бранится, а укоряет своего нового жильца, укоры его добродушно-грубоватые.

Такое употребление иногда может стать основой для выражения авторской оценки описанного, как это происходит в уже цитированном рассказе В.Шукшина «Срезал»:

«...Мужики изумленно качали головами.

— Дошлый, собака. Причесал бедного Константина Иваныча... А? Как миленького причесал! А эта-то, Валя-то, даже рта не открыла.

— А что тут скажешь? Тут ничего не скажешь. Он, Костя-то, хотел, конечно, сказать... А тут ему на одно слово — пять.

— Чего тут.. Дошлый, собака!

В голосе мужиков слышалась даже как бы жалость к кандидатам, чувство. Глеб же Капустин по-прежнему неизменно удивлял. Изумлял. Восхищал даже. Хоть любви, ~~положим~~, тут не было. Нет, любви не было. Глеб жесток, а жестокость никто, никогда, нигде не любил еще».

Комментарий писателя хорошо показывает, что бранное слово использовано для выражения восхищения. Вместе с тем писатель вскрывает сложный характер этого чувства, некую его противостественность, ощущение чего-то садистского в увиденном спектакле. Поэтому читатель может ощутить и исходное бранное значение оценочного слова.

7. Отдельно рассмотрим вопрос об организации оценочной стороны газетного текста. Для примера возьмем отрывок из очерка А.Аграновского «Пустырь»:

«Природа не терпит пустоты. Пустыри зарастают. Преимущественно сорняками. Я хочу сказать, что всякое отсутствие информации восполняется слухами. Слухов, полезных нам, не бывает. Слухи бывают только вредными. Таким образом, нужна гласность, только и всего. Нужна обыкновенная информация о жизни. Она должна быть всеобъемлющей, потому что глупо таить от людей то, чего скрыть все равно невозможно. Она должна быть своевременной, потому что грош цена информации, если она ковыляет позади событий, если обнародована, когда уж, как говорится, подопрет. И последнее скромное пожелание: сообщаемые сведения обязаны быть стопроцентно, скрупулезно правдивы.

Конец месяца, мастер просит рабочих задержаться: „План заваливаем, надо, братцы, поднажать!“ Едоковы — люди дисциплинированные, они остаются, „нажимают“, а после, придя домой, включают радио (другой канал информации) и слышат зычный голос начальника цеха: „Встав на трудовую вахту, славный коллектив воробьевцев досрочно выполнил месячный план...“ Пожалуй, после этого они и выверенным цифрам поверят не враз. ...Гласность — оружие обоюдоострое. Убивая слухи, она вместе с тем делает злоупотребления невозможными. Вы понимаете, ко-

нечно, что разговор у нас давно уже не только и не просто о налаживании информации. Речь идет о развитии демократизма, об истинном уважении к людям, о необходимости знать их запросы, прислушиваться к ним, учитывать их».

Базой оценки в публицистическом тексте являются слова, обозначающие идеологически оцениваемые понятия, т.е. концептуальная лексика. К ней относятся здесь слова гласность, демократизм, отсутствие информации, названное в тексте еще и безгласием. В связи с направленностью публицистического текста на убеждение адресата в истинности авторских суждений, невозможно бывает обойтись только этими, как правило, неэкспрессивными и немногочисленными единицами.

Второй пласт оценочных элементов в публицистическом тексте — это оценочные слова, обладающие оценочной коннотацией или оценочной семой в понятийном содержании (что, как уже говорилось, нередко совмещается в одной единице). Поскольку в тексте очерка создан оценочный контраст, слова указанной группы также разделяются в зависимости от знака оценки: отсутствие информации, безгласие порождает слухи, вредные слухи, злоупотребления; гласность связана с правдивой информацией, с уважением к людям.

Третий пласт оценки — образные оценочные средства: безгласие — это пустырь, заросший сорняками, информация при безгласии ковыляет позади событий, гласность — обоюдоострое оружие, убивающее слухи и злоупотребления. Как видим, в тексте несколько развернутых метафор.

Все эти средства в совокупности и позволяют публицистическому тексту донести до читателя социальную оценку анализируемого журналистом факта.

ЛИТЕРАТУРА

Петрищева Е.Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка. М.: Наука, 1984.

§ 10. Фразеология

С рассмотренными ранее языковыми явлениями (синонимией, стилистической и оценочной окраской слова) тесно связаны устойчивые, воспроизводимые единицы, состоящие из двух или нескольких слов, как знаменательных, так и служебных. Эти единицы называются фразеологизмами. Независимо от структуры, они характеризуются сходными функциями и выразительными возможностями, поэтому мы рассмотрим фразеологию в широком смысле, положив в основу описания концепции И.А.Мельчука (Вопр. языкознания. 1960. № 4) и Г.Л.Пермякова (От потешворки до сказки. М.: Наука, 1970).

Каждый фразеологизм можно описать с нескольких точек зрения.

Структурные характеристики. 1. С точки зрения структуры выделяются фразеологизмы двух типов, в зависимости от того, какой свободной синтаксической конструкции они формально тождественны. Фразеологизмы могут структурно представлять собой словосочетания (или конструкции из знаменательного и служебного слова) и предложения. Ср.: лезть в бутылку, на живую нитку, с одной стороны, и как рукой сняло, руки не доходят, с другой.

2. В структурном отношении фразеологизмы могут быть охарактеризованы и по другому основанию, а именно по наличию или отсутствию у них внешнего показателя устойчивости. Различаются фразеологизмы, которые не имеют внешних, формальных признаков устойчивости — руки чешутся, и фразеологизмы, которые имеют такой признак. Таким признаком могут быть: устаревшее слово (попасть впросак), устаревшая грамматическая форма (среди бела дня), устаревший фонетический вариант слова (губа не дура), рифма (дела как сажа бела) и др.

Семантические характеристики. I. Фразеологизм может обозначать понятие или ситуацию. Например, устойчивым сочетанием мягкий знак мы называем букву алфавита, а сочетанием каланча пожарная — высокого человека. Когда же мы говорим камень с души свалился, мы передаем такой смысл: «кто-либо испытывает чувство душевного облегчения, избавления от чего-либо гнетущего» (ФС).

II. В зависимости от того, как соотносятся общий смысл фразеологизма и значения составляющих его слов, выделяются два типа устойчивых сочетаний:

1. Неидиоматические фразеологизмы, общее значение которых примерно равно сумме значений составляющих их слов: нет стыда в глазах «кто-либо бессовестен, бесчестен, непорядочен, бесстыж» (ФС), нет перевода кому-чему «не переводится» (ФС).

2. Идиоматические фразеологизмы, общее значение которых резко расходится с буквальным значением составляющих их слов: лица нет на ком «кто-либо страшно побледнел, осунулся, изменился в лице от чего-либо, обычно от боли, ужаса, волнения и т.п.» (ФС). Фразеологизмы этой группы в свою очередь разделяются на два вида в зависимости от того, понимаем ли мы, почему данное сочетание слов приобрело данное идиоматическое значение:

а) мотивированные идиоматические фразеологизмы, обороты, у которых носителям языка ясна причина связи данного словесного комплекса с данным значением: делить шкуру неубитого медведя «распределять прибыль от еще не осуществленного дела, предпрятия» (ФС). Нам понятно, что это выражение употреблено метафорически, исходное и переносное значения объединены дифференциальными семами 'отсутствие объекта и направленность действия на отсутствующий объект';

б) немотивированные идиоматические фразеологизмы, обороты, у ко-

торых причина их обобщенного значения носителям языка неясна: голод не тетка, собаку съесть.

Функциональные характеристики. Выделяются фразеологизмы номинативные и экспрессивные. Первые лишь называют явление, выступая нередко его единственным прямым обозначением: железная дорога, мягкий знак, анютины глазки. Вторые соединяют номинативную функцию с образностью, оценочностью, стилистической окрашенностью: мылить голову «кому. прост. Сильно бранить, распекать кого-либо» (ФС); и мы пахали «выражение иронии, насмешки и т.п. над тем, кто хочет примазаться к чужой работе, делу» (ФС).

Таким образом, каждый фразеологизм может быть описан по перечисленным признакам. Например: на лбу написано «у кого. Сразу видно, ясно, заметно что-либо по внешнему виду человека» (ФС) — фразеологизм равен словосочетанию, не имеет формальных показателей устойчивости, называет понятие, идиоматический, мотивированный, экспрессивный.

При выделении фразеологизмов в тексте нужно пользоваться либо фразеологическим словарем, либо общим толковым словарем, где фразеология дается под знаком ♢.

Стилистическое использование фразеологизмов. Художественные и публицистические тексты используют фразеологизмы как в их нормативной форме, так и трансформированными.

Непреобразованные экспрессивные фразеологизмы используются так же, как оценочно и стилистически окрашенные слова, т.е. участвуют в стилизации, пародировании, создании иронии, стилистического контраста и т.п. Например, в рассказе В. Шукшина «Шире шаг, маэстро» переживания героя, молодого врача, переданы так:

«Нет, надо все сначала, думал Солодовников. Хватит. Хорошо еще, что институт закончил, пока валял дурака, у других хуже бывает. Он верил, что начнет теперь жить крупно — самое время, весна: начало всех начал. Отныне берем все в свои руки, хватит. Двадцать пять плюс двадцать пять — пятьдесят. К пятидесяти годам надо иметь... кафедру в Москве, свору учеников и огромное число работ... Не к пятидесяти, а к сорока пяти. Придется, конечно, поработать, но... почему бы не поработать!»

Голос повествователя слит с голосом героя, который в этот весенний день вдруг решает изменить всю свою жизнь. Решения хватило, правда, ровно на один этот день, но герой пока об этом не знает и ведет сам-с собой этакий сдержанно-ироничный, мужественный разговор. Во внутренний монолог естественно впадают фразеологизмы: валять дурака — просторечное (СлРЯ), начало всех начал, брать в свои руки. Самокритичный первый фразеологизм хорошо сочетается с двумя другими, чуть повышенными по окраске и передающими тот высокий настрой, в котором находится сейчас наш герой. Таким образом, фразеологизмы участвуют в имитации внутренней речи героя, и функции их не отличаются от функций таких слов, как отныне, свора, метафора крупно.

Однако для стилистики не может пройти бесследно то обстоятельство, что фразеологизм состоит из двух и более слов. Это означает, что он имеет дополнительный источник выразительности — он может быть трансформирован. Способы трансформации различны.

А. Формально-семантическое преобразование фразеологизмов:

1. Во фразеологизм может быть вставлено слово, в результате чего устойчивое выражение конкретизируется применительно к рассматриваемой в тексте ситуации. Вспомним в фельетоне «Лом ломом выбивают» фразу «Все шло, как по писанному в газете». Общий оценочный смысл фразеологизма сохраняется, но он приближен к теме произведения.

2. Тот же эффект приближения к описываемой ситуации дает замена слова во фразеологизме. В упомянутом фельетоне так трансформирован фразеологизм в заголовке, кроме того, напомним еще два выражения из него: «желаемое выдают за сдаваемое», «план или пропал». Снова оценочное содержание устойчивых выражений сохранено, но все-таки понятны они лишь на фоне картины, нарисованной фельетонистом.

3. Фразеологизм может быть сокращен, не договорен до конца, как в том же фельетоне: «Им посочувствовали — и оставили план в силе. А раз сила есть...» Понятно, что мысленно мы заканчиваем высказывание и исход из его содержания оцениваем сообщенное.

4. При сохранении общего смысла во фразеологизме иногда заменяется словесный образ. Например, афоризм Э.Кроткого «Дареному автомобилю в кузов не смотрят» выражает старую истину, так сказать, в терминах нашего времени.

5. Весьма выразителен прием контаминации — объединения в одном высказывании двух фразеологизмов, имеющих общий элемент. В.Зорин в «Мистерах Миллиардах», рассказывая об unsuccessful попытках проникнуть в тайну убийства Дж. Кеннеди, говорит: «Обрублены многие концы и погружены в темные воды». Здесь соединились, наложились друг на друга два фразеологизма: обрубить концы и концы в воду.

Б. Семантическое преобразование фразеологизмов:

1. Прежде всего это буквализация фразеологизма, восстановление его исходного прямого значения и получение в результате всего этого уже знакомого нам присма — каламбура: «Оркестр был так безнадежно плох, что дирижер махнул на него рукой» (Э.Кроткий).

2. Автор может развернуть образ, заложенный во фразеологизме. Рассмотрим отрывок из фельетона Л.Лиходеева «Авгуры»:

«Сидит себе такой жрец в кабинете, смотрит на журавля в небе, а сам при этом держит синицу в руках. То есть, научно говоря, кормится при своем занятии. ...Не будучи дураками, авгуры догадываются, что вот-вот отберут у них синицу-кормилицу. Журавля в небе, может быть, и оставят, а синицу отберут. Ту самую казенную синицу, на содержание которой они, будучи людьми умными, не жалели никакой доли национального продукта. Они не мелочились. И жевала ихняя передовая синица, как прожорливый крокодил».

Фразеологизм «лучше синица в руках, чем журавль в небе» вначале буквализован: герои-чиновники действительно смотрят на журавля и держат в руках синицу. А затем образ развивается: если синица в руках, то что она делает? Кормит своего владельца, сама «жует, как крокодил», может быть отобрана. В общем, этот механизм напоминает то, что описано в стихотворении «Я поднял стихотворную волну»: мир, изображенный во фразеологизме, принимается за некую реальность, которая начинает жить по своим внутренним законам.

3. Фразеологизм может быть введен в подтекст. Рассмотрим отрывок из статьи А.Пумпянского «„Каждый человек — король“?»:

«Вид этот был застывшим, как натюрморт. Не для удобства зрителей. Портовики атлантического побережья США бастовали уже третий месяц, и грандиозный порт стоял. Ни единого судна на рейде. Пустота. Вот что поражало не меньше, чем грандиозность панорамы. В виду остановившейся жизни по крыше двадцатидевятиэтажного небоскреба бродил философ. Он искал человека. Он искал человека, который купил бы у него билет на право пользования смотровой площадкой».

Ироническая окраска текста возникает из-за столкновения двух предположений: «Он искал человека» — «Он искал человека, который купил бы у него билет», причем он — это философ. Отчего же возникает ирония? Дело в том, что образ философа, ищущего человека, запечатлен в крылатой фразе «Я человека ищу», которую, по преданию, произнес греческий философ Диоген, зажегший днем фонарь и с ним искавший «среди испорченного общества настоящего человека» (АА, 572). Но такой философ на крыше небоскреба оказался лишь авторской фантазией. В жизни все обстояло прозаично: тот, кто шел навстречу автору, искал не истину и не благородного человека, а всего лишь покупателя, он делал свой маленький бизнес. Чтобы понять содержание сцены правильно, читатель обязательно должен вспомнить о Диогене и его поисках истины с фонарем в руке.

ЛИТЕРАТУРА

Жуков В.П. Русская фразеология. М.: Высш. шк., 1986.

Мокиенко В.М. Образы русской речи. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986.

§ 11. Устаревшие и новые слова

Словарный состав живого языка не может не обновляться, поскольку человеку приходится постоянно встречаться с новыми для него явлениями, требующими называния, или же расставаться с отжившими явлениями, названия которых уже не могут пригодиться в повседневной языковой практике. Поэтому обновление словаря идет двумя путями: часть слов выходит из употребления, а часть, напротив, появляется в речи. Мы ощу-

щаем слово как устаревшее или как новое, и эта характеристика слова в синхронном плане выступает как некая сопутствующая информация о данной единице, как коннотация.

Устаревшие слова

Типы устаревших слов. Эти слова различаются в зависимости от причин устаревания. Одни слова вышли из активного употребления потому, что ушло из нашей жизни обозначаемое ими явление. Это историзмы. Часть из них известна только специалистам и встречается в исторической литературе. Таковы, например, названия воинов XI-XIV вв.: бронники, копейники, мечники. Другие историзмы сохраняются в пассивном словарном запасе многих носителей языка благодаря школьному обучению, художественной и научно-популярной литературе. Например, широко известны слова далекого и недалекого прошлого, такие как стрельцы, опричники, кадеты, гимназия, дума.

Другая причина устаревания слова — вытеснение его из активного запаса синонимом. Это архаизмы: очи, уста, ланиты, чело. Устареть может произношение слова, его грамматическое оформление, его значение.

Использование устаревших слов в текстах разных стилей

I. В научном тексте устаревшие слова употребляются в номинативной функции, хотя порой и требуют пояснения. Приведем отрывок из «Курса русской истории» В.О.Ключевского:

«Мы видели, что восточные славяне расселялись по Днепру и его притокам одиночными укрепленными дворами. С развитием торговли среди этих однодворок возникли сборные торговые пункты, места промышленного обмена, куда звероловы и бортники сходились для торговли, для гостьбы, как говорили в старину. Такие сборные пункты получили название погостов. Впоследствии, с принятием христианства, на этих местных сельских рынках, как привычных людских сборищах, прежде всего ставились христианские храмы: тогда погост получил значение места, где стоит сельская приходская церковь. При церквях хоронили покойников: отсюда произошло значение погоста как кладбища... Но все это — позднейшие значения термина: первоначально так назывались сборные торговые, „гостинные“ места».

Слова гостьба, погост в старом значении торгового пункта не имеют в тексте экспрессивной функции, они нужны, чтобы назвать соответствующие явления прошлого, когда у славян еще не было городов в современном значении этого слова.

II. В художественном или публицистическом тексте устаревшие слова наделены выразительностью, выполняют определенное стилистическое задание.

I. Прежде всего, конечно, они используются для создания исторического колорита. Вот две строфы из баллады А.К.Толстого «Старицкий во-вода»:

Когда был обвинен старицкий воевода,
Что, гордый знатностью и древностью рода,
Присвоить он себе мечтает царский сан,
Предстать ему велел пред очи Иоанн.
И осужденному поднес венец богатый,
И ризою облек из жемчуга и злата,
И бармы возложил, и сам на свой престол
По шелковым коврам виновного возвел.

Текст насыщен устаревшими словами разного типа: здесь и историзмы — воевода, бармы, и архаизмы — *очи*, *злато*, *пред*, *древностью*. Все они служат для передачи колорита эпохи, изображаемой в тексте.

2. Устаревшие слова привлекаются для стилизации условной, сказочной старины. Например, в «Коньке-горбунке» в сказочной столице сошлись спальник — придворный чин, существующий в России до XVII века, исправник — должность, существовавшая с XVIII века, городничий — должность, которая была учреждена в 1775 году, стрельцы — отряды их сформированы в 1698 году. Напомним несколько строк из сказки: «До оброков ли нам тут? А исправники дерут»; «В той столице был обычай: коль не скажет городничий — ничего не покупать, ничего не продавать»; «За царем стрельцов отряд»; «Надо молвить, этот спальник до Ивана был начальник над конюшной надо всей».

Перед нами условная русская старина, на фоне которой и совершаются все сказочные события.

3. А если нужно передать колорит прошлого другого народа? Тогда для этого используются архаизмы, как, например, в переводе «Илиады» у Н.И.Гнедича:

Косо взглянув на него, возгласил Одиссей многоумный:
«Слово какое, властитель, из уст у тебя излетело?
Пагубный! Лучше другим бы каким-либо воинством робким
Ты предводил, а не нами владел, не мужами, которым
С юности нежной до старости Зевс подвизаться назначил
В бранях жестоких, пока не погибнет с оружием каждый!

4. Поскольку архаизмы обладают повышенной стилистической окраской, они используются при создании высокой тональности или стилистического контраста, если автор сталкивает их со сниженными по окраске элементами. Прочтите два стихотворных фрагмента:

О своем я уже не заплачу,
Но не видеть бы мне на земле
Золотое клеймо неудачи
На еще безмятежном челе.

(А.Ахматова. Вереница четверостиший)

Высока земли обитель.
Поздно, поздно. Спать пора!
Разум, бедный мой воитель,
Ты заснул бы до утра.

(Н.Заболоцкий. Меркнули знаки Зодиака)

Торжественный строй философской лирики, как видим, прекрасно уживается с архаизмами и в двадцатом веке. А самоирония, окрашивающая стихотворение Н.Заболоцкого, поддерживается, наряду с другими языковыми средствами, и архаизмом воитель.

Способы объяснения устаревших слов в тексте. Устаревшие слова, включенные в художественный текст, в ряде случаев требуют объяснения. Это можно сделать в сноске или в словарики после текста, иногда пояснение дается в скобках. Но мы рассмотрим более сложные способы толкования устаревших слов, включенные в само художественное изложение. Обратимся к книге В.Катаева «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона», в которой слово является для автора таким же предметом воспоминаний, как люди, вещи и события, окружавшие его в детстве. Поэтому значение слова раскрывается подробно и любовно, через специально оговариваемую параллель с современным словом или через живую картинку — описание предмета:

«Я очень любил, когда мама брала меня с собой в магазин Карликов за покупками. Должен прибавить, что сам Карлик всегда был в котелке, отчасти напоминая этим старьевщиков, так как все старьевщики нашего города носили котелки и назывались не старьевщиками, а „старовещиками“». «Мы тут же — не теряя времени — побежали в подвал дома Женьки Дубастого и быстро нашли там множество всякой всячины... и в числе прочего тюбик универсального клея „синдетикон“, весьма популярного в то далекое-предалекое время. .... „Синдетикон“ действительно намертво склеивал самые различные материалы, но в особенности от него склеивались пальцы, которые потом очень трудно было разлепить. Этот густой, вонючий, янтарно-желтый клесй имел способность тянуться бесконечно тонкими, бесконечно длинными волосяными нитями, налипавшими на одежду, на мебель, на стены, так что неаккуратное, поспешное употребление этого универсального клея всегда сопровождалось массой неприятностей...»

Новые слова

Новые слова возникают в языке постоянно, их типы мы рассмотрим в зависимости от причин создания новой единицы.

Причины появления новых слов. I. В повседневной нашей речи мы создаем новые слова в следующих целях:

1. С помощью нового слова мы именуем новые предметы и явления: сапоги-дутики, сорт пшеницы «днепрянка».

2. Однако мы можем создать название и для явления хорошо известного, но не имеющего словесного обозначения в языке. Например, совсем не нов уход зрителей из зала, когда фильм им не нравится, но мы не обозначаем это явление особым словом. А вот один свердловчанин обозначил: «Зал ногоплескал».

3. Создаются слова и тогда, когда нам хочется ярче обозначить явление,

имеющее название: вместо затейливый о тюрингском фарфоре сказано финтифлюшнстый, герметик назван прилепончиком.

4. Мы можем играть словами. Это охотно делают дети, осваивающие язык, но и взрослые не прочь иногда забавы ради сочинить какое-нибудь словцо: «Раз есть авторучка, должна быть и автоножка». Согласимся, что здесь нет ни нового предмета, ни старого явления, лишнего названия. Здесь есть только словотворчество ради шутки, развлечения.

II. То, что наблюдается в повседневной речи, происходит и в художественной или публицистической речи. Здесь получают имена новые предметы, созданные воображением художника: киберы у Стругацких, уютясамопых в пьесе «Умные вещи» С.Я.Маршака. Здесь тоже именуется специальным словом то, что обычно названия не имеет: ящерята, мечехвостята в «Заседаниях КОАППа». В целях экспрессии здесь тоже переименовывается названное: вместо превосходство — наилучшесть у В.Зорина.

Знает художественный текст и слова-эксперименты, лишённые четкой номинативной функции. Правда, их роль нельзя свести к словесной забаве, как это происходит в разговорной речи. Вот строки В.Хлебникова и С.Кирсанова:

Там, где жили свиристели,
Где качались тихо ели,
Пролетели, улетели
Стая легких времирей.

(В.Хлебников)

Время тянется и тянется,
Люди смерти не хотят,
С тихим смехом: «Навсегданица!» —
Никударики летят.

(С.Кирсанов)

Это две иллюстрации на тему «как заключить в поэтическую строку время?» Таинственность, безвозвратность, бесшумность его хода — не хода, а скольжения, — передаются словами, значение которых невозможно, да и не нужно формулировать и которые, однако, вовсе не лишены смысла.

Знает художественный текст и совсем бессмысленные образования, призванные имитировать иностранную речь, речь на неизвестном, фантастическом, сказочном языке. В пьесе С.Я.Маршака «Умные вещи» разыгрывается сцена прибытия иностранных послов:

«По с о л (встает с места и низко кланяется). Амилам алинон малем-малем тара!

П е р е в о д ч и к . Господин посол сердечно благодарит ваше величество за милостивый прием и желает вам прожить на свете тысячу счастливых лет и увидеть правнуков своих правнуков!

Ц а р ь . Да неужто он это все четырьмя словами сказал?»

Комизм сцены в том и состоит, что посол может произносить любой набор звуков, ибо он не посол, и страны, которую он представляет, нет на

свете, нет на свете и языка, на котором он якобы говорит. Это игра в игру, театр в театре: герои разыгрывают пьесу для царя, и зритель включается в эту игру.

Новые слова, как и устаревшие, делятся на две группы в зависимости от причин появления в языке. Неологизмы — это новые слова, созданные для обозначения новых явлений. Все остальные — окказионализмы.

Источники новых слов. Таковыми являются словообразование и заимствование из другого языка. Поскольку о заимствованиях речь пойдет в следующем разделе, здесь скажем о словообразовании неологизмов и окказионализмов.

Общий источник новых слов — это образование по активным словообразовательным моделям или образцам: дутые сапожки → дутики, вареный → варенка «джинсовая ткань, цвет которой изменен в процессе кипячения — варки». Ср.: дубленый полушубок — дубленка; дутики — вероятно, как ходики, трусики, хотя это разные модели словообразования.

Окказионализмы также создаются по активным словообразовательным моделям, такие образования называют потенциальными словами: «Там гадалка повозилась с обедом, гревшимся на керосинке „Грец“, по-кухарочьи вытерла руки о передник, взяла ведро с отколовшейся местами эмалью и вышла во двор за водой» (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

Наречие по-кухарочьи образовано по продуктивной модели «по- + прилагательное + -и». Мы можем по ней образовать большое число слов типа: по-поварски, по-студенчески, по-журналистски, по-водительски и прочее в зависимости от нашей фантазии. Модель открыта, образования, которые мы получаем, в одних случаях кажутся малоприемлемыми, вроде по-поварски, в других — как будто даже и существующими, нормативными. Это и есть свойство продуктивной модели, у которой граница между нормативными и окказиональными образованиями размыта за счет единиц, которые существуют как бы на кончике пера, так что невозможно сказать, выбрали ли мы их из нашего словарного запаса или только что создали в связи с возникшей потребностью выражения мысли.

Образуются окказионализмы и по слову-образцу. В «Газетных портретах» В. Коняхина создан такой ряд слов: «Самые работающие, самые беззаветные патриоты своей газеты и своего города получают из бывших рабкоров, инженеркоров, селькоров, военкоров, юнкоров и домохозяйкоров. Особое их достоинство — отличное знание географии и демографии всех предприятий и династий города».

Слова инженеркоров и домохозяйкоров созданы по образцу соседних слов. При желании этот ряд опять можно продолжить, ведь профессий много: учителей, врачей.

Окказионализм может быть получен за счет смыслового преобразования существующей модели. Например, в романе Ю. Бондарева «Берег» использованы такие наречия: «Мансарда краснела черепицей в горячих лу-

чах солнца, вблизи — сосны, утренне высвеченные на одной стороне стволов»; «Снежно цвела сирень»; «Старший сержант Зыкин в угрюмой замкнутости каменно устался на огонек площадки»; «...жестяно звеневшее на ветру будылье кукурузы».

Наречия с помощью суффиксов -о/-е образуются от качественных прилагательных и обозначают признак, отнесенный к действию: хорошее письмо — хорошо писать. Здесь же наречия образованы от относительных прилагательных: утренний, снежный, каменный, жестяной. Изменился ли общий смысл полученных наречий? Конечно. Они обозначают признак действия через сравнение: стволы высвечены солнцем так, как это бывает утром; сирень цвела, как снег; устался неподвижно, как камень; будылья звенели, как жесть. И вновь мы можем пополнить ряд подобных образований: кирпично краснели, деревянно шагал, небесно улыбался.

Иногда окказионализм представляет собой словообразовательный синоним существующего слова. Например, вместо нормативного говора В.Коняхин в «Газетных портретах» употребляет следующее: «Он не обидится, потому что принципиально не ходит на эти „говориловки“».

Корень у окказионализма тот же, что и у нормативной лексической единицы, но словообразующий элемент сменился: вместо суффикса -льн-использован суффикс -ловк-. Здесь простор для нашей фантазии значительно сократился, мы можем только примерить к данному корню еще два-три суффикса: говорилка, говорильство, говорилище, и уж совсем странно звучит «говореж». Надо сказать, что эти новообразования гораздо менее естественны, чем то, которое использовано писателем, и, следовательно, если бы мы задумали включить их в свой текст, скорее всего понадобилась бы какая-то оправдательная оговорка, пояснение, оценка, в общем — извинение перед читателем за неуклюжее творение. Или же надо было бы создать особый контекст, который оправдал бы наше образование, например: «Вокруг стоял не галдеж, а скорее говореж — все разбились на группки и говорили, говорили, говорили о своих делах».

Наконец, окказионализм может быть создан автором, так сказать, по оригинальному проекту, в результате оригинального сочетания морфем. Например, С.Кирсанов в поэме «Макс-Емельян» создал от глаголов уснуть и проснуться два существительных: от уснявин до проснявин. Такой модели у существительных нет, этот способ объединения морфем принадлежит поэту.

До сих пор рассматривались окказионализмы, которые строились из реального морфемного материала: существующих корней, суффиксов, интерфиксов, приставок. Однако ранее уже были показаны случаи, когда слово строилось автором прямо из звуков, вспомним маршаковский «алинон». Там же в «Умных вещах» есть меч зинг-зенг — слово тоже составлено из звуков, а не из морфем. Случаи эти редки и всегда художественно обос-

нованы, например, как эксперимент. Вот стихотворение В.Хлебников «Гроза»:

Моя, Моя,
Миа, еву.
Вей, вай, зву!
Взи зоцерн. Вэ-церци.
Вравра, вравра!
Врап, врап, врап!
Гугога. Гак. Гакри.
Вива вэво...
цирцици!

Кому-то дано, кому-то не дано услышать в этом наборе звуков рокот грозы и дробь дождя. Для нашей темы важен сам факт попытки написать картину немusыкальными, а языковыми з в у к а м и. Это крайний случай словотворчества. И для полноты описания упомянуть о нем необходимо.

ЛИТЕРАТУРА

Лопатин В.В. Рождение слова. М.: Наука, 1973.

Лыков А.Г. Современная русская лексикология: (русское окказиональное слово). М.: Высш. шк., 1976.

Ханлира Э. Окказиональные элементы в современной речи // Стилистические исследования. М.: Наука, 1972. С. 245-317.

§ 12. Исконно русская и иноязычная лексика

Из всего, что сказано ранее, можно заключить, что, когда требуется назвать какое-то явление, носитель языка может пойти такими путями: использовать семантические переносы — обозначить предмет метафорически, метонимически или иным способом, не создавая новой звуковой оболочки, а наделяя существующую новым значением; построить новое слово, неологизм или окказионализм, за счет возможностей словообразования. В этом разделе мы рассмотрим еще один путь появления нового слова в языке — путь заимствования из другого языка.

В связи с уже отмеченной двойственностью источников пополнения словарного запаса — существованием внутриязыковых и внешних ресурсов — лексика любого языка делится на исконную и заимствованную.

Исконно русская лексика — это лексика, дошедшая до наших дней от эпох индоевропейского (до V—IV тысячелетий до н.э.), общеславянского (V—IV тысячелетие до н.э. — VI век н.э.), восточнославянского (VI—XV век) единства, и собственно русские слова, с XV века образующиеся в результате семантических и словообразовательных процессов. Слова первого пласта входят в общий фонд индоевропейских языков, например, русское овца родственно латинскому *ovis*, русское мясо — древнепрусскому

mensā. Слова второго пласта входят в общеславянский фонд. Так, русское бор родственно болгарскому бор «сосна», польскому bór, русское слово лес родственно чешскому les, старославянскому лѣсъ. Слова третьего пласта входят в общий фонд русского, белорусского и украинского языков: белка, кошка, стойло, прогалина. Четвертый пласт — слова, независимо образовавшиеся в рамках русского языка.

Кроме исконно русской, в нашем языке есть и заимствованная лексика.

Пути проникновения заимствованных слов. Заимствования бывают непосредственные, восходящие прямо к языку-источнику, или опосредованные третьим языком. Например, слово жакет пришло к нам непосредственно из французского языка — *jaquette*, а слово сигара — из итальянского через посредство французского: итал. *cigarro* → фр. *cigare* → рус. сигара.

Заимствования могут быть устными и письменными. Устным путем мы заимствовали много слов из тюркских и финно-угорских языков, например, пельмень из коми пель нянь «хлебное ухо». Однако большая часть наших заимствований — это все-таки письменные заимствования, которые бывают трех основных типов в зависимости от того, как формируется звуковая оболочка слова в заимствующем языке. Рассмотрим виды письменных заимствований.

1. Если буквами заимствующего языка передается звучание иноязычного слова, способ заимствования называется транскрипцией: фр. *modèle* → рус. модель, фр. *ressort* → рус. рессора. Очевидно, что русскими буквами мы передали произношение французских слов, а не их написание. Французские буквы *e* и *t* на конце слова не произносятся, если же мы воспроизвели бы своими буквами написание этих слов, мы имели бы что-то вроде несклоняемого «моделе» и существительного мужского рода «рессорт».

2. Если буквами заимствующего языка передается написание иноязычного слова, способ заимствования называется транслитерацией: фр. *cabriolet* → рус. кабриолет. Буква *t*, как уже говорилось, во французском слове не произносится, и если бы мы воспользовались транскрипцией, то имели бы несклоняемое существительное «кабриоле». Был использован, однако, другой способ, в результате мы получили существительное, оканчивающееся на твердый согласный звук и изменяющееся по первому склонению.

3. Третий способ письменных заимствований называется калькированием. Он сводится к тому, что мы «переводим» слово по его морфемам или заимствуем значение иноязычного слова и приписываем его своему слову. Например, греческое слово *alphabetos* составлено из названий двух первых букв греческого алфавита альфа и бета. Две первые буквы русского алфавита назывались азъ и буки. Скопировав структуру греческого слова, мы создали свое: азбука. Французское слово *canard* имеет значение «утка» и «ложный слух». Русское слово утка было только названием птицы, но мы заимствовали значение «ложный слух» и приписали его нашему слову

утка. Таким образом, русское слово тоже стало двузначным. Очень часто с помощью калькирования мы заимствуем фразеологизмы: фр. *cherchez la femme* и рус. ищите женщину.

Приведенный материал показывает, что одно и то же слово может быть заимствовано разными способами: греческое *alphabētos* мы заимствовали не только с помощью калькирования, но и с помощью транскрипции (отражено среднегреческое произношение названия буквы β). Рассмотрим еще один пример. Непроходимые заросли кустарников в средиземноморских странах называются по-французски *maquis* и по-итальянски *macchia*. Мы заимствовали это слово с помощью транскрипции из французского — маки и итальянского — маккия, да еще с помощью транслитерации из французского — маквис. Все три слова означают «заросли». Во время второй мировой войны французские партизаны получили название *maquis*. Мы заимствовали это значение, и слово маки у нас стало двузначным: «Маки — это прибежище корсиканских пастухов и всех, кто не в ладах с законом» (из пер. рассказа П.Мериме «Маттео Фальконе»); «„Гренаду“ пели уже во время гражданской войны в Испании. Эльза Триоле вспоминала, что ее пели и маки — французские партизаны» (Собеседник. 1984. № 5).

4. В отдельных случаях лексическая единица заимствуется в иноязычном написании: латинское выражение *ab ovo* (аб ово) так и включается в русские тексты и означает «с самого начала», перевод его «с яйца» не стал калькой, русским фразеологизмом.

Внешние признаки заимствований. Поскольку наш язык заимствует немало слов из других языков и при этом ему приходится осваивать и приспособлять к своему строю непривычные звуки и формы, данный процесс не может не сказаться на фонетике и грамматике заимствующего языка. Иноязычные слова часто имеют внешние признаки своего происхождения.

Фонетические признаки заимствований:

1. С заимствованиями в язык проникают новые звуки. Например, звук [ф], обозначаемый буквой ф, был новым для русского языка: фонарь, Федор, сарафан. Недаром в говорах и просторечии сохранились следы борьбы с этим звуком, попытки вытеснить его: «сарахван». Новым для русского языка является полумягкий звук [ж'], который мы обязаны произносить в слове жури.

2. Особенно много появляется с заимствованиями непривычных для языка сочетаний звуков: пю, мю, гя, ге, сэ, мэ, пэ, дж, шт, нг, ио, ао и др.: люпитр, бювар, Мюрат, гяур, генерал, сэ, мэ, пэ, джем, штат, ринг, радио, какао. И снова в просторечии мы найдем попытки избавиться от этих непривычных и, следовательно, поначалу труднопроизносимых сочетаний, вспомним, например, устранение зияния, стечения гласных звуков: «радиво», «какава» — или устранение сочетания ге: «енерал», «ерань». Смягчение согласных перед эи для литературного языка является

живым процессом, сравним нормативное мягкое произношение в слове прогресс и ненормативное, но весьма распространенное в словах термос, темп.

3. В заимствованиях появляются необычные позиции для некоторых звуков. Например, гласные а и э в начале русских слов отсутствовали, в заимствованиях же, напротив, они очень часто стоят в этой позиции: армия, аргумент, этика, эра, эпоха. Как видим, литературному языку пришлось усвоить это положение звуков, хотя в истории языка мы наблюдаем попытки изменить начало таких слов: произношение имен Олексей, Олександр, прикрытие гласного э в начале слова — «йэпоха».

Морфологические признаки заимствований:

1. В результате заимствования в русском языке появляются несклоняемые существительные (бюро, пюре, кенгуру, хобби) и даже, хотя и очень редко, прилагательные (хаки, беж). Русские по происхождению несклоняемые существительные появились значительно позднее, когда активизировалась буквенная аббревиация и появились слова типа РСДРП.

2. В заимствованных словах приходят к нам многие морфемы — приставки, суффиксы: алогизм, демобилизация, марксист.

Семантическое усвоение заимствований. Говорящие включают в свою речь иноязычные слова, но это еще не значит, что данная единица войдет в язык. Иноязычные слова переживают процесс освоения, проверки на необходимость данной единицы носителям языка. Результатом этого процесса бывает: 1) либо усвоение слова, включение его в активное употребление, например: корабль, бюро, алгебра, армия; 2) либо сохранение слова в пассивном запасе как общеизвестного, но употребляемого редко и в особых условиях: о'кей, фифти-фифти; 3) либо окказиональное, единичное употребление слова, сохраняющегося в данном контексте, но не становящегося общеизвестным. Например, в пьесе М.Рошина «Перламутровая Зинаида» один из героев называет своего младшего брата бразер. Пока нет никаких признаков того, что это слово войдет хотя бы в пассивный запас нашего языка.

По соотношению с русской параллелью заимствованные слова различны, и это в известной мере влияет на их судьбу — усвоение или неусвоение языком. Усваиваются в первую очередь те слова, которые называют новый для носителей заимствующего языка предмет, новое понятие, входящее в их жизнь. Такие слова не имеют синонимов и, поскольку предмет входит в жизнь народа, заимствуются и осваиваются.

Наблюдаются случаи, когда, в связи с рассказом о жизни другого народа, автор должен назвать явления и предметы, неизвестные носителям того языка, на котором ведется рассказ. Синонимов в этом случае нет, и говорящий заимствует слово, которое по отношению к заимствующему языку становится экзотизмом. Например, при переводе романа Г.Мелвилла «Тайпи» переводчик использует такие экзотизмы:

«Главные продукты, в больших количествах изготовляемые из плодов

хлебного дерева, носят местные названия эймар и пой-пой. ...Деревья освобождаются от клонившего их к земле бремени, и все это изобилие, легко извлекаемое из кожуры и очищенное от сердцевины, энергично толчется каменными пестами в тестообразную массу, которая называется тутао. Затем ее разделяют на брикеты, каждый из которых тщательно обертывают в несколько слоев листьев, туго перевязывают волокнами коры и зарывают в большие ямы, откуда впоследствии извлекают по мере надобности. Печеное тутао называется эймар... Из эймар в свою очередь приготавливают пой-пой.

Слова эймар, тутао, пой-пой не имеют и не могут иметь синонимов в русском языке, поскольку нам неизвестны предметы, ими называемые. Блюда эти вряд ли когда-нибудь войдут в наш быт, поэтому включать эти слова в систему языка, хотя бы в пассивный запас, нет никакой надобности. Эти экзотизмы останутся на уровне окказионального употребления, с ними будет встречаться лишь тот, кто будет читать роман Мелвилла.

Есть и другой случай соотношения заимствования с русской параллелью. Рассмотрим отрывок из бунинского перевода поэмы Г. Лонгфелло «Песнь о Гайавате». В нем рассказывается о южном ветре, который:

Шлет к нам ласточку, шлет Шошо,
Шлет Овейсу, трясогузку,
Опечи шлет, реполова,
Гуся, Ваву, шлет на север,
Шлет табак душистый, дыни,
Виноград в багряных гроздьях.

Слова шошо, вава, овейса, опечи имеют синонимы, которые приведены здесь же в тексте в качестве пояснения. Такие слова, которые имеют точное соответствие в заимствующем языке, называются в а р в а р и з м а м и . В приведенном случае они останутся на уровне окказионального употребления. Однако в истории языка известно немало случаев, когда варваризмы вытесняли исконно русские слова или становились их полными системными синонимами: свои вооруженные силы мы называем армией, а не войском, дефекты у нас мирно уживаются с погрешностями и недостатками, и дефектологию или дефектоскопию мы не назовем изъяснописанием.

Мощным стимулом заимствования всегда была наука, выработавшая межкультурный фонд латинских и греческих корней, на основе которых создаются термины: фотон, позитрон, нейтрон, пульсар, экология, сексология. Культурные связи с другими странами приводят к появлению заимствованных слов в самых различных областях нашей жизни — в политике (праймериз), искусстве (хэппенинг), спорте (спидвей), быту (джинсы). Вторая половина восьмидесятых годов, к сожалению, превратила несколько экзотизмов в усвоенные слова: мафия, рэкет, СПИД, потому что понадобились слова для обозначения наших доморожденных соответствующих явлений и пассивный запас сразу выдал искомое в актив-

ное употребление. Из того же запаса извлечены, правда, и более отрадны́е элементы: менеджер, бизнесмен.

Стилистическое использование заимствований. По ходу рассмотрения материала часть случаев мы уже видели.

1. Экзотизмы и варваризмы используются для передачи национально-го колорита, вспомним «Тайпи» и «Песнь о Гайавате». В газете эта функция заимствований реализуется в очерках, зарисовках и репортажах о зарубежных странах и жизни союзных республик. Например, новогодняя заметка о Дede Морозе в «Известиях» (1989. 1 янв.) включила в себя несколько варваризмов со значением «Дед Мороз»: «Не пришли к единому мнению даже насчет его имени. Для американцев этот человек — Санта Клаус, французы упорно называют его Пер-Ноэль, а итальянцы с пылом доказывают, что это не кто иной, как Баббо-Натале. В других странах вы можете услышать и такие его имена: Вайнахтсман, Ла Бефана, Юлетомте, Кристкиндли, Василица и, конечно же, Дед Мороз».

Заимствования необходимо объяснять, способы здесь такие же, как в случае с устаревшей лексикой.

2. Заимствованные слова, включенные в речь героя, служат ее индивидуализации. У А.Крона в романе «Бессонница» один из героев говорит: «Совершенно справедливо, Лешенька, темпора — они мутантур, и ни хрена с ними не поделаешь. Но — заметь! — я не сказал, что плох Институт. Я, я для него не гожусь».

Герои — врачи, и латынью они пользуются не только для написания рецептов. Латинский фразеологизм свободно вплетается в речь персонажа и даже построен по русской синтаксической модели («времена — они меняются»). Рядом стоит просторечное, весьма грубое выражение и ласковое обращение к собеседнику. На смешении таких элементов построена вся речь этого героя.

3. Текст, насыщенный варваризмами с установкой на комический эффект, включает в себя прием, называемый макароническим стилем. Вот речь посла в «Энеиде» И.Котляревского:

Рацю старший произнес:	
«Энеус, ностер магнус панус	(наш великий пан)
И славный троянорум князь	(троянец)
Шнырял по морю, как цыганус,	
Ад те — о рекс, прислал нунк нас.	(к тебе, о царь, теперь)
Рогамус, домине Латине,	(просим, властитель)
Прими наш капут и отныне	(голову)
Пермитте жить в твоём краю,	(позволь)
Хоть за пекунии, хоть гратис.	(за деньги, бесплатно)
Уж мы, поверь, оценим сатис	(по достоинству)
Бенефициенцию твою».	(благодарение)

4. Экзотизмы или варваризмы, в силу яркости формы, непривычности их языковой оболочки, неизвестности значения, являются броским выразительным средством, способным создать эффект напряжения, ожидания ответа на вопрос «что означает слово?» Например, книга А.Пумпянского

называется «Хэппенинг по вторникам». Незнакомое слово не может не привлечь внимания читателя. Пояснение слова хэппенинг — «сценическая форма современного искусства, в центре которой обычно находится сюрреалистическое действо; часто зритель оказывается вовлеченным в происходящее» — все-таки не сразу истолковывает заголовок. И лишь когда автор описывает нам картину президентских выборов в США — по високосным годам «в первый вторник после первого понедельника» — мы понимаем смысл кольцевой метафоры книги.

В сильной текстовой позиции оказывается заимствование в романе А.Рыбакова «Тяжелый песок». Концовка его такова:

«На могиле был установлен большой камень из черного гранита, на нем — вверху на русском языке, внизу на еврейском — было высечено: «Вечная память жертвам немецко-фашистских захватчиков».

Рядом со мной стоял Сидоров, бывший шахтер, потом директор обувной фабрики, потом партизанский командир, теперь пенсионер. Он родился в Донбассе, но давно жил здесь, знал и понимал все насквозь. Он показал на надписи на камне, высеченные по-русски и по-еврейски, и тихо спросил меня: — Слушай, Борис, а правильно они перевели русский текст?

Ребенком, лет, наверное, до восьми или девяти, я учился в хедере, потом перешел в русскую школу и, конечно, давно забыл еврейские буквы.

И все же почти через шестьдесят лет из неведомых и вечных глубин памяти передо мной встали эти буквы, эти слова, я вспомнил и прочитал:

«Веникойси, домом лой никойси».

Смысл этих слов был такой:

«Все прощастся, пролившим невинную кровь не простится никогда»...

Сидоров, видя, что я медлю с ответом, скопился на меня, все понимал, уминая, и снова спросил:

— Ну, точно перевели, правильно?

— Да, — ответил я, — все правильно, все точно».

Включенная в текст еврейская фраза звучит после авторского описания процесса воспоминания значительно и таинственно. Мы тоже задаемся вопросом о ее смысле. Разительное несходство содержания двух надписей вначале поражает, а затем заставляет сравнивать и приводит к согласию с авторской оценкой: «Да, сказано все правильно, все точно: павшим — память, палацам — проклятие».

Старославянизмы. Особым классом заимствований являются старославянизмы — заимствования из старославянского языка, который возник на основе македонского диалекта древнеболгарского языка как литературный язык древнего славянства в 60-х годах IX века под пером братьев Кирилла и Мефодия. Особый характер этих заимствований обусловлен тем, что они восходят к близкородственному языку, с которым у русского языка было много общего в фонетике, морфологии, лексике. Поэтому внешние признаки старославянизмов устанавливаются путем сопоставления их с русскими соответствиями.

Фонетические признаки:

1) звукосочетания ра, ла, ре, ле в соответствии с русскими оро, оло, ере: врата — ворота, младой — молодой, серебро — серебро, млеко — молоко;

2) начальные ра, ла в соответствии с начальными русскими ро, ло: розница — розница, ладья — лодка;

3) начальные а, е, ю в соответствии с начальными русскими я, о, у: агнец — ягненок, единый — один, юродивый — урод;

4) звукосочетание жд и звук щ в соответствии с русскими звуками [ж], [ч]: невежда — невежа, просвещать — просвечивать.

Во всех приведенных случаях в старославянской и русской огласовке выступают корни. Однако две огласовки могут иметь и служебные морфемы: суффиксы -ущ-, -ащ- и русские -уч-, -ач- в парах текущий — текучий, стоящий — стоячий (фонетический признак, указанный в пункте 4); приставки пре- и пере- в парах предать — передать (фонетический признак, указанный в пункте 1).

Морфологические признаки: наличие в слове суффикса -ствий- при русской параллели -ств-о: бедствие — бедство, царствие — царство; приставок воз-, из- в соответствии с русскими вз-, вы-: вспомнить — вспомнить, издать — выдать. Уже упоминавшиеся ранее приставка пре- и суффиксы -ущ-, -ащ- также являются признаками старославянского происхождения слов и форм.

Как сложились отношения старославянских заимствований с их русскими соответствиями? Возможны четыре варианта:

1. Старославянизм вытеснен русской параллелью. Например, А. Радищев употребляет глагол стрещи: «Не будешь ты окружена соглядателями, в сети пагубы уловить тебя стрегущими». Сейчас мы используем только глагол стеречь — стерегущими.

2. Из употребления вытеснено русское слово: мы употребляем прилагательное сладкий, а не солодкой.

3. Сохранилось и русское и старославянское слово, но они разошлись в значениях: испустить — выпустить, издать — выдать, просвещение — просвечивание.

4. Обе единицы сохранились в языке в одном и том же значении, но с разной стилистической, а сейчас уже и исторической коннотацией: нейтральное русское берег соседствует с поэтическим и устаревшим брег.

Необходимо также учесть, что в ряде случаев старославянизм не имел русской параллели, поскольку у носителей языка не было соответствующего понятия: благоденствие, благословить, воскресение.

Стилистически окрашенные старославянизмы употреблялись для создания повышенной тональности текста. Вот отрывок из стихотворения А. Радищева «Осьмнадцатое столетие»:

Урна времен часы изливает каплям подобно:
Капли в ручьи собрались; в реки ручьи возросли
И на дальнейшем берегу изливают пенные волны
Вечности в море, а там нет ни предел, ни берегов.

В наше время употребление старославянизмов этой группы весьма ограничено — в стилизации, пародировании, для создания высокой тональности изложения.

ЛИТЕРАТУРА

Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968.

Михайловская Н.Г. Стиль русскоязычной литературы Севера и Дальнего Востока. М.: Наука, 1984.

§ 13. Иносистемные элементы в литературных текстах

В предыдущем разделе мы рассмотрели заимствования из других языков. Но литературный язык может заимствовать элементы еще и из иных форм существования национального языка — из территориальных диалектов и из социально ограниченных разновидностей языка (жаргонов). Типы и функции таких заимствований мы и рассмотрим.

Жаргонизмы

Жаргон представляет собой совокупность речевых средств, в первую очередь слов, которые обслуживают социально ограниченную группу людей. В зависимости от социального признака, выделяющего такую группу, и различаются жаргоны.

1. Выделяются тайные жаргоны деклассированных групп. Сейчас это воровской жаргон, а в прошлом — жаргон бродячих торговцев (офеней), жаргон контрабандистов. Основное назначение этой языковой разновидности — быть языковым паспортом, знаком принадлежности человека к данной социальной группе.

Жаргонизмы данного типа используются в художественных произведениях определенной тематики для передачи социального колорита и для индивидуализации речи героев. Например, в «Педагогической поэме» А.С.Макаренко жаргонизмы включены в речь воспитанников колонии, показано, что в некоторых случаях эти слова вынуждены употреблять и преподаватели:

«В спальне я гневно кричал:

— Вы кто такие? Вы люди или...

— Мы урки, — слышалось с какой-то дальней „дачки“.

— Уркаганы!

— Врете! Какие вы уркаганы! Вы самые настоящие сявки, у себя крадете. Вот теперь сидите без сала, ну и черт с вами! На праздниках — без конфет. Больше нам никто не даст. Пропадайте так!»

Оценочный контраст, создаваемый здесь жаргонизмами, достаточно

хорошо проявляет их значение без специальных авторских объяснений. Искренность чувств, совершенно очевидная преднамеренность столкновения слов, освященность их праведным авторским гневом — все это снимает с жаргонизмов всякий налет вульгарности, делает их естественными для данного произведения знаками документальности, средством выразительной характеристики предмета речи.

В авторском изложении жаргонизмы в «Педагогической поэме» окрашены иронией, тоже смысвающей с этих слов грубость и вульгарность:

«Зимой двадцать первого года колония очень мало походила на воспитательное учреждение. Изодранные пиджаки (к которым гораздо больше подходило блатное наименование „клифт“) кое-как прикрывали человеческую кожу (очень редко под „клифтами“ оказывались остатки истлевшей рубахи). Наши первые воспитанники, прибывшие к нам в хороших костюмах, недолго выделялись из общей массы: колка дров, работа на кухне, в прачечной делали свое, хотя и педагогическое, но для одежды разрушительное дело. К марту все наши колонисты были так одеты, что им мог бы позавидовать любой артист, исполняющий роль мельника в „Русалке“».

Жаргонизм объяснен, ироническое сравнение делает изображение наглядным и оттеняет жаргонное включение как знак социальной среды.

2. Вторая разновидность жаргонов — это молодежный жаргон, лексические средства, которыми пользуются молодые носители языка в разговоре между собой и которые привлекаются не для сокрытия содержания, а для придания речи экспрессивной окраски фамильярности, нарочитой противопоставленности нормативной речи. Молодежный жаргон быстро обновляется, так как экспрессия, требуемая от слова, стирается и требует восстановления за счет новых средств. Степень противопоставленности молодежного жаргона литературному языку различна в разное время и у разных молодежных групп.

Художественные и публицистические тексты допускают жаргонизмы этого типа с теми же целями передачи социального колорита и индивидуализации речи героев. Вот с сокращениями отрывок из рассказа С.Василенко «Звонкое имя»:

«— Кайф, — говорит Сапа. И глаза мечтательно шурит.

— Ну, кто там еще из наших курочек замуж вышел? — равнодушно спрашивает Натка.

— Да никто, — говорит Саша весело. — Ты на очереди. Готовить можешь, красавица, на следующий год хату тебе дадут — чем не жена, я спрашиваю? Хату дадут — тогда не торопись, выбирать тогда ты будешь. Чтoб настоящего хозяина нашла, ясно?»

Жаргонизмы кайф, хата подчеркивают возраст героев, бытовой характер разговора.

Нередки жаргонизмы в публикациях молодежных газет, что обуславливается и тематикой, и спецификой аудитории. Приводим фрагмент из публикации «Допризывная кадриль» (Собеседник. 1989. № 1):

«Много ходов придумали изворотливые призывники, чтобы уклониться от службы. Самые отчаянные становятся фиктивными отцами двух детей, с отвагой, достойной лучшего применения, выдерживают пассатижами здоровые зубы, „косят“ под разные психические заболевания — лишь бы увилинуть, спрятаться за чужими спинами... Под грифом «секретно» причем сведения о том, кто кому стирает портянки и сколько зуботычин дал двадцатилетний „дед“ восемнадцатилетнему мальчишке».

Жаргонизмы косить, дед употреблены здесь иронично, они наделены отрицательной оценочностью в такой мере, какая, наверное, не свойственна им в жаргоне. В самом деле, можно представить, что эти слова употреблены с бравадой и в них вкладывается положительный смысл. Но общество вершит свой суд над явлениями, и в литературном языке слова меняют свой оценочный потенциал.

3. Профессиональный жаргон — третья разновидность жаргонов. В нем объединяются лексические элементы, свойственные речи людей, занятых одинаковой профессиональной деятельностью. Профессиональное просторечие, в отличие от официальной профессиональной терминологии, обслуживает неофициальное общение, которое нуждается в кратких и простой не лишенных выразительности обозначениях профессиональных понятий. Например, камнерезы называют чугунную планшайбу чугушкой, шлифовальный станок с деревянной плоскостью — деревяшкой, полировальный станок с суконной плоскостью — тряпкой, полировальный порошок (окись хрома) — зеленкой, шлифовальный порошок разных номеров — минутником, так как номер его зависит от времени отстаивания порошка в воде. Стремление к краткому обозначению предмета здесь хорошо видно, отдельные названия показывают и желание внести в речь на профессиональные темы некоторую экспрессию.

Жаргонизмы этого класса широко используются в художественной и мемуарной литературе. Они прекрасно передают колорит профессии, имитируют непринужденную речь героя, хотя, конечно, нуждаются в пояснении, что и осуществляется уже известными нам средствами. Для примера напомним роман В. Богомолова «В августе сорок четвертого...», насыщенный профессионализмами. В этом произведении интересно используются сноски, в которых поясняется смысл жаргонизмов. Один случай мы рассмотрим. Рассказывает Таманцев: «Чему-чему, а как „качать маятник“, я мог бы поучить и его, и тех, кто готовил его в Германии». К этим словам героя автор в сноске дает такое примечание:

«Качание маятника — это не только движение, оно толкуется шире, чем можно здесь понять со слов Таманцева. Его следует определить как „наиболее рациональные действия и поведение во время скоротечных огневых контактов при силовом задержании“. Оно включает в себя и мгновенное выхватывание оружия, и умение с первых же секунд задействовать фактор отвлечения, фактор нервозности, а если возможно, и подсветку, и моментальную безошибочную реакцию на любые действия противника,

и упреждающее стремительное передвижение под выстрелами, и непрестанные обманные движения („финт-игра“), и снайперскую меткость попадания в конечности при стрельбе по-македонски („отключение конечностей“), и непрерывный психологический прессинг до завершения силового задержания. „Качанием маятника“ достигается захват живьем сильного, хорошо вооруженного и оказывающего активное сопротивление противника. Судя по описанию, Таманцев „качает маятник“ в наиболее трудном и эффективном исполнении „вразножку“».

Мы привели этот большой фрагмент, чтобы показать, как в хорошем художественном произведении на службу выразительности ставится все, и даже такой служебный элемент текста, как подстрочник. Действительно, здесь автор ведет себя так, будто он разбирается в каком-то историческом документе, в мемуарах армейского разведчика, будто все это не плод его, автора, фантазии, будто монолог Таманцева не им, автором, сочинен. Впечатление это создается спором со словами героя («выражение надо понимать шире, чем толкует его Таманцев»), предположительностью в оценке того, что за прием использует герой («судя по описанию»). В общем, автор всячески скрывает свою роль творца этого художественного мира. Если учесть, что значительная часть повествования выполнена в форме документов, то такую сноску нельзя воспринимать как нечто случайное. Целенаправленность всех стилистических приемов очевидна.

Диалектизмы

Диалектизмы — это включенные в художественный или публицистический текст элементы диалектов, территориально ограниченных форм существования национального языка. Диалект обладает своеобразием на всех языковых уровнях: у него своя фонетика, морфология, лексика, синтаксис, поэтому и литературный текст может заимствовать из диалекта фонетические, морфологические, синтаксические и лексические его черты. Таким образом, типы диалектизмов определяются в зависимости от того, элемент какого языкового уровня включен с выразительными целями в литературный текст.

Фонетические диалектизмы передают звуковые особенности диалекта:

«— Семь фасыстов присыби иссе, и мне бы героя дали! И сто меня потассыло не тем путем?..

— Пьяный поди-ко был? — заводили Кирыгу-деревягу женщины.

— Пьянай? Сто говорис-то? Сообразас?! Снайпер на линии огня как огурсик должен быть! Когда с огневой придес, тогда позалуйста, выпей, отдыхай!» (В. Астафьев. Царь-рыба).

Морфологические диалектизмы отражают особенности формообразования слов: слово, существующее и в литературном языке, выступает в диалектном морфологическом оформлении:

«Меня будто в бок кто толкнул: ребята приехали» (В.Распутин. Последний срок); «Был тут старичок один. Он еще Прокопыча и тех — других-то мастеров — учил. Все его дедушкой звали» (П.Бажов. Каменный цветок).

Словообразовательные диалектизмы представляют собой однокоренные синонимы литературных слов, т.е. единицы с тем же лексическим значением и тем же корнем, что литературное соответствие, но в ином словообразовательном оформлении:

«Илья топтался возле Михаила, приговаривал:

— Мать-то наша, а? Видал?

— Родова, — соглашался Михаил. — Нашу родову так просто в гроб не загонишь» (В.Распутин. Последний срок). Сравним литературное родня, порода.

Синтаксические диалектизмы очень редки в литературных текстах:

«Усевшись, он благожелательно посмотрел на следователя, подмигнул ему и общительно сказал:

— Я, конечно, ни в чем не виноватый, но признаюсь... Ванька говорил, тут какие-то бумажки надо подписать, так я согласный. Вот хоть нарочно проверь, товарищ милицейский: любую бумажку подпишу!» (В.Липатов. Три зимних дня).

Полное прилагательное вместо краткого в формах именного сказуемого объясняется имитацией диалектной речи героя.

Лексические диалектизмы бывают разных типов в зависимости от их соотношения с литературным соответствием.

А. Этнографизмы — это слова, которые не имеют литературной параллели, так как называют явления, неизвестные носителям литературного языка (вспомним экзотизмы в заимствованной лексике). Это названия орудий труда, природных явлений, местных обычаев, предметов быта, характерных для данной территории. Например, в сказах П.Бажова повествуется о Великом Полозе, змее Дайке, Синюшке. Эти слова и словосочетания являются этнографизмами.

Б. Однословные соответствия свободных литературных словосочетаний — это случаи, когда в диалекте особым словом названо то, что не имеет лексического обозначения в литературном языке, а при необходимости называется свободным словосочетанием, т.е. синтаксической единицей (вспомним об окказионализмах, называющих то, что не имеет специального названия на лексическом уровне). Вот, например, мы говорим: «Он ночует под открытым небом, на вольном воздухе». И сравним у М.Пришвина в «Корабельной чаще»: «Северная нудья — это всеобщий очаг промыслового человека, ночующего на сендухе, или, по-нашему, просто на воле: на лесных полянах, на берегах рек и тоже всегда на плотках».

В. Межсистемные синонимы — это слова, имеющие литературное соответствие с тем же значением, но с другим корнем: «— На рыбалку ладисься, Флегонтушка? — значительно, вдумчиво спросил участковый»

(В.Липатов. Три зимних дня). Ладиться «собираться»; «Работа — дружная, заядлая, звонкая, с разноголосицей пил и топоров, с отчаянным уханьем поваленных лесин» (В.Распутин. Последний срок). Лесина «дерево».

Г. Семантические диалектизмы — это слова, по звуковой оболочке совпадающие с литературным соответствием, но обладающие другим значением: «В великую пятницу я и говорю княгине своей: «Чем гостя кормить будешь? Мошника бы убить, да боюсь, грех в великую пятницу» (М.Пришвин. В краю непуганых птиц). Княгиня «вообще жена, а не жена князя».

Цели использования диалектизмов в художественном тексте — передача местного колорита и имитация диалектной речи героев. При имитации употребляются диалектизмы всех типов, в авторской речи обычны лексические и словообразовательные.

Мы рассмотрели явления лексического уровня русского языка.

Повторить материал вы можете по таблицам в конце пособия.

Глава III

ФОНЕТИКА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Теперь, когда нам известна единица лексического уровня — слово, перейдем к рассмотрению единиц других уровней, тех единиц, из которых строится слово, и тех единиц, которые строятся из слов. Прежде всего обратимся к фонетическому уровню языка, дающему материал для построения звуковой оболочки слова.

§ 1. Гласные и согласные звуки

Звуки образуются с помощью органов речи, к которым относятся легкие, на выдохе дающие воздушную струю, проходящую через голосовые связки и надгортанные полости. Голосовые связки, колеблясь, создают звучание того или иного тембра — голос. В надгортанных полостях — глоточной, ротовой и носовой — движением органов речи «строятся» тот или иной канал для воздушной струи, в результате чего и образуются разные звуки. Особенно важна здесь ротовая полость, в которой действуют активные (губы, мягкое небо, язык) и пассивные (зубы, твердое небо, альвеолы) органы речи. В первую очередь за счет их движения создается канал определенной формы для воздушной струи.

Все звуки делятся на два класса — гласные и согласные. При произнесении гласных на пути воздушной струи нет преграды в полости рта. Напротив, когда мы произносим согласный звук, воздушная струя встречает преграду той или иной формы.

Каждый гласный звук можно охарактеризовать по трем признакам его образования: в какой части языка возникает выгиб к твердому небу, какой степени этот выгиб, вытягиваются или не вытягиваются вперед губы, когда произносится гласный звук. Первый признак называется ряд, второй — подъем, третий — лабиализация. На примере ударных гласных звуков покажем сочетания этих признаков. Передний ряд: [и], [э]. Средний ряд: [ы], [а]. Задний ряд: [у], [о]. Верхний подъем: [и], [ы], [у]. Средний подъем: [э], [о]. Нижний подъем: [а]. Лабиализованные: [у], [о]. Нелабиализованные: [и], [ы], [э], [а].

Опишем, например, гласный звук [у]. Он заднего ряда — выгиб языка к твердому небу происходит в задней его части, ближе к корню. Это звук верхнего подъема — степень выгиба велика. При его произнесении губы выгибаются вперед, он лабиализованный.

Согласные звуки описываются по следующим признакам:

— Место образования преграды: губные и язычные — переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные. Ср.: [б], [з], [ј], [г]. Переднеязычные делятся на зубные — [з], [с] и альвеолярные — [ж], [ш].

— Способ образования — форма преграды: смычные — [б], [п], [д]; щелевые — [з], [с], [в]; дрожащие — [р], [р']; аффрикаты, у которых преграда начинается смычкой и заканчивается щелью и которых в литературном языке две — [ц], [ч].

— Наличие дополнительной артикуляции — выгибания языка к твердому небу. Если такой артикуляции нет, мы называем согласный твердым — [д], [т], [ж], [м]. Если такая артикуляция есть, мы называем согласный мягким — [д'], [т'], [м']. Особо скажем о звуке [ј], для которого выгиб языка в средней его части к твердому небу является основной артикуляцией, поэтому звук [ј] мягкий и в принципе не может иметь твердой пары. Остальные согласные, во-первых, образуют в языке пары твердый — мягкий: [т] — [т'], а во-вторых, не имея пары в языке, все-таки в принципе обладают противоположным по твердости — мягкости соответствием. Например, аффриката [ч'] в литературном языке не имеет твердой пары, но вне нашей языковой системы твердый согласный [ч] существует. Аффриката [ц], напротив, не имеет у нас мягкой пары, однако вне системы существует звук [ц']. Непарными по твердости — мягкости являются согласные [ж], [ш], [ш'], но мы можем произнести звуки [ж'], [ш'], [ш̄].

— Комбинация голоса и шума. По этому признаку различаются согласные сонорные — звучные, состоящие в основном из голоса, и согласные шумные, состоящие либо из голоса и шума — звонкие, либо из шума — глухие. Проиллюстрируем вначале шумные согласные: [д]-[т], [д']-[т'], [ж]-[ш]. Сонорные согласные в русском языке характеризуются тем, что шумные ведут себя перед ними так же, как перед гласными звуками, т.е. звонкие и глухие сохраняются каждый на своем месте. Так, в словах [дѡм] — [тѡм] звуки [д] и [т] различаются перед гласными, а теперь посмотрим перед сонорными: [знѡѣ] — [снѡвь], [зл'йт'] — [сл'йт'], [брѡт'] — [прѡф], [б'ју] — [п'ју]. Таким образом, сонорными являются согласные: [м], [м'], [н], [н'], [р], [р'], [л], [л'], [ј].

— Участие носовой полости. Носовая полость открыта, и через нее проходит часть воздуха при произнесении согласных [м], [м'], [н], [н']. Эти согласные называются носовыми. Все остальные согласные — чистые, при их произнесении носовая полость закрыта небной занавеской.

Итак, каждый согласный звук мы можем охарактеризовать по указанным признакам. Например: [г] — согласный заднеязычный, смычный, твердый, шумный звонкий, чистый.

§ 2. Слог и ударение

Мы знаем теперь набор основных единиц фонетического уровня. Рассмотрим, как они сочетаются друг с другом, т.е. перейдем к характеристике их синтагматики. Первое ее проявление — это слог.

Звуки в слове объединяются в группы, вершиной которых являются гласные, а согласные примыкают к ним так, что возникает восходящая волна звучности. Эти группы и называются слогами. Условно обозначим звуки по степени звучности: гласный — 4, сонорный — 3, звонкий шумный — 2, глухой шумный — 1:

надломить	лингвистика
34234341	34322411414

Граница между слогами проходит там, где начинается подъем к следующей вершине: в первом слове 34/234/341 — на-дло-мьть; во втором 343/224/114/14 — лин-гви-сти-ка. Слоги бывают открытые, оканчивающиеся на гласный, — на, и закрытые, оканчивающиеся на согласный, — лин. Кроме того, различаются слоги прикрытые, начинающиеся с согласного звука, — на, и неприкрытые, начинающиеся с гласного, — акр.

Один из слогов в слове выделяется силой голоса, долготой или высотой тона. Это выделение слога называется ударением. В русском языке оно количественно-силовое. Наше ударение является разноместным, так как не закреплено за каким-либо одним слогом, как, например, во французском языке, где ударение всегда падает на последний слог слова. Вот ряд русских слов: кни́га, нога́, выбро́сить, забро́сить, прино́сить. Кроме того, наше ударение является подвижным, так как оно может перемещаться с одного слога на другой при словоизменении: нога́, но́гу; да́н, да́на. В связи с этими признаками современного русского ударения в ряде случаев возникают трудности с правильным произношением слов. Поэтому при затруднениях всегда следует обращаться к словарю, а к практическим занятиям нужно закрепить правильное произношение слов, указанных в приложении.

§ 3. Позиционные и исторические чередования звуков

Синтагматика проявляется также как позиционные и исторические чередования звуков. Рассмотрим это явление.

Положение звука в слове называется позицией. Различаются позиции сильные, когда качество звука самостоятельно, и позиции слабые, когда качество звука зависит от его положения в слове, определяется типом позиции.

Сильные и слабые позиции гласных звуков. Поскольку тип позиции зависит от слога, нам нужно прежде всего рассмотреть виды слогов:

Абсолютное безударное начало	Второй предудар- ный слог	Первый предудар- ный слог	Ударный слог	Заударный слог
о	бо	сно	ва́л	ся

Ударный слог — это сильная позиция гласного, в ней различаются звуки [á], [ó], [ý], [í], [ý], [é].

Первый предударный слог и абсолютное начало слова — это первая слабая позиция для гласного звука. Гласные верхнего подъема [и], [ы], [у] претерпевают в ней сокращение, но артикуляция их в целом не изменяется, поэтому в транскрипции они обозначаются теми же буквами, но без знака ударения: [к'инó], [была́], [бура́н], [игла́], [ура́н]. Отметим, что звук [ы] в абсолютном начале слова не встречается.

Гласные [а], [о], [э] в первой слабой позиции не сохраняются и заменяются другими звуками. Звуки [а] и [о] в абсолютном начале слова замещаются звуком [ʌ] — это гласный нижнего подъема, средне-заднего ряда, нелабиализованный: [ʌкнó], [ʌрбу́с]. Гласный [э] заменяется звуком [e] — среднего подъема, передне-среднего ряда, нелабиализованным: [eта́ш].

В первом предударном слоге качество гласного неверхнего подъема зависит от того, после какого согласного, твердого или мягкого, он стоит. На месте [а] и [о] после твердого согласного произносится звук [ʌ]: [сʌды́], [рʌма́н], на месте [э] после твердых согласных произносится звук [ʏ³] — передне-среднего ряда, верхне-среднего подъема, нелабиализованный: [шы³сто́и], [ʌты³л'јó].

После мягких согласных в первом предударном слоге на месте гласных [а], [о], [э] произносится звук [и³] — переднего ряда, верхне-среднего подъема, нелабиализованный: [м'и³сно́и], [н'и³су́].

Второй предударный и заударный слоги — это вторая слабая позиция для гласных звуков. Гласные верхнего подъема [и], [ы], [у] испытывают здесь еще большее сокращение, но артикуляции своей не меняют, поэтому в транскрипции мы снова обозначаем их буквами и, ы, у без знака ударения: [к'ип'и³то́к], [кн'и́г'и], [жырʌво́и], [лы́жы], [бура́вои], [ры́бу].

Гласные [а], [о], [э] во втором предударном и в заударных слогах не произносятся, качество замещающего их звука зависит от мягкости или твердости предшествующего согласного. После твердых согласных в этой позиции на месте звуков [а], [о], [э] произносится звук [ʏ] — редуцированный среднего ряда, среднего подъема, нелабиализованный: [о́кнʏ], [сʏда́во́т], [кр'э́сл'ицʏ], [дʏты³кт'и́ф].

После мягких согласных во втором предударном и заударном слогах на месте гласных [а], [о], [э] произносится звук [ь] — редуцированный переднего ряда, верхне-среднего подъема, нелабиализованный: [плáм'ь], [р'ьдл'вои], [пóл'ь], [д'ьл'вои], [н'ьсунь].

Обобщение материала смотрите в таблицах в конце пособия.

Сильные и слабые позиции согласных звуков. Для разных артикуляционных признаков согласных звуков существуют разные наборы сильных и слабых позиций. Позиция, являющаяся сильной для одного признака, может оказаться слабой для другого.

Позиции для признака голоса: 1. С и л ь н ы е: перед гласным — [гón], [кón]; перед сонорным — [грóm], [крóнь]; перед звуками [в], [в'] — [свóи], [звóн]. 2. С л а б ы е: конец слова — [гóльс], [нл'кас]; перед шумным согласным — [л'ддát'], [п'тп'исát'].

Позиции для признака твердости—мягкости: 1. С и л ь н ы е: перед гласным — [мáл], [м'áл], [пýл], [п'ýл]; конец слова — [стóл], [сóл']. 2. С л а б а я: зубной перед зубным (кроме [л], [л']) — [стóнт], [с'т'и'нá].

Позиции для признака участия пассивного органа: 1. С л а б а я: зубной целевой перед альвеолярным — [шшýт'] ← сшить. 2. Все остальные позиции этого признака с и л ь н ы е — [сп'эт'], [зр'á].

Позиции для звука [j]: 1. С и л ь н а я перед ударным гласным — [jóлкь], [мл'já]. 2. Все остальные позиции для этого звука с л а б ы е — [мáи], [мáйкь], [св'ьи'вó].

Позиционные чередования звуков. В процессе словоизменения и словообразования позиция звука может меняться. Ср.: в форме прилагательного дорогóй ударение падает на окончание и оба гласных корня стоят в слабой позиции, причем первый звук [о] находится в слабой позиции второго типа, а второй звук — в слабой позиции первого типа: до-ро-гой; набор позиций для гласных: слабая 2 — слабая 1 — сильная (сокращенно: сл.2 — сл.1 — с.). В форме сравнительной степени дорóже ударение сместилось на второй слог, в результате изменилась картина позиций: до-ро-же (сл.1 — с. — сл.2). Рассмотрим краткую форму этого прилагательного дóрог, с ударением на первом слоге. Картина позиций снова иная: до-рог (с. — сл.2). Запишем прилагательное в разных его формах в транскрипции: [д'ьрл'гои] — [дл'рóжь] — [дóрьк]. Мы видим, что в корне происходит чередование гласных звуков: дь/дó/дл; рл/рьк/рó.

Какие выводы можно сделать из наших наблюдений?

1. В результате смены позиции происходят чередования звуков, называемые позиционными.

2. Единицей, в которой происходят эти чередования, является не слово, а м о р ф е м а. Не случайно мы говорили, что изменилась позиция для звука в корне, а не в слове дорогóй.

Итак, еще раз повторим: позиционные чередования — это чередования звуков, которые происходят в морфеме при изменении позиций для составляющих ее звуков.

Позиционные чередования гласных. Покажем их на примере разных морфем.

Корень -золот-: зо-ло-то (с.-сл.2), [ó] — [ъ]; зо-ло-той (сл.2-сл.1), [ъ] — [л]; по-зо-ло-че-нный (сл.1-с.), [л] — [ó]. В корне -золот- происходят позиционные чередования гласных: в первом слого — зó/зъ/зл и во втором — лъ/лл/лó.

Окончание -о в существительных среднего рода, единственного числа, именительного падежа: зо-ло-то (сл.2), [ъ]; се-ре-бро (с.), [ó]; по-ле (сл.2 после мягкого согласного), [ъ]. В этой морфеме происходит позиционное чередование ó/ъ/ь.

Приставка под-: по-дпись (с.), [ó]; по-длить (сл.1), [л]; по-дпи-сать (сл.2), [ъ]. В приставке под- чередуются гласные ó/л/ъ. Приставка пере-: пе-ре-вязь (с.-сл.2), [э] — [ъ]; пе-ре-ход (сл.2-сл.1), [ъ] — [и³]; пе-ре-а-дре-со-вка (сл.2-сл.2), [ъ] — [ъ]; пе-ре-бра-нный (сл.1-с.), [и³] — [э]. В первом слого приставки пере- чередуются гласные звуки п'э/п'ь/п'и³, во втором — гласные р'ь/р'и³/р'э.

Суффикс -онн-: ре-ше-нный (с.), [ó]; вы-чер-че-нный (сл.2), [ъ]. В суффиксе причастий -онн- происходит позиционное чередование гласных звуков ó/ь.

Позиционные чередования согласных. Они дифференцируются по признакам согласных звуков, хотя принцип их тот же: в морфеме должна происходить смена одного типа позиции другим.

1. Чередования по признаку голоса. Корень -ног-: нога (с. перед гласным), [г]; ног (сл. на конце слова), [к]. В корне -ног- происходит позиционное чередование согласных по голосу г/к. Приставка под-: подлить (с. перед сонорным), [д]; подписать (сл. перед шумным), [т]. В приставке под- происходит позиционное чередование согласных по голосу д/т. Суффикс -аг-: бродяга (с. перед гласным), [г]; бродяг (сл. на конце слова), [к]. В суффиксе -аг- происходит позиционное чередование согласных по голосу г/к.

2. Чередования по признаку твердости — мягкости. Покажем их на примере корня, так как общий принцип их нам уже известен. Корень -вез-: вез (с. на конце слова), [с]; везги (сл. зубной перед мягким зубным), [с']. В корне -вез- происходит чередование согласных звуков по твердости — мягкости с/с'.

3. Чередование зубной щелевой — альвеолярный. Приставка с-: смыть (с. перед [м]), [с]; сшить (сл. перед альвеолярным), [ш]. В приставке с- происходит позиционное чередование согласных по участию пассивного органа с/ш.

4. Чередование j/й. Корень -мой-: мое (с. перед ударным гласным), [j]; мой (сл. на конце слова), [й]. В корне -мой- происходит позиционное чередование согласных звуков j/й.

Итак, в морфеме в результате того, что меняются позиции для составляющих его звуков, происходят позиционные чередования гласных и согласных.

Исторические чередования звуков. Кроме позиционных, в морфеме могут наблюдаться исторические чередования звуков, не обусловленные фонетической позицией. Исторические чередования представляют собой следы старых позиционных чередований, с ходом развития языка утративших позиционное обоснование. Приведем примеры.

Чередования гласных звуков: о/а — заморозить/замораживать; у/о/ы — сухой/сохнуть/высыхать; о/ѳ — окон/окно.

Чередования согласных звуков: г/ж — дорога/дороженька; з/ж — возить/вожу; д/ж — водить/вожу; к/ч — замок/замочек; с/ш — носить/ношу; т/ч — крутить/кручу; губной/губной+л — любить/люблю, купить/куплю.

Чередования звуков и звукосочетаний: а/м/им — нажать/нажму/нажимать; а/н/ин — начать/начну/начинать.

Мы рассмотрели основные особенности синтагматики звуков в современном русском литературном языке. Теперь необходимо остановиться на их парадигматике.

§ 4. Фонема и парадигматика звуков

Рассматривая позиционные чередования, мы видели, что, например, корень в прилагательном дорогóй, несмотря на разницу в звуковом составе — [дърΛг] — [дóрък] — [дΛрóж], — это один и тот же корень, точно так же как в словах золото, серебро, поле одно и то же окончание, а в глаголах подлить, подписать одна и та же приставка. Происходит это потому, что позиционно чередующиеся в морфеме звуки ф у н к ц и о н а л ь н о являются для нас одной фонетической единицей, призванной отождествить морфему и отличить ее от других морфем. Эта функциональная фонетическая единица и называется фонемой.

Таким образом, фонема представляет собой парадигму позиционно чередующихся звуков, не нарушающих тождества морфемы.

Сколько же в современном русском языке таких парадигм? Столько, сколько звуков различается в сильных позициях:

6 гласных фонем: [ба́л], [бы́л], [б'й́л], [бу́м], [бо́т], [б'э́л] — [а], [ы], [и], [у], [о], [э];

37 согласных фонем: [ба́л] — [б], [б'э́л] — [б'], [ва́л] — [в], [в'а́л] — [в'], [гэ́с] — [г], [г'э́рп] — [г'], [до́м] — [д], [пΛид'о́м] — [д'], [жа́р] — [ж], [ж'э́у] — [ж'], [за́м] — [з], [вз'а́л] — [з'], [ко́м] — [к], [тк'о́т] — [к'], [ло́м] — [л], [л'о́т] — [л'], [ма́л] — [м], [м'а́л] — [м'], [но́с] — [н], [н'о́с] — [н'], [по́ст] — [п], [п'о́с] — [п'], [ра́с] — [р], [р'а́сь] — [р'], [со́м] — [с], [с'а́т'] — [с'], [то́н] — [т], [т'о́мныи] — [т'], [фо́н] — [ф], [ф'э́н] — [ф'], [хо́р] — [х], [х'э́к] — [х'], [цэ́п'] — [ц], [ч'а́и] — [ч'], [ша́р] — [ш], [ш'у́кь] — [ш'], [ја́т] — [ј].

Вокруг этих образцов группируются звуки слабых позиций. Напри-

мер, в корне -вод- слов [вЛд́а], [вóды], [въдьпрЛвóт] фонема [о] реализовалась в звуках [ó], [Λ], [ъ], эта парадигма отождествляет корень -вод-. Фонема [д] в этом же корне реализовалась в звуках [д], [т], [д'], парадигма эта также служит для отождествления корня. Фонема [в] реализована лишь в одном звуке [в].

Итак, на фонетическом уровне мы видим те же принципы внутриуровневой организации единиц: парадигматику — группировку по функциональному сходству и синтагматику — группировку в потоке речи. Таковы системные отношения единиц фонетического уровня. Эти системные отношения могут осложняться литературными нормами, которые в ряде случаев сохраняют следы старого состояния языковой системы, а также отражают влияние грамматики и письма на наше произношение. Переходим к описанию этих норм.

§ 5. Орфоэпия

Правила произношения в литературном языке опираются на те системные нормы, которые были описаны в предыдущих разделах: в безударных слогах не сохраняются звуки [а], [о], [э], невозможно произношение «шумный глухой + шумный звонкий» и наоборот, а только «глухой + глухой», «звонкий + звонкий» и т.д. Есть, однако, нормы, которые в эту строгую систему не укладываются и связаны с историей языка, его грамматикой и письмом. Словарный минимум к нормам, которые сейчас будут изложены, дан в приложении.

Произношение отдельных звуков

1. При произношении гласных под ударением представляют трудность некоторые случаи, связанные с тем, что у нас на письме не является обязательным обозначение буквы ё. Поэтому надо по словарю запомнить произношение слов белёсый, блёклый, жёлчь, манёвр, с одной стороны, и афера, опека, недоуменный, оседлый, головешка, валежник, с другой.

2. В некоторых служебных и заимствованных словах сохраняется произношение безударного [о]: союзы но, то... то, заимствования рококо, адажио, радио, хаос, иногда слова поэт, поэзия, поэтический.

3. Употребление гласных звуков [ъ] и [ь] в окончаниях и некоторых суффиксах может осложняться грамматической аналогией с ударными морфемами: родительный поля — [пóл'ъ] под влиянием форм типа коня, столá; красная — [краснѣѣ], как моя, твоя, своя; постфикс -ся, например, в торопился — [търЛп'йлс'ъ] под влиянием форм типа принялся (сказывается и влияние письма); суффикс деепричастия -а, например, в отвечая — [Лтв'и^{эч}аѣъ], как идя, спешá.

4. В некоторых заимствованных словах произносятся полумягкие [ж'], [ш'], [ц']: жури, пшют, Коцюбинский.

5. На месте буквы щ произносится не только звук [ш'], но по ленинградской норме и трехэлементная аффриката [ш'т'ш'], поэтому возможна огласовка: [ш'ок'и] и [ш'т'ш'ок'и].

6. В некоторых словах произносится заднеязычный звонкий щелевой согласный [h]: [бух^алт'ър], [hосп^д'и], [ohó], [Λhá]. Такое произношение было и у форм слова бог — [бо^нъ], [бо^ну], откуда обязательное произношение формы именительного падежа [бо^х], в результате позиционного чередования звонкого и глухого h/x на конце слова.

Произношение сочетаний звуков

1. Гласный [а] после согласных [ж], [ш], [ц] произносится в первом предударном слоге по-разному в зависимости от следующего за ним согласного звука: перед твердым согласным он заменяется звуком [Λ] — [шΛл^аш], а перед мягким — звуком [ы^э] — [жы^эл'эт'].

2. Звукосочетания «согласный + э». В словарном порядке в ряде слов закреплено твердое, а в ряде слов — мягкое произношение согласного, ср.: [тэмбр], [тэрмъс] и [прΛгр'эс], [р'и^эгр'эс].

3. Смягчение согласного перед следующим мягким согласным. Обязательное смягчение происходит в следующих случаях: [с], [з] перед [т'], [д'], [н']; [н] перед [т'], [д'], [н'], [ч'], [ш']: [кост^ьч'къ]/[кос'т']; [бърΛзд^а]/[бърΛз'д'йт']; [в'и^эсна]/[в'и^эс'н'э]; [в'инт]/[в'ин'т'ик]; [банд^ь]/[бан'д'ъ]; [ран^ь]/[ран'н'ии]; [в'и^эно^к]/[в'эн'ч'ик]; [бърΛбан'ш'ик].

Во всех других случаях позиционное смягчение факультативно. Например, можно произносить [в'этв'и] и [в'эт'в'и], [дв'э] и [д'в'э], [мысл'] и [мыс'л'].

Некоторые сочетания звуков по-особому произносятся в отдельных, нормативно закрепленных словах.

Сочетание [ш'н] в слове помощник произносится как [шн]. Сочетание [чн] в некоторых словах произносится как [шн]: нарочно, скучно, конечно, горчи́чник, но челове́чный, очный и др. Сочетание [чт] произносится как [шт] в местоимении что и ряде его производных: [н'иштó], [штó-тъ], союз [пътΛмú'штъ], но [н'эч'тъ]. Сочетание [гк] в прилагательных легкий, мягкий произносится как [хк]. Сочетание [кч] в глаголах облегчить, смягчить, облегчать, смягчать произносится как [хч], обратите также внимание на ударение в двух первых глаголах: [Λбл'и^эхч'йт'], [см'и^эхч'йт']. Сочетания [сч], [зч], [жч], [сш'] в середине слова произносятся как [ш']: [дΛнóш'ик], [груш'ик], [муш'инь], [рΛш'эл'инь]; в начале слова сочетание [сч] произносится как [ш'т'ш'], если [с] отчетливо воспринимается как приставка с-: [ш'т'ш'и^эрт'йт'], но [ш'от].

1. В прилагательных с основой на заднеязычный согласный типа тихий, легкий, строгий возможны два варианта произношения конца основы и окончания: старый, исконно русский — [т'йхъ], [л'охкъ], [строгъ], который и сейчас еще сохраняется иногда в сценической речи, и новый, сложившийся под влиянием письма — [т'йх'ий], [л'охк'ий], [строг'ий]. Написание таких слов возникло под влиянием старославянского языка.

2. В прилагательных мужского и среднего рода форма родительного падежа единственного числа пишется с окончаниями -ого, -его, произносятся же в этих окончаниях согласный [в]: [строгъвъ].

3. Глаголы с корнем на заднеязычный и суффиксом -ива- типа вскакивать, вздрагивать могут произноситься двояким образом: [фскакъвът'] и [фска́к'ивът'], [взра́гъвът'] и [взра́г'ивът'].

4. В инфинитиве возвратных глаголов сочетание -ться произносится как [цъ] ([ц̄]): [фскъльхнұ́цъ], [злбра́цъ].

5. В постфиксе -ся/-сь возвратных глаголов согласный может произноситься твердо и мягко: [вълнлва́лсь] и [вълнлва́лсь'] — оба варианта нормативны; [вълнлва́лсь] и [вълнлва́лсь'] — первый вариант сценический и устаревающий, второй — нормативный.

Итак, описаны нормы строгого литературного произношения. В разговорной речи наблюдается гораздо более сильная редукция гласных и согласных звуков, стремление ко всякого рода упрощению и унификации произношения. Как показывают авторы монографии «Русская разговорная речь» (М., 1973), в потоке речи может оказаться безударным знаменательное слово, в результате чего в нем редуцируется даже гласный ударного слога. Например, словосочетание «двадцать человек» произносится так: [два́цц'ьк]. Наблюдается полная редукция гласных первого предударного слога и заударных слогов: сейчас — [сча́с], комната — [ко́мнтъ]. Значительно редуцируется гласный второго предударного слога: человек — [ч'ва́зк]. Унификация наблюдается в области гласных верхнего подъема, когда вместо звуков [у], [ы] произносится редуцированный [ъ]: градусов — [гра́дсьф], была — [бъла́]. Редуцируются интервокальные согласные: ходит — [хо́ит], говорят — [гья́р'ат], упрощаются группы согласных: сколько — [ско́ка], чувств — [чу́ст], гвоздь — [гво́с'].

§ 6. Транскрипция

Итоги сказанного подведем в форме методических рекомендаций к транскрибированию текста. Затранскрибируем следующий текст:

Майский мороз

Все обещало ночью сильный мороз. В первом часу при луне я вышел в дубовую рощу, где много маленьких птиц и первых цветов.

Вскоре на западе стала заниматься заря, и свет пошел на восток, как будто заря утренняя внизу, невидимо за чертой горизонта, взяла вечернюю и потянула к себе. Я шел очень скоро и так согревался, что не заметил даже, как сильный мороз схватил траву и первые цветы. Когда же прошел заутренний час и мороз вступил во всю силу, я взял один лиловый цветок и хотел согреть его теплой рукой, но цветок был твердый и переломился в руке (М.Пришвин. Календарь природы).

1. Односложные и двусложные безударные предлоги, союзы, частицы в произношении примыкают к предыдущему или последующему слову и подчиняются фонетическим закономерностям, действующим внутри слова: над морем — [н^ад^мо^рь^м], в поле — [ф^по^ль], под столом — [п^нт^{ст}о^ло^м], мал, да удал — [м^ал^дь^уд^ал]. Поэтому на первом этапе транскрипции мы расставим ударения, определим случаи слияния единиц в «большое слово» и произведем расчет слогов:

з/у   1 п/у Мáйский морóз

А¹п/у з/у з/у з/у 1 п/у з/у 1 п/у
Всё обещало ночью сильный мороз. В^первом часу
2 п/у 1 п/у з/у 1 п/у з/у з/у з/у з/у з/у
при^лунé я вышел в^дубовую рощу, где много мален-
з/у А¹п/у з/у 1 п/у з/у 1 п/у з/у з/у з/у
ких птиц и^лиловых цветов. Вскóре на^западе стала
2 п/у 1 п/у з/у 1 п/у А¹ 1 п/у 2 п/у 1 п/у 1 п/у з/у
заниматься заря, и^свет пошел на^восток, как^будто
1 п/у з/у з/у з/у 1 п/у 1 п/у з/у з/у 2 п/у 1 п/у 2 п/у 1 п/у з/у
заря^утренняя внизу, невидимо за^чертой горизонта,
1 п/у 1 п/у з/у з/у А²п/у 1 п/у з/у 1 п/у з/у
взяла^вечернюю и^потянула к^себе. Я шёл очень
з/у А²п/у 1 п/у з/у 3 п/у 2 п/у 1 п/у з/у з/у
скóро и^так согревался, что^не^замéтил да́же,
1 п/у з/у 1 п/у 1 п/у 1 п/у А³ з/у з/у 1 п/у
как^сильный мороз схватил^ттраву и^первые цветы.
1 п/у з/у 1 п/у 1 п/у з/у з/у А¹ 1 п/у 1 п/у
Когдá же прошёл за^утренний час и^мороз вступил
1 п/у з/у А¹ 1 п/у з/у 1 п/у А¹ 1 п/у
во^всю силу, я взял один лиловый цветок и^хотёл
А¹п/у 1 п/у з/у 1 п/у 2 п/у 1 п/у з/у
отогрéть его тёплой рукой, но^цветок был твёрдый
А³п/у 2 п/у 1 п/у з/у 1 п/у
и^переломился в^руке.

2. Транскрипция:

ма́йск'иѣ ма́р'о́с

фс'о́ лб'и'ш'а́ль но́ч'иу с'и́л'ныѣ ма́р'о́с. ф'п'э́рвѣм ч'и'су
пр'и'лун'э́ ја́ вы́шл в'дубо́вуу ро́ш'у, гд'э́ мно́гъ ма́л'ьн'к'их
пт'и́ц и'п'э́рвѣх цв'и'то́ф.

фско́ръ нл'за́пѣд'ь ста́ль зѣн'има́ць злр'а́ и'св'э́т плшо́л
нѣ'влас'о́к, клг'бу́ть злр'а́ у́тр'ьн'ѣѣ вн'изу́, н'и'в'и́д'имѣ
зѣ'ч'и'э́ртоѣ гър'изо́нтъ, вз'и'э́ла в'и'ч'э́рн'уѣу и'пѣ́т'и'э́ну́ль
к'с'и'э́б'э́. ја́ шло́л о́ч'ьн' ско́ръ и'та́к сы́гр'и'э́ва́лсь, што́'н'ѣ
злм'э́т'ил да́жъ, клк'с'и́л'ныѣ ма́р'о́с схв'а́т'и́л тра́ву и'п'э́рвѣѣ
цв'и'ты́. клгда́'жъ прашло́л зл'у́тр'ьн'иѣ ч'а́с и'ма́р'о́с фступ'и́л
вл'фс'у́ с'и́лу, ја́ вз'а́л лд'и́н ли́ло́выѣ цв'и'то́к и'х'а́т'э́л
л'а'лгр'э́т' и'и'э́во т'о́плѣѣ ру́коѣ, но́'цв'и'э́то́к бы́л тв'о́рдыѣ
и'п'э́р'ьлм'и́лсь в'ру́к'э́.

Дополнения к транскрипции:

- 1) [зѣн'има́ць] — возможен другой вариант изображения: [зѣн'има́ццъ];
- 2) [сы́гр'и'э́ва́лсь], [п'э́р'ьлм'и́лсь] — возможно произношение [лс'ъ];
- 3) обратите внимание на произношение союзов но, что с безударным [о];
- 4) [св'э́т], [тв'о́рдыѣ] — возможно произношение [с'в'э́т], [т'в'о́рдыѣ].

§ 7. Интонация

Звуковую оболочку, как известно, имеет не только слово, морфема, но и предложение. Помимо того, что предложение складывается из звуков, составляющих слова, оно оформляется интонацией, связанной с музыкальным движением тона относительно центра, выделенного тактовым или фразовым ударением.

Из характеристики устной речи мы помним, что она делится на группы слов, образующих беспаузное смысловое единство — синтагмы, или такты. Каждый такой такт имеет центр, выделенный тактовым ударением. Когда такт или группа тактов оформляются законченной интонацией, они образуют фразу, наделенную своим центром — фразовым ударением. В зависимости от того, как характеризуется высота тона по отношению к центру, т.е. тон предцентра и постцентра, различаются семь типов интонационных конструкций (ИК).

— ИК-1. Постцентр произносится ниже предцентра, в центре понижения тона:

Он уехал на троллейбусе. Он вернулся домой. Кончено.

ИК-1 оформляет и части сложного предложения:

Он вернулся домой, когда было совсем темно.

— ИК-2. Центр на уровне предцентра, постцентр ниже предцентра:

Когда ты придешь? Звательное: Маша!

ИК-2 оформляет вопросительные предложения с вопросительным словом, звательные предложения, приветствия, восклицания.

— ИК-3. В центре — повышение тона, постцентр произносится ниже предцентра:

Ты прочел эту книгу? Прочел? Он пришел? Дал?

ИК-3 оформляет вопросительные предложения без вопросительного слова. Внутри предложения ИК-3 выделяет обособленные конструкции, в сложноподчиненном — придаточные, стоящие перед главным:

3 1 3 1
Придя домой, он обо всем мне рассказал. Когда вернешься, позвони.

— ИК-4. Центр начинается с понижения по отношению к предцентру, затем происходит повышение тона, постцентр произносится выше предцентра:

1
Я прочел эту книгу. — А Светлана?

Внутри предложения ИК-4 также может выделять обособление, придаточные, но эту интонацию «Русская грамматика» характеризует как официальную по сравнению с ИК-3. Сопоставим с предыдущим произношение:

4 1
Когда вернешься, позвони.

— ИК-5. В этой ИК два центра. От предцентра тон повышается, затем немного понижается, и следует второй центр со снижением тона. Постцентр ниже предцентра:

2
Ну как поход? — Прекрасно отдохнули!

— ИК-6. В центре — повышение тона, постцентр произносится выше предцентра:

Какой прекрасный сад! Цветов! Прелесть!

— ИК-7. В центре происходит повышение тона, заканчивающееся смычкой голосовых связок, постцентр произносится ниже предцентра:

3
Хорошо сказал! Ох, и не говори! Ну ты даешь! Ты пойдешь? — Нет!

В потоке речи интонационные конструкции следуют одна за другой, их набор в тексте обусловлен содержанием и индивидуальными особенностями говорящего — его настроением, темпом речи, отношением к адресату и т.п. Например, первые строки стихотворения в прозе И.С.Тургенева «Мы еще повоюем!» можно прочесть так:

Какая ничтожная малость / может иногда перестроить / всего
 человека! Полный раздумья, / шел я однажды / по большой дороге.
 Тяжкие предчувствия / стесняли мою грудь; / унылость / овладевала мною.

ЛИТЕРАТУРА

Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. 1. С. 14-122.

§ 8. Выразительные средства фонетического уровня языка

Выразительность звуковой стороны текста может достигаться двумя способами.

1. Звучание текста наделяется изобразительностью за счет того, что устанавливается прямая связь звук — смысл. В целях изобразительности используется ритмическая организация текста, как стихотворного, так и прозаического. Сравним два описания пути:

Еду, еду в чистом поле;
 Колокольчик дин-дин-дин...
 Страшно, страшно поневоле
 Среди неведомых равнин!

(А.С.Пушкин)

Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
 Многое вспомнишь родное, далекое,
 Слушая ропот колес непрерывный,
 Глядя задумчиво в небо широкое.

(И.С.Тургенев)

Энергичный хорей и размеренный, задумчивый дактиль наглядно передают разницу в настроении путешественников.

Непосредственная связь звучания и смысла устанавливается также за счет звукописи. Насыщение текста согласными звуками, близкими по своим признакам, называется аллитерацией, насыщение близкими по качеству гласными — это ассонанс. Отметим, что эти количественные признаки будут ощущаться читателем или слушателем как выразительные только тогда, когда у них есть связь с общим содержанием и настроем

нием изложения. Рассмотрим два отрывка — из стихотворения В. Берестова «Жуки» и из стихотворения А. Решетова «Иволга»:

Чудо как хорош гудящий звук,
Звук блаженной песенки полетной.
Жалко, что летать не любит жук,
Жалко, что жужжит он неохотно.
На автомобильчик он похож,
И усами движет, как чудовище,
И блестит, как дорогая брошь,
Сам себе разбойник, сам сокровище.
У жука ужасно важный вид.
Ух, какой он взрослый и усатый!
Жутко занят, страшно деловит.
Жук из наших рук бежит куда-то.

(В. Берестов)

Иволга! Иволга! Только они
Свишут в такие ненастные дни.
— Фиу! — И дождь присмирел, перестал.
— Лиу! — И плес хрусталем заблестал.
— Фитиу-лиу! — И в мире светло —
Иволга знает свое ремесло!

(А. Решетов)

Поэтический слух, конечно, не случайно отобрал для изображения жука шипящие согласные ж, ш, щ, из гласных на первом месте у. А для изображения иволги подобраны слова, насыщающие текст гласным и и плавными л, л'. На этом звуковом фоне даже само слово иволга воспринимается как некий посвист, песенка.

Целям изобразительности служит звукоподражание — такое изменение слова, которое делает его звуковую оболочку похожей на тот или иной неязыковой звук. Вспомним хотя бы давнюю традицию так передавать голос попугая: «... Попугай нахохлился и начал громко кричать: „Дуррак! Дуррак!“» (А. Погорельский. Черная курица); «— Пер-рехожу на пр-ри-ем! — сказал попугай. — Чар-родей! Чар-родей! Говор-рит Кр-рыло, говор-рит Кр-рыло!» (А. Стругацкий., Б. Стругацкий. Понедельник начинается в субботу).

2. Второй путь достижения выразительности с помощью фонетических средств — это имитация просторечного, диалектного, иноязычного произношения или индивидуального дефекта речи. Вот диалог из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»:

«— Что у тебя в портфеле, паразит? — пронзительно прокричал похожий на кота. — Телеграммы? А тебя предупредили по телефону, чтоб ты их никуда не носил? Предупреждали, я тебя спрашиваю?

— Предупрежди... дали.. дили... — задыхаясь, ответил администратор.

— А ты все-таки побежал? Дай сюда портфель, гад! — тем самым гнусавым голосом, что был слышен в телефоне, крикнул второй и выдрал портфель из трясущихся рук Варенухи».

Просторечное произношение портфель сочетается со всем строем речи Кота и Азазелло в данном эпизоде — со словами гад, паразит, обращением на „ты“. Деформация звуковой оболочки слова предупредить, когда Варенуха контаминирует формы двух глаголов, согласуется с его состоянием, в котором соединились боль, страх, недоумение.

Вспомним отрывок из рассказа Киряги-деревяги в книге В.Астафьева «Царь-рыба», где диалектное произношение передает местный колорит. Иноязычный акцент проиллюстрируем отрывком из сохранившихся глав романа М.Булгакова «Черный маг»:

«— Меня вызвал, — объяснял инженер, причем начал выговаривать слова все хуже... — я все устроил...»

— А-а... — очень почтительно и приветливо сказал Берлиоз, — это очень приятно. Вы, вероятно, специалист по металлургии?

— Не-ет, — немец помотал головой, — я по белой магии!

Оба писателя как стояли, так и сели на скамейку, а немец остался стоять.

— Там тшинownik как все запутал, так запутал, — продолжал говорить немец...»

ЛИТЕРАТУРА

Якобсон Р. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С.210-212.

§ 9. Фонетика и письмо: графика, орфография, пунктуация

Графика

Графика определяет соотношение звуков и букв. Графика современного русского языка построена на так называемом слоговом принципе (не путайте со слогоделением, явлением чисто фонетическим!). Слоговой принцип графики проявляется в том, что для ряда звуков в алфавите нет специальных букв и они передаются на письме только в комплексе со следующим за ними звуком.

Передача звука [j] перед гласным звуком. Согласный [j] в позиции перед гласным звуком не имеет специального письменного знака, за исключением некоторых заимствованных слов типа район, йод. В позициях не перед гласными [j], вернее звук [ɨ], передается буквой й: майка, дай. Перед гласными [j] обозначается на письме йотированными гласными буквами е, ё, ю, я. В трех положениях эти буквы передают на письме не один, а два звука — [j + гласный]:

1. Начало слова: ель - [jɛл'] — буква е в начале слова обозначает два звука: согласный [j] и гласный [ɛ].

2. После гласной буквы: поезд — [пóйѐст] — буква е в положении после гласной буквы о обозначает два звука: согласный [j] (вариант [ѣ]) и гласный [ѐ].

3. После разделительных знаков ъ и ь: съем — [сѣѣм] — буква е после разделительного твердого знака передает на письме два звука: согласный [j] и гласный [ѣ]. В этом положении два звука обозначает также буква и.

Обозначение твердых и мягких парных согласных. Парные твердые и мягкие согласные звуки обозначаются на письме одной буквой. Например, согласные звуки [п] и [п'] обозначаются буквой п: пыл — пил, [пы́л] — [пи́л]. Поэтому твердость или мягкость парного согласного передается на письме с помощью следующего за ним знака.

1. Неитированные гласные буквы а, о, ы, у, э, обозначая гласный звук, вместе с тем указывают на твердость предшествующего ему согласного звука: [ма́л] — для передачи гласного звука [а́] и твердости идущего перед ним согласного звука [м] мы используем на письме неитированную букву а: мал.

2. Итированные гласные буквы я, е, ё, ю, и, обозначая гласный звук, вместе с тем указывают на мягкость предшествующего ему согласного звука: [ма́ял] — для передачи на письме звука [а́] и мягкости стоящего перед ним согласного звука [м'] использована итированная гласная буква я: мял.

3. На конце слова и перед согласными звуками твердость согласного звука передается отсутствием буквы ь. На конце слова и в ряде случаев перед согласными звуками мягкость согласного звука передается буквой ь. Ср.: [л'о́н] — [л'о́н'], [го́ркъ] — [го́р'къ]. Твердость согласных звуков [н] и [р] передается на письме отсутствием после них мягкого знака: лён — лёнџ, горка — горџка. Мягкость согласных звуков [н'] и [р'] мы передаем на письме с помощью буквы мягкий знак — лень, горько.

Позиционные смягчения согласного звука перед следующим мягким согласным звуком на письме не передаются: [с'т'и'нѣ] — стена.

Обратим внимание на то, что речь идет только о парных по твердости—мягкости согласных звуках. Непарные по этому признаку согласные звуки [ж], [ш], [ц], [ч'], [ш'] при передаче их на письме в помощи соседних значков не нуждаются и во всем комплексе своих признаков передаются соответствующими буквами — ж, ш, ц, ч, щ. Поэтому и возможны различные комбинации типа ча — ща, жи — ши, когда после мягкого идет неитированная, а после твердого — итированная буква. Поскольку все признаки согласного звука переданы согласной буквой, безразлично, какая за ней последует гласная буква, в принципе возможны написания чя, щя, жы, шы, вспомним, что после ц мы и пишем в одних случаях и, в других ы. Передача на письме непарных по твердости—мягкости согласных не имеет отношения к слововому принципу графики и регулируется правилами орфографии, о чем в соответствующем разделе и будет сказано. А сейчас проанализируем проявления словового принципа графики в двух словах:

летать — [л'и^этáт'] : буква е обозначает на письме гласный звук [и^э] и указывает на мягкость предшествующего этому гласному согласного звука [л'] ; буква а обозначает на письме гласный звук [á] и указывает на твердость предшествующего ему согласного звука [т] ; буква ь указывает на мягкость конечного согласного звука [т'] ;

дом — [дóм] : буква о обозначает на письме гласный звук [ó] и указывает на твердость предшествующего ему согласного звука [д] ; твердость конечного звука [м] передана на письме отсутствием буквы ь.

Орфография

Орфография — раздел письма, определяющий правила написания значимых единиц — морфем, слов. Поскольку в приложении группируются и излагаются основные правила орфографии, здесь мы рассмотрим лишь принципы, на которых ее правила строятся. Этот аспект позволит нам еще раз обратиться к такому важному явлению русской фонетики, как позиционные чередования звуков.

Принципы орфографии обуславливаются теми способами, которыми передаются на письме мельчайшие значимые единицы языка — морфемы, т.е. корни, приставки, суффиксы, окончания.

Мы помним, что, если в морфеме в зависимости от фонетических условий происходит смена сильных и слабых позиций, в ней возникают позиционные чередования звуков и, следовательно, звучит она по-разному. Например, корень -вод- в слове вода произносится как [вÁд], тот же корень в слове водяной звучит уже как [вѐд'], в слове водный — как [вóд], а в форме родительного падежа множественного числа вод — как [вóт]. Происходит это, напоминаем, потому, что для гласного в корне, в результате движения ударения в словах, меняются позиции: в словах вод, водный у этого гласного звука сильная позиция (под ударением) ; в слове вода у него слабая позиция первой степени в первом предударном слоге; в слове водяной — вторая слабая позиция во втором предударном слоге. Возникает позиционное чередование гласных звуков ó/ á/ ѐ. Меняются позиции и для последнего согласного звука корня [д] : в словах вода, водяной это сильная для голоса позиция перед гласным звуком, в слове водный — сильная для голоса позиция перед сонорным согласным, в слове вод — слабая для голоса позиция конца слова. В результате смены позиций возникает чередование звуков д/т. Чередование д/д' в корне является историческим.

Гласный звук окончания -а в слове вода находится под ударением, т.е. в сильной позиции, а вот в слове книга он оказывается во второй слабой позиции заударного слога, поэтому в окончании тоже происходит позиционное чередование гласных а/ѐ.

Приставка в словах рассыпать, россыпь, раздавать, розданы одна и та же, но в результате смены позиций для гласного и второго согласного произносится она по-разному: [рÁс], [рóс], [рѐз], [рóз].

Принципы орфографии различаются прежде всего в зависимости от того, отражаются ли на письме каким-либо образом позиционные чередования звуков.

I. Позиционные чередования звуков на письме хотя бы частично могут передаваться. В этом случае морфема имеет не одно, а два и более начертаний. Так, приставка в рассмотренных словах имеет четыре письменных изображения: раз-, рас-, роз-, рос-, которые хотя и неполно, но передают звуковое варьирование морфемы. Принцип орфографии, требующий отражения на письме позиционных чередований звуков, называется фонетическим.

На этом принципе в русской орфографии основано написание приставок на -з (раз-, воз-, без-, через-, из-, низ-), написание букв о и е в окончаниях и суффиксах именных частей речи после шипящих и ц (межой, но ношей; камышовый, но плюшевый), написание буквы ы вместо и в начале корня после приставки на согласный (искать, но подыскать). Использование этого принципа в русской орфографии довольно ограничено.

II. Позиционные чередования звуков в морфеме могут на письме не отражаться. В этом случае морфема имеет изображение, независимое от позиционных чередований. Например, изображая на письме корень в слове вода и его производных как -вод-, мы не передаем ни позиционных чередований гласных, ни позиционных чередований согласных в этой морфеме. Не передаем мы позиционных чередований и в окончании -а в словах вода, книга.

Существуют два принципа орфографии, при которых позиционные чередования звуков на письме не передаются: морфологический и исторический. Они различаются в зависимости от того, чем обусловлен выбор единого варианта письменной передачи звука.

1. При историческом принципе выбор единого образца обусловлен традицией и с точки зрения современного русского языка необъясним. Традиционные написания не поддаются проверке и требуют запоминания. На историческом принципе основано написание безударных гласных не проверяемых ударением (с^дбака, к^сстюм); написание не проверяемых согласных (во^кзал); написание буквы ь после шипящих в формах типа мыш^ь, пишеш^ь, отреш^ь; написание жи—ши, ча—ща и некоторые другие правила. Этот принцип также не является в нашей орфографии основным.

2. При морфологическом принципе изображение звука в морфеме ориентировано на его сильную позицию. В корне -вод-, например, буква в пишется потому, что звук [в] находится в сильной позиции перед гласным; буква о пишется потому, что в сильной позиции под ударением в корне -вод- произносится гласный звук [о]; буква д пишется потому, что в сильной позиции перед гласным или сонорным в этой морфеме произносится согласный звук [д]. Морфологические написания поддаются проверке: звук надо поставить в сильную позицию и по ней передать на письме. Мор-

фологический принцип является ведущим в русской орфографии. На нем основано написание безударных гласных, проверяемых ударением, написание проверяемых глухих и звонких согласных, написание большинства непронизосимых согласных.

Рассмотрим несколько конкретных случаев, на которых дадим образцы описания материала, а также сделаем несколько дополнительных замечаний методического и теоретического характера.

Морфологический принцип:

дуб: позиционное чередование б/п ([д^уп] — [дубы]) не передается, буква б пишется по сильной позиции, проверочное слово дубы — морфологический принцип;

плот: буква т пишется при слабой позиции звука так же, как при сильной в проверочном плоты, — морфологический принцип;

дрова: позиционное чередование б/л/ъ ([др^оф] — [дрлва] — [др^в'и^но^и]) не передается, буква о пишется по сильной позиции проверочных слов др^ов, др^овни — морфологический принцип;

трава: позиционное чередование а/л/ъ ([тр^аф] — [трлва] — [тр^в'и^но^и]) не передается, буква а пишется по сильной позиции в проверочном тр^ав — морфологический принцип.

Примечания. 1. Написание букв в корне проверяется тем же корнем, независимо от того, находится ли этот корень в форме того же слова, или же он оказался в однокоренном слове. Например, уже было показано, что гласную букву в слове дрова в корне -дров- можно проверить и формой этого слова др^ов, и другим словом — др^овни.

2. В современной русской орфографии есть одно правило, в котором проверка проводится не только по сильной, но и по слабой позиции, причем последний вариант проверки написания оказывается более частотным, чем первый. Речь идет о правиле написания букв о и е после шипящих в корнях слов. Мы пишем шелк, хотя произносим [ш^олк], проверяя написание позицией шелк^а (произносим: [ш^ы'лк^а]). Мы пишем черт, хотя произносим [ч'^орт], так как проверяем написание позициями ч^ерти ([ч'^ерт'и]) и ч^ерт^ей ([ч'и^ерт'э]). В последнем случае, даже если бы не было ударной позиции ч^ерти, мы писали бы черт по слабой позиции ч^ерт^ей.

Представим, что действовала бы обычная для морфологического принципа проверка сильной позицией. Тогда мы должны были бы писать: шолк, чорт, шолк^а, чорт^ей. А если бы мы стали использовать фонетический принцип написания таких корней, мы изобразили бы их так: чорт, ч^ерт^ей, шолк, шелк^а. При существующем правиле мы имеем тот же морфологический принцип написания, так как сохраняется единство письменного облика корня, но выбор этого облика обусловлен ориентацией на слабую позицию звука.

Мы рассмотрели проявления морфологического принципа в написании корней. Обратимся к служебным морфемам.

Окончания:

плитами: позиционное чередование *á/ъ* ([рукáм'и] — [пл'итъм'и]) не передается, буква *а* в окончании *-ами* пишется по сильной позиции в проверочном *руками* — морфологический принцип;

колокольчиков: позиционное чередование *ó/ъ* ([стáл'оф] — [кълáкъл'ч'икъф]) не передается, буква *о* в окончании *-ов* пишется по сильной позиции в проверочном слове *столов* — морфологический принцип;

красного: позиционные чередования *ó/л/ъ* ([кáк'овь] — [тáв'о] — [крáсньвъ]) и *ó/ъ* ([мъиэ'в'о] — [крáсньвъ]) не передаются, первая буква *о* в окончании *-ого* пишется по сильной позиции в проверочном *какого*, вторая буква *о* в той же морфеме пишется по сильной позиции в проверочных *того*, *моего* — морфологический принцип.

Примечание. Обратите внимание на то, что написание букв в окончаниях проверяется окончанием той же формы у других слов.

Приставки и суффиксы:

отбить: позиционное чередование гласных в приставке *ó/л* ([óдб'ьск] — [л'дб'йт']) не передается, буква *о* пишется по сильной позиции в проверочном слове *отблеск* — морфологический принцип; позиционное чередование согласных в той же приставке *д/т* ([л'дб'йт'] — [л'тр'эз'йт']) тоже не передается, буква *т* пишется по сильной позиции перед сонорным в проверочном слове *отрезать* — морфологический принцип;

быстро: позиционное чередование в суффиксе наречия *-о ó/ъ* ([см'иэ'шн'о] — [б'ыстръ]) не передается, гласная буква *о* пишется по сильной позиции в проверочном *смешно* — морфологический принцип.

Примечание. Обратите внимание на то, что написание букв в приставках и суффиксах чаще всего проверяется теми же морфемами в других словах.

Фонетический принцип:

исправить: позиционное чередование *з/с* ([излáж'ьт'] — [испáв'ит']) передается на письме, что приводит к существованию двух письменных изображений приставки: *из-*, *ис-*, — фонетический принцип;

тучей: позиционное чередование в окончании *о/ъ* ([св'иэч'о'й] — [т'уч'ьй]) передается на письме, что приводит к существованию двух письменных вариантов этого окончания после шипящих и *ц*, — фонетический принцип;

сыграть: позиционное чередование в корне *-игр- и/ы* ([игрá] — [сыгрáт']) передается на письме, чем обусловлено наличие двух письменных обликов корня *-игр-/ыгр-*, — фонетический принцип.

Исторический принцип:

красного: в окончании *-ого* всегда пишется буква *г*, хотя произносится звук [в] — [крáсньвъ]. Написание не поддается проверке и требует запоминания — исторический принцип;

колокольчиков: в окончании пишется буква *в*, хотя произносится звук [ф], что также не поддается проверке и требует запоминания, — исторический принцип;

широкий: после буквы *ш* пишется *и*, а не *ы*, хотя произносится именно гласный [ы] — [шыро́к'иѣ], [шыро́к'ѣ]. Написание требует запоминания — исторический принцип.

ЛИТЕРАТУРА

Иванова В.Ф. Современный русский язык: Графика и орфография. М.: Просвещение, 1976.

Панов М.В. И все-таки она хорошая: Рассказ о русской орфографии. М.: Наука, 1964.

Пунктуация

О пунктуации в связи с фонетикой приходится говорить потому, что постановка знаков препинания в ряде случаев обуславливается интонацией. Мы видели, что, когда ИК-1 оформляет законченное высказывание, она связана на письме с постановкой точки. Внутри высказывания эта интонация оформляет перечисление, что вызывает на письме употребление запятой: «Мерно стучат колеса, бегут мимо окон леса и перелески, все ближе знакомый мне полустанок».

ИК-2, ИК-3, ИК-4 в законченном высказывании — разновидности вопросительной интонации, чему на письме соответствует вопросительный знак. ИК-3 и ИК-4 внутри высказывания оформляют обособление и подчинение, на письме это ведет к постановке запятых.

ИК-5, ИК-6, ИК-7 связаны с использованием восклицательного знака при письменной передаче синтаксических конструкций, которые они оформляют.

Таким образом, важно отметить, что интонационные конструкции служат для членения речевого потока на синтагмы, а знаки препинания призваны выделить на письме некоторые из этих синтагм, что связано уже с синтаксической семантикой, о которой пойдет разговор в разделе «Синтаксис».

ЛИТЕРАТУРА

Шварцкопф Б.С. Современная русская пунктуация: Система и ее функционирование. М.: Наука, 1988.

Глава IV

МОРФОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Мы рассмотрели, как устроено лексическое значение слова и его звуковая оболочка, из четырех языковых уровней — фонетический, морфологический, лексический, синтаксический — описали первый и третий. Сейчас мы обращаемся к области грамматики, которая охватывает два оставшихся уровня — морфологический и синтаксический.

Зададим себе вопрос: вскрывает ли какое-то существенное свойство языка наша схема, а именно то обстоятельство, что область грамматики в ней как бы разорвана лексическим уровнем? Ответ таков: да, вскрывает. Грамматика определяет, как строится слово из морфем, как оно изменяется и как слова связываются друг с другом в коммуникативной единице — предложении. Отсюда и вытекает существование двух грамматических уровней: морфологического, определяющего законы словообразования и словоизменения, и синтаксического, определяющего законы построения предложения из слов. Мы обращаемся к первому из них — морфологии.

1. МОРФЕМИКА И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

§ 1. Грамматическое значение и способы его выражения

Если язык содержит в себе некие правила построения слов и связи их друг с другом, значит, он должен обладать механизмом упорядочивания всего многообразия словарного состава. Этот механизм может состоять только в том, что слова тем или иным способом классифицируются и полученным классам предписываются правила построения и функционирования в предложении. Морфология и есть тот механизм, который членит сотни тысяч слов на сравнительно небольшое число классов разного объема, подчиненных единым внутренним правилам построения и включения в текст.

Что лежит в основе этого механизма? Еще раз вспомним, что слово представляет собой двустороннюю единицу, обладающую материальной оболочкой и идеальным содержанием, в котором отражен фрагмент дей-

ствительности. Классифицирующий механизм может опираться только на эти две стороны лексической единицы (больше ему и не на что опереться!). Что-то из семантики слова отвлекается на грамматический уровень, и что-то в материальной оболочке становится показателем этого грамматического содержания. Такой комплекс «семантика + материальный показатель» характеризует целый класс слов, определяя их одинаковое изменение, образование и включение в предложение. Это явление грамматического строя языка называется морфологической категорией. Примеры категорий нам хорошо известны: части речи, род, число, падеж, время, наклонение и др.

Итак, морфологическая категория обладает грамматическим значением и набором форм, его выражающих. Обе эти стороны категории нам и предстоит рассмотреть.

Грамматическое значение

Грамматическое значение, о чем уже было сказано, характеризует класс слов, а не отдельное слово, как это происходит с лексическим значением, сугубо индивидуальным. Говоря о грамматическом компоненте понятийного содержания, мы показывали, что категориальная сема предметности есть у всех имен существительных. Точно так же значение прошедшего времени мы связываем с тысячами глаголов, а не с одним словом этого класса.

Относясь к классу слов, грамматическое значение в то же время неразрывно связано с лексическим значением каждого слова. Мы не можем употребить лексическую единицу вне ее грамматических характеристик. Например, если мы вводим в предложение существительное, оно обязательно должно иметь то или иное число, тот или иной падеж. Если мы используем глагол, он обязательно будет обладать видом, переходностью или непереходностью.

Грамматическое значение обязательно присутствует не только тогда, когда употребляется готовое слово, но и тогда, когда создается слово новое. Чтобы назвать явление, надо вначале отнести его к одному из тех классов, которые мы различаем в действительности с помощью грамматической системы нашего языка. К каким же классам мы относим называемые явления? К предметам, действиям, пассивным признакам, состояниям, ведь мы создаем не некое слово вообще, а слово той или иной части речи. Вот один разговорный диалог:

А. — Я была на выставке художников-монументалистов.

Б. — Да? Ну и что они намонументализировали?»

По начатой конструкции «ну и что они...» видно, что говорящий готовится употребить какой-то глагол: есть подлежащее они и прямое дополнение что, нужно обозначить действие, совершаемое субъектом и направленное на данный объект. Позиция допускает оба глагольных вида: «что они сделали?», «что они предлагают?» Если говорящий настроился на про-

стое сказуемое, ему нужно выбрать одно из времен изъявительного наклонения, а также лицо и число в соответствии с уже употребленным подлежащим. Автор реплики не стал выбирать слово из словарного запаса, а создал новое, но грамматические признаки окказионализма отвечают всем требованиям контекста: это глагол в изъявительном наклонении, прошедшего времени, множественного числа, совершенного вида, переходный. Как видим, слово появилось на свет в полном грамматическом вооружении, поскольку вне грамматического значения оно существовать не может.

Не относится это лишь к тем окказионализмам, которые представляют собой элементы некоего высказывания на неведомом языке, вспомним «Амилам алинон малем-малем тара!». Эти элементы лишены грамматических значений, потому и являются они не настоящими словами, а ква-зисловами. Но стоит такому образованию попасть в русское предложение, как оно немедленно наделяется комплексом грамматических значений. Например, в той же пьесе создано слово зинг-зенг «волшебный меч». Оно введено в предложения: «Ну, а ваш зинг-зенг, меч — сто голов с плеч, тоже иногда портится?»; «Надо бы оба зинг-зенга — и наш и ваш, ежели он у вас имеется, — поглубже в землю закопать...»; «Наш зинг-зенг в море утопить?! Нет, ни за что!». Хорошо видно, что это существительное мужского рода, изменяется по числам, употреблено в именительном, родительном и винительном падежах, неодушевленное.

Если мы говорим о значении, то за ним должно стоять что-то во внеязыковой действительности. Чаще всего грамматическое значение отражает отношения между явлениями действительности. Например, в значении глагольного времени отражается отношение действия к моменту речи, в значении падежа — отношение предмета к другим элементам ситуации, моделируемой в предложении.

Способы выражения грамматического значения

Грамматическое значение как явление идеальное нуждается в материальных средствах своего выражения. Эти средства подразделяются на два класса в зависимости от того, в пределах какой языковой единицы проявляется грамматическое значение слова. Если выявление его происходит в пределах формы слова, способы называются *морфологическими*. Если же для выявления значения требуется синтаксическая единица — словосочетание или предложение, способы называются *синтаксическими*. Ср.: стол — столы — значение числа выясняется из форм слова; пальто висит — пальто висят — значение числа выясняется из предложения.

Морфологические способы. Эти способы объединены тем, что грамматическое значение выражается формой слова. А дифференцируются они в зависимости от того, как эта форма образована. Здесь есть две возможности.

1. Показатель грамматического значения входит в морфемную структуру слова: столы — окончание -ы выражает значение именительного падежа множественного числа; писал — суффикс -л- выражает значение прошедшего времени. Способы выражения грамматического значения за счет морфемной структуры слова называются синтетическими. Среди них различаются такие разновидности:

— Аффиксация. Примеры аффиксации были приведены только что. При аффиксации грамматическое значение выражается аффиксами — служебными морфемами, такими, как окончание, суффикс.

— Аффиксация нередко сопровождается переносом ударения с одного слога в слове на другой: стол — столы, дал — дала.

— Аффиксация может дополняться также историческим чередованием звуков в морфемах: ходить — но в настоящем времени хожу. В корне чередуются согласные д/ж — -ход-/-хож-. Обратим внимание на то, что форма 1-го лица настоящего времени образована с помощью окончания -у.

— У некоторых слов разные формы образуются от разных корней. Например, местоимение он имеет формы косвенных падежей от корня -j- — его, ему (j-эго, j-эму).

— На фоне изменяемых слов грамматическим показателем является в ряде случаев неизменяемость. Например, наречия как часть речи характеризуются именно этим качеством.

2. В противоположность синтетическим в русском языке существуют формы слов, образуемые с помощью служебных элементов. Например, форма сослагательного наклонения написал бы образована с помощью частицы бы, а форма будущего времени буду писать — с участием вспомогательного глагола быть. Мы видим, что показатель формы заключен не в структуре слова, а во внешнем служебном элементе — в частице, вспомогательном глаголе. Может оказаться и так, что служебное слово не образует форму, а уточняет ее значение. Ср.: идти к дому, идти по дому. У существительного дом в обоих случаях дательный падеж, но благодаря предлогам он передает разное отношение предмета к действию идти — направление и место совершения. Способы передачи грамматического значения с помощью служебных слов называются аналитическими.

Синтаксические способы. Грамматическое значение, как уже говорилось, может выражаться за счет связей данного слова с другими словами в предложении или словосочетании. Так, сочетания мое пальто, мои пальто, моего пальто за счет согласования позволяют выразить род, число и падеж несклоняемого существительного.

Изредка в современном русском языке для выражения грамматического значения слова используется порядок слов в предложении. Например, в известном выражении «Бытие определяет сознание» именительный падеж первого существительного выражается его положением перед сказуемым, а винительный падеж второго — его положением после сказуемого.

Единство грамматического значения и способов его выражения образует, как мы помним, морфологическую категорию. Эти категории бывают двух типов. Классифицирующие категории основаны на противопоставлении слов: одну группу слов с данным грамматическим признаком они противопоставляют другой группе слов с иным грамматическим признаком. Например, имя существительное противопоставлено глаголу, глаголы совершенного вида противопоставлены глаголам несовершенного вида. Словоизменительные категории основаны на противопоставлении форм. Например, именительный падеж всех существительных противопоставлен родительному или дательному падежу тех же слов. Настоящее время всех глаголов противопоставлено их прошедшему или будущему времени.

Итак, морфологические категории всех типов выполняют роль классифицирующего механизма: с их помощью из словарного запаса вычленяются классы слов и словоформ, наделенных определенным грамматическим значением и его показателем и, следовательно, обладающих правилами построения и употребления в предложении.

Закончим параграф сведениями о литературе, относящейся ко всему разделу «Морфология».

ЛИТЕРАТУРА

Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. 1.

Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.: Высш. шк., 1972.

§ 2. Морфемный состав слова

Мы уже говорили, что морфология определяет правила построения слова. Слово членится на мельчайшие значимые единицы языка — морфемы, которые различаются по значению, функции и своему месту в слове.

Типы морфем. По значению морфемы делятся на два разряда: корни и аффиксы. Корень — это общая часть гнезда родственных слов, носитель их общего лексического значения. Например, в словах книга, книжный, книжонка, книжник корень -книг-/-книж- (с историческим чередованием звуков) указывает на их связь с понятием «сброшюрованные листы с напечатанным текстом».

Аффиксы — это служебные морфемы, способные выражать не только лексическое, но и грамматическое значение. По своей роли в слове они делятся на словообразующие и формообразующие.

Формообразующие аффиксы. Сравним формы одного существительного: вода, воды, воде, воду, водой. В чем материально выража-

ется изменение существительного по падежам? В смене окончаний: -а, -ы, -е, -у, -ой. Рассмотрим также несколько глагольных форм.

Учу, учишь, учит. При общей части уч- в этих формах выделяются морфемы -у, -ишь, -ит, которые, как известно из школьной грамматики, являются окончаниями.

Учили, учила. Здесь тоже есть общая часть учил- и переменные -и, -а. Какие значения выражают эти переменные? Они указывают на число и род. Но мы видим, что перед нами формы прошедшего времени глагола. Как выражается в них значение времени? Сопоставим обе эти формы с неопределенной формой учить. У них выделяется общая часть учи- и переменные -ть и -л-. Совершенно очевидно, что именно морфема -л- выражает значение прошедшего времени. Есть ли разница в функционировании морфем -и, -а, с одной стороны, и -л-, с другой? Поставим формы в предложение: «Она учила уроки». Сменим подлежащее: «Они учили уроки». Мы видим, что окончание отреагировало на смену грамматического признака подлежащего, а морфема -л- на эту смену не откликнулась. Значит, перед нами представители разных групп формообразующих аффиксов.

Формообразующие аффиксы по функциям делятся на две группы: окончания и формообразующие суффиксы. Окончания образуют формы слов и выражают связи между словами в предложении, а формообразующие суффиксы выполняют только первую функцию — создают форму, но не принимают участия в связывании элементов синтаксической конструкции.

Зная это, определим, к какой группе относится морфема -ть в инфинитиве учить. Поставим слово в предложения: «Учить детей — нелегкий труд»; «Важная задача — учить детей»; «Он столкнулся с трудной задачей учить детей»; «Он прислушался к совету учить детей музыке». Мы видим, что аффикс никак не реагирует на смену синтаксических функций слова. Является ли инфинитив подлежащим, сказуемым, определением, морфемный его состав неизменен. Следовательно, морфема -ть — это формообразующий суффикс.

С л о в о о б р а з у ю щ и е а ф ф и к с ы. Термин говорит о том, что это аффиксы, образующие слова: суффиксы — учи-тель, приставки — под-красить, интерфиксы — вод-о-лечебница, постфикс — торопить-ся. Приставки и постфикс -ся — средства внутрисуффиксального словообразования, производное слово относится к той же части речи, что и исходное. Суффиксы бывают и внутрисуффиксальными, и междусуффиксальными: учить → учитель, дом → домик. Интерфиксы участвуют в образовании сложных слов.

В заключение отметим две особенности морфем, которые необходимо учитывать в морфемном анализе.

1. Сравним формы: стол — стола — столу. В родительном и дательном падежах мы выделяем окончания -а, -у. А как оформлен именительный падеж? На фоне форм с материально выраженным окончанием отсутствие

звука в именительном падеже само служит характеристикой формы, является значимым. Поэтому и говорят об особом типе морфем — о нулевых морфемах. Значит, в именительном падеже слова стол есть нулевое окончание: стол-*∅*. Ср. также: учил-*∅*, учил-а, учил-о, учил-и.

2. Морфемы — это единицы, в которых происходят позиционные и исторические чередования звуков. Позиционные чередования не влияют на фонемный состав морфемы, а вот исторические меняют его. Поэтому внешний облик морфемы различен, вспомним корень -книг-/ -книж-, а также ранее приводившиеся случаи: -сух-/ -сох-/ -сых-/ -суш-, -нача-/ -начин- и др. Морфема, по сути дела, как и фонема, представляет собой функциональное единство, реализующееся в конкретных звуковых комплексах — морфах. Например, корень -ход- представлен морфами ход/ход'/хож/хаж/хожд'. Каждый морф данной парадигмы употребляется в определенных условиях, в определенном окружении.

Группировка морфем в слове. Опишем общие явления синтагматики морфем. Набор морфем прежде всего определяется грамматической природой слова, его изменяемостью или неизменяемостью. Рассмотрим краткое прилагательное глубоко («Озеро глубоко») и наречие глубоко («Он глубоко вздохнул»). Краткое прилагательное изменяется по родам и числам: глубо*к*—глубо*к*а—глубо*к*о—глубо*к*и, тогда как наречие — неизменяемое слово и имеет только одну словоформу. Поэтому в прилагательном выделяется формообразующая морфема — окончание: -*∅*-, -а-, -о-, -и-, а в наречии формообразующего аффикса нет. Что же остается, когда мы вычленим в прилагательном окончание? Остается общая часть всех его форм глубо*к*-. Это основа, носитель лексического значения слова. В таком случае основа наречия равна всему слову.

Итак, изменяемые слова складываются из двух частей: формообразующего аффикса (окончания, суффикса) и основы. Неизменяемые слова состоят из одной основы.

По своему составу основы делятся на две разновидности. Если основа состоит только из корня, она называется *непроизводной*: дом-*∅* — основа -дом- равна корню, поэтому является *непроизводной*. Если, кроме корня, в основе выделяются словообразующие аффиксы или второй корень, она является *производной*: прилагательное глубоко = глуб/ок- (основа) + -о (окончание); наречие глубоко = глуб/ок/о — его основа состоит из корня -глуб- и двух словообразующих суффиксов.

Методика морфемного анализа слова. Морфемный анализ призван установить, из каких морфем состоит слово в конкретной его форме. Прежде всего необходимо определить, является ли данное слово изменяемым или же оно относится к неизменяемой части речи.

Если слово оказалось изменяемым, в нем выделяются основа и формообразующий аффикс или аффиксы: окончание, которое может быть нулевым; формообразующий суффикс, который тоже может быть нулевым, или суффикс и

окончание вместе. Путем подбора однокоренных слов находится корень и определяется тип основы — производная или непроизводная. В производной основе выделяются служебные словообразовательные морфемы.

Если слово оказалось неизменяемым, оно лишено окончания, в том числе и нулевого, лишено формообразующего суффикса и состоит из одной основы. Нужно определить тип основы и выделить составные части производной.

Рассмотрим методику морфемного анализа на конкретном материале: «Вдали за рекой угрюмо чернел сосновый лес».

Вдали. Наречие, неизменяемое слово. Основа -вдали-. Однокоренные слова: даль, дальний, далеко. Корень -дал-. Основа производная и включает в себя, кроме корня, приставку в- и суффикс -и-.

Рекой. Существительное, изменяемое слово: рек-а, рек-и, рек-ой. Состоит из основы -рек- и окончания -ой. Однокоренные слова: речка, речной. Корень -рек-/реч-, в корне происходит историческое чередование согласных звуков к/ч. Основа непроизводная.

Угрюмо. Наречие, неизменяемое слово. Основа -угрюмо-. Однокоренные слова: угрюмый, угрюмость. Корень -угрюм-. Основа производная и включает в себя, кроме корня, суффикс -о-.

Чернел. Глагол, изменяемое слово: черне-ть, черне-вший, черне-л; кроме того, это изменяемая форма времени, поэтому у формы есть своя основа: чернел- ϕ , чернел-а. Слово состоит из основы -черне-, формообразующего суффикса -л-, который образовал форму прошедшего времени, и нулевого окончания - ϕ , которое указывает на мужской род единственного числа. Однокоренные слова: черный, чернить. Корень -черн-. Основа производная и включает в себя, кроме корня, суффикс -е-.

Сосновый. Прилагательное, изменяемое слово: соснов-ый, соснов-ого. Состоит из основы -соснов- и окончания -ый. Однокоренные слова: сосна, сосенка. Корень -сосн-/сосен-, в корне происходит историческое чередование звука [ъ] с нулем, т.е. наблюдается беглость гласного. Основа производная, включает в себя, кроме корня, суффикс -ов-.

Лес. Существительное, изменяемое слово: лес- ϕ , лес-а. Состоит из основы -лес- и нулевого окончания - ϕ . Однокоренные слова: лесок, лесной. Корень -лес-. Основа непроизводная.

В силу особой сложности отдельно рассмотрим анализ глагольных форм.

Поскольку глагол — это изменяемое слово, в любой его форме есть формообразующий аффикс или даже два:

1) в инфинитиве и деепричастии выделяется только формообразующий суффикс;

2) в формах настоящего и будущего простого времени выделяется только окончание;

3) в формах прошедшего времени, сослагательного наклонения, повелительного наклонения 2-го лица единственного и множественного чис-

ла, в формах причастий выделяются формообразующий суффикс и окончание.

Обратим внимание на то, что у глагола в совокупности его форм не одна основа, как у существительного или прилагательного, а две: основа инфинитива, сохраняющаяся также в формах прошедшего времени, сослагательного наклонения, причастий прошедшего времени и деепричастий совершенного вида; основа настоящего — будущего простого времени, сохраняющаяся также в повелительном наклонении, причастиях настоящего времени и в деепричастиях несовершенного вида. Рассмотрим примеры.

Чернеть. Глагол, изменяемое слово, но неизменяемая форма в системе грамматических форм глагола. Следовательно, в ней нет окончания, но есть формообразующий суффикс: черне-ть, черне-л-о, черне-вш-ий. Слово состоит из основы -черне- и формообразующего суффикса инфинитива -ть. Основа проанализирована ранее.

Чернея. Глагол, изменяемое слово, но неизменяемая форма в системе грамматических форм глагола — это деепричастие несовершенного вида. Следовательно, здесь нет окончания, но есть формообразующий суффикс: черней-ут, черней-ущий, черней-а. Слово состоит из основы -черней- и формообразующего суффикса -а. Основа производная, включает в себя корень -черн- и словообразующий суффикс -ей-.

Чернеют. Глагол, изменяемое слово и изменяемая по лицам и числам форма времени: черней-ут, черней-эт. Состоит из основы -черней- и окончания -ут. Основа производная: корень -черн-, суффикс -ей-.

Черневший. Глагол, изменяемое слово и изменяемая по родам, числам и падежам форма причастия прошедшего времени: черне-ть, черне-л-ѳ, черне-вший — черне-вш-ий, черне-вш-его. Состоит из основы -черне-, формообразующего суффикса -вш-, образовавшего форму причастия, и окончания -ий, оформившего мужской род единственного числа именительного падежа. Основа производная: корень -черн-, словообразующий суффикс -е-.

Делай. Глагол, изменяемое слово и изменяемая форма повелительного наклонения: дела-ть, делай-ут, делай-ущ-ий, делай-ѳ-ѳ, делай-ѳ-те. Состоит из основы настоящего времени -делай-, нулевого формообразующего суффикса повелительного наклонения и нулевого окончания 2-го лица единственного числа, ср.: во 2-м лице множественного числа окончание -те. Однокоренные слова: дело, безделье, деловой. Корень -дел-. Основа производная и включает, кроме корня, словообразующий суффикс -ай-.

Чернеются. Глагол, изменяемое слово и изменяемая по лицам и числам форма времени: черней-ут-ся, черней-эт-ся. Состоит из основы черней-ся и окончания -ут. Основа производная, включает в себя корень -черн-, словообразующий суффикс -е- и словообразующий постфикс -ся.

Морфемный анализ необходим для прочного усвоения многих правил орфографии: написания букв *о* и *е* в корнях после шипящих или в суффиксах и окончаниях именных частей речи после шипящих *и* *ц*, написания букв *н* и *ни* в причастиях и отглагольных прилагательных и т.д.

§ 3. Словообразование

Мы рассмотрим словообразовательный процесс, обратимся к тому, как строились слова, сохранившие до наших дней прозрачную словообразовательную структуру, и как строятся новые слова.

Представим, что в нашем быту появился новый предмет, например, комнатное растение. Мы уже знаем, что название его можно заимствовать: *алоэ*. Можно использовать перенос наименования и назвать его *колючкой* — *синекдоха*, название целого по части. Нас интересует третий путь — создание нового слова за счет внутриязыковых ресурсов. Представим далее, что люди, отметив лечебные свойства растения, изобразили его так: это растение обеспечивает сто лет жизни. От словосочетания «сто лет» с помощью интерфикса и суффикса образуется наименование *столетник*. Схематично словообразовательный процесс можно представить следующим образом:

1. Нужно получить наименование предмета, действия, качества, признака действия и т.д.

2. Выбирается мотивирующий признак: функция, форма, объект и т.п.

3. Выбирается слово, обозначающее мотивирующий признак, — производящая единица.

4. Выбирается словообразующее средство: суффикс, приставка и др.

Наша словообразовательная деятельность осуществляется по определенным образцам, моделям, в которых язык обобщил различные варианты создания новых слов. Модель отражает в своих элементах основные составляющие словообразовательного процесса. Цель словотворчества и мотивирующий признак отразились в словообразовательном значении модели. Например, в нашем языке есть модели со значением «лицо по совершаемому действию» — *учитель, строитель, бурильщик, носильщик*; «лицо по объекту, на который направлено действие лица» — *мясник, машинист*; «лицо по результату своего действия» — *программист*; «орудие действия» — *копалка, сеялка*; «действие по его субъекту» — *скалывничать*; «действие по его результату» — *дымить*; «сделанный из материала» — *каменный, кожаный*; «относящийся к времени» — *дневной, вечерний*.

Обозначение мотивирующего признака отражено в модели как характерная принадлежность производящей единицы. Так, в модели со значением «лицо по совершаемому им действию» производящей единицей выступают глаголы.

Словообразующее средство запечатлевается как определенная морфема или синтаксический процесс, приводящий к образованию нового слова.

Определим термины, которыми будем пользоваться при описании об-

разования того или иного слова: 1. Производное слово — слово, полученное в результате словообразовательного процесса. 2. Производящая единица — слово или словосочетание, от которого получено новое слово. 3. Производящая основа — общая часть производящей единицы и производного слова. 4. Словообразовательное средство — словообразовательная морфема или синтаксическая операция, которые в соединении с производящей основой дают новое слово.

Поскольку словообразовательные ресурсы накапливались в языке веками, сложилась синонимия словообразовательных моделей:

«Лицо по совершаемому им действию»	глагол + суфф. -тель- → учитель глагол + суфф. -льщик- → бурильщик
---------------------------------------	---

По общности словообразовательного средства модели объединяются в способы словообразования, которых на морфологическом уровне выделяется три. Не забудем, однако, что новые названия язык получает еще за счет семантических процессов на лексическом уровне, а также в процессе заимствования.

Морфологический способ словообразования. Все модели морфологического способа словообразования характеризуются использованием активного словообразовательного средства, которое прибавляется к производящей единице или отнимается от нее. Способ этот имеет три подвиды.

I. Аффиксация в трех разновидностях, объединенных тем, что к выделенной из производящей единицы производящей основе добавляется словообразовательный аффикс:

1. Суффиксация: в модели используется суффикс: копать → копа- + -лк-а = копалка; звонкий → звонк- + -о = звонко; ходить → хожд- + -ений-э = хождение.

2. Префиксация: в модели используется приставка: лететь → лететь + про- = пролететь; долго → + не- = недолго.

3. Суффиксально-префиксальный способ: в модели одновременно используются суффикс и приставка: окно → окон- + под- + -ник-~~ф~~ = подоконник; бежать → бежать + раз- + -ся = разбежаться.

II. Безаффиксный способ: в модели используется удаление аффиксов производящей единицы без добавления каких-либо новых словообразовательных приставок или суффиксов: зеленый → зелен' → зелень; ходить → ход' → ход.

III. Словосложение: объединяются модели, в которых производящей единицей служит словосочетание, а корни объединяются с помощью интерфиксов: лес и степь → лес степь + о = лесостепь; с помощью интерфиксов и суффиксов: первый разряд → перв разряд + о + ник = перворазрядник; с помощью аббревиации: высшее учебное заведение → звуки [в][у][з] → вуз; Московский государственный университет → буквы эм, ге, у → МГУ; самооборона без оружия → слог и звуки сам, [б], [о] → самбо.

Морфолого-синтаксический способ словообразования. Здесь объединяются модели, в которых новое слово получается за счет синтаксического процесса постановки производящей единицы в новую для нее синтаксическую позицию и перехода ее в другую часть речи. Например, существительное *учительская* получено за счет того, что прилагательное *учительский* в форме женского рода было поставлено в позицию подлежащего, дополнения или обстоятельства: «*учительская пуста*», «*учительскую отремонтировали*», «*вошел в учительскую*».

При переходе слова из одной части речи в другую нередко происходит сокращение числа его грамматических форм. Так, прилагательное *учительский* имеет более двух десятков словоформ: 6 падежей, 3 рода, множественное число, 4 кратких формы, степени сравнения, а существительное *учительская* имеет только 12 форм — 2 числа, 6 падежей, по родам оно не изменяется. Наречие *верхом* имеет одну словоформу, а существительное *верх*, творительный падеж которого перешел в наречие, — 12 форм.

Лексико-синтаксический способ словообразования. Этот способ объединяет модели, в которых слово было получено за счет слияния всех частей производящей единицы без каких-либо активных словообразовательных средств: существительное *даль* в предложном падеже с предлогом *в* — *в дали* → наречие *вдали*; союз *что с частицей бы* — *что бы* → союз *чтобы*; существительное *продолжение* в винительном падеже с предлогом *в* → предлог *в продолжение*.

Методика словообразовательного анализа

I. Анализируемое слово обычно включено в контекст в той или иной форме. Нужно определить, к какой части речи оно относится, найти его начальную форму и потом работать только с ней.

II. Следующий этап словообразовательного анализа — определение производящей единицы или установление того, что слово является непроизводным. Чтобы найти производящую единицу, нужно сформулировать значение слова через однокоренное слово, причем так, чтобы прояснилось словообразовательное значение модели. Рассмотрим этот этап по частям речи.

Существительные

1. Обращение к формулировке значения может показать, что слово является непроизводным: *бор «сосновый лес»*. Через однокоренные слова значение этого существительного невозможно сформулировать. Слово непроизводное, что видно уже и на этапе морфемного анализа: *бор-ф*, *бор-а*, основа непроизводная. Обратим внимание, однако, на то, что не всегда слово с непроизводной основой является непроизводным в словообразовательном отношении, а также и на обратный случай, когда производная основа может оказаться в непроизводном слове.

2. Конкретные существительные — наименования лиц, животных, предметов — образуются от слов, называющих признак именуемого явления. Это можно обнаружить, формулируя значение слова: *учитель «тот, кто учит»* — название лица по его действию; *сизарь «сизый голубь»* —

наименование предмета по качеству; копалка «то, чем копают» — наименование предмета по функции. Как видим, в определениях выявились производящие единицы: учить, сизый, копать.

3. Абстрактные существительные со значением действия — «действие, отраженное как предмет» — образуются от глаголов: ход «действие ходить, отраженное как предмет»; хождение «действие ходить, отраженное как предмет». Оба существительных образованы от глагола ходить. Обратим внимание на то, что при морфемном анализе основа в слове ход оказалась непроеводной, ведь она состоит из одного корня. Однако слово это производное, и способ его образования мы ниже определим.

4. Абстрактные существительные со значением качества — «качество, отраженное как предмет» — образуются от прилагательных: зелень «качество зеленый, отраженное как предмет»; суровость «качество суровый, отраженное как предмет». Производящие единицы — зеленый, суровый. Отметим, что в морфемном отношении основа существительного зелень непроеводная, а слово — производное, способ словообразования в дальнейшем мы выявим.

5. Собираательные существительные со значением моделей «группа предметов» образуются от слов, называющих отдельный предмет: комарье «множество комаров» — наименование группы предметов. Производящая единица — комары.

6. Отдельно скажем о существительных, склоняемых по типу прилагательных. Значение их желательно сформулировать так, чтобы в него вошло производящее прилагательное: учительская «учительская комната».

Прилагательные

1. Качественные прилагательные очень часто являются непроеводными, что обнаруживается при формулировке их значений: зеленый «цвета травы», слабый «лишенный силы», чистый «не содержащий грязи».

2. При толковании производного прилагательного обнаруживается производящая единица: сиреневый «цвета сирени»; кожаный «сделанный из кожи»; терпеливый «умеющий терпеть». Производящие единицы — сирень, кожа, терпеть.

Глаголы

1. Нпроеводность глаголов может быть установлена, как и в предыдущих случаях, с помощью формулировки их лексического значения: читать «воспринимать письменный текст». Обратим внимание на то, что в морфемном отношении основа этого глагола является производной: корень -чит-, суффикс -а-. А вот слово оказалось непроеводным.

2. Проеводность глагола можно установить, сопоставив его с видовой парой: приписывать — что делать?, а что сделать? — приписать. Первый глагол образован от второго с помощью мены суффиксов. Иначе говоря: приписать — производящая единица для приписывать.

3. Приставочный глагол может быть образован от приставочного:

приписать — отбрасываем приставку, получаем глагол писать. Приведем значение: приписать «писать что-то в дополнение или снизу, сбоку». Производящая единица для приписать — глагол писать.

4. Возвратный глагол может быть образован от невозвратного: торопиться — отбрасываем постфикс, получаем глагол торопить. Смотрим значение: торопиться «действие торопить, обращенное к самому субъекту, заключенное в самом субъекте». Производящая единица для торопиться — глагол торопить.

5. Если перечисленные сопоставления не дали ответа на вопрос о производящей единице, нужно сформулировать значение глагола. При производном его характере в определении появится производящая единица: завтракать «съедать завтрак». Производящая единица — существительное завтрак.

Н а р е ч и я

1. Наречия с суффиксом -о образуются от прилагательных, значение модели — «признак предмета отнесен к действию»: звонко «признак звонкий, отнесенный к действию, а не к предмету». Производящая единица — звонкий.

2. Наречия часто омонимичны или омографичны формам других частей речи: капельку — омонимично винительному падежу существительного капелька; бегом — омографично творительному падежу существительного бег—бегом; вдали — омонимично предложно-падежной форме существительного даль — в дали; молча — омографично деепричастию глагола молчать. Это обстоятельство также может подсказать производящую единицу наречия.

С л о ж н ы е   с л о в а

Отдельно скажем о сложных словах. При определении их производящей единицы также помогает формулировка лексического значения через однокоренные слова: водопровод «приспособление для того, чтобы проводить воду». Производящая единица — словосочетание «проводить воду»; лесостепь «зона, переходная между лесом и степью». Производящая единица — словосочетание «лес и степь».

Итак, при определении производящей единицы необходимо:

во-первых, учитывать, что она представляет собой слово или словосочетание, от которых образовано анализируемое слово;

во-вторых, следить за тем, чтобы она была отделена от анализируемого слова только одной словообразовательной ступенью;

в-третьих, принимать во внимание направление словообразовательных связей.

Например, нельзя сказать, что существительное учительская образовано от слова учитель. От последнего можно получить лишь прилагательное учительский, от которого уже на следующей ступени образовано существительное учительская. Нельзя также сказать, что глагол завтракать образован от наречия завтра, так как в этом случае непонятно появление

суффикса -ак- в глаголе. Суффикс можно объяснить лишь тем, что глагол образован от существительного завтрак. Или нельзя сказать, что глагол пролететь образован от слова лет. Оба эти слова образованы от глагола лететь: лет «действие лететь, отраженное как предмет», пролететь «действие лететь, направленное мимо объекта», приставочный глагол образован от бесприставочного.

III. Определив производящую единицу, мы должны вычленить производящую основу — часть, общую для производящей единицы и производного слова. С ее выделением нам легче будет устанавливать способ словообразования. На нескольких словах еще раз покажем эту основу:

<i>Производящая единица</i>	<i>Производное слово</i>	<i>Производящая основа</i>
ходить	ход	-ход-
учить	учитель	-учи-
торопить	торопиться	-торопить-
звонкий	звонко	-звонк-
в дали	вдали	-в дали-
учительская (прил.)	учительская (сущ.)	-учительская-
воду проводить	водопровод	-вод провод-

IV. Сопоставление производящей единицы, производного слова и производящей основы позволяет выявить словообразовательную модель:

ход — производящая единица минус аффиксы;

учитель — производящая основа плюс суффикс -тель-;

торопиться — производящая основа плюс постфикс -ся;

звонко — производящая основа плюс суффикс -о-;

вдали — слияние частей производящей единицы;

учительская — переход производящей единицы в другую часть речи;

водопровод — соединение частей производящей основы интерфиксом.

V. Определяем способ словообразования:

учитель, торопиться, звонко — производящая единица плюс суффикс или постфикс — морфологический способ: аффиксация (суффиксация и постфиксация);

ход — производящая единица минус аффиксы — морфологический способ, безаффиксный;

водопровод — соединение частей производящей основы с помощью интерфикса — морфологический способ, словосложение;

учительская — производящая единица плюс изменение синтаксической функции слова — переход в другую часть речи — морфолого-синтаксический способ;

вдали — слияние частей производящей единицы — лексико-синтаксический способ.

На нескольких примерах рассмотрим анализ в целом.

Лес. Существительное. «Площадь, занятая деревьями». Слово непрозводное.

Сосновый. Прилагательное. «Состоящий из сосен, сделанный из со-

сны». Слово производное, производящая единица сосна, производящая основа -сосн-. Словообразующий суффикс -ов-. Способ словообразования морфологический, суффиксальный.

Переделывать. Глагол. «Делать повторно». Слово производное, производящая единица делать, производящая основа -делать-. Словообразующая приставка пере-. Способ словообразования морфологический, префиксальный.

ЛГУ. Существительное. «Ленинградский государственный университет». Производящая единица — все словосочетание. Производящая основа -эл гэ у-, начальные буквы слов. Способ словообразования морфологический, словосложение, буквенная аббревиация.

Бегом. Наречие. «Посредством бега, бегом». Производящая единица — существительное бег, производящая основа -бегом-. Смена синтаксической функции, сокращение количества словоформ до одной. Переход существительного в творительном падеже в наречие. Способ словообразования морфолого-синтаксический.

Внизу. Наречие. «В нижней части чего-то, в низу чего-то». Слово производное, производящая единица — предложно-падежная форма существительного низ. Производящая основа -в низу-. Словообразовательное средство — слияние частей производящей основы, изменение синтаксической функции и частеречной принадлежности слова. Лексико-синтаксический способ.

Итак, организация морфем в пределах морфологического уровня подчинена уже знакомым нам закономерностям. Морфема выступает как единство, т.е. парадигма морфов. Модели образуют синонимические ряды, в результате чего и морфемы синонимизируются, например, суффиксы -тель-, -льщик-, -ник- одинаково образуют наименования лиц по действию. Возможна и многозначность морфем. Так, суффикс -тель- имеет два значения: 1. «Лицо, производящее действие»; 2. «Предмет, производящий действие».

В значении словообразовательной модели в свернутом виде отражаются элементы уже знакомой нам ситуации. Обратимся к только что сформулированным значениям: мы увидим в них семы «действие», «субъект действия». В значении других моделей могут быть отражены и иные элементы: «лицо по объекту, на который направлено действие» — к уже упомянутому добавляется сема «объект». Таким образом, ситуация моделируется не только в форме лексического значения слова, но и в форме значения словообразовательной модели.

Активность словообразовательных моделей. Если по модели образуется много новых слов, она является продуктивной. Если ее активность невысока, ее называют малопродуктивной. Есть и непродуктивные модели, по которым новые слова не образуются (ср.: строитель — бродяга — пастух).

Рассматривая окказионализмы, мы говорили о том, что словообразо-

вательные модели используются в своем нейтральном виде или прсобразованными. Первый способ дает нам потенциальные слова:

Было небо вдосталь черным,
Стало небо голубей,
Привезла весна на двор нам
Полный короб голубей.

Полный короб разнокрылый —
Детства, радостной родни,
Неразборчивой и милой
Полный короб воркотни.

(П.Васильев)

Прилагательное разнокрылый образовано по одной из продуктивных моделей словообразования «обладающий частью с признаком» = словосочетание «прилагательное + существительное» + интерфикс: длинноволосый, черноглазый, длинноногий, краснокрылый, длиннополый, светлоокий и др. Учтем, что прилагательное использовано в стихотворении метонимически: признак содержимого перенесен наместилице.

Модель может быть прсобразована, и пути ее прсобразования различны.

1. Может быть изменено значение модели. Вот две строки из стихотворения В.Каменского «Циа-цинть»:

Сквозь густых зеленистых кудрей
Голубеют глаза-небеса.

Окказионализм зеленистые образован по модели «прилагательное + суффикс -ист-»: водяной → водянистый. Модель имеет два значения: «содержащий предмет, указанный в производящей единице», «смягчение признака». Однако, вдумываясь в контекст, мы не можем подставить в него ни одно из указанных значений: речь явно идет не о густых зеленоватых кудрях, а, напротив, о густых и ярко-, сочно-зеленых кудрях, т.е. передается усиление, но не ослабление признака. А такое значение есть у другой модели прилагательных — «существительное + суффикс -ист-»: мясистый, голосистый. Мы видим, что произошла своеобразная контаминация моделей: первой из них приписано значение второй.

2. Известен и обратный процесс: значение модели сохраняется, а материальное ее наполнение меняется. Рассмотрим одну строку из стихотворения А.Измайлова «Новый век» (речь идет о писателе): «Подонкихотил он изрядно». Окказиональный глагол обозначает действие, ограниченное промежутком времени: поговорил, повеселился, поиграл. Приставка по- в этом значении добавляется к глаголу, однако у нас нет глагола «донкихотить». Следовательно, глагол с типичным глагольным значением ограничительного способа действия образован от существительного суффиксально-префиксальным способом.

Такой «перескок» через ступени словообразования при сохранении значения модели может приводить даже к смене способа словообразования. Вот пушкинские строки: «Так было мне, мои друзья, И кюхельбекер-

но и тошно» (выделено Пушкиным). Кюхельбекерно — это слово категории состояния, так же как рядом стоящее тошно. Значение модели «независимое от активности субъекта состояние» налицо, но слова категории состояния образуются морфолого-синтаксическим способом от наречий (тихо), кратких прилагательных (ветрено), существительных (пора). Между тем в языке нет краткого прилагательного «кюхельбекерно», да и полного «кюхельбекерный» тоже нет. Значит, слово категории состояния получено от существительного Кюхельбекер с помощью двух суффиксов -н- и -о, т.е. морфологическим способом.

В рассмотренных случаях очевидно влияние образцов, а не только моделей в целом.

3. Возможен и такой вариант, когда при сохранении значения модели слово образовано без ориентации на образец. Рассмотрим окказионализм в следующем тексте:

«Он хочет, чтобы смежники, подводящие его под катастрофу своими сверхплановыми и раньшесрочными недопоставками, наказывались...» (Л.Лиходеев. Сопrotивление материала).

Прилагательное раньшесрочный имеет обычное для группы сложных прилагательных значение «относящийся к периоду, обозначенному производящей единицей»: прошлогодний, трехнедельный. Однако в данных моделях производящая единица выглядит так: «существительное + прилагательное» (прошлый год), «числительное + существительное» (три недели). Но нет таких моделей, в которых стержневое слово производящей единицы было бы наречием в сравнительной степени, а существительное зависело бы от него, — «раньше срока». Значит, не могло быть обращения к образцу, ведь мы не создаем прилагательных типа «сильнеесмертный», «быстрееветренный».

Мы рассмотрели общие правила строения и создания слов. Конкретное применение этих правил зависит от того, к какому грамматическому классу относится слово. К парадигматике слов и форм слов на уровне морфологии мы и переходим.

ЛИТЕРАТУРА

Земская Е.А. Современный русский язык: Словообразование. М.: Просвещение, 1973.

Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. М.: Наука, 1981.

Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика. М.: Наука, 1977.

Моисеев А.И. Основные вопросы словообразования в современном русском литературном языке. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1987.

Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М.: Наука, 1977.

Общие признаки частей речи

В лексическом значении слова, как мы помним, есть категориальная сема, по которой слова объединяются в самые крупные классы, называемые частями речи. Таким образом, нам известен первый признак части речи — общее значение входящих в нее слов. Сколько бы ни было и сколько бы ни возникало в нашем языке существительных, прилагательных, глаголов, каждое слово и в целом все слова данной части речи будут обладать общим частеречным значением в виде одинаковой категориальной семы.

В современном русском литературном языке выделяются следующие части речи: существительные, прилагательные, числительные, местоимения, глаголы, наречия, слова категории состояния, служебные слова — предлоги, союзы и частицы, а также модальные слова и междометия. И, следовательно, каждая из этих частей речи должна обладать особым значением. Со временем мы подробно проанализируем его, а пока на примере существительного, прилагательного, глагола и наречия рассмотрим, каков источник частеречной семантики.

Напомним, что в языке отражаются не просто отдельные фрагменты действительности, а ситуации, одну из самых типичных структур которых мы уже приводили. Элементы этой ситуации, как указывалось, таковы: действие, его субъект и объекты, признаки субъекта и объектов, качества и обстоятельства действия. А сейчас назовем частеречные значения выбранных нами для анализа частей речи: существительное — значение предметности; глагол — значение действия; прилагательное — значение признака предмета; наречие — значение признака признака, т.е. признака действия или качества.

Как видим, частеречное значение — это еще одна форма отражения структуры наблюдаемых в окружающей нас действительности ситуаций. То, что способно производить действие или подвергаться ему, обобщено в значении «предмет». Активность, исходящая от деятеля и направленная на объект, отражена в значении «действие». Величина, форма, цвет, твердость и прочие признаки субъектов и объектов обобщены в значении «признак предмета». Интенсивность, способ совершения, обстоятельства действий обобщены в значении «признак признака». Таким образом, частеречная семантика — это значения высочайшей степени абстракции, отражающие самые общие признаки элементов наблюдаемых ситуаций.

Однако одного значения отнюдь не достаточно для того, чтобы в языке появилась часть речи. Для этого необходимы еще два условия: слова, объединенные общим значением, должны иметь общие морфологические черты и должны выполнять общую синтаксическую функцию. Когда объединятся три признака — значение, морфологические особенности и синтаксическая функция, перед нами и будет класс слов, называемый частью речи.

Начнем с общей синтаксической функции. Вспомним школьную классификацию членов предложения: подлежащее, сказуемое, дополнение, определение, обстоятельство. Каковы их самые общие значения? Подлежащее обозначает деятеля, сказуемое — действие, дополнение — объект действия, определение — признак субъекта или объекта, обстоятельство — качества и обстоятельства действия. Знакомая картина, не правда ли? Члены предложения отражают элементы уже описанной ситуации. Часть речи появляется тогда, когда группа слов специальными средствами закрепляется за позицией определенного члена предложения, а значение этой позиции становится категориальной семой данных слов. Например, наречие — это сравнительно поздняя часть речи в русском языке. Появилась она тогда, когда бывшие краткие прилагательные, существительные, глаголы закрепились за позицией обстоятельства, утратили связь с прежними частями речи за счет того, что стали неизменяемыми, и приобрели общую категориальную сему «признак признака», как бы вобрав в себя значение обстоятельственной позиции. Здесь уместно напомнить наши формулировки словообразовательного значения: сильно «качество сильный, отраженное как признак действия».

Говоря о том, что наречия утратили связь с исходными частями речи, так как стали неизменяемыми, мы перешли к третьему выделительному признаку части речи — морфологическим характеристикам. Приспособить слово к синтаксической позиции можно лишь тогда, когда оно наделено определенными средствами связи с другими словами. Средства эти зависят от структуры слова и его изменяемости, и нам уже известно, что данными характеристиками слова «заведует» морфология с ее классифицирующим механизмом морфологических категорий.

Морфологические категории закреплены за частями речи и являются средством оформления и выражения их частеречного значения. Например, мы не можем выразить значение предметности иначе, как указав число предметов и их отношение к элементам ситуации. Происходит это потому, что значение предметности оформлено категориями числа и падежа и без реализации значений данных категорий не может быть выражено. Морфологические категории обеспечивают также связи данного слова с другими словами в предложении. Тот же падеж у существительного выступает как показатель грамматической зависимости или независимости его от других слов в предложении.

Совокупность морфологических категорий как средство выражения частеречного значения характеризует части речи, сложившиеся давно и наделенные номинативной функцией (существительные, прилагательные, числительные, местоимения, глаголы). У молодых частей речи, у служебных и модальных слов не сформировались морфологические категории, но есть морфологические признаки (неизменяемость и некоторые другие), которые оформляют непосредственно частеречное значение. В любом случае неизменно одно: чтобы выделилась часть речи, в языке дол-

жен возникнуть класс слов, наделенных своеобразием со стороны значения, морфологической природы и синтаксического функционирования.

Охарактеризуем типы частей речи подробнее.

Знаменательные слова наделены номинативной функцией, они называют предметы, действия и их признаки и способны выступать ответами на различные вопросы: кто это? какой? что делать? где? когда? как? Эти слова выполняют функции всех членов предложения именно потому, что *н а з ы в а ю т*, именуют элементы ситуации, отраженной в нем.

Служебные слова не обладают номинативной функцией и не могут служить ответами на вопросы, перечисленные выше. Они не называют элементы ситуации, а отражают отношения между ними или между ними и говорящим. Например: «Я вошел в комнату» — предлог в отражает отношение предмета комната к действию войти.

Модусные слова — модальные слова и междометия, — не обладая номинативной функцией, не являются вместе с тем и служебными, поскольку не выражают связей между словами и не уточняют значения членов предложения. Они предназначены для прямого выражения эмоций и волеизъявлений говорящего, его отношения к сказанному. Говорящий, как было сказано, — это элемент ситуации общения, или модуса. Поэтому данные части речи и объединяются в группу модусных слов. Свообразно их синтаксическое поведение: они являются независимыми элементами предложения или сами составляют целое высказывание (Ау! Возможно!).

Рассмотрев общие вопросы, связанные с частями речи, мы переходим к описанию каждого их этих классов в отдельности.

Имя существительное

§ 1. Значение предметности

Имя существительное объединяет слова с общей категориальной семой «предмет», обладает морфологическими категориями рода, числа, падежа и имеет две специфические для имени синтаксические функции — подлежащего и дополнения. Рассмотрим перечисленные признаки.

Частеречное значение предметности требует пояснения, поскольку совершенно очевидно, что оно отнюдь не тождественно бытовому понятию «предмет». Сравним два существительных: стол и ходьба. Первое обозначает предмет в его обычном понимании — вещь. Но второе явно называет не предмет, а действие. Почему же мы говорим, что для языка это тоже предмет? Что значит предмет для грамматики? Грамматическим предметом выступает носитель признака, независимая совокупность признаков. Мы говорим «быстрая ходьба», «ходьба меня утомила» точно так же, как «большой стол», «стол находится во второй комнате». Как стол, так и ходьба предстают в этих синтаксических единицах носителями признаков —

пассивных (быстрый, большой) и активных, протекающих во времени (утомить, находиться).

Как предмет в языке отражаются любые явления — вещи, лица, действия, цвета, величины, формы и т.д. Естественно, что такое многообразие требует организации. И язык выработал для этого определенные средства. Грамматические предметы классифицированы, поделены на разряды, которые облегчают говорящим, например, выбор словообразовательных моделей. В дальнейшем мы рассмотрим эти разряды.

Специфическая синтаксическая функция существительных тесно связана с их частеречным значением. Именно в подлежащем и дополнении отражаются предметные элементы моделируемой ситуации — производитель действия и объект. Есть и грамматическое подтверждение того, что эти функции специфичны для существительного: почти все слова, которые оказываются в этих позициях, субстантивируются, хотя бы контекстуально переходят в существительное. Сравним два предложения: «Я не замечаю твоих сомнений», «Я не замечаю твоих „наверное“». На позиции дополнения в первом предложении стоит существительное, а во втором — модальное слово. Однако ведет себя здесь модальное слово необычно: оно определено притяжательным местоимением множественного числа родительного падежа, к нему можно задать от сказуемого вопрос: «не замечаю чего?» — «твоих „наверное“», хотя модальные слова неизменяемы, а их обычная функция — быть в предложении вводным словом. Почему же с ним произошли все эти перемены? Потому, что на месте дополнения модальное слово перешло в существительное, недаром же оно отвечает на вопрос этой части речи «чего?». Как у существительного, у него есть падеж и число, ведь вне этих грамматических значений существительное не может быть употреблено. Кстати, мы можем представить его и в единственном числе: «Не замечаю твоего „наверное“, в именительном падеже: «Твое „наверное“ меня огорчило». Как видим, в позиции подлежащего с модальным словом происходит та же самая метаморфоза, отчетливо виден средний род.

Такой переход в существительные будет наблюдаться и тогда, когда на позиции подлежащего или дополнения окажется прилагательное («Прошлое не забывается»), наречие («Этовечное „бегом, скорей“ мне надоело») и слова других частей речи. Но это касается не всех слов. Например, инфинитив не может переходить в существительное: «Торопиться — значит наверняка повредить делу». Отмстим для полноты картины, что на позиции подлежащего или дополнения может оказаться предложение или даже целый текст, и они начинают вести себя как существительное: «Это „Встречай. Приезжаю двадцать пятого скорым“ привело весь дом в волнение».

Категории рода, числа и падежа, как видно и из рассмотренных примеров субстантивации, оформляют значение предметности и обеспечиваяют существительному связи с другими словами в предложении.

Переходим к анализу лексико-грамматических разрядов и морфологических категорий имени существительного.

§ 2. Лексико-грамматические разряды имени существительного

Лексико-грамматические разряды объединяют слова с общей разрядной семьей и комплексом общих грамматических признаков. Разрядная семья конкретизирует сему предметности, существительные разделяются на классы разного объема, за счет чего упорядочивается набор словообразовательных моделей и определенным образом регулируется формообразование.

Языковая классификация предметов осуществляется по трем основаниям, чем и объясняется наличие трех видов членения существительных на лексико-грамматические разряды.

Нарицательные и собственные имена

Как известно, явления, нас окружающие, могут восприниматься нами как члены класса (звезды, люди, животные, города) и как индивидуальности, уникамы (Сириус, Пушкин, Россинант, Париж). Способ отражения сказывается на объеме понятия соответствующего явления. В первом случае объем понятия больше единицы (город, человек), во втором случае объем понятия равен единице.

Соответственно объему изменяется понятийное содержание слов. В понятия первого типа включены только существенные признаки класса: звезда «небесное тело, состоящее из раскаленных газов (плазмы), по своей природе сходное с Солнцем и представляющееся взору человека на ночном небе светящейся точкой» (СлРЯ). В понятия второго типа включаются признаки и существенные, и просто отличительные, что особенно хорошо видно на личных именах и кличках. Так, наши любимые собака, кошка (Шарик, Мурзик) предстают для нас в совокупности существенных (животное такой-то породы) и несущественных признаков (цвет шерсти, форма пятен на голове или спине, форма хвоста, тембр голоса). А вот что сообщает Советский Энциклопедический Словарь о Сириусе: «Сириус, альфа Большого Пса, звезда — 1,5 звездной величины, самая яркая на небе. Сириус — двойная звезда, ее компонент Сириус Б — первый обнаруженный белый карлик». Согласимся, что признак «ярче всех» вряд ли существен, если мы не знаем, чем он обусловлен — величиной звезды или близостью к нам. Тем более не является существенным признак очередности открытия. Однако как отличительные эти признаки хороши, они удачно индивидуализируют явление.

Существительные, понятийное содержание которых построено на отражении существенных признаков, а объем понятия больше единицы, называются нарицательными. Существительные, понятийное содержание которых отражает существенные и несущественные признаки, а объем понятия равен единице, называются собственными.

Такова семантика данных разрядов. У них есть и грамматические признаки: отношение к категории числа, отношение к количественным понятиям, проявляющееся в их сочетаемости.

Отношение к категории числа. Собственные существительные либо имеют форму постоянного множественного числа — Альпы, Мытищи, Филиппины, либо имеют форму единственного числа без соответствующей формы множественного с тем же значением. Каков смысл нашего уточнения? Рассмотрим слово Марина. Это личное собственное имя. Оно имеет форму единственного числа. Можно ли образовать форму множественного? Да — Марины. Но ее значение не тождественно значению форм столы, классы, дома, книги. Если в последнем случае это группы однотипных, сходных по существенным признакам предметов (даже если книги разные, это все-таки именно книги — переплетенные листы бумаги с текстом), то Марины — это просто девочки с одинаковыми именами. На этом кончается их сходство между собой и отличие от остальных групп вроде Нин, Марий и Наташ. Смешайте эти группы — и, если вы не знаете имен, вы никак не отличите Марину от Наташи. Между тем если вы перемешаете книги с карандашами, лампами или ложками, вы легко различите в любой путанице предметы разных классов. Поэтому мы и говорим, что форма Марины имеет особое значение «группа лиц с одинаковыми именами», а не «много Марин», как «много столов, книг, карандашей».

Какова в этом плане характеристика нарицательных имен? Она снова напоминает нам о существовании в грамматике нулевых показателей. Наричательные имена не имеют особого отношения к числу, во всяком случае их отношение к этой категории не обусловлено их нарицательностью.

Сочетаемость с количественными словами. Она также различает собственные и нарицательные имена. Когда мы говорим: «В нашей группе две Наташи», «В нашей школе много Наташ», мы снова передаем особый смысл «лица с одинаковым именем». **О д н о и м е н н о с т ь** — вот что отражается и в форме множественного числа, и в сочетаниях с количественными словами. О нарицательных именах придется повторить сказанное: их сочетаемость не связана с нарицательностью.

Словообразовательные особенности. Лексико-грамматические разряды, как уже говорилось, в ряде случаев связаны со словообразованием. У нарицательных существительных такой связи нет, а вот у собственных она налицо, причем зависит от их смысловых разновидностей. В зависимости от того, что обозначено собственным именем, выделяются такие группы, как личные имена, клички животных, географические названия.

Личные имена в современном русском языке не создаются, а выбираются из списка, с изменением их активности по поколениям. Попытка носителей русского языка в 30-е годы создать новые имена и вообще перейти к придумыванию имен, отказаться от выбора готовых, успеха не имела:

большая часть придуманных имен (а многие из них были значимыми, вроде Трактора или Дрезины) была забыта, язык не принял значимых имен. Мы по-прежнему выбираем имена из списка, позволяя себе лишь обновлять их набор в поколении: в конце 80-х годов вдруг ожили такие имена, как Артем, Тарас, Даниил, в 60-е годы совершенно бессмысленные. Словообразование наше в области этих единиц состоит в образовании уменьшительных форм: Александр — Алексаша, Саша, Сашура, Шура, Сашка, Шурка, Сашуля, Сандрик и т.д. Фамилии мы не выбираем, а пользуемся ими, так сказать, по наследству, чаще от отца, реже от матери. Единственное, что в каноническом полном официальном имени мы создаем, — это отчество, которое образуется от имени отца по строго заданным и многочисленным моделям.

В качестве имени человека могут выступать прозвища. Они образуются либо путем переноса, либо морфологическим способом на основе какого-либо признака лица. В книге Н.Г.Помяловского «Очерки бурсы» упомянуты, например, такие прозвища: Мямля, Аксютка, Носатый, Митаха, Плюнь, Катька.

Клички животных создаются нами более свободно. Для собак и кошек существует хоть и небольшой, но все-таки фонд привычных имен, из которого мы можем выбирать, если не хотим создавать нового слова. Наличие такого списка легко доказывается тем, что странно было бы встретить кота Полкана или собаку Мурку. Однако список этот невелик, и мы вольны творить новые имена. Правда, если животное породистое, в своем словообразовании мы ограничены особыми правилами, требующими, чтобы в имени повторялись звуки имен родителей.

В области географических названий совсем нет списка, из которого можно было бы выбрать именование. По известным семантическим и словообразовательным моделям название каждый раз создается новое, сравним, например, наименования рек по цвету воды — Светлая, Черная, по характеру течения — Быстрая; названия деревень по времени возникновения — Новая, по имени первопоселенца — Антоновское, Еремино.

Стилистическое использование собственных имен. В художественной и публицистической речи собственные имена нередко используются в выразительных целях.

1. Автор может ввести в текст говорящие имена. В «Современной идиллии» М.Е.Салтыкова-Щедрина адвокат носит фамилию Балалайкин («Имя и отчество неизвестны», — добавляет автор). А.П.Чехов в рассказе «В циркульне» с помощью фамилии героя создает контраст: «Утро. Еще нет и семи часов, а циркульня Макара Кузьмича Блесткина уже отперта. ...Циркульня маленькая, узенькая, поганенькая». То же в «Торжестве победителя»: «А больше всего я натерпелся и поношений разных вынес от этого вот сига копченого, от этого вот крокодила! Вот от этого самого смиренного, от Курицына».

2. В художественном тексте могут обгрыбываться, порой очень сложно, известные, знаменитые имена. Таково, например, положение фамилии героя в романе Ф.М.Достоевского «Подросток»:

«Я — кончивший курс гимназист, а теперь мне уже двадцать первый год. Фамилья моя Долгорукий... Вставляю здесь, чтобы раз навсегда отвязаться: редко кто мог столько вылизаться на свою фамилию, как я в продолжение всей моей жизни. Это было, конечно, глупо, но это было. Каждый-то раз, как я вступал куда-либо в школу или встречался с лицами, которым по возрасту моему был обязан отчетом, одним словом, каждый-то учительшка, гувернер, инспектор, поп, все, кто угоднo, спрося мою фамилию и услыхав, что я Долгорукий, непременно находили для чего-то нужным прибавить:

— Князь Долгорукий?

И каждый-то раз я обязан был всем этим праздным людям объяснять:

— Нет, *просто* Долгорукий.

Это *просто* стало сводить меня, наконец, с ума. Замечу при сем, в виде феномена, что я не помню ни одного исключения: все спрашивали. ...Я вот исписал целых три страницы о том, как я злился всю жизнь за фамилию, а между тем читатель наверно уж вывел, что злюсь-то я именно за то, что я не князь, а просто Долгорукий. Объясняться еще раз и оправдываться было бы для меня унизительно».

Поверим герою: его возмущало, конечно, не то, что он не князь, а то, что его фамилия обращала на себя внимание и *обсуждалась* в форме сопоставления с исторической фамилией. Представьте, что все время тем или иным образом в вашем присутствии или с вами обсуждается ваша фамилия, пусть самая безобидная, — и вы поймете героя романа. Если же учесть самолюбие этого юного человека, то легко понять, как мучительна была для него эта без конца повторяющаяся процедура.

3. Бывает и обратный прием — незначимое имя наделяется значением, ассоциациями, которые как бы выстраивают его мотивировку. Например, А.В.Луначарский «услышал» в фамилии и имени Клима Самгина переключку со словами «клин», «сам». Луначарский пишет: «у нашего „героя“ имя вполне индивидуальное. Разве вы встречали где-нибудь другого Клима Самгина? Но оно характеризует его. В нем есть что-то вычурное, — оно вместе с тем эмоционально значительно. Клим — это звучит сухо, узко, напоминает слово „клин“. Самгин — вы чувствуете здесь эту „самость“, эту опору на себя, это желание быть самим собой». Случайно ли критик обратил внимание на имя героя? Оказывается, нет. Сам роман толкает читателя к этому: в начале повествования подробнейшим образом рассказывается, как герою было дано его имя:

«Иван Акимович Самгин любил оригинальное; поэтому, когда жена родила второго сына, Самгин, сидя у постели роженицы, стал убеждать ее:

— Знаешь что, Вера, дадим ему какое-нибудь редкое имя? Надоели эти бесчисленные Иваны, Василии... А?

Самгин начал озабоченно перечислять, пронзая воздух коротеньким и пухлым пальцем:

— Христофор? Кирик? Вукол? Никодим?

Каждое имя он уничтожал вычеркивающим жестом, а перебрав десятка полтора необычных имен, воскликнул удовлетворенно:

— Самсон! Самсон Самгин, — вот! Это не плохо! Имя библейского героя, а фамилия, — фамилия у меня своеобразная. — Да, Самсон! Народ нуждается в героях».

После крестин, как мы помним, Самгин оправдывается:

«Верочка, в последнюю минуту я решил назвать его Климом. Клим! Простонародное имя, ни к чему не обязывает».

Но и на этом автор не останавливается, так как описывает, как воспринимали имя окружающие:

«— Клим? — переспрашивали знакомые, рассматривая мальчика особенно внимательно и как бы догадываясь: почему же Клим? ... У домашних тоже были причины — у каждого своя — относиться к новорожденному более внимательно, чем к его двухлетнему брату Дмитрию. ...Отец чувствовал себя виноватым в том, что дал сыну неудачное имя, бабушка, найдя имя „мужичким“, считала, что ребенку обидели».

Совершенно очевидно, что при таком настойчивом подчеркивании имени читатель тоже задумается: почему же Клим? И каждый в зависимости от силы своего воображения постарается связать имя с образом, вырастающим из сюжета и описаний. «Мужичкое» имя вступит в контраст с образом человека, далекого от народа, враждебного ему. «Ни к чему не обязывающее» имя подчеркнет заурядность натуры. Фамилия Самгин высветит воинствующий индивидуализм героя. Неговорящее имя делается говорящим, наделяется значением, которого у него как такового не было.

4. Хорошо известно, что есть писатели, которые любят создавать диковинные имена. Вспомним «Мастера и Маргариту» М. Булгакова и вереницу забавных имен. Вот лишь из одной главы: Берлиоз, Подложная, Поклевкина, Амвросий Бескудников, Двубратский, Настасья Лукинишна Непременова, она же Штурман Жорж, Иероним Поприхин, Абабков, Глухарев, Денискин, Лаврович, Квант, Желдыбин, Тамара Полумесяц, Жукопов, Драгунский, Чердачки, Ссмейкина-Галл, Витя Куфтик, Павианов, Богохульский, Сладкий, Шпичкин, Адельфина Буздяк, Иван Николаевич Бездомный. Такое умение иногда требуется и фельетонисту.

5. Имя героя, географическое название могут породить словесный образ. Например, в уже упоминавшихся «Очерках бурсы» одного из героев прозвали Карасем. Подробно описывается, как возникло прозвище, а затем имя обыгрывается, в частности, так:

«Карась был довольно самолюбивая рыба. У него было страстное желание как можно скорее, всецело, по самые уши окунуться в болото бурсацкой жизни. ...Карась вышел во двор, отыскал большую лужу, уселся около нее и стал снимать сапоги. Потом, оставшись в одних чулках, при-

нялся бродить по воде, как будто и в самом деле превратился в большую рыбу. Карась рисковал поплатиться здоровьем, но когда чулки на нем высохли, он опять стал плавать в луже и снова повторил свою проделку».

Как видим, из прозвища рождается сквозная развернутая метафора и сквозное сравнение: метафоризируются слова одной темы — болото, плавать, рыба.

6. Иногда используется прием обсуждения имени, за которым читатель должен увидеть какую-то важную сторону художественного мира. Так, в повести В.Липатова «Три зимних дня» есть такая сцена:

«— Я и на правом конце деревни не был! — с тоской сказал Анискин. — Вот какая история, Ванюшка!

Во второй раз ощущение нереальности, фантастичности происходящего охватило следователя: призрачной, несуществующей показалась комната с русской печкой, за которой шуршали тараканы, несуществующей река, как бы текущая снежной лентой мимо окон, выдуманным участковый уполномоченный, который браконьера, подозреваемого в убийстве, называет уменьшительным именем».

Имя, употребленное героем, вызвало сложные переживания другого участника события. А читатель должен за всем этим увидеть тесный, но сложный деревенский мир с особыми отношениями между людьми.

7. Имя может употребляться переносно. Когда мы говорим «Наш Наполеон опять развоевался», мы употребляем собственное имя как метафору. Особенно характерен такой перенос для форм множественного числа. Например, в рассказе об Игоре Ильинском проводится параллель с творчеством М.Зощенко, и о последнем говорится: «Это писатель с острым слухом, зорким глазом, запечатлевший в своих рассказах ту самую среду, которая питала и выращивала присыпкиных» (З.Владимирова).

Формой множественного числа фамилии Присыпкин обозначена группа людей, наделенных свойствами этого героя пьесы Маяковского.

8. Переводчикам известны особые заботы об имени, когда приходится строить говорящее имя в подражание звучанию чужого слова. Один из героев «Сказок по телефону» Джанни Родари назван синьор Притворуччи: «Синьор Притворуччи был ужасным неженкой. Нет, вы просто не можете себе представить, каким он был неженкой. Если по стене ползла сороконожка, он уже не мог спать и жаловался на шум».

Корень имени переводчик взял от глагола притворяться, а конец слова напоминает итальянские имена (Софиччи).

9. В баснях и сказках именем нередко становится нарицательное существительное — название предмета, ставшего «героем» произведения. В басне И.А.Крылова «Мешок»: «Но долго ль был Мешок в чести и слыл с умом, и долго ли его ласкали?» В «Первой охоте» В.Бианки: «Надоело Щенку гонять кур по двору».

Таково членение существительных по признаку объема понятия, закрепленного за словом. Переходим к следующей группировке имен.

Конкретные, вещественные, собирательные и абстрактные существительные

Второе основание языковой классификации существительных — это природа явления, названного словом. Конечно, язык — не наука, у него свои «взгляды» на природу явления. Тем не менее факт остается фактом: русский язык расчленил все явления на четыре (всего четыре!) разряда: конкретные предметы, отвлеченные явления, вещества и совокупности предметов. Поэтому все существительные в данном плане делятся на четыре лексико-грамматических разряда: конкретные, абстрактные, вещественные и собирательные.

Конкретные существительные (мы будем говорить о нарицательных именах, так как о собственных сказано в предыдущем разделе) — это наименования считаемых предметов. Счетность оказалась для языка тем признаком, который выделил эти явления среди всех других и противопоставил их трем остальным классам. Что значит счетность для грамматики? Прежде всего это наличие двух форм числа с одинаковым значением, т.е. без смыслового наращения, как мы видели это у собственных имен: стол — столы, книга — книги, скачок — скачки, школьник — школьники. Отметим, что большинство собственных имен — это тоже конкретные существительные, хотя мы видели, что со счетностью у них отношения особые, что обусловлено, однако, иными причинами — объемом понятия, а не природой явления. Мы относим их к разделу конкретных потому, что они называют индивидуальных представителей классов конкретных предметов: школьник — конкретное нарицательное, Петя, Костя, Миша — конкретные собственные.

Второе проявление счетности — сочетаемость с количественными словами. Конкретные существительные сочетаются с количественными числительными (две книги), с собирательными числительными (двое мальчишек), с неопределенно-количественными словами (много книг). Одно замечание о сочетаниях конкретных существительных с собирательными числительными. Есть небольшая группа конкретных существительных с постоянным множественным числом: сани, ножницы, брюки. Мы их считаем, оформляя начало счета с помощью собирательных числительных: двое, трое, четверо саней.

Конкретные существительные имеют много словообразовательных моделей, значения которых осуществляют дальнейшую дифференциацию предметов: лицо, орудие, помещение, детеныш — строитель, сеялка, коровник, медвежонок.

Вещественные существительные объединяют названия веществ, несчитаемых, но измеряемых масс: вода, хлеб, молоко, кислота. Этот признак данных явлений отражен в грамматических свойствах разряда: вещественные существительные как названия несчитаемых явлений не имеют соотносительного числа с тем же значением и не сочетаются с количе-

ственными числительными. А как названия измеряемых масс они соединяются с неопределенно-количественными словами и названиями мер: много воды; литр, ведро воды.

Вещественные существительные в исходной форме могут быть единственного и постоянного множественного числа: вода — сливки. Существительные единственного числа могут образовать форму множественного числа, так же как и сочетание с количественным числительным, но при этом возникает то или иное смысловое приращение.

1. «В лавке у Каравая были собраны товары со всей страны — табак из Феодосии, грузинские вина, астраханская икра, вологодские кружева» (К.Г.Паустовский. Повесть о жизни). Формы множественного числа табак, вина означают, что данные вещества представлены несколькими сортами, видами. Отсюда понятна форма воды в пушкинских строках: «Не вьются птицы, лань не смеет в жар летний пить из тайных вод». Для языка живая и мертвая вода — «сорта», виды вещества, фантастичность этих «сорт» его не касается.

Значение сортности проявляется и в сочетаниях вещественного существительного с количественными числительными:

Ты же должен постараться
Пробы ради искупаться

В этих трех больших котлах,
В молоке и двух водах.

(П.Ершов)

Две воды — это кипятки и «студеная» вода, т.е. два сорта.

2. Значение массы вещества, как в строках В.Брюсова:

В разные годы
К вам приходил я, граниты,
Глядеться в недвижно-прозрачные воды.

Формы граниты, воды обозначают массу вещества, поэтому мы и представляем себе совершенно определенную картину: гладь воды и гранитные скалы вокруг.

3. Рассмотрим отрывок из «Рассказа о молодости» М.Лоскутова:

«...Была снаряжена новая экспедиция. Она состояла из семи тысяч человек. Полтора года они бродили по пустыне, и ни один из них не вернулся обратно. Часть из них погибла в песках, а часть была перебита туземцами. Сухие русла и озера были найдены значительно позже. Что можно сказать о стране, покрытой саваном песков?»

Сравним значения двух форм множественного числа слова песок. «Саван песков» — это уже знакомое нам значение массы вещества. Выражение же «погибла в песках» означает, что люди погибли в пустыне, а не в массе песка как таковой. Форма множественного числа передает здесь значение «площадь, занятая веществом».

4. Значение «изделие из вещества» так используют переводчики рассказа А.Франса «Оловянный солдатик» в следующем описании:

«В ту бессонную ночь, когда, болев инфлуэнцей, я томился в жару, мне

явственно слышался троекратный стук в дверцу стеклянной горки, которая стояла близ моей кровати и в которой были беспорядочно расставлены фигурки из севрского бисквита и саксонского фарфора, терракотовые статуэтки из Танагры и Мирины, мелкие бронзы Возрождения, японские изделия из слоновой кости, венецианское стекло, китайские чашки, мартиновские лакированные табакерки, лаковые подносы, эмалевые ларчики, короче говоря, тысяча вещей тонкой работы, к которым я питаю великую слабость».

Весь контекст подчеркивает значение существительного бронзы — фигурки, статуэтки из бронзы.

Приведенный материал показывает, что форма множественного числа вещественного существительного может быть многозначной: воды — «сорта» (минеральные воды); «масса» (река катит воды); «площадь» (расстилаются озерные воды). Вместе с тем многозначность не обязательна для всех форм. Например, вряд ли у слова бронзы есть значение «площадь, занятая веществом».

Обратим внимание на значение «изделия из вещества». Мы знаем, что этот метонимический перенос характерен и для единственного числа: выставка старинной бронзы, художественного стекла, уральского камня. Мы понимаем, что будут выставлены изделия из этих веществ, даже если это необработанный камень, он все равно будет на выставке особым предметом, ведь отобран особенно красивый кусок родонита или малахита, помещен на специальную подставку, эффектно подан. Зачем же тогда еще и множественное число?

Вернемся к отрывку из «Оловянного солдатика». Этот текст показывает, что формы единственного и множественного числа, обозначая изделия, не всегда синонимичны. Вряд ли в данном описании можно было сказать «мелкая бронза Возрождения». Единственное число подчеркивает совокупность изделий, а для рассказа нужно значение расчлененной множественности (фигурки, статуэтки, изделия, тысяча вещей — с этим рядом прекрасно сочетается форма бронзы).

На это рассуждение внимательный читатель может возразить: но сказано же, что в этом шкафу стояло венецианское стекло — тоже ведь предметы из стекла. Приходится ответить, что тут уж ничего не поделаешь: за формой стёкла закрепилось значение «пластины» (предметные стекла, оконные стекла, стекла очков), несколько устарело значение «очки», которое очень удачно использовано в переводе романа Умберто Эко «Имя розы»:

«Он вытащил из рясы свои стекла, насадил их на нос, затем сунулся к листу еще ближе. „По-гречески, очень мелко и беспорядочно. Даже в стеклах трудно прочесть. Подвинь-ка свет“».

Итак, у формы стёкла несколько значений, но нет значения «посуда из стекла» или «фигурки из стекла». Эти значения передаются формой единственного числа. Поскольку в шкафу находились именно эти пред-

меты, переводчики могли либо развернуть наименование (бокалы из венецианского стекла, фигурки из венецианского стекла), либо использовать слово стекло в метонимическом значении, что они и сделали.

Материал показывает, насколько содержательны грамматические формы, как важно учитывать и использовать их семантику для выразительной и одновременно экономной передачи мысли.

В формообразовании вещественных существительных есть еще одна особенность: некоторые из них имеют два окончания для родительного падежа единственного числа: сахара, сахару. Окончание -у оформляет родительный падеж со значением части, окончание -а не имеет ограничений в семантике и передает как значение части, так и все другие значения родительного падежа. Тогда закономерен вопрос, почему сохраняется окончание -у. Дело, видимо, в его чуть сниженной стилистической окраске. Обратимся к нашей бытовой речи. Привычно звучит: «Выпей аспирина». Но вот названия веществ, новых для быта, мы не сразу оформляем этим окончанием. Так, довольно трудно представить предложение «Возьми интерферону». Разумеется, писатели не могут не использовать эту грамматическую особенность вещественных существительных. Повествователь в «Мастере и Маргарите» восклицает: «И плавится лед в вазочке, и видны за соседним столиком налитые кровью чьи-то бычьи глаза, и страшно, страшно... О боги, боги мои, яду мне, яду!...»

Попробуйте заменить форму на -у в последнем предложении формой яда — и вы увидите, каким сухим и категоричным станет высказывание.

Наконец, вещественные существительные имеют некоторые специальные словообразовательные модели, сравним названия мяса — баранина, свинина, конина, названия ягод — черника, голубика. Есть терминологически закреплённые модели для образования названий лекарств, минералов. Вот отрывок из рассказа А.Е.Ферсмана «Рождение слова»:

«Начинаются крестины новых минералов; крестные, отец и мать, должны обосновать предлагаемое ими название.

— Вот прекрасный блестящий фиолетовый минерал. Он встречается в Ловозерских тундрах в довольно больших количествах — это водный титано-ниобо-фосфатосиликат натрия, кальция и редких земель. Предлагаем назвать мурманитом».

Использована типичная модель: мурманит, селенит, чароит, беломорит.

Собирательные существительные обозначают несчитаемые и точной мерой не измеряемые совокупности предметов: листва, студенчество, молодежь, техника, деньги, скот. Считаются составные единицы этих совокупностей: листья, студенты, юноши и девушки, машины, рубли, франки, доллары, лиры, рупии, коровы, козы. Объем совокупности измеряется также количеством этих составных единиц: денег — сто рублей, скота — сто голов. Отсюда и грамматические характеристики собирательных существительных: они либо обладают формой постоянного множественного: финансы, джунгли, либо имеют форму единственного числа без соотно-

сительного множественного: листва, студенчество, профессура. Они не сочетаются с количественными числительными, не определяются порядковыми прилагательными. Но у них есть сочетаемость с неопределенно-количественными словами: много скота, мало молодежи.

В словообразовательном отношении эти слова делятся на две группы. К первой относятся существительные, которые не имеют однокоренного обозначения единичного предмета: джунгли, техника, финансы. Ко второй относятся собирательные существительные, имеющие такое соответствие: листва — лист, воронье — ворона. Словообразовательные модели обслуживают вторую группу (суффиксы -j-, -ств-, -ожь-).

Собирательные существительные могут быть оценочными. В следующих строках из романа М.Шагинян «Первая Всероссийская» речь идет о губернаторе: «Где и как мог он один со своим чиновником уследить хотя бы в собственном кругу, а не то что по всей губернии, те опасные явления, о которых писал министр?»

Комический эффект возникает, когда собирательное существительное использовано для называния одного-единственного предмета (синекдоха): «Теперь он поспешил доложить по начальству. Разбуженное начальство, выслушав доклад, зевнуло, потянулось и молвило: — Боже мой, я вижу, вы читаете только „Дейли Миррор“» (В.Маяковский. Жертвы Жака Бодара).

Когда, обращаясь к одному человеку, мы говорим: «Как чувствует себя молодежь?», когда называем один рубль финансами, а велосипед — техникой («Техника подвела»), мы преувеличиваем их значимость и поэтому получаем шутливую окраску речи.

Абстрактные существительные называют отвлеченные от предмета действия и качества: синева, таинственность, бег, плавание. Эти отвлеченные понятия представлены как предметы, т.е. как носители признаков. Такие «предметы» не считаются и не измеряются точной мерой. Поэтому абстрактные существительные либо имеют постоянное множественное число — хлопоты, либо употребляются в единственном числе без соотносительного множественного того же значения — слава, белизна. Не соединяются они и с количественными числительными, но возможно сочетание их с неопределенно-количественными словами: немного смелости вам не помешает.

Если появляется форма множественного числа или сочетание с количественными числительными, абстрактные существительные претерпевают конкретизацию значения: «Уходите! путь открытый! разметите бранный стан! Дома детям расскажите о красотах дальних стран» (В.Брюсов. Александр Великий). Форма красоты означает «нечто красивое: красивые пейзажи, строения и т.п.». Еще пример: «Нет таких дней, когда песни — не нужны: Тают печали в лучах красоты» (В.Брюсов. Противоречия). Форма печали обозначила печальные переживания.

Из рассказа А.И.Куприна «Гранатовый браслет» приведем два менее

привычных случая множественного числа абстрактных существительных: «В середине августа, перед рождением молодого месяца, вдруг наступили отвратительные погоды, какие так свойственны северному побережью Черного моря». Погоды «время, в течение которого стоит определенная погода»; «Честное слово... докторишки разнесчастные... все лето купали мои ревматизмы... в каком-то грязном киселе... ужасно пахнет... И не выпускали...». Ревматизмы «больное ревматизмом тело».

Из особенностей формообразования абстрактных существительных нужно отметить случаи образования родительного падежа с окончанием -у: «Шуму!», «Грому!». Формы эти разговорные.

Наконец, абстрактные существительные имеют свои словообразовательные модели: с суффиксами -ость-, -ний-, безаффиксные.

Опишем текстовые функции абстрактных существительных.

1. Нам нередко бывает нужно назвать словом не явление, а целую ситуацию. Одним из средств такой номинации являются абстрактные существительные. Допустим, мы спешили на поезд, но по дороге вспомнили, что забыли на столе билет, пришлось возвращаться, а потом ехать другим поездом. В рассказе об этом мы можем обозначить ситуацию по детали: «С этим билетом все пошло кувырк» — слово билет означает здесь не просто «документ», а всю историю неудавшейся поездки. Но особенно часто для свертывания информации о ситуации в одно слово используются абстрактные существительные: «Из-за моей забывчивости все пошло кувырк», «Из-за опоздания все пошло кувырк». И более всего подходят для этой цели наименования действий, потому что они в своей сочетаемости сохраняют субъектно-объектные характеристики ситуации: опоздание Петра на поезд из-за билета.

Используя это качество абстрактных существительных, мы и можем создавать простые предложения, заключающие в себе информацию о нескольких ситуациях: «...Предсказывая объективную неизбежность превращения частной собственности на средства производства в общественную, и Маркс и Энгельс предупреждали тем не менее о двух возможных вариантах развития этого процесса» (Г.Лисичкин. Мифы и реальность).

В этом предложении отражены четыре ситуации: две из них свернуты с помощью абстрактных существительных, одна — с помощью деепричастия, одна отражена развернуто: (1) Маркс и Энгельс предсказывали, что (2) частная собственность на средства производства неизбежно превратится в общественную; (3) Маркс и Энгельс предупреждали, что (4) этот процесс развивается в двух возможных вариантах. Как видим, если бы каждая ситуация была обозначена развернуто, у нас получилось бы сложное предложение.

2. Абстрактные существительные свойственны прежде всего книжной речи, рассуждениям о закономерностях, об отвлеченных понятиях, описаниям состояний, переживаний. Много таких слов в научных и офици-

ально-деловых документах. Вот рассуждение из публикации в журнале «Вопросы философии» (1988. № 12):

«Вопрос о точности и неточности человеческого знания все более приобретает в последнее время мировоззренческий характер. До недавних пор базой его было резкое разграничение наук на точные и неточные. Но в связи с тем, что сейчас в философии и науке идет интенсивное формирование нового идеала рациональности, вопросы об определенном и неопределенном в научном познании, об отношении между ними, об особенностях понимания, строгости в естественных и гуманитарных науках становятся весьма актуальными».

Мы видим здесь названия отвлеченных качеств — точность, неточность, определенное, неопределенное, они являются предметом рассуждения; отмечаются в тексте отвлеченные действия — разграничение, формирование, понимание, познание, которые сжимают информацию о классах ситуаций. Как явствует из сказанного, насыщенность текста абстрактными существительными связана с его тематикой и типом речи.

3. Насыщенным абстрактными именами может оказаться и художественный текст, однако их стилистическая нагрузка здесь иная по сравнению с рассмотренными фрагментами, где важнейшими целями являются сжатие информации, выдвижение на первый план предмета речи, передача отвлеченного и обобщающего характера рассуждения. Рассмотрим отрывок из романа М.Булгакова «Мастер и Маргарита»:

«А Варенуха продолжал свое повествование. И чем больше он повествовал, тем ярче перед финдиректором разворачивалась длиннейшая цепь лиходеевских хамств и безобразий, и всякое последующее звено в этой цепи было хуже предыдущего. Чего стоила хотя бы пьяная пляска в обнимку с телеграфистом на лужайке перед пушкинским телеграфом под звуки какой-то праздношатающейся гармоникки! Гонка за какими-то гражданками, визжащими от ужаса! Попытка подраться с буфетчиком в самой «Ялте»! Разбрасывание зеленого лука по полу той же «Ялты». Разбитие восьми бутылок белого сухого «Ай-Даниля». Поломка счетчика у шофера такси, не пожелавшего подать Степе машину. Угроза арестовать граждан, пытавшихся прекратить Степины паскудства. Словом, темный ужас».

Повествователь в романе весьма ироничен. Повествование, которое Варенуха должен был оформлять в глаголах — Степа плясал, гнался, пытался подраться, разбрасывал лук, разбил бутылки, поломал счетчик, угрожал арестовать, — рассказчик переводит в какой-то диковинный документ — в реестр нарушений и безобразий. Сухие, статичные, а порой суконно-неуклюжие (разбитие!) абстрактные существительные сочетаются в тексте со сниженными элементами, соседствуют с такими деталями, которым вряд ли нашлось бы место в официальном документе (праздношатающаяся гармоника). Вся эта смесь разностилевых элементов и создает комический эффект.

На примере стихотворения В. Брюсова «Иматра» покажем еще один результат насыщения художественного текста абстрактными существительными:

Кипит, шумит. Она — все та же,
Ее не изменился дух!
Гранитам, дремлющим на страже,
Она ревет проклятья вслух.
И, глыбы вод своих бросая
Во глубь, бела и вспенена,
От края камней и до края,
Одно стремление она.
Что здесь? драконов древних гривы?
Бизонов бешеных стада?
Твой грозный гул, твои извивы
Летят, все те же, сквозь года.
Неукротимость, неизменность,
Желанье сокрушить свой плен
Горят сквозь зыбкую мгновенность
Венчанных радугами пен!
Кипи, шуми, стремись мятежней,
Гуди, седой водоворот,
Дай верить, что я тоже прежний
Стою над распрей прежних вод!

Стихотворение о водопаде, и напоминает оно картину, на которой запечатлен миг движения, т.е. движение остановлено. Глаголы в основном обозначают свет, звук: кипит, шумит, ревет, горят, гуди. А движение обозначено существительными — стремление, извивы — и этим переведено в статикку. Про извивы сказано, правда, что они летят, но тут же добавляется «летят сквозь года», что означает вечность, неизменность, и, следовательно, семантика движения снова устранена. Признаки потока названы тоже абстрактными существительными: неукротимость, неизменность, мгновенность. С их помощью расшифровывается смысл зрительных образов «гривы драконов», «стада бизонов». Они объясняют читателю, что за зрительными образами надо видеть вечность, постоянство движения. Концовка стихотворения еще раз подтверждает и закрепляет эту интерпретацию: лирический герой видит «прежние» воды, ему хочется задержать время и для себя. Таким образом, статичность, создаваемая в числе других средств и абстрактными существительными, не случайна, а художественно необходима для передачи состояния лирического героя, переживающего ощущение вечности красоты в природе.

Одушевленные и неодушевленные существительные

Третье основание грамматической классификации существительных — это отнесенность обозначаемого ими предмета к миру живого или неживого. По данному признаку имена делятся на одушевленные и неодушевленные. Грамматическое выражение этого членения — винительный па-

дежмножественного числа, а у существительных мужского рода — и единственного. У одушевленных форма винительного падежа омонимична форме родительного, у неодушевленных она омонимична форме именительного падежа: знаю этих женщин, знаю эти книги, знаю этого человека, знаю этот дом.

Почему речь идет о множественном числе? Потому, что у существительных женского рода на -а винительный падеж в единственном числе имеет особое окончание -у и не реагирует на данный разряд: вижу женщину, книгу. Во множественном же числе различия налицо: вижу женщин, книги.

Наблюдая за тем, как язык классифицирует явления действительности, мы не раз убеждались в том, что у него есть свои представления о природе вещей. Может быть, он по-своему отражает также живое и неживое? Оказывается, да. Языковое членение мира на живое и неживое отнюдь не тождественно биологическому. Лица и животные обозначены в языке одушевленными существительными, а вот растения — неодушевленными. К одушевленным отнесены названия покойник, мертвец, утопленник (свидетельство старых верований). К одушевленным продолжают относиться существительные, называющие изображения человека и животных: «она любит своих кукол». Названия карточных фигур, бильярдных шаров тоже изменяются по типу одушевленных, вспомним чеховского Гаева с его «желтого в середину» (не желтый!).

Такое членение можно было бы отнести за счет того, что в прошлом люди не имели научного представления о живом и неживом. Однако события новейшего времени показывают, что язык в своей грамматике весьма самостоятелен. Вот статья из Советского Энциклопедического Словаря: «Микробы ... собирают, наименование бактерий, микоплазм, риккетсий и микроскопических грибов, т.е. микроорганизмов, исключая простейшие и вирусы. Иногда микробами называют все микроорганизмы».

Какого падежа требует предлог исключая? Зададим вопрос: исключая кого-что? Это вопрос винительного падежа. Если бы существительные простейшие, вирусы были одушевленными, сочетание было бы таким: «исключая простейших и вирусов». Оригинальный текст показывает, что данные существительные являются неодушевленными. Таким образом, наш язык, несмотря на успехи микробиологии, зачислил эти организмы в «неживые», а их обозначения — в класс неодушевленных имен.

Мы рассмотрели лексико-грамматические разряды существительных. Переходим к анализу их морфологических категорий.

§ 3. Категория рода имен существительных

Функции и значение рода. Категория рода имени существительного выполняет две функции. Первая заключается в том, что она регулирует связь существительного с согласуемыми частями речи. Это чисто техни-

ческая функция, подразделяющая имена на своеобразные согласовательные классы, никак не связанные со значением входящих в них слов. «Технический» род незначим, т.е. за ним ничего не стоит во внеязыковой действительности: мы не можем объяснить, почему слово стена женского рода, потолок — мужского, а окно — среднего. Мы знаем только, что со словом стена прилагательное высокий связано в формах высокая, высокой, со словом потолок — в формах высокий, высокого, а со словом окно — в формах высокое, высокого. Как видим, незначимых родовых форм — три. Различаются мужской, женский и средний род.

Вторая функция рода заключается в языковом отражении деления живых существ по полу: мужчина — женщина, мальчик — девочка, волк — волчица, петух — курица. Этот род значим и имеет две разновидности. Значимый род характеризует только часть одушевленных существительных, которые образуют пары: 1) супплетивные брат — сестра, мать — отец; 2) однокоренные раб — раба, супруг — супруга, школьник — школьница, неряха — неряха.

Часть одушевленных существительных обладает незначимым родом, например: ящерица, стрекоза, енот, белка. Эти слова обозначают животных обеих особей. Много таких слов со значением лица: строитель, капитан, космонавт, боец.

В ряде случаев наблюдается двойственность рода у слова. Например, в паре первоклассник — первоклассница род у первого члена пары значимый, как и у второго. Но в надписи на коробке «Подарок первокласснику» слово мужского рода выступает как наименование класса лиц без различий по полу, род становится незначимым.

Средства выражения рода. Основным средством выражения рода является согласование, т.е. синтаксический способ выражения грамматического значения. Прилагательные, глаголы приспосабливают свои формы к роду существительного, от которого они зависят: пришла зима, наступило лето, лето было дождливое (дождливым), зима была холодная (холодной). Согласование проявляется и в таких конструкциях: а) Считаю это дело проигранным — Считаю эту игру проигранной; б) Один из домов — Одна из стен; в) Дом, который находится на углу — Аптека, которая находится на углу; Дом, к которому мы подошли — Аптека, к которой мы подошли. Согласование здесь совмещается с другими связями. Так, в случае «а» падежом прилагательного управляет глагол, а род зависит от существительного. В случае «б» числительное с помощью предлога управляет падежом существительного, но согласуется с ним в роде. В случае «в» относительное местоимение подчиняет свой род существительному в главном предложении, а падеж обусловлен синтаксической ролью местоимения в придаточном.

Мы видим, что согласуемые части речи выражают свою подчиненность существительному по роду с помощью окончания: роман интересен-*о*, книга интересн-*а*. Однако в русском языке есть уникальный для нашей системы случай, когда показатель согласуемого рода содержится в основе:

об-а журнала, об-е книги — согласуемый род, как обычно, выражен в окончаниях. А сейчас обратимся к косвенным падежам: об-ой-их журналов, об-ей-их книг, об-ой-им журналам, об-ей-им книгам. Окончания в мужском и женском роде одни и те же, на род указывает основа: об-ой- для мужского, об-ей- для женского рода. Числительное оба/обе приспособлено даже для обслуживания конкретных существительных с постоянным множественным числом: мы говорим «обоих саней», «с обоими ножницами», используя форму мужского — среднего рода.

Есть и морфологические средства выражения рода. Главное — это с и с т е м а падежных окончаний существительного: -а, -ы, -э, -у, -ой — женский род; ϕ -, -а, -у, -э — мужской род; -о, -а, -у, -э — средний род; ϕ -, и-, -йу — женский род: вода, дом, окно, тень.

Есть случаи, когда родовая отнесенность и система окончаний противоречат друг другу: юноша, староста, дедушка — система окончаний женского рода, слова мужского рода; хлебушко, домишко, холодище — система окончаний среднего рода, слова мужского рода; то же у слова подмастерье. Род этих классов выражен синтаксически: мой дедушка, жалкий домишко, умелый подмастерье.

Существительные общего рода. Это слова со значимым, причем непостоянным родом. Он зависит от того, лицо какого пола названо данным существительным. Например, именем Саша мы можем назвать и мужчину, и женщину: Саша сказал; Плакала Саша, как лес вырубали (Н. Некрасов). Фамилия Корниенко может относиться и к мужчине, и к женщине: приехал Евгений Корниенко, приехала Марина Корниенко. С помощью слов неряха, невежа, плакса и других подобных мы также характеризуем и мужчину, и женщину: он такой неряха, она такая неряха. Итак, перечислены три группы существительных общего рода: некоторые личные имена; не склоняемые ни в мужском, ни в женском роде фамилии; характеризующие имена. Эти слова в зависимости от ситуации могут быть то мужского, то женского рода, на что указывают согласуемые части речи.

В настоящее время русский язык, откликаясь на потребности жизни, делает попытку образовать еще одну группу существительных общего рода. Речь идет о словах типа врач, директор, председатель. Поскольку эти функции часто выполняют женщины, у говорящих нередко возникает необходимость показать, что имеется в виду именно женщина — врач, министр, секретарь, директор. Каковы у говорящего возможности? Во-первых, он может использовать фамилию: врач Петрова сказала о диагнозе. Но фамилию, имя, отчество мы знаем далеко не всегда. Во-вторых, можно использовать синтаксическую конструкцию женщина-врач. Это точно, но, согласимся, громоздко. В-третьих, можно было бы воспользоваться суффиксальными образованиями: врачиха, директорша, секретарша, профессорша. Но эти формы либо стилистически снижены, либо имеют другое значение — «жена того, кто назван производящей единицей» (профессорша).

Какой же выход предлагает нам грамматика? Весьма простой и изящный: сочетать глаголы и прилагательные с этими словами и в мужском, и в женском роде в зависимости от речевого задания: врач сказал, врач сказала, опытный врач, опытная врач. Но литературный язык с его фиксированной нормой, разумеется, не может сразу признать такое грамматическое новшество. По данным социологического обследования, примерно половина говорящих признает такие употребления допустимыми, причем с женским родом глагольной формы мы соглашаемся более охотно, а прилагательное женского рода при таких существительных кажется нам еще довольно непривычным. Другая половина носителей языка признает только строгий мужской род. Да и объективно форма мужского рода оказывается более сильной, поскольку данные существительные используются и в незначимом роде, а он для лиц должен быть мужским. Например, в предложении «„Не повреди“ — вот первая заповедь любого врача» род существительного врач незначим, так как назван класс предметов, и слово имеет мужской род.

Что же мы имеем в результате всех этих противоречивых процессов? То, что общий род существительных рассматриваемого класса является пока принадлежностью разговорной речи и через газету и художественный стиль появляется в письменных текстах и тем укрепляет свои языковые позиции.

Рассмотрим несколько фрагментов из художественных текстов.

1. «Водитель, воспетый современным поэтом „она в спецовочке такой промасленной, берст немыслимый такой на ней“, не обратила на Деточкина никакого внимания. Она нагнулась к микрофону и объявила: «Товарищи, побыстрей заполняйте машину! Не скапливайтесь в хвосте!» (Э.Брагинский, Э.Рязанов. Берегись автомобиля!)

Род существительного водитель в этом тексте двойствен: для причастия воспетый это незначимый мужской род, а для глагола обратила после цитаты уже значимый женский. Когда повествователь так строит предложение, он словно не знает, что речь пойдет о женщине. Этого эффекта незнания не было бы, если бы оба согласуемых слова стояли в одном роде: водитель, воспетый, не заметил — водитель, воспетая, не заметила. Наши авторы избежали обеих крайностей: первый вариант был бы слишком строгим и книжным для избранной манеры письма, второй — вызывающе просторечным (вспомним, что женский род глагола допускается нами охотнее, чем женский род прилагательного). Пойдя на компромисс, авторы остались в пределах непринужденной разговорности, юмористически окрашенной оттенком мнимого незнания.

2. Сцена с «вспыльчивым костюмом в полоску» из романа «Мастер и Маргарита» М.А.Булгакова:

«... В кожаном кресле, закинув голову на спинку, безудержно рыдая, с мокрым платком в руке, лежала, вытянув ноги почти до середины секретарской, личный секретарь Прохора Петровича — красавица Анна Ри-

чардовна»; «Красавица секретарь взвизгнула и, ломая руки, вскричала: „Вы видите? Видите?! Нету его! Нету! Верните его, верните!“»; «— Не узнаёт! Меня не узнаёт! Вы понимаете? — взрыдала секретарь».

Только кажется, что случай, отразившийся в первом фрагменте, аналогичен тому, который мы видели в повести «Берегись автомобиля!». На самом деле глагол лежала относится не прямо к существительному секретарь, а к названию должности «личный секретарь», в контекстуальном женском роде употреблено все словосочетание. Во втором фрагменте одинаково неловкие сочетания «красивый секретарь взвизгнула» и «красивая секретарь взвизгнула» замещены изящным «красавица секретарь взвизгнула и вскричала», в котором комически смешались сниженное согласование в женском роде и повышенный по окраске глагол вскричать (книжн. — ТСУ), эстетичное красавица и антиэстетичное взвизгнуть. А ведь из чего и складывается изобразительность художественного слова, как не из такой многозначности и таких столкновений. В третьем фрагменте налицо знакомое нам разговорное согласование по женскому роду, которое оправдывается всей предшествующей сценой.

Род несклоняемых существительных. Мы уже говорили, что заимствования из других языков нередко оформляются у нас как несклоняемые существительные. У них нет системы окончаний, которая послужила бы морфологическим показателем рода. Как же тогда быть с согласуемыми словами? Ведь согласование глагола или прилагательного с существительным по роду — это выражение уже имеющегося у имени рода. Иными словами, род вначале должен быть у существительного, а уж потом глагол и прилагательное уподобят ему свои родовые формы.

Представим, что мы должны поставить в русское предложение слова тропи и бонобо. Как мы это сделаем? Если у нас только эти наборы звуков, то никак. Надо выяснить, какие значения закреплены за данными звуковыми комплексами. Хорошо, вводим значения: тропи — это человекообразное существо из фантастического романа Веркора «Люди или животные?», а бонобо — это реальная человекообразная обезьяна, живущая в джунглях Конго. Так как же мы построим высказывание: загадочный тропи или загадочная тропи (а вдруг загадочное?), пойман бонобо или поймана бонобо? Все зависит от того, к какому роду по правилам нашего языка полагается отнести эти слова.

Вот в этом все дело. В языке есть закономерности отнесения несклоняемого существительного к тому или иному роду. Что же это за правила?

Прежде всего надо выяснить, будет ли род существительного значимым. Если род значим, т.е. мы отражаем пол лица или животного, тогда существо мужского пола будет обозначено словом мужского рода, а существо женского пола — словом женского рода. Понятно, что слова леди, фрау, мисс, миссис имеют женский род, ведь они обозначают только женщин, а существительное месье — мужского рода, так как относится к мужчине.

Если род незначимый, тогда вступают в действие следующие закономерности:

— Наименования лиц при незначимом роде имеют мужской род: атташе, конференсье.

— Наименования животных чаще всего относятся к мужскому роду: кенгуру, какаду.

— Наименования неодушевленных предметов обычно относятся к среднему роду: кашне, кафе. Из немногочисленных исключений напомним кофе, мужской род которого восходит к склоняемому кофий.

— Наименования географических объектов сохраняют род географического термина: Баку = город → мужской род; Шпрее = река → женский род.

Буквенные аббревиатуры (несклоняемые существительные собственно русского происхождения) имеют род стержневого слова исходного словосочетания: ЧТЗ — Челябинский тракторный завод → мужской род. Несклоняемые звуковые аббревиатуры могут сохранять род стержневого слова: ГЭС = станция → женский род, но такого совпадения может и не быть: ТАСС = агенство, аббревиатура мужского рода, а стержневое слово среднего. Отметим, что вряд ли это несовпадение случайно для грамматики: в неподготовленной речи аббревиатура иногда склоняется (нами записана форма ТАССа, употребленная диктором радио).

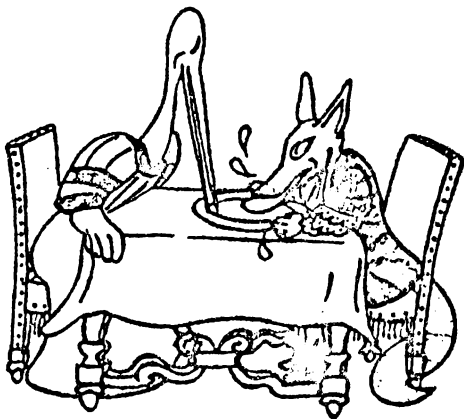
Вернемся к словам тропи и бонобо. Начнем с последнего. Бонобо — это животное. По указанным правилам слово должно иметь мужской род. Обращаемся к книге И.Акимовского «Следы невиданных зверей»: «Новооткрытый бонобо по ряду признаков, особенно по строению черепа, кажется, стоит к человеку ближе всех других обезьян». Как видим, прилагательное выражает мужской род этого существительного. В книге есть еще несколько столь же экзотичных названий животных: «Возможно, неуловимый йети будет пойман» — снежные гориллы в Непале; «В ловчую яму попал живой мве-мве» — карликовый бегемот в Западной Африке; «Нужно же придумать такое — поймать живого нигбве» — название того же бегемота; «Проходили столетия, а неуловимый нсуи-физи не попадал в руки охотников» — вид гепарда. Эти экзотизмы, как ясно из контекстов, имеют мужской род.

Со словом тропи сложнее. Напомним название романа — «Люди или животные?». Герои Веркора решают вопрос, считать ли тропи животными (тогда их можно вылавливать, продавать, дрессировать), или же это люди (тогда ловить и продавать их нельзя). Переводчики наделили слово значимым родом, поэтому существительное выступает в тексте в мужском и женском роде, в соответствии с ситуацией: «Наконец отец Диллиген осторожно приблизился к тропи и, остановившись шагах в десяти, издал короткий гортанный звук. Старый тропи даже не вздрогнул, он внимательно посмотрел на святого отца, но не подал голоса»; «Тропи, чинно сидевшая на своем месте, то и дело поднимала на Дугласа горящий взгляд, полный

ожидания и покорности. ...Ее зовут Дерри, сказал Дуг, повернувшись к Френсис, и тропи, услышав свое имя, перестала жевать».

Стилистическое использование категории рода. Категория рода, несмотря на то что во многих и многих случаях она не имеет значения, оказывает тем не менее большое влияние на образное восприятие нами окружающей действительности. Герои сказки «Лиса и журавль» (в записи А.Н.Афанасьева) обращаются друг к другу так:

«Вот и вздумала однажды лиса угостить журавля, пошла звать его к себе в гости: „Приходи, куманек, приходи, дорогой! Уж я как тебя угощу!“ Идет журавль на званный пир, а лиса наварила манной каши и размазала по тарелке. Подала и потчует: „Покушай, мой голубочик-куманек! Сама стряпала“. Журавль хлоп-хлоп носом, стучал, стучал, ничего не попадает! А лисица в это время лижет себе да лижет кашу, так всю сама и скушала. Каша съедена; лисица говорит: „Не бессудь, любезный кум! Больше потчевать нечем“. — „Спасибо, кума, и на этом! Приходи ко мне в гости“».

Согласимся, что эти строки вряд ли могут быть проиллюстрированы так, как это сделал Жан Эффель, ведь на них обратное соотношение: лису надо называть кумом, а журавля кумой.

Дело же все в том, что родовая отнесенность названий этих животных во французском языке противоположна русской (*le renard, la grue*), поэтому и образное восприятие явлений оказалось иным.

Образные ассоциации наши во многом опираются на систему родов существительного. Вспомним, например, песню о рябине и дубе — французское существительное *sorbier* мужского рода не могло бы породить образа юной девушки. Слова И.С.Тургенева «Могучий дуб стоит, как боец, подле красивой липы» вызывают у нас вполне определенные параллели, которые вряд ли возникнут у француза, для которого название липы *lilleul* мужского рода.

Противоречие между родовой принадлежностью слова и образом вызывает ощущение чего-то непривычного, как в том случае, когда у П.Ершова в «Коньке-горбунке» мать Царь-девицы зовется Месяцем Месяцovichем:

Ах, Иванушка Петрович! —
Молвил Месяц Месяцович. —
Ты принес такую весть,
Что не знаю, чем и счесть!
А уж мы как горевали,
Что царевну потеряли!..

Оттого-то, видишь, я
По три ночи, по три дня
В темном облаке ходила,
Все грустила да грустила,
Трое суток не спала.
Крошки хлеба не брала.

Поскольку написана сказка блестяще, это странное обозначение женщины воспринимается как царственно свободное обращение повествователя с родным языком. Сравним то же у Булгакова: «А сейчас хорошо на Клязьме, — подзудила присутствующих Штурман Жорж»; «Радость загорелась в маленьких глазках Штурман Жоржа»; «Плясали: Драгунский, Чердакчи, маленький Денискин с гигантской Штурман Жоржем». По нормам русского языка имя Штурман Жорж не должно склоняться, так как относится к женщине. Булгаков забавно придерживается этого правила наполовину.

ЛИТЕРАТУРА

Мучник И.П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М.: Наука, 1971.

§ 4. Категория числа имен существительных

В категории числа отражается противопоставление один — много: дом — дома, окно — окна.

Формы единственного числа, помимо значения реальной единичности, имеют еще значения собирательности и распределительности. Собирательное значение возникает, когда существительное в единственном числе называет класс предметов: «Правда правдой, но нельзя написать сказку тоже и без вымысла, потому что пусть слово и наполнено веществом правды, а все-таки самое-то слово, как сосуд, как форма правды, есть достояние человеческого ума или вымысел» (М.М. Пришвин. Из дневников последних лет). Речь здесь идет не об одной сказке и не об одном слове, а о сказках и словах как классах с их типичными признаками.

Распределительное значение наблюдается у формы единственного числа, когда она обозначает деталь, общую для всех членов ряда:

Все привстали, важно хмурясь,
Низко, низко поклонились
И, поправив ус и бороду,
Сели на скамьи дубовые.

(А.С. Пушкин. Бова)

Формы ус и бороду указывают, что это принадлежность каждого из сидящих.

Формы множественного числа, кроме значения раздельной множественности (столы, книги, братья, города), обладают значением нераздельной множественности, о котором у нас уже шла речь при анализе множественного числа вещественных и абстрактных существительных: значение массы вещества, площади, занятой веществом, интенсивности и длительности у абстрактных имен. Значение нераздельной множественности появляется иногда и у конкретных существительных: эта местность — сплошные болота; болота тянутся на многие километры. Сравните значение раздельной множественности: я облизал все болота этого края.

Мы говорили также и о том, что есть существительные с постоянным множественным числом: конкретные — ножницы, грабли, часы, вещественные — сливки, объедки, собирательные — деньги, абстрактные — горелки, смотрины.

В заключение перечислим способы выражения числа:

— Синтаксический — число выражается за счет согласования: висят пальто.

— Морфологический — число выражается: а) окончаниями — столы, города; б) суффиксами, оформляющими у некоторых слов основу множественного числа, — брат'я (суффикс -j-); сын-овья (суффикс -овый-).

§ 5. Категория падежа имен существительных

Категория падежа отражает отношение предмета к другим элементам моделируемой в предложении ситуации. Типичная ситуация включает в себя действие с субъектом и объектом, признаки субъекта и объекта, качества и обстоятельства действия. Субъект ситуации может представлять собой не активного деятеля, а носителя пассивного признака: «Он — учитель», «Она — красавица». Такой признак называется предикативным, так как приписан субъекту через связь с ситуацией общения, например, через связь с моментом речи, в результате чего он начинает мыслиться во времени. Так, в наших предложениях признаки «учитель», «красавица» отнесены к настоящему времени (ср.: «Он был учителем»).

Значения падежей

С помощью падежей передаются указанные значения субъекта, предикативного признака, объекта и др. Рассмотрим основные падежные значения.

Субъектное значение:

— Именительный: «Человек этот сидел на камне и швырял в море гальку» (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей). Кто совершает действия сидеть, швырять? — Человек.

— Дательный: «Временами Сашке хотелось перестать делать то, что называется жизнью» (Л. Андреев. Ангелочек). Синтаксический синоним — «Временами Сашка хотел перестать делать то...». Кто совершает действие хотеть? — Сашка. У действия хотеться тот же субъект, выраженный дательным падежом.

— Творительный: 1. «Ветром несло тучи песку» (М. Лоскутов. Тринадцатый караван). Синтаксический синоним — «Ветер нес тучи песку». Что совершает действие нести? — Ветер. 2. «Сколько же видов насекомых содержится, разводится и используется человеком?» (И. Халифман. Капля меда). Синтаксический синоним — «Сколько видов насекомых содержит, разводит и использует человек?» Кто совершает действия содержать, разводить, использовать? — Человек.

— Родительный: 1. «Всего лишь пятьдесят лет назад не существовало этой дороги» (М. Лоскутов. Тринадцатый караван). Синтаксический синоним — «Пятьдесят лет назад эта дорога не существовала». Что является субъектом действия существовать? — Дорога. 2. «В глубине страны люди встретили невероятное сопротивление песков» (М. Лоскутов. Тринадцатый караван). Что является субъектом действия сопротивляться (сопротивление)? — Пески.

Итак, субъектное значение имеют: именительный в действительном обороте; дательный, творительный и родительный в безличном предложении; творительный в страдательном обороте; родительный при абстрактном существительном со значением действия и качества.

Значение предикативного признака:

— Именительный: «Кошма — это подстилка, сделанная из бараньей шерсти» (М. Лоскутов. Тринадцатый караван). Словом подстилка назван родовой признак кошмы и приписан предмету в связи с моментом речи как существующий в настоящем времени.

— Творительный: «Человек в шляпе оказался геологом из разведывательной партии, стоящей в Буграх» (М. Лоскутов. Тринадцатый караван). Признак геолог (профессия) приписан через связь с моментом речи как существовавший в прошлом.

Значение предикативного признака появляется у падежа, когда имя выступает в роли сказуемого. На этой позиции могут стоять существительные и в других падежах («Он высокого роста»).

Объектное значение:

— Винительный: «Враги его боялись, друзей у него не было, а народ во всей области жил смиренно, зная силу своего правителя» (В. Гаршин. Сказание о гордом Аггее). Действие знать, его субъект — народ, объект — сила.

— Родительный: «А этот Зыбин к тому же субъект неустойчивый, слабохарактерный, жизни не знает» (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей). Действие знать, его субъект — Зыбин, объект — жизнь.

— Именительный: «По-настоящему широко и массово используется человеком пока все еще только один вид насекомых — европейская пчела» (И. Халифман. Капля меда). Действие использовать, субъект его — чело-

век, объект — вид. Перед нами страдательный оборот, в котором субъект обозначен творительным падежом, а объект — именительным. Сравните синтаксический синоним — действительный оборот «Человек использует один вид насекомых».

Показан так называемый прямой объект. Грамматический признак его — указанная способность быть обозначенным винительным падежом в действительном обороте (родительным при отрицании) и именительным в страдательном. Другие объекты называются косвенными. Рассмотрим несколько примеров:

— Дательный: «Когда умрет, обязательно пошлите за мной, — вполголоса приказал я фельдшеру» (М.Булгаков. Полотенце с петухом). Действие приказать, субъект — я, адресат — фельдшер.

— Творительный: «Я кругообразно и ловко, как опытный мясник, острым ножом полоснул бедро» (М.Булгаков. Полотенце с петухом). Действие полоснуть, субъект — я, прямой объект — бедро, орудие — ножом.

— Предложный: «Запершись один в комнате, Саня стал думать о том, как бы ему стать иллюзионистом. Все говорят о практике — значит и он может долгой практикой научиться глотать подсвечники?» (М.Лоскутов. Волшебная палочка). Действие говорить, субъект — все, объект изъяснения — практика.

Значение косвенного объекта имеют разные падежи без предлогов и с предлогами (послать за кем, сделать из чего). Мы показали объектные приглагольные падежи. Это значение может реализоваться и в приименной позиции: «Задача книги — помочь читателю «узнать то, что он знает», углубить и оживить имеющееся у него стихийно сложившееся знание логики» (А.А.Ивин. Строгий мир логики). Действие знать обозначено абстрактным существительным знание, его объект — логика. Сравним другие приименные падежи со значением объекта: приказ фельдшеру, надрез ножом, разговор о практике.

Обстоятельственные значения. Часть значений рассмотрим на материале отрывка из романа М.Шагинян «Месс-Менд», остальные проиллюстрируем отдельными предложениями.

«Стемнело. Длинный рабочий день в Миддлтоуне подходил к концу. Высыпали гурьбой измученные рабочие с тех немногих заводов и копей, которые не примкнули к забастовке. Побежали работницы и рабочие из распахнутых дверей деревообделочной. В единственном работающем цехе Секретного еще горели огни и будут гореть всю ночь, хотя этого никому не видно из-за щитов забора».

— Пространственное (где? куда? откуда?): действие побежать, субъект — работницы, рабочие, направление — из дверей; действие — гореть, субъект — огни, место — в цехе. Приименный пространственный падеж: рабочий день где? — в Миддлтоуне.

— Временное (когда? в течение какого времени? Последний вопрос касается меры времени): действие гореть, мера времени — всю ночь.

— Причинное (почему? из-за чего? в результате чего?): состояние не видно, причина — из-за щитов, хотя этот родительный падеж можно здесь истолковать и как пространственный — откуда не видно?

— Образа действия (как? каким образом?): действие высыпать, субъект — рабочие, способ действия — гурьбой.

Проиллюстрируем другие обстоятельственные значения.

— Целевое (для чего? с какой целью?): «Я увязывал чемодан. Бухгалтер запасал лимонад на дорогу» (М.Лоскутов. Тринадцатый караван). Действие запастись, субъект — бухгалтер, прямой объект — лимонад, цель — на дорогу.

— Меры, степени (как долго? в какой мере?): «Мой товарищ в десятый раз рассматривал карту» (М.Лоскутов. Тринадцатый караван). Действие рассматривать, субъект — товарищ, прямой объект — карту, степень — в десятый раз.

— Уступительное (несмотря на что? вопреки чему?): «Вчера Лопатин с Гельфрейхом встретили нас с Надей. Вопреки моему желанию, они познакомились» (В.Гаршин. Надежда Николаевна). Действие познакомиться, субъект — они, противоречащее условие, преодолеваемое препятствие — мое желание.

Обратим внимание на то, что обстоятельственные значения довольно легко распознаются с помощью вопросов.

Определительное значение (какой? чей?): «Он вынул из папки лист бумаги тетрадного формата» (Ю.Домбровский. Факультет ненужных вещей). Действие вынуть, субъект — он, прямой объект — лист, признаки объекта — бумаги (=бумажный), тетрадного формата; «До начала восьмой пятилетки по Гурьевской области пролегла одна стальная ветка-тупик Кандагач — Гурьев» (Э.Церковер. Дорога через пустыню). Действие пролегать, субъект — ветка, признаки субъекта — тупик, Кандагач — Гурьев.

Падежи с определительным значением — приименные падежи с предлогами и без предлогов. Воспользовавшись школьными сведениями, мы можем установить тип связи между существительными, соединенными отношением определяемого и определения: лист тетрадного формата — управление, ветка-тупик (ср.: к ветке-тупику, веткой-тупиком) — согласование, ветка Кандагач — Гурьев — примыкание.

Кроме этих основных, у падежей есть значение ограничения признака, когда существительное относится к прилагательному и указывает, что признак ограничен частью предмета или одним предметом из нескольких возможных:

«Звучало еще робкое, но и в робости своей грозное, ничем, кроме собственного звучания, не заполненное слово „свобода“» (М.Цветаева. Дом у Старого Пимена). Ср.: грозное слово — грозное в своей робости слово. Отмечено ограничение, нечто мешающее: грозное, хотя и робкое.

«И бедная, бедностью — счастливая Оля, променявшая все Плутонины сокровища на пшеничный колос земли, любви» (М.Цветаева. Дом у Ста-

рого Пимена). Ср.: счастливая Оля — бедностью счастливая Оля. Признак «счастливый» ограничен так, что становится даже парадоксальным.

При сравнительной степени прилагательных или наречий родительный падеж обозначает объект сравнения: «Дальше Том-трубочист слушать не стал. Быстрее обезьяны он взметнулся по трубе» (М.Шагинян. Месс-Менд).

Весьма частотен также родительный падеж даты: 5 марта.

Итак, основные значения падежей: субъектное, объектное, предикативного признака, обстоятельственное, определительное, ограничительный признака, сравнения, даты. Падежи употребляются при глаголе, существительном, прилагательном, наречии, категории состояния, числительном — наборы значений при этих частях речи у падежей не одинаковы. Падежи бывают беспредложными и предложными, предлоги уточняют значение падежа. Семантику падежа можно выявить с помощью смысловых вопросов. Сам падеж, напомним школьную практику, определяется с помощью грамматического падежного вопроса. Два эти типа вопросов могут совпадать в одной единице. Покажем эти отношения на примере: «Поздним вечером Михаил вернулся с рыбалки». Вернулся кто? — Михаил. Именительный падеж с субъектным значением, грамматический и смысловой вопросы совпадают в одном слове «кто?» А вот у существительного вечер в данном предложении эти вопросы разойдутся. Чтобы определить падеж, надо поставить вопрос «чем?» — творительный. Чтобы определить значение падежа, надо поставить вопрос «когда?» — творительный падеж с обстоятельственным (временным) значением. Точно так же не совпадают вопросы у существительного рыбалка: грамматический падежный «с чего?» — родительный падеж; смысловой «откуда?» — пространственное значение.

Способы выражения падежных значений

Падеж выражается с помощью морфологических средств: синтетических (окончания) и аналитических (предлоги). Синтаксический способ выражения падежа — согласование. Например: «Вышел из широко раскрытых дверей». Родительный падеж существительного дверь выражен окончанием -ей, уточнен предлогом из и дублирован в причастии раскрытых с помощью окончания -ых. Предлоги и согласование особенно важны для выражения падежа у несклоняемых существительных, которые лишены окончаний: человек в сером пальто — предложный падеж существительного пальто выражен предлогом в и прилагательным.

Склонение имен существительных

Типы склонения существительных. Изменение существительного по падежам и числам называется склонением. Склонение определяется на-

бором окончаний, связанным с типом основы и родом существительного. Различаются три основных именных склонения: 1) существительные мужского рода на -*ф*, и среднего на -*о*, -*е*; 2) существительные женского рода на -*а*; 3) существительные женского рода на -*ф*. Есть группа разносклоняемых существительных с концовкой на -*мя* и существительное *путь*. Выделяется у существительных также адъективное склонение, объединяющее субстантивированные прилагательные и причастия, т.е. существительные, полученные морфолого-синтаксическим способом словообразования: *больной, гостиная, будущее, командировочные*. Наконец, есть несклоняемые существительные, у которых все падежные формы омонимичны, причем еще раз отметим, что у несклоняемых существительных есть падежи и падежные значения.

Варьирование окончаний в падежно-числовых формах. Отметим случаи, когда имена существительные имеют в одном и том же падеже варианты окончаний.

1. Родительный падеж единственного числа мужского рода I склонения имеет окончание -*а* и вариантное -*у* с количественным значением: *сахара — сахару, блеска — блеску*.

2. Предложный падеж единственного числа мужского рода I склонения имеет окончание -*е*. У некоторых же слов окончание -*е* закрепилось за выражением изъяснительного значения, а окончание -*у* — за выражением обстоятельного значения: *о лесе — в лесу*. У отдельных существительных обстоятельное значение может выражаться обоими этими окончаниями: *на дубе — на дубу*.

3. Именительный падеж множественного числа I склонения имеет окончания -*а*, -*ы*: *города, столы*. У некоторых слов могут быть оба эти окончания, причем возможны такие случаи:

а) варианты не связаны со значением: *годы — года*;

б) варианты связаны со стилистической окраской: нейтральное *сыновья — высокое сыны*;

в) окончания разграничивают значения слов: пропуска *«документы» — пропуски «действия»*.

4. Родительный падеж множественного числа у некоторых существительных I склонения имеет два окончания -*ов* и -*ф*, которые различаются стилистически: нейтральное *«нет помидоров»* — разговорное *«нет помидор»*.

5. Творительный падеж единственного числа женского рода II склонения имеет варианты: нейтральное -*ой* — книжное -*ою* (*землей — землею*).

6. У существительных женского рода III склонения *дочь, лошадь, дверь* в творительном падеже множественного числа как нейтральные закрепились формы *дочерьми, лошадьми, дверьми* (ср., однако: *заседание за закрытыми дверями*).

Основной материал для закрепления дан в приложении.

§ 1. Частеречное значение и лексико-грамматические разряды имени прилагательного

Имя прилагательное — это часть речи, объединяющая слова с категориальной семой «признак предмета», обладающая согласуемыми категориями рода, числа и падежа и выполняющая специфическую функцию согласованного определения.

Признак предмета обозначен прилагательным как не протекающий во времени, не зависящий от активности субъекта. Сравним отражение одной и той же ситуации: снег белый, снег белеет. В первом случае признак просто наличествует у субъекта, а во втором как бы производится им.

Частеречное значение прилагательного таково, что включает в себя семантику зависимости обозначаемого от чего-то другого — зависимости признака от совокупности признаков, т.е. от предмета. Грамматически эта специфика семантики выражается в том, что род, число и падеж прилагательного имеют синтаксический характер и незначимы: прилагательное дублирует эти категории существительного и тем самым выражает свою зависимость от него.

Отсюда и специфическая функция прилагательного — согласованное определение. Кроме нее, прилагательное выполняет роль именного сказуемого. В функции определения признак выделен у предмета без связи с ситуацией общения, а в функции сказуемого он приписан предмету как реальный или нереальный, как существующий в настоящем, прошлом или будущем. Сравним словосочетание «солнечный день» и предложение «День — солнечный». В первом случае признак предмета «день» не связан с временем. Конечно, мы можем сделать это словосочетание предложением: «Тихо. Солнечный день. На дворе пусто». Но здесь не признак «солнечный» приписан предмету «день», а предмету «солнечный день» приписано бытие (= «солнечный день есть, имеет место»). Не так обстоит дело в предложении «День — солнечный». Здесь признак «солнечный» приписан предмету «день» в связи с моментом речи говорящего как существующий сейчас, в момент говорения. Сравним предложение, в котором тот же признак приписан тому же предмету, но в прошедшем времени: «День был солнечным».

Мы видели, что предикативный признак передается не только прилагательным, но и существительным. А вот функция согласованного определения — специфическая функция прилагательного и тех слов, которые по грамматическим признакам тождественны ему, — местоименных прилагательных и причастий.

Как и имена существительные, прилагательные делятся на лексико-

грамматические разряды, с помощью которых язык классифицирует все многообразие окружающих нас признаков, все то, что мы способны воспринять как признак предмета. Грамматика «различает» два главных типа признаков: во-первых, признаки, как бы внутренние, неотъемлемо присущие предмету, — цвет, форма, величина, температура, скорость и т.п.; во-вторых, отношения, связи, рассмотренные как признак предмета. Признаки первого типа обозначаются качественными прилагательными, признаки второго типа — относительными, притяжательными и порядковыми прилагательными. Перечисленные разряды прилагательных имеют свои грамматические приметы.

Качественные прилагательные

Качественные прилагательные обозначают безотносительный признак предмета, могущий варьироваться у него по степени проявления. Эта особенность значения фиксируется грамматическими свойствами слов данного разряда.

1. На уровне словоизменения качественные прилагательные характеризуются следующим:

1) они имеют степени сравнения, отражающие меру признака, правда, не абсолютную, а в сравнении с другим предметом или с классом предметов: белый — белее — белейший из всех;

2) образуют краткую форму, в предложении выполняющую роль именного сказуемого, т.е. называющую признак, приписываемый предмету через связь с ситуацией общения (предикативный признак).

2. На уровне словообразования признаки качественных прилагательных таковы:

1) очень часто эти прилагательные являются непроизводными: белый, синий;

2) они обладают словообразовательными возможностями, не свойственными другим разрядам, выступая как производящие единицы в ряде моделей. Качественные прилагательные образуют: а) так называемые формы субъективной оценки: зелененький, беленький; б) обозначения высокой или невысокой степени признака: беловатый, сильнющий; в) абстрактные существительные, т.е. признаки, обозначенные качественными прилагательными, могут отвлекаться от носителя и отражаться в языке как предметы: зелень, белизна; г) качественные наречия с помощью суффикса -о/-е, т.е. признаки, обозначенные качественными прилагательными, могут быть отнесены не только к предмету, но и к действию: сильно, страшно, быстро.

3. На уровне синтагматики (сочетаемости) качественные прилагательные имеют следующую особенность: они сочетаются с наречиями меры, степени, что связано с их значением меняющегося по степени проявления признака: очень сильный, весьма остроумный.

4. На уровне парадигматики качественные прилагательные характе-

ризуются тем, что часто образуют антонимические пары: хороший — плохой, далекий — близкий.

Не каждое качественное прилагательное обладает всем набором перечисленных признаков. Например: русский — краткая форма рус, непронизводное. Остальных признаков нет, однако по имеющимся двум это все-таки качественное прилагательное.

Относительные прилагательные

Эти прилагательные являют собой хороший пример «грамматического нуля». Отсутствие у них таких признаков, как сравнительная и превосходная степени, краткая форма, производные со значениями субъективной оценки, степени проявления признака, несочетаемость с наречиями степени, — это значимое отсутствие, показатель особого лексико-грамматического разряда. Почему это не просто отсутствие, на которое «суда нет», а именно отсутствие-знак, за которым стоит нечто из внелингвистической действительности? Вспомним разрядовое значение этих прилагательных: «отношение как признак предмета». Вот прилагательное приморский, например: приморский город. Город может быть на самом берегу или чуть в отдалении, может на этом берегу занимать много места, а может быть совсем небольшим, но отношение есть отношение, оно по степени не меняется, и любой из этих городов мы назовем приморским. Если же город очень далеко от моря, мы не скажем, что он «менее приморский», мы скажем, что он не приморский, что у него нет этого отношения и, значит, нет этого признака. Поэтому мы и можем считать отсутствие степеней сравнения, краткой формы, производных со значением степени признака, сочетаемости с наречиями степени выразителем разрядового значения этих прилагательных.

Положительный признак данного разряда — производность его слов: приморский, заводской, кожаный.

Относительные прилагательные в силу метафоризации часто развивают качественные значения, и в этих значениях, как уже говорилось, у них могут появляться грамматические приметы качественности: каменный «1. Сделанный из камня. 2. Неподвижный, мрачный (как камень)». Первое значение относительное, второе — качественное, дающее производное наречие каменно («каменно молчал»).

Притяжательные прилагательные

Эти прилагательные обозначают принадлежность как признак предмета. Поскольку принадлежность — тоже отношение, прилагательным данного разряда не свойственны степени сравнения, производные со значением степени, сочетаемость с наречиями степени.

Притяжательные прилагательные имеют очень интересную особенность в формообразовании: у них есть краткие формы именительного и винительного падежа: Машин портфель, Машина книга, возьми Машину книгу.

В словообразовательном отношении они тоже достаточно ярки: у них есть особые суффиксы: -ин — Машин, Петин, мамин; -ов — отцов, дедов; -j — лисий, волчий (обратите внимание на то, что в этих формах нулевое окончание — лисий- ϕ ; суффикс -j- хорошо виден в косвенных падежах: лис'-j-эво). От этих прилагательных часто образуются наречия уподобления с помощью суффиксов -и, -ому и приставки по-: по-лиси.

Притяжательные прилагательные развивают относительные и качественные значения. Относительное значение появляется, когда исчезает семантика принадлежности и возникает семантика широкого отношения типа «сделанный из...», «происходящий от...». Ср.: бараний рог, но баранья котлета (последнее явно не принадлежит барану). Качественное значение появляется в результате метафоризации: «У этого человека прямо баранье упрямство».

Порядковые прилагательные

Эти слова обозначают порядок предметов при счете, их место в ряду натуральных чисел. Снова, поскольку речь идет об отношении, они лишены словоизменительных, словообразовательных, сочетаемостных и парадигматических признаков, характерных для качественных прилагательных.

Образуются порядковые прилагательные от количественных числительных (кроме нескольких случаев: первый, второй) в основном безаффиксным способом: пять — пятый, шесть — шестой. Интересен и их структурный состав: кроме простых и сложных, есть составные порядковые: пятьдесят четвертый.

Они могут терять свое прямое значение — указание на точное место предмета в ряду натуральных чисел, у них появляется оценочное значение: мое дело двадцать пятое, в тысячный раз тебе говорю.

§ 2. Степени сравнения качественных имен прилагательных

Степени сравнения — это грамматическая категория качественных прилагательных, в которой отражается варьирование признака по степени его проявления у одного предмета в сравнении с другим предметом или классом предметов. Мы уже отмечали, что в степенях сравнения признак получает выражение относительно чего-то, а не абсолютно, как в производных, указывающих на слабое или высокое проявление признака: беловатый указывает на безотносительную слабость признака, широченный — на безотносительную большую степень признака; всех красивей — это указание на высокую степень признака относительно класса.

Исходная форма типа красный, круглый, сильный фиксирует признак вне сопоставления с другими предметами и в системе степеней сравнения называется положительной степенью, служа точкой отсчета при сопоставлениях.

Значение этой формы — большая или меньшая степень признака у данного предмета по сравнению с другим предметом. В сравнительной степени сопоставляются единицы: предмет с предметом, предмет с несколькими отдельными предметами. Обратимся к примерам.

«Это был молодой человек со смысленным широким лицом, пухлыми щеками и ямочкой на подбородке. Близко знавшие Друка сказали бы, что он притворяется глупее и легкомысленнее, чем есть на самом деле. В данную минуту Друк изобразил такое простодушие, такое беспамятство, такую придурковатость, что четверо смуглолицых молодчиков переглядываются друг с другом, пожимая плечами, и один за другим отходят от него к более интеллигентным, а потому, видимо, и более понятливым помощникам нотариуса» (М.Шагинян. Месс-Менд).

Формы глупее и легкомысленнее отражают сравнение предмета с ним же самим, но в другое время и в другой ситуации; формы более интеллигентный, более понятливый отражают сравнение одного предмета с другим того же класса.

Весенним солнцем это утро пьяно,
И на террасе запах роз слышней,
А небо ярче синего фаянса.
Тетрадь в обложке мягкого сафьяна,
Читаю в ней элегии и стансы,
Написанные бабушке моей.

(А.Ахматова. Обман)

Форма слышней по способу сопоставления нам уже знакома: предмет сравнивается сам с собой в разных ситуациях — в это утро запах роз слышней, чем в другое время. А вот форма ярче участвует в передаче сопоставления еще одного типа: сравниваются по одному признаку предметы двух разных классов — небо и фаянс по цвету.

Образование форм. Приведенный материал показывает, что сравнительная степень имеет простые (синтетические) и сложные (аналитические) формы. Синтетические образуются с помощью суффиксов -ее (-ей), -ше: сильнее, крепче, тоньше. Есть также несколько супплетивных образований: меньше, лучше, хуже от маленький, хороший и плохой. Аналитические формы образуются с помощью частиц более и менее и формы положительной степени: более, менее сильный. С помощью приставки по- мы можем смягчить значение сравнения у простых форм: «Алмазная донна, на сей раз советую вам быть поблагоразумнее! А то ведь фортуна может и ускользнуть» (М.Булгаков. Мастер и Маргарита).

Ограничения в образовании простых форм. Не все качественные прилагательные образуют сравнительную степень синтетическим способом. Ограничения носят семантико-словообразовательный, фонстический и семантический характер.

1. Семантико-словообразовательные ограничения:

1) не образуют простых форм сравнительной степени **качественные** прилагательные отглагольные: а) с суффиксом -л- (бывалый, усталый); б) восходящие к причастиям (блестящий, знающий);

2) нет простых форм сравнительной степени у производных со значением степени признака: грубоватый, тяжелущий, здоровенный. Язык избегает наложения двух указаний на степень признака.

2. Фонетические ограничения проявляются в том, что нет синтетических сравнительных форм у качественных прилагательных, которые не имеют строгой нормы постановки ударения в них. Как сказать: **внятнее** или **внятнеее**, **связнее** или **связнеее**? Эта неупорядоченность мешает нам употреблять такие формы.

3. Семантические ограничения связаны с некоторыми темами. Например, нет форм сравнительной степени у некоторых названий мастей лошади (гнедой, сивый), цвета волос, глаз (карий, русый).

Превосходная степень

Значение превосходной степени — высшая степень проявления признака в данном предмете по сравнению со всеми остальными предметами данного класса. Здесь мы сопоставляем единицу и класс:

«— Уф, нелегко изображать дурака! — вздохнул старичина Сорроу. — Посмотрел бы ты, как передо мной разложили самые секретные чертежи Морлендера, а я, как осел, только ушами хлопал, стараясь втихомолку отпечатать их в своей памяти» (М.Шагинян. Месс-Менд).

С помощью формы самые секретные чертежи, которые видел Сорроу, противопоставлены классу «чертежи Морлендера».

Образование форм. Превосходная степень тоже имеет синтетические формы; образуются они с помощью суффиксов -ейш- и -айш-: сильнейший, крепчайший. Несколько форм образуются с суффиксом -ш-: высший, низший, худший. Есть у превосходной степени и аналитические формы, образуемые с помощью частицы самый и положительной степени: самый сильный. Значение этой категории передается также синтаксически — сочетанием «синтетическая форма сравнительной степени + форма всех»: сильнее всех. Не все качественные прилагательные имеют простые формы превосходной степени. Это во многом те же слова, что и в случаях ограничений на образование простых форм сравнительной степени.

Условия употребления. Для реализации значения превосходной степени необходимо, чтобы контекст передавал семантику сопоставления предмета с классом. Если этой семантики нет, формы превосходной степени начинают обозначать высокую степень признака вне сравнения, безотносительно к классу, синонимизируясь с производными типа здоровенный, тяжеленный, но без их стилистической окраски: «Передняя же часть, парадная, где был единственный и невольный жилец дворца — прокуратор, — вся, со своими колоннадами и золотыми статуями, как будто ос-

лепла под ярчайшей луной» (М.Булгаков. Мастер и Маргарита). Здесь, конечно, нет сравнения одной луны с классом лун, а просто фиксируется большая яркость, значение «очень яркая».

Иногда значение безотносительно высокой степени признака получают аналитические формы: «Тотчас же в комнату ворвалась огромная белая собака с золотистыми пятнами. Она прыгала вокруг Тингсмастера, била хвостом, припадала на передние лапы, дружески рыча, потом вскакивала на задние и обнимала своего хозяина с самой пылкой нежностью» (М.Шагинян. Месс-Менд).

Вряд ли здесь имеется в виду, что нежность собаки Бьюти была самой пылкой из всех «нежностей», скорее всего передается высокая степень признака вне сопоставлений. И понятно, почему автор прибегает к такой форме: у прилагательного пылкий нет простой формы превосходной степени — «пылчайший», нет и простой формы сравнительной степени, поэтому нельзя сказать «пылче всех». Не подходят к тексту наречия степени очень, чрезвычайно. Первое выглядит слабее, чем само прилагательное пылкий, обозначающее сильное чувство. Вспомним, что мы не говорим «очень прекрасный» из-за тавтологичности (= «очень + очень красивый»), по той же причине странно бы звучало сочетание «очень пылкая нежность». Наречие степени чрезвычайно, пожалуй, слишком громоздко для данной манеры повествования. Вот и осталось автору использовать аналитическую форму превосходной степени, придав ей значение безотносительно высокой меры признака.

§ 3. Краткая форма качественных имен прилагательных

Краткая форма — это несклоняемая форма качественных прилагательных, используемая в современном русском литературном языке в основном в роли именного сказуемого для обозначения предикативного признака, т.е. признака, приписываемого предмету речи в связи с ситуацией общения. Образуется краткая форма от полной с помощью окончаний *-ѳ*, *-а*, *-о*, *-ы*, *(-и)*: чист, чиста, чисто, чисты. Ср.: в тексте:

И встали все из-за стола
Молчал король Артур;

Его брада была бела,
Но взор угрюм и кмур.

(В.Брюсов. Смерть рыцаря Ланцелота)

Краткая форма используется нами как средство более категоричной, по сравнению с полными формами, констатации признака, она более книжна и, скажем так, суха. Вот отрывок из романа А.Н.Толстого «Петр Первый». Аталия говорит Саньке:

«— Добродетель — только признак недостатка ума. Добродетелью женщина прикрывает нравственное уродство, как испанская королева — глухим платьем дряблую грудь... Но вы умны, вы — блестящи...»

Попробуем заменить краткие формы полными: «Но вы умная, вы блестящая». Согласимся, что такая замена внесла бы в высказывание Аталии более доверительный, более дружеский и теплый тон, который совершенно не соответствовал бы создаваемому писателем образу политической авантюристки.

То обстоятельство, что краткая форма закрепилась за обозначением признака, у которого фиксируется время наличия по отношению к моменту речи, видимо, сказалось на семантике формы в некоторых случаях и таким образом: сравним высказывания «Он болен» и «Он больной», в сопоставлении хорошо видно, что краткая форма обозначила временный признак, а полная — постоянный. Отметим поэтому точность выбора формы в такой сцене из «Петра Первого»:

«Еще на утренней заре потянулись в Преображенское кареты, колымаги, верхоконные... Бояре, генералы, полковники, вся вотчинная знать, думные дьяки — спешили поклониться вновь обретенному владыке. Протискиваясь через набитые народом сени, спрашивали с тревогой: «Ну, что? ну, как — государь?...» Им отвечали со странными усмешками: «Государь весел...» ...Будь он суров или гневен, кричи, таскай за эти самые бороды, грози чем угодно, — не был бы столь страшен».

Формы весел, суров, гневен, страшен обозначают временный признак лица, особенно ярко это значение проявляется в первом случае: сказать «Государь веселый» значило бы отметить более длительное настроение вернувшегося из-за границы царя, здесь же важно было указать на состояние героя буквально в данную минуту.

Опишем особенности соотношения полных и кратких форм прилагательного.

1. Есть отдельные случаи, когда прилагательное существует только в краткой форме: рад, горазд.

2. Полные и краткие формы могут не совпадать по набору значений. Например, у прилагательного дикий в полной форме есть значения «нецивилизованный» и «сильный», а краткая его форма вторым значением не обладает: можно сказать «дикий холод», но нельзя — «холод дик».

3. Качественное прилагательное может не иметь краткой формы:

1) сказывается семантико-словообразовательная характеристика слова: а) краткой формы лишены отглагольные прилагательные на -л: бывалый, одичалый. Возможно, запрет предохраняет здесь говорящих от омонимии высказываний, ср.: «Он бывал» от бывать и бывалый; «Он одичал» от одичать и одичалый; б) наименования высокой степени признака часто также не имеют краткой формы: толстущий, здоровенный;

2) влияет происхождение качественного значения у прилагательного: когда ощущается тесная связь с исходным относительным значением, краткая форма не образуется: деловой, братский, кофейный — о цвете;

3) семантическое ограничение касается отдельных тематических групп: названия мастей гнедой, чалый.

В заключение отметим, что во фразеологизмах у нас сохранились склоняемые формы кратких прилагательных, что является внешним показателем устойчивости оборота: *среди бела дня, по белу свету*. В художественных текстах могут употребляться усеченные формы, которые образуются от качественных и относительных прилагательных в именительном и винительном падежах за счет выпадения интервокального звука [j]: «Готовься, друг, на смертну сечу» (А.С.Пушкин. Руслан и Людмила). Сравним: смертну-*j*-у → смертну, с выпадением звука [j] между гласными и с последующим стяжением их в один звук. Обратим внимание на то, что в усеченной форме место ударения не меняется, а в краткой очень часто происходит движение ударения: сравним усеченную форму «добры люди» и краткую «вы очень добры».

§ 4. Склонение и стилистическое использование имен прилагательных

Склонение. У прилагательных различаются твердое, мягкое и смешанное склонения: твердый, синий, тихий. В смешанном склонении объединяются слова с основой на заднеязычный и шипящий. Особое склонение составляют притяжательные прилагательные, у которых, как уже говорилось, именительный и винительный падежи имеют окончания краткой формы: волчий-*ѣ*, волчий-*а*, волчий-*э*, волчий-*у*, волчий-*и*.

Употребление. Прилагательные — это неслучайное средство описательных фрагментов текста: пейзажных зарисовок, портретов, характеристик. В таких описаниях прилагательные семантически взаимодействуют друг с другом, направляют свои значения на подчеркивание важного для авторской концепции признака. Рассмотрим отрывок из рассказа Н.Тихонова «Шесть колонн»:

«Сейчас они возносились прямо перед Латовым — шесть знаменитых, всемирно известных, неповторимых колонн, высочайших в мире, все, что осталось от некогда славного храма Юпитера, храма Солнца. Были они светло-коричневого цвета с золотистым оттенком, и не было ничего вокруг, что могло бы сравняться с ними по силе, по чистоте отделки, по богатству фриза и архитрава. ...Колонны принадлежали к миру высокой мощи творчества, посягнувшего на власть такого тирана, как время. И они победили время, безжалостное и безумное в своем разрушении всего живущего».

Прилагательные, введенные в описание, участвуют в создании оценочного контраста: одной стороны — время безжалостное, безумное, противостоящее творчеству и созиданию, с другой стороны — колонны как символ творческих сил человека. Как подчеркнуть их победу над временем? Автор называет храм Юпитера славным, т.е. широко известным в свое время. Но и колонны знамениты, всемирно известны, неповторимы. Значит, слава былая сменилась славой нынешней, красота не умерла.

Мысль о том, что творчество оказалось сильнее времени, высказана автором прямо, но и до этой открытой формулировки она прочитывается в цепочке прилагательных, открывающих описание.

Имя числительное

§ 1. Лексико-грамматические разряды числительных

Имя числительное — это часть речи, отражающая количество предметов. Общий морфологический признак числительных — их изменение по падежам. Синтаксические функции числительных разнообразны и определяются их связью с именем существительным. Различаются три лексико-грамматических разряда числительных: количественные, собирательные и дробные.

Количественные числительные

Количественные числительные обозначают ряд натуральных чисел или количество целых предметов. По структуре эти числительные бывают простые, сложные и составные: пять, восемьдесят, сорок семь. Свообразны у них категории рода и числа.

Категория рода у количественных числительных как целостное грамматическое явление отсутствует. Большинство количественных числительных рода не имеет: пять, сто, двести семнадцать. И лишь у отдельных числительных есть родовые характеристики, причем разных типов. Числительные один, два имеют согласуемый род, такой, как у имени прилагательного, отметим только, что у слова два — не три, а две родовые формы: два для мужского и среднего рода, две — для женского. Числительные тысяча, миллион, миллиард имеют постоянный род, как у имени существительного.

Категории числа у количественных числительных также нет, и лишь отдельные числительные сохранили числовые формы.

Числительное один образует форму множественного числа и остается при этом числительным, если означает реальную единичность: одни ножницы — двое ножниц. В остальных случаях оно переходит в другие части речи: «Мы забыты, одни на земле. Посидим же тихонько в тепле» (А.А.Блок). Числительное здесь перешло в прилагательное.

Для полноты картины отметим, что числительное один и в единственном числе нередко переходит в другие части речи. Например, оно употребляется как неопределенное местоимение со значением «некий»: «Эта двуглавая гора напоминает мне одного седовласого старца из Бухары, ко-

торый шел с двумя блюдами плова и вдруг остановился и замер, очарованный открывшимся видом утренней долины» (Р.Гамзатов. *Мой Дагестан*).

Употребляется это числительное и как частица со значением «только, лишь»: «По-прежнему адмирал целые дни сидел, запершись у себя в кабинете, и одно сознание его присутствия нагоняло на всех испуг» (К.М.Станюкович. *Грозный адмирал*).

Числительные тысяча, миллион, миллиард также образуют формы множественного числа и остаются в пределах своей части речи, если входят в составное числительное: триста миллионов пятьсот тысяч сто три. Если это условие не соблюдено, числительные переходят в имя существительное со значением «неопределенно большое количество». В пастернаковском переводе «Гамлета»: «Ты врал про горы? Миллионы акров нам на курган, чтоб солнце верх сожгло...» Слово миллионы означает не точное количество, а неопределенно большое число.

Категория падежа и связь числительного с существительным. Все числительные склоняются. Как грамматическую особенность отметим то, что сложные числительные изменяются в обеих своих частях: восьмисот, восьмистам.

Своеобразна синтаксическая связь количественных числительных с существительными. В именительном и винительном падежах числительное управляет существительным: три стола, пять столов, а в остальных падежах согласуется с ним: трех столов, пяти столов. Числительное два в именительном и винительном падежах управляет существительным, но само согласуется с ним в роде: два стола, две книги, в остальных падежах остается только согласование числительного с существительным: двух столов, двух книг. Числительные тысяча, миллион, миллиард во всех формах управляют существительным, числительное один во всех формах с существительным согласуется.

Собирательные числительные

Собирательные числительные обозначают количество целых предметов. Сочетаемость их с существительными ограничена: они соединяются с названиями лиц мужского пола, с названиями детенышей и с обозначениями составных предметов: двое учеников, семеро козлят, двое ножниц. Обратите внимание на то, что они не сочетаются с наименованиями лиц женского пола: две ученицы, но не двое учениц.

Собирательные числительные производны, они имеют суффиксы -ой- и -ер-, последний более активен, так как способен оформлять окказионализмы: двадцатеро. Эта небольшая группа слов дает производные наречия типа вдвое, втрое, надвое, вчетвером.

Числительные этого разряда склоняются. Сочетаясь с существительными, они управляют ими в именительном и винительном падежах и согласуются с ними в остальных. О числительном оба/обе ранее уже было сказано.

Дробные числительные обозначают количество долей целого предмета. По структуре это составные образования: две пятых, четыре девятых. В обеих своих частях они склоняются: двух пятых, двум пятым. В сочетании с существительным управляют им: две пятых всего количества.

К дробным относится числительное *полтора/полторы*, с его двумя родовыми формами. В именительном и винительном падежах оно управляет родительным падежом единственного числа имени существительного: *полтора ведра, полторы чашки*. В остальных падежах оно имеет одну форму *полтора* и сочетается со склоняемым существительным, имеющим форму множественного числа: *полтора ведер, полтора ведам, о полтора ведах*. Это слово являет собой следы старого дробного счета, сохранившегося у нас при обозначении времени: *полвторого, полтретьего*.

§ 2. Стилистическое использование имен числительных

О стилистическом использовании числительных приходится говорить потому, что цифры часто используются в газете и их подача требует определенного мастерства, поскольку числовые показатели, в силу своей абстрактности, могут оказаться для читателя недостаточно наглядными.

1. Числовой показатель может быть подан с эмоциональной авторской оценкой, которая подчеркивает значимость количественной детали: «...В степи будет жить 150—200 тысяч людей, и для них надо построить ни много ни мало — два с лишним миллиона квадратных метров жилья» (К.Симонов. Люди с характером).

Фразеологизм «ни много ни мало» хотя и не делает показатель «два с лишним миллиона» наглядным, все-таки подчеркивает, что это очень много, что автор поражен этой величиной.

2. Самый, пожалуй, популярный способ сделать цифровые показатели представимыми для читателя — подача их в сопоставлении, в контрасте: «В 61-м у нас был план бурения 2 тысячи метров, в 62-м — 7, в 63-м — 27, в этом — около 30-ти, а в будущем, очевидно, около 50-ти тысяч. А чтобы вы представили себе, что это такое — 50 тысяч метров на одну экспедицию, — для сравнения скажем, что в 62-м году было пробурено на нефть 25 тысяч метров на всю Восточную Сибирь» (К.Симонов. Приезжайте через год).

Сопоставление здесь оговорено, мало того, оговорена и цель его — сделать цифры представимыми для слушателя.

3. Автор или герой могут размышлять над цифрами, объяснять их, в процессе рассуждения оценивать: «Мы сидели с Борисом Павловичем Кашубой, главным конструктором Харьковского тракторного, и считали, что нужно, чтобы выполнить все требования врачей. Сколько потребуется «лишнего» металла? Глушитель — десять килограммов, охладитель —

тридцать, подрессоренное сиденье — тридцать, и так далее, и получилось, что вес пахотного трактора (сейчас более шести тонн) пришлось бы увеличить всего на три процента. Почему же не делают этого? Бог мой, как просто: без двигателя его непустишь, без колес или гусениц тоже как-то неловко, а без удобного сиденья авось обойдутся. И обходились, вот причина в самом коротком и, значит, неглубоком изложении» (А.Аграновский. Техника без опасности).

Беседуют автор и герой, на глазах читателя выстраивается контраст: шесть тонн, с одной стороны, килограммы — с другой. Вопрос «Почему не делают всего этого?» автор формулирует не для читателя, а вместе с читателем, настолько вовлечен адресат в эти подсчеты.

4. Цифры иногда переводятся на язык вещей, вплетаются в описание, отчего делаются особенно наглядными. В очерке «Порядок» А.Аграновский вначале дает такое описание: «Я увидел оживший график. Стояли девятиэтажные корпуса, уже смонтированные, батареи были теплые, спокойно работали отделочники, — это были дома первого квартала. «А чего штурмовать? — сказала бойкая женщина-маляр. — Ай война?» Дальше показали мне коробки, поднятые до пятого, до шестого этажа, — дома второго квартала. А третий и четвертый только вылезали из белого снега, но уже были — бетонировались цоколи, и это значит, что землю вырыли еще в теплое время...»

А затем вводятся цифры: «В том году, когда я был в Орле, план по вводу домов выполнялся так: первый квартал — 25 процентов, второй — 26, третий — 28, четвертый — 21 процент. Конец года отдан был, как мы видели, подготовке задела на будущее».

Цифры вполне наглядны, так как проиллюстрированы впереди идущим описанием строительного пейзажа. Воспринимая их, читатель представляет: 25 процентов вводимых домов выглядят так, 26 — так, 28, 21 — «вылезают из белого снега».

Сравним еще отрывок из очерка К.Симонова «Люди с характером»: «За гребнем плотины тянется зеркало водохранилища, рассчитанного на 4 миллиарда 200 миллионов кубометров. Оно еще не наполнено до высших проектных отметок, но уже и сейчас кажется необъятным».

Снова автор заставляет нас соединять в воображении пейзажную деталь — необъятную водную гладь — с сухой цифрой 4 миллиарда 200 миллионов кубометров.

5. Цифры сами могут изображать движение, развитие, создавать юмористический эффект. Соотношение обратное только что рассмотренному: не образ для цифры, а цифра для образа. Вот отрывок из того же очерка К.Симонова: «Отделение организовали лишь позавчера, и поэтому в ответах на вопросы обнаруживаются разногласия: шофер главного агронома говорит, что туда 15 километров, жена директора — что 20, а спидометр впоследствии уточняет — 12». Столкновение цифр передает смысл «недавно», расхождение мнений эмоционально приближает к читателю рисуемую ситуацию, ведь каждый знает, что новый путь долог.

Покажем также комическое обсуждение цифры, будничной и самой по себе отнюдь не яркой: «В прошлое воскресенье я ходил по городу в одном костюме, потому что было 18 градусов тепла по Цельсию (пишу по Цельсию, потому что с детства помню, что есть еще какой-то коварный Фаренгейт, из-за которого, читая книги о путешествиях, я долго считал, что есть люди, выдерживающие на своей шкуре все, что угодно, — от точки кипения до абсолютного нуля)» (К.Симонов. Письмо господину Уиксу).

6. Наконец, остановимся на использовании числительных в произведениях фольклора. На числе может быть построена загадка: «Кто 12 раз в году родится и 12 раз умирает?» Числительные в загадке могут служить для передачи понятия «много», причем сказать в этом случае 7 или 1000 — это в принципе сказать одно и то же. Например, загадки о звездах: «Рассыпался горох на 12 лугов», «Рассыпался горох на 1000 дорог», «Рассыпался горох по сту дорог». В пословицах также иногда используются указания на реальное количество, например, о солдатской службе сказано: «Прослужил 25 лет — выслужил 25 реп». Однако чаще числительные в пословицах используются для передачи понятий «много» и «мало»: «Умел да смел — пятерых одолел» — много, «Для влюбленного и сто верст не околица» — очень много, «На дворе много скота: три собаки, два кота» — мало.

Такое изображение данных понятий известно и нашей повседневной речи. Мы можем сказать: «Десять раз тебе напоминал», «Тысячу раз тебе говорили», «Сорок раз повторять?» — и все эти числительные будут передавать не точное количество, а понятие неопределенно большого множества. Не все числительные обладают способностью такого употребления. Ср.: «Я тебе это сорок три раза говорю» — появилось значение точного количества.

Местоимение

§ 1. Лексико-грамматические разряды местоимений

Местоимения — это слова, которые, не называя предметов, качеств и количеств, указывают на них. То обстоятельство, что местоимения имеют обобщенное предметное, признаковое и количественное значение, обуславливает их грамматическую неоднородность. Различаются следующие грамматические разряды местоимений:

— Местоименные существительные. Они отвечают на вопросы «кто?», «что?» и имеют значимый падеж: «Я рассказал тебе об этом» — действие рассказать; его субъект — я, именительный падеж; его адресат — тебе, дательный падеж; его косвенный объект — об этом, предложный падеж.

— Местоименные прилагательные. Они отвечают на вопросы «какой?», «чей?», «который?» и имеют согласуемые категории рода, числа и падежа: моя книга, эта книга, такая книга.

— Местоименные числительные. Они отвечают на вопрос «сколько?» и управляют существительным в именительном и винительном падежах, а в остальных согласуются с ним: несколько деревьев — несколькими деревьям.

Общий морфологический признак всех местоимений — наличие у них категории падежа. Синтаксические функции местоимений зависят от их грамматического разряда.

Количество местоимений невелико, однако семантика их разнообразна, связана с отражением в предложении ситуации общения и членит слова этой части речи на девять лексико-грамматических разрядов. В большинстве случаев местоимения указывают на тот или иной элемент ситуации через его связь с говорящим.

Личные местоимения имеют три лица, в значении которых отражена отнесенность элемента ситуации к говорящему. Первое лицо означает, что в качестве одного из элементов ситуации выступил сам говорящий: «Я пишу письмо» — говорящий является субъектом действия писать; «Скажи мне правду» — говорящий является адресатом действия сказать. Второе лицо означает, что в качестве элемента ситуации выступил адресат, т.е. лицо, к которому обращена речь говорящего. Сравните те же элементы, выраженные местоимением второго лица: «Ты пишешь письмо», «Он сказал тебе правду». Третье лицо означает, что субъектом, объектом, обстоятельством действия выступает лицо, не участвующее в непосредственном обмене репликами, или предмет. Те же элементы ситуации с третьим лицом: «Он пишет письмо», «Ему сказали правду».

Возвратное местоимение одно — себя. Оно обозначает, что объект или обстоятельство совпадает с субъектом. Сравним три предложения: «Я помню себя с четырех лет», «Он помнит себя с четырех лет», «Володя помнит себя с четырех лет» — у действия помнить объект себя, и он совпадает с субъектом каждой ситуации — я, он, Володя. Рассмотрим более сложный случай: «Я иронично посмотрел на гордого собой пятиклашку». Действие посмотреть имеет субъект я и объект пятиклашку. Возвратное местоимение собой явно не имеет отношения к субъекту я. Оказывается, в этом предложении свернуты две ситуации, которые легко представить, если мы построим сложное предложение: «Я иронично посмотрел на пятиклашку, который был горд собой». Пятиклашка — субъект второй ситуации, и местоимение собой обозначило в ней объект, тождественный ее субъекту.

Притяжательные местоимения указывают на принадлежность элемента ситуации кому-то или чему-то с точки зрения говорящего. Местоимения первого лица мой, наш означают принадлежность говорящему: «Редактор отметил мой рассказ» — объект действия отметить принадлежит говорящему. «Наша аудитория на третьем этаже» — субъект принад-

лежит группе, в которую входит говорящий. Местоимения твой, ваш означают принадлежность адресату: «Я заглянул в твою тетрадку» — объект действия заглянуть принадлежит адресату. Третье лицо указывает на принадлежность элемента ситуации тому, кто не участвует в непосредственном обмене репликами: «Я заметил его смущение» — объект действия заметить принадлежит третьему лицу. Значение притяжательности третьего лица передается формами родительного падежа личных местоимений. У нас есть еще и возвратно-притяжательное местоимение свой, которое указывает, что элемент ситуации принадлежит ее субъекту: «Ты выучил свои уроки?» — объект уроки принадлежит субъекту действия выучить.

Указательные местоимения выполняют функции двух типов:

1. Они отражают размещение предметов в ситуации по отношению к говорящему, сопровождают жесты говорящего, передающие признаки и количества: «Положи книгу на этот стол, а ручку — на тот» — передана степень удаленности элементов ситуации от говорящего; «Кто это сделал?», «Я поймал вот такую рыбу!» — указания на объект действия сделать и признак объекта действия поймать с помощью жеста и слова.

2. Указательные местоимения осуществляют связь между предложениями, выступая как обозначения уже упомянутого предмета, признака, количества или целой ситуации:

«Более пяти миллиардов людей так же реальны, как один-единственный человек, но эту реальность мы до сих пор не умеем себе представить, все еще не умеем, хотя бы и с помощью передовой техники и самой обширной информации. Этому нужно учиться. Нужно разрабатывать методику этого обучения, если уж во всех критических историях мы всегда оказываемся „все вместе“» (С.Залыгин. К вопросу о бессмертии).

Местоимение эту указывает на субъект предшествующей ситуации «пять миллиардов людей». Местоимение этому обозначило упомянутое ранее действие «представить пять миллиардов людей как реальность». Местоимение этого указывает на действие «учиться представлять».

Отрицательные местоимения указывают на то, что место какого-то элемента ситуации является пустым: «Никто не пришел» — в этой ситуации пустая позиция субъекта действия прийти; «Нечего тебе здесь делать» — в ситуации пустая позиция объекта действия делать.

Неопределенные местоимения указывают, что говорящий имеет неполные сведения об элементе ситуации или изображает их таковыми.

1. Местоимения с частицей -то означают, что элемент ситуации одинаково неизвестен говорящему и адресату: «В дверь кто-то постучал» — неизвестен субъект действия постучать; «Он кому-то, наверное, рассказал об этом» — неизвестен адресат действия рассказать; «К тебе заходил какой-то старичок» — неизвестен признак субъекта, отсюда закономерный отклик собеседника: «Какой?». Начинается описание, из которого собеседники точно устанавливают личность пришедшего.

2. Местоимения с частицей *кое-* указывают на большую осведомленность говорящего об элементе ситуации по сравнению с адресатом: «Кое-кто о твоей истории мне уже рассказывал» — говорящий знает о субъекте действия рассказывать, но определенных сведений не даст, а адресату субъект неизвестен.

3. Местоимения с частицей *-нибудь* модифицируют значение неопределенности по-своему: они указывают, что говорящий безразличен к выбору предмета, признака или количества в качестве элемента отражаемой ситуации: «Кто-нибудь пусть объяснит тебе это правило» — безразличие к субъекту действия объяснить; «Хоть какую-нибудь книжку дай» — безразличие к признаку объекта.

4. Местоимения с частицей *-либо* синонимичны словам с частицей *-нибудь*, но имеют книжную окраску и оттенок большей категоричности в передаче семантики «безразличие в выборе»: «В формализованной теории доказательство не требует обращения к каким-либо интуитивным представлениям. Оно является последовательностью формул, каждая из которых либо есть аксиома, либо получается из аксиом по правилам вывода» (А.А.Ивин. Строгий мир логики).

Неопределенное местоимение передает здесь смысл «любой из всего класса», в результате высказывание означает: «какие бы то ни было интуитивные представления не требуются».

5. Местоимения с приставкой *не-* передают легкий оттенок известности элемента говорящему, по неизвестности адресату: «К тебе заходил некто Иванов, он тебе известен?» — говорящий показывает исполноту своих знаний о субъекте действия заходить. С позиции говорящего налицо знание хотя бы фамилии человека, на стороне адресата полная неопределенность, поэтому и возможны такие крайние ответы: «Конечно, это тот-то» или «Первый раз слышу».

Определительные местоимения являются обобщенными обозначениями предметных и признаков элементов ситуации.

1. Местоимение *все* передает значение полной включенности предмета или класса предметов в ситуацию: «Все уже собрались» — полностью включен субъект; «Ты уже всем рассказал свою историю» — полностью включен адресат действия рассказать.

2. Местоимения *всякий, каждый, любой* передают значение «класс предметов включен в ситуацию во всех своих единицах», подчеркивается раздельная множественность: «Каждый, всякий, любой в нашем классе знает об этом» — группа лиц во всех своих единицах включена как субъект действия знать в моделируемую ситуацию.

3. Местоимение *сам* подчеркивает тождество элемента ситуации, самостоятельность его: «Он сам это сделал» = «он это сделал» + говорящий подчеркивает самостоятельность субъекта действия сделать; «Я сказал это ему самому» = «я сказал это ему» + говорящий подчеркивает, что косвенный объект действия сказать тождествен себе самому.

4. Местоимение самый подчеркивает точность выбора, вычленения и включения элемента в ситуацию: «Он взял платок за самый кончик» = «он взял платок за кончик» + говорящий подчеркивает точность включения способа действия в ситуацию; «Самая середина реки сверкала на солнце ослепительно ярко» = «середина реки сверкала» + подчеркивание точности включения субъекта в ситуацию; «Он стоял на самом краю обрыва» = «он стоял на краю обрыва» + говорящий подчеркивает точность включения обстоятельства места в ситуацию.

Вопросительные местоимения служат для запрашивания информации о том или ином элементе ситуации: «Кто пришел?» — говорящий запрашивает информацию о субъекте действия прийти; «Какую книгу ты просил?» — запрос информации о признаке объекта.

Относительные местоимения. Местоимения предыдущих разрядов так или иначе связывали обозначаемый ими элемент ситуации с говорящим. Относительные местоимения такого значения не имеют и служат для отнесения придаточного предложения к главному, т.е. вводят ситуацию как элемент другой ситуации: «Я прочитал книгу, о которой слышал давно» — у действия прочитать есть субъект я и объект книга, а у этого объекта есть признак, каковым является ситуация «я об этой книге слышал давно». С помощью относительного местоимения информация об этом признаке введена в предложение. Мы видим, что придаточное обозначает элемент ситуации, отраженной в главном предложении. Направление включения может быть и обратным: «Я опоздала на собрание, что и помешало мне разобраться в этом вопросе» — субъектом действия помешать является ситуация, отраженная в главном предложении. Связь между частями сложного предложения снова устанавливается с помощью относительного местоимения, содержание которого раскрывается в главном.

§ 2. Грамматические признаки местоимений

Наиболее своеобразны в грамматическом плане личные местоимения и местоимения кто, что. Эти группы мы и рассмотрим.

Личные местоимения. Категория рода у местоимений первого и второго лица отсутствует, однако связь с этой категорией у них есть, поскольку в предложении, где они выступают в роли подлежащего, с ними приходится соединять глагольные формы прошедшего времени или сослагательного наклонения, а также прилагательные в роли сказуемого, которые в единственном числе существуют в трех родовых разновидностях. Мы помним об обязательности выражения грамматического значения. И вот перед нами случай: подлежащее я, ты рода не имеет, а глагольная или именная форма не может быть употреблена без родового показателя: пришел, пришла, пришло, спокоен, спокойна, спокойно. Как быть? Возможны два варианта:

1. Стихотворение Б.Пастернака «Ветер» начинается так:

Я кончился, а ты жива.
И ветер, жалуясь и плача,
Раскачивает лес и дачу.

Выбор родовой формы у глагола кончился и у прилагательного жива осуществляется за счет координации с полом говорящего и адресата. Сравним обратное: «Я сказала, а ты не понял». Вспомним, как говорит о себе Месяц Месяцович в «Коньке-горбунке»: «... Я по три ночи, по три дня в темном облаке ходила, все грустила да грустила». Женский род глаголов обусловлен тем, что говорит женщина, хотя и носящая странное мужское имя.

2. В пушкинской «Сказке о мертвой царевне и семи богатырях» тоже есть говорящие светила:

Отвечает месяц ясный, —	Красно солнце отвечало, —
Не видал я девы красной.	Я царевны не видало

Родовые формы глаголов явно обусловлены родом имен существительных, обозначивших говорящие предметы.

Местоимения третьего лица имеют род, подобный роду имени существительного. Родовые формы этого местоимения выбираются в зависимости от пола лица или рода замещаемого существительного.

Категория числа у личных местоимений первого и второго лица своеобразна по значению. Форма мы обозначает группу, в которую входит говорящий, форма вы называет группу адресатов или группу, в которую входит адресат. Форма они имеет разное реальное содержание: 1) «Деревья уже проснулись и улыбались приветливо, и над ними, бог знает куда, уходило бездонное, необъятное голубое небо» (А.П.Чехов. Архирей) — форма над ними обозначает множество однородных предметов; 2) «Былое молчит и ждет. Нераскрытые курганы, настенные хроники времен Мономаха. Ведь было не до них. Археологи копали под Москвой противотанковые рвы» (И.Шклярский. Поэзия — львица с гривой) — форма до них обозначает группу разнородных предметов; 3) «Исполнитель на гусях — гусяр, положив их на колени или на стол, персбирал струны пальцами обеих рук или только правой руки, заглушая ненужные струны левой рукой» (Краткий музыкальный словарь) — форма их имеет значение реальной единичности.

Местоимения кто и что. У этих местоимений нет форм рода и числа, согласуемые формы глагола и прилагательного употребляются при них обычно так: «кто + мужской род единственного числа» (Кто пришел?); «что + средний род единственного числа» (Что случилось?).

Мы знаем, что вопросы «кого?», «что?» различают одушевленные и неодушевленные существительные. Однако вне этой грамматической операции мы употребляем данные слова скорее в зависимости от того, относятся ли они к лицу или не-лицу. Например, по отношению к животному

мы нередко используем местоимение что, особенно в ситуации неопределенности: «Что это у тебя там шевелится?» — «Да коту несущ».

В роли относительных местоимений слова кто и что по своим грамматическим признакам отличаются от вопросительных. В придаточном предложении при местоимении кто может употребляться множественное число глагола: «Те, кто пришли вчера в лагерь, сегодня снова двинулись в путь». Местоимение что в придаточном предложении вообще становится универсальным элементом, соединяющимся с любым родом и любым числом глагола: «Та, что принесла эту весть, рассказала обо всем подробно»; «Те, что пришли вчера в лагерь, сегодня снова двинулись в путь».

§ 3. Стилистическое использование местоимений

I. Личные местоимения могут употребляться переносно. Вначале рассмотрим переносы по числу внутри одного лица.

1. Местоимение мы может употребляться в значении «я» при передаче оттенков «авторская скромность», «авторское достоинство». В.Г.Белинский в статье «Похождения Чичикова, или Мертвые души» пишет: «Что касается до нас, то, не считая себя вправе говорить о личном характере живого писателя, мы скажем только, что не в шутку назвал Гоголь свой роман „поэмою“». «Мы» — это кто? Конечно, автор, который обозначил себя в тексте авторским «мы» скромности.

Оттенок достоинства имеет два варианта: устаревший сниженный и устаревший высокий. Сравним два отрывка. Из «Петра Первого»: «Как зовут?» — спросил он. — «Алешкой». — «Чей?» — «Мы — Бровкины, деревенские. ...А тебя как зовут?» — «Алексахкой. Мы Меньшиковы». Выделенные формы имеют значение «я», с оттенком «как представитель семейства» и сниженной окраской. Второй отрывок из пастернаковского перевода «Гамлета»: «Р о з е н к р а н ц . Она желает поговорить с вами у себя в комнате, прежде чем вы ляжете спать. Г а м л е т . Рады стараться, будь она нам хоть десять раз матерью. Чем еще можем служить вам?». Здесь «мы» величия, употребление это, конечно, тоже устарело, но его повышенная окраска ощущается хорошо.

2. Местоимение вы употребляется в значении «ты» при вежливом обращении. Поскольку это употребление общепринятое, приведем пример поярче, когда герой колеблется в выборе формы:

«Тогда Могарыча перевернуло кверху ногами и вынесло из спальни Воланда через открытое окно. Мастер вытаращил глаза, шепча:

— Однако это будет, пожалуй, почище того, что рассказывал Иван! — совершенно потрясенный, он оглядывался и наконец сказал коту: — А простите... это ты... это вы... — он сбился, не зная, как обращаться к коту, на „ты“ или на „вы“, — вы — тот самый кот, что сажались в трамвай?

— Я, — подтвердил польщенный кот и добавил: — Приятно слышать,

что вы так вежливо обращаетесь с котом. Котам обычно почему-то говорят „ты“, хотя ни один кот никогда ни с кем не пил брудершафта.

— Мне кажется почему-то, что вы не очень-то кот, — нерешительно ответил мастер» (М.Булгаков. Мастер и Маргарита).

Весь эпизод построен на употреблении вежливого «вы» в ситуации, с одной стороны, необычной, фантастической, а с другой — напротив, самой заурядной — человек обращается к коту. Эта противоречивость ситуации и порождает игру слов. Отметим ради справедливости, что это не единственный кот, которого именуют на «вы». В переводе сказки Ш.Перро «Господин Кот, или Кот в сапогах» к коту обращаются так: «Сущая правда, — резко ответил людоед, — а чтобы показать вам это, я на ваших же глазах превращусь в льва».

Художники слова вообще часто используют смену обращения — «ты» вместо «вы» и наоборот — как показатель того, что изменились отношения между героями. Вспомним хотя бы чеховскую «Даму с собачкой», где Гуров после сцены в гостинице начинает говорить Анне Сергеевне «ты», а она продолжает называть его на «вы»: «Нехорошо, — сказала она. — Вы же первый меня не уважате теперь...» — «Отчего бы я мог перестать уважать тебя? — спросил Гуров. — Ты сама не знаешь, что говоришь». И лишь в последней сцене рассказа оба героя обращаются друг к другу на «ты».

3. Местоимение они употребляется в значении «он» как устаревшая форма вежливости. В «Мастере и Маргарите» происходит такой разговор по телефону: «Артиста Воланда можно попросить?» — сладко спросил Варенуха. — «Они заняты», — ответила трубка дребезжащим голосом». Хорошо видно, что местоимение они относится к одному лицу.

II. Наблюдаются переносы между лицами: форма одного лица используется в значении другого. В «Хождении по мукам» есть такая сцена: «Екатерина Дмитриевна села на кровать, щекую прижалась к Дашиной голой спине и засмеялась, целуя между лопатками. — „Какие мы рогаые уродились: ни в ерша, ни в ежа, ни в дикую кошку“». Это мы означает «ты» с оттенком «шутливого соучастия».

В разговорной речи местоимение ты может употребляться в значении «я», внося в высказывание оттенок обобщения, когда говорящий как бы приглашает адресата на свою позицию. В «Дяде Ване» Астров говорит: «Затягивает эта жизнь. Кругом тебя одни чудаки, сплошь одни чудаки; а поживешь с ними года два-три и мало-помалу сам, незаметно для себя, становишься чудакom».

Представим, что доктор Астров сказал бы так: «Вокруг меня одни чудаки. Поживу с ними и стану чудакom». Семантика типичности полностью исчезает, обобщение сменяется констатацией конкретного факта.

Наконец, отметим, что местоимения он, они иногда употребляются в значении «ты», «вы». Возникает несколько насмешливый оттенок высказывания, поскольку реальный адресат как бы исключается из разговора, о нем говорят как о некоем постороннем лице:

«— Мальчик, — спросил он насмешливо, — почему вы тащитесь за мной на буксире?

Я покраснел и ничего не ответил.

— Все ясно: он мечтает быть моряком, — догадался гардемарин, говоря почему-то обо мне в третьем лице» (К.Г.Паустовский. Повесть о жизни).

III. Местоимения я, ты, мы, вы могут употребляться в обобщенно-личном значении. Ср.: «Я от горя-то бегом, а горе все передом»; «Ты от горя, а горе за тобой»; «Люди пировать, а мы горе горевать». Каждую из этих пословиц, не меняя ее формы, мы можем употребить по отношению к адресату, к третьему лицу, а также к самим себе. Это и означает, что местоимения использованы в обобщенно-личном значении.

IV. Местоимение мы и местоимения ты, вы участвуют в создании контактной формы общения с читателем. Мы при этом получает значение «я и мои читатели». Вот с сокращениями отрывков из статьи Н.А.Добролюбова «Что такое обломовщина?», нужное нами выделено:

«Вы совершенно переноситесь в тот мир, в который ведет вас автор... Вы готовы снова перечитать многие страницы, думать над ними, спорить о них. Так, по крайней мере, на нас действовал „Обломов“: „Сон Обломова“ и некоторые отдельные сцены мы прочли по несколько раз... Таким образом, Гончаров является перед нами прежде всего художником, умеющим выразить полноту явлений жизни». Формы вы указывают на прямое обращение к читателю, форма перед нами имеет значение «передо мной и читателями». Подчеркнутые формы на нас, мы употреблены переносно в значении «я» и имеют оттенок авторской скромности.

В приведенном фрагменте повествователь и адресат, так сказать, живут в согласии, но возможны между ними и споры, и упреки. Напомним общение повествователя с публикой в романе Н.Г.Чернышевского «Что делать?»:

«Автору не до прикрас, добрая публика, потому что он все думает о том, какой сумбур у тебя в голове, сколько лишних страданий делает каждому человеку дикая путаница твоих понятий. Мне жалко и смешно смотреть на тебя: ты так немощна и так зла от чрезмерного количества чепухи в твоей голове. Я сердит на тебя за то, что ты так зла к людям, а ведь люди — это ты: что же ты так зла к самой себе? Потому я и браню тебя».

V. В художественном тексте возможно обыгрывание норм употребления местоимений, намеренное их нарушение с целью получения комического эффекта. В «Золотом ключике» А.Н.Толстого, как мы помним, Мальвина задает Буратино задачу: «... Предположим, что у вас в кармане два яблока. Некто взял у вас одно яблоко. Сколько у вас осталось яблок?» На что Буратино отвечает: «Я же не отдам же некому яблоко, хоть он дерись!» Комизм здесь достигается не только за счет «ненаучного» подхода ученика к арифметической задаче, но и за счет грамматической ошибки говорящего, начавшего склонять несклоняемое местоимение некто.

М.А.Булгаков так, например, обыгрывает неудачное размещение местоимения в предложении:

«Массолит разместился в Грибоедове так, что лучше и уютнее не придумать. Всякий, входящий в Грибоедова, прежде всего знакомился невольно с извещениями разных спортивных кружков и с групповыми, а также индивидуальными фотографиями членов Массолита, коими (фотографиями) были увешаны стены лестницы, ведущей во второй этаж».

Здесь намеренно неверно помещено придаточное с местоимением коими. Поскольку придаточное определительное должно стоять после определяемого слова, его место в этом предложении — после слова фотографиями. «Ошибка» делает высказывание двусмысленным и комичным. Кстати, эта погрешность встречается в газетах, и уж, конечно, без установки на комический эффект.

§ 4. Переход других частей речи в местоимения

Слова разных частей речи могут переходить в местоимения, что мы уже и видели на примере числительного один. В местоимения переходят причастия: данный «этот, только что упомянутый», следующий «тот, который будет указан»; прилагательные: последний «упомянутый последним», известный, определенный «некий, известный говорящему, но могущий быть неизвестным адресату»; существительные: ведь, дело, штука «нечто».

Напротив, некоторые местоимения могут приобретать значение других частей речи: он «любимый», сам «хозяин, муж», ничья «равный результат в игре». Особенно интересны, конечно, окказиональные переносы. Вторая глава рассказа Б.Пильняка «Жених во полуночи» начинается так:

«Имя его, этого инженерного солдата, в отличие от миллионов его братьев и сестер, — Он; в отличие от братьев и сестер потому, что и у сестер, и у братьев пол стерт, — и Он, — потому, что никогда не узнается, есть, была ли у него, у этого инженерного солдата, индивидуальность, общность, отличающая его от его братьев».

Так наш герой и идет через все произведение с этим именем Он. Кто же он? Это термит. Художник рисует термитник как царство абсолютной запрограммированности и безмыслия, распространяя имя Он в конце сюжета на братьев нашего героя: «вместо него стало много онов, было много онов», «им, этим онам, не дано мыслить». Как видим, местоимение превратилось в существительное со своими своеобразными формами, не заимствованными от исходного слова он.

ЛИТЕРАТУРА

Падучева Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью: (Референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Наука, 1985.

§ 1. Значение и система грамматических форм глагола

В глаголе объединяются слова, называющие действие — **активный**, проявляющийся во времени признак предмета. Это частеречное значение оформляется в морфологических категориях вида, залога, наклонения, времени, лица. Специфической глагольной функцией является простое глагольное сказуемое.

Глагол и предложение

Предикативные и непредикативные глагольные категории. Глагол — единственная часть речи, которая на уровне морфологии выработала средства для оформления предикативности в предложении — единице синтаксиса. Мы говорили, что предикативность — это приписывание признака предмету мысли в связи с ситуацией общения: «День — солнечный» — признак солнечный приписан дню как реальный и существующий в момент речи, т.е. в настоящее время. Глагол имеет специальные морфологические категории, которые отражают модальную оценку действия как реального или нереального (ирреального), т.е. желаемого или возможно-го, а также время в форме отнесенности действия к моменту речи: «Лес шумит» — признак шуметь оценивается говорящим как реальный — изъявительное наклонение и как существующий в момент речи — настоящее время. У глагола есть и еще одна категория, которая указывает на связь приписываемого предмету признака с ситуацией общения. Это категория лица, в которой отражается субъект действия с позиции говорящего: «Я пишу» — субъект действия — говорящий; «Ты пишешь» — субъект действия — адресат. Категории наклонения, времени и лица — это предикативные категории глагола. Остальные категории — вида, залога, числа — непредикативные, они характеризуют действие вне связи с ситуацией общения.

Грамматические формы глагола. Мы уже говорили о том, что глагол — это изменяемое слово. Многообразие глагольных форм, само их количество резко выделяет эту часть речи среди других. Сколько в среднем грамматических форм у глагола? Возьмем слово *читать*: в изъявительном наклонении у него 6 форм настоящего времени, 6 — будущего и 4 — прошедшего; в повелительном наклонении 6 основных форм — *читай, читайте, давай читать, давайте читать, пусть читает, пусть читают*; в сослагательном наклонении 4 формы; дееспричастие одно, причастий читающий — 24, читавший — 24, читаемый — 24, читанный — 24, кратких — 4; инфинитив один; в страдательном залоге в настоящем времени 2 формы, в будущем 2, в прошедшем 4, в сослагательном наклонении 4. Всего 138 только основных форм, чего нет ни у одной другой части речи.

Глагольные формы классифицируются. Выделяются формы спрягаемые, передающие значения наклонения и лица, и формы неспрягаемые, не имеющие значений наклонения и лица — инфинитив, причастие, деепричастие. Итак, носителями грамматических значений предикативных категорий являются спрягаемые формы, носителями грамматических значений непредикативных категорий являются и спрягаемые, и неспрягаемые формы. Например, форма пишу — спрягаемая. Она выражает наклонение, время, лицо как значения предикативных категорий, вид, залог и число как значения непредикативных категорий. Писать — инфинитив, неспрягаемая форма, она выражает значения вида и залога (непредикативных категорий). Именно спрягаемые формы являются главным средством выражения простого сказуемого. И мы понимаем теперь, что это не случайно: обладая значениями наклонения, времени и лица, они оформляют синтаксическую категорию предикативности с ее семантикой приписывания признака предмету речи через ситуацию общения.

Грамматические значения глагола и структура моделируемой ситуации. Мы видели, что глагол имеет морфологические средства, позволяющие отразить в предложении ситуацию общения. Кроме этого, у глагола есть морфологические возможности отразить в предложении структуру моделируемой ситуации. Вспомним, что именные части речи тоже не лишены таких возможностей: краткая форма прилагательного приспособлена обозначать предиктируемый признак, категория падежа существительного отражает отношение предмета к другим элементам ситуации. Вот и глагол в ряде своих категорий запечатлевает структурные связи между частями моделируемой ситуации. Что такое переходность? Отражение связи действия с прямым объектом. А объект и действие — это элементы моделируемой ситуации. Значит, переходный глагол читать задает нам структуру «субъект — действие — прямой объект», а непереходный глагол спать задает нам структуру ситуации «субъект — действие».

Лексическое значение глагола и структура моделируемой ситуации. Структуру ситуации, задаваемую грамматическими значениями глагола, конкретизирует его лексическое значение. Например, лексическое значение глагола читать «воспринимать что-либо написанное или напечатанное буквами или другими письменными знаками, произнося вслух или воспроизводя про себя» (СлРЯ) конкретизирует объект (это продукт письма или печати: книга, журнал, письмо, текст), вводит позицию способа действия (читать вслух, про себя) и раскрывает возможность ряда других позиций: если читать вслух, то к о м у (например, детям), к а к (быстро, громко, выразительно), г д е (дома, в классе).

Семантические классы глаголов

В предыдущих разделах было показано, как глагольная семантика участвует в организации предложения. Поэтому немаловажно учитывать се-

мантические классы глаголов, во многом определяющие поведение глагольного слова в синтаксической конструкции.

Полнознаменательные и неполнознаменательные глаголы. Это самое крупное членение всех глаголов. Полнознаменательные глаголы — слова, которые в предложении выступают как самостоятельные элементы, реализующие свое полноценное лексическое значение. Их полнознаменательность особенно отчетливо проявляется тогда, когда они выступают в роли сказуемого, выражая его своими спрягаемыми формами: «Я пишу», «Он живет в Свердловске». Мы видим, что сказуемые этих предложений выражены одним словом, которое полностью передает все грамматические и лексические значения данного члена конструкций.

Неполнознаменательные глаголы ведут себя в предложении по-другому. Ср.: «Вечер становится», «Это здание является», «Завод начал», «Собрание приняло». Мы ощущаем здесь не просто наличие пустой позиции при законченности значения сказуемого, как в случае, например, таком: «Он коснулся рукой», где необходимо указать на объект, но семантическая полнота сказуемого налицо — «слегка тронуть, задеть». В приведенных конструкциях не имеет законченного значения само сказуемое, поэтому мы не знаем, какой признак приписывается предмету речи в каждом из данных предложений, что говорится о вечере, здании, заводе, собрании. Чтобы появилась смысловая законченность, необходимо дополнить сказуемые: «Вечер становится тихим», «Это здание является архитектурным памятником», «Завод начал выпускать новую продукцию», «Собрание приняло решение провести субботник».

Полнознаменательные глаголы делятся на два класса, в зависимости от того, о скольких ситуациях они сигнализируют. Выделяются однопредикативные и полипредикативные глаголы.

1. Однопредикативные глаголы строят предложение, в котором отражается один субъект и его действие: я пишу, я волнуюсь. Они в свою очередь разделяются на две группы:

1) акциональные глаголы обозначают в прямом смысле действия. (Вспомним конкретные существительные, которые в прямом смысле слова называют предметы, вещи.) Эти глаголы обозначают движение, физические, интеллектуальные, эмоциональные действия: ехать, брать, читать, говорить, смеяться;

2) неакциональные глаголы отражают различные явления в виде действия, означая, что признак как бы производится предметом. Это наименования существования, местонахождения, отношений и состояний: жить, находиться, равняться, болеть.

2. Полипредикативные глаголы строят предложение, отражающее два субъекта с их действиями: «Я приказал ему уходить»: первая предикация «я приказал», вторая предикация «он уходит». Эти глаголы называются каузативными, так как обозначают действие, обуславливающее наличие другого действия — каузирующее его, являющееся его причиной. Грам-

матически такая зависимость выражается в том, что к каузативному глаголу примыкает так называемый объектный инфинитив, который и называет действие, совершаемое вторым субъектом. Ср. каузативные глаголы и объектные инфинитивы: попросил рассказать, требует подчиниться, запрещает уезжать.

Неполнозначенательные глаголы делятся на три группы в зависимости от функции, которую они выполняют в предложении.

1. Глаголы-связки выступают в роли грамматической части именного составного сказуемого. Это незначенательная связка быть, наделенная только грамматическим значением, и полузначенательные связки, сохраняющие очень отвлеченное лексическое значение: являться, становиться, казаться, делаться.

2. Модификаторы — это глаголы, выполняющие роль вспомогательной, грамматической части глагольного составного сказуемого. Они делятся на фазисные, обозначающие начало, конец или продолжение действия, и модальные, передающие желательность, нежелательность, возможность, невозможность действия: начал работать, продолжает читать, кончил рассказывать; хочет рисовать, может читать.

3. Компенсаторы — это глаголы, выступающие частью описательного наименования действия: принять решение, вести уборку, производить продажу — названы действия решить, убирать, продавать.

ЛИТЕРАТУРА

Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. С. 156 — 168.

Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982.

§ 2. Инфинитив

Инфинитив — неспрягаемая форма глагола, выполняющая функции начальной, словарной и служащая наименованием действия безотносительно к ситуации общения, поэтому он не имеет значений времени, модальной оценки, субъекта действия и, следовательно, стоит вне морфологических категорий времени, наклонения и лица.

Говоря о морфемном составе слов, мы показали, что инфинитив — неизменяемая форма, имеющая основу и формообразующий суффикс: -ти, -сть, -чь (да-ть, нес-ти, кля-сть, бере-чь).

Благодаря тому, что инфинитив только называет действие, не соотнося его с ситуацией общения, он имеет возможность становиться в предложении на позицию любого его члена, а также формировать предложения разных типов; это самая мобильная из глагольных форм. Рассмотрим две группы предложений:

1. Наказывать — дело бесполезное; Умение внимательно читать приходит не сразу; Попроси его читать погромче.

2. а) Самое его любимое занятие — читать; Мы начали читать; Мне надомного читать; б) А он — хохотать; Не пищать!; Ему бы еще поучиться; Он приехал, чтобы поступить в институт.

В группе 1 инфинитив не входит в сказуемое и выступает как подлежащее, определение и дополнение. Обратим внимание на последнее предложение, в котором сказуемое выражено каузативным глаголом, а дополнение — объектным инфинитивом. В группе 2а инфинитив входит в сказуемое, но лишен непосредственной связи с ситуацией общения. Связь эту осуществляют связки и модификаторы: в первом предложении этой группы — нулевая связка, во втором — фазисный модификатор начать, в третьем — нулевая связка и модальный модификатор надо, относящийся к словам категории состояния. В группе 2б инфинитив является сказуемым, но значение предикативности передается все-таки не инфинитивом, а лексически — частицей бы в двух последних предложениях, интонацией — во втором и всей синтаксической конструкцией — в первом предложении этой группы.

Переходим к анализу морфологических категорий глагола.

§ 3. Категория наклонения

Отношение говорящего к сообщаемому выражается в речи с помощью средств, называемых модальными. Так, когда мы говорим: «Он, вероятно, скоро вернется» — мы не только сообщаем о ситуации «он вернется», но еще и выражаем свою неуверенность в сообщаемом. Модальные значения — это уверенность, неуверенность, возможность, невозможность, желательность, долженствование, запрет и т.п.: «Нам необходимо уйти»; «Мы должны уйти». Для выражения модальных значений есть средства на всех уровнях языка: на фонетическом — интонация; на лексическом — слова разных частей речи с модальной семантикой: существительные — необходимость, задача, прилагательные — необходимый, должный, готов, обязан, категория состояния — надо, нужно, можно, нельзя; о модальных модификаторах-глаголах уже говорилось. На синтаксическом уровне модальность выражается формами сказуемого, вводными словами и другими средствами, о которых мы будем говорить. Часть модальных значений выражена в языке на морфологическом уровне. Таким средством и является глагольная морфологическая категория наклонения.

В категории наклонения отражается модальная оценка действия говорящим. С помощью форм наклонения говорящий показывает, что оценивает действие в его отношении к действительности как реальное или нереальное (ирреальное). Таким образом, категория эта связана с ситуацией общения, и следовательно, является предикативной.

В категории наклонения закрепились три модальных оценки: оценка действия как реального в изъявительном наклонении, оценка действия как желательного в повелительном и как возможного в сослагательном наклонении. Рассмотрим, как образуются и употребляются формы этих трех наклонений.

Изъявительное наклонение

Изъявительное наклонение выражается с помощью форм трех времен — настоящего, прошедшего и будущего, об образовании которых будет сказано в соответствующем разделе. Общее значение форм изъявительного наклонения — оценка действия как реального в настоящем, прошлом и будущем: «В основе нашего хозяйственного строя, так же как и в основе античной Руси, лежит индивидуальное крестьянское хозяйство. Мы считали и считаем его совершеннейшим типом хозяйственной деятельности» (А.В. Чаянов. Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии). Выделенные формы обозначают настоящие и прошлые действия, оцениваемые говорящим как реальные.

Осложнение основной семантики. Модальное значение форм изъявительного наклонения может осложняться в зависимости от условий контекста:

1. «К о р о л ь. Старые друзья — это, конечно, штука хорошая, но их уже ничем не удивишь!» (Е.Шварц. Золушка). Форма изъявительного наклонения осложнена дополнительным модальным значением невозможности (= «невозможно удивить»).

2. «Комиссар действует в полном контакте с районным Советом рабочих и солдатских депутатов» („Инструкция районным комиссарам Военно-революционного комитета Советов рабочих депутатов“). Форма изъявительного наклонения осложнена дополнительным модальным значением необходимости, долженствования (= «должен действовать»).

3. «Лука, а Лука...» — Стариковский голосотозвался: «Аюшки...» — «Лука, никого не пускай, — слышишь ты?» — «А ну — ломиться будут?» — «А ты что, — не мужик?» — «Ладно, я их рожном» (А.Н.Толстой. Петр Первый). Форма изъявительного наклонения осложнена дополнительным модальным значением возможности действия (= «если будут ломиться, могут ломиться»).

Переносное употребление форм. В случае переносного употребления у формы изъявительного наклонения появляется значение другого наклонения, что можно проверить с помощью синонимической замены:

1. «Встань. (Шафиров вскочил.) Дрянное сукно все продашь в Польшу королю Августу по той цене, как я вам платил... Даю неделю срока. Не продашь — быть тебе битым кнутом на козле, сняв рубаху. Понятно? А мне с Ванькой Бровкиным поставите доброе сукно взамен» (А.Н.Толстой. Петр Первый). Выделенные слова — формы изъявительного наклонения будущего времени, но означают они категорическое приказание (= «продай», «поставьте»).

2. В ряде случаев в значении повеления могут употребляться и формы прошедшего времени: «Поставили ноги на ширине плеч», «Нагнулись пониже». Вот особенно частотное: «Городничий. Да вы не извольте беспокоиться, он подождет. (Слуге.) Пошел вон, тебе пришлют» (Н.В.Гоголь. Ревизор). Смысловые эквиваленты: «поставьте», «нагнитесь», «поди».

3. Формы прошедшего времени иногда употребляются со значением сослагательного наклонения: «Вот бы здорово: он бы приехал, а я уже все вскопал!» Выделенная форма называет возможное действие (= «вскопал бы»).

Сослагательное наклонение

Сослагательное наклонение имеет аналитические формы, образуемые от основы инфинитива с помощью суффикса -л- и частицы бы.

В простом предложении (имеем в виду, что для реализации значения не нужна сложная конструкция) формы сослагательного наклонения передают следующие значения (иллюстрации данного раздела извлечены из «Белой гвардии» М.А.Булгакова):

1. Желание, не обращенное ко второму лицу, заключенное в зоне говорящего лица: «— Я б вашего гетмана, — кричал старший Турбин, — повесил бы первым! Полгода он издевался над всеми нами». Форма имеет смысл «хочу повесить».

2. Возможность действия: «Поймите, что здесь, в Городе, он набрал бы пятидесятитысячную армию, и какую армию! ...Все пошли бы с дороною душой». Формы имеют значение «может набрать», «могут пойти».

В сложноподчиненном предложении формы сослагательного наклонения передают условное действие, положение, когда одно действие является условием для совершения другого: «Тальбергу было бы хорошо, если бы все шло прямо, по одной определенной линии».

Переносно употребленные, формы сослагательного наклонения обозначают мягкое повеление, т.е. пожелание, обращенное к адресату: «Турбин неожиданно заглянул в дверь. Лицо его стало ядовитым. — Метелочку, Витя, рассматриваешь? Так. Красивая. А ты бы лучше шел своей дорогой, а?» Выделенная форма имеет значение «иди».

Такое значение повеления сохраняется и в изъяснительных придаточных: «Я попрошу Алексея, чтобы тебя не дали в обиду». Форма имеет значение «пустить не дадут».

Повелительное наклонение

Формы повелительного наклонения. Основной формой этого наклонения является второе лицо единственного и множественного числа, поскольку главное значение категории — пожелание, обращенное к адресату. Форма единственного числа образуется от основы настоящего — будущего простого времени с помощью суффиксов -й и -и- и нулевого оконча-

ния, для образования множественного числа используется окончание -те: **встань, бери, встаньте, берите.**

Первое лицо повелительного наклонения представлено формами совместного действия, передающими призыв к действию, в котором примет участие и говорящий. Единой формы для выражения данного смысла пока не выработано, и он передается так:

1. Используется форма, омонимичная первому лицу множественного числа настоящего и будущего времени: «Пойдем, Петька, поколотим его, — предложил обидевшийся Васька. — Ты один раз стукнешь да я один раз. Вдвоем мы справимся» (А.Гайдар. Дальние страны). Выделенные формы обозначают не будущие действия, а призыв к действию. Совершенно очевидно, что говорящий тоже собирается его совершать.

2. Омонимичность указанной формы устраняется двумя способами:

а) к ней прибавляется окончание -те. Вот несколько реплик из «Вишневого сада»: «Что ж? Пойдемте к реке», «Пойдемте, господа, пора», «Идемте, господа. Скоро ужинать». Эта экономная синтетическая форма выражения семантики совместного действия, однако, не закрепилась в языке и употребляется без окраски устарелости только от некоторых глаголов. Приведенные формы нейтральны, но мы не говорим «сделаемте», «скажемте», «почитаемте»;

б) второе средство устранения омонимичности — частица давай, давайте, она добавляется к формам, омонимичным будущему времени: «Давай ребятишкам из санок поезд сделаем, — неожиданно предложил Петька. — Я буду паровозом, ты — машинистом, а они — пассажирами» (А.Гайдар. Дальние страны).

3. Частица давай, давайте образует еще одну форму совместного действия, когда она соединяется с инфинитивом несовершенного вида: «Играть, давайте играть, — кричит король» (Е.Шварц. Золушка).

4. От некоторых глаголов образуется форма совместного действия, омонимичная прошедшему времени множественного числа: «Пошли в кино!»

Можно спросить, почему мы не говорим о переносном употреблении форм изъявительного наклонения во всех перечисленных случаях. Думается, что переносный характер употребления ощущается только на фоне нормы, стандартной формы выражения данного значения, откуда и экспрессивность переноса. Но стандартной формы совместного действия наш язык еще не имеет, поэтому употребления типа пошли, пойдем в кино воспринимаются нами как прямые обозначения призыва. Потому мы и говорим об омонимии форм, а не о переносном использовании форм изъявительного наклонения.

Третье лицо повелительного наклонения образуется с помощью частиц пусть, пускай, да в сочетании с формами третьего лица: пусть войдет, пускай читает, да здоровствует. Третья форма передачи повеления, обращенного к третьему лицу, является повышенной по стилистической окраске.

Частные значения форм повелительного наклонения. Общее значение повеления, обращенного к адресату, модифицируется в конкретных условиях употребления. Частные значения, возникающие в результате модификации, можно разделить на три группы: смягченное повеление, категорическое повеление, запрет.

1. Для передачи смягченного повеления используются разные средства. К их числу относится частица *-ка*, а также синтаксический способ — повтор сказуемого и употребление при нем подлежащего, выраженного местоимениями *ты*, *вы*. В «Арапе Петра Великого» есть такая сцена: к Гавриле Афанасьевичу приходит царь в качестве свата и застаёт у Ржевского гостей; видя, что гости поднялись из-за праздничного стола, царь говорит: «Что же? Я вам помешал. Вы обедали; прошу садиться опять, а мне, Гаврила Афанасьевич, дай-ка анисовой водки».

Представим, что Петр сказал: «А мне, Гаврила Афанасьевич, дай анисовой водки». Эту фразу можно произнести по-разному: резко, отрывисто, грубо, недовольно. Мягкое повеление можно в ней выразить только с помощью особой интонации. Если же употреблена частица *-ка*, понимание фразы однозначно: только как просьба, мягкое повеление. Учитывая цель визита, автор не мог, конечно, использовать высказывание, допускающее различное прочтение, ему нужна была конструкция, выражающая точный смысл смягченной просьбы, а такую однозначность создает частица *-ка*.

Два других средства, передающих смягчение повеления, рассмотрим на примере сцены из романа «Мастер и Маргарита»:

«— Я боюсь, — повторил мальчик и задрожал.

— Не бойся, не бойся, маленький, — сказала Маргарита, стараясь смягчить свой осипший на ветру, преступный голос, — это мальчишки стекла били.

— Из рогатки? — спросил мальчик, переставая дрожать.

— Из рогатки, из рогатки, — подтвердила Маргарита, — а ты спи!

<...> — Ты ложись, — приказала Маргарита, — подложи руку под щеку, а я тебе буду снится.

— Ну, снись, снись, — согласился мальчик и тотчас улегся и руку подложил под щеку».

И в этом случае местоимение *ты* и повторы употреблены для того, чтобы устранить возможность прочтения текста с какой-то иной интонацией, кроме интонации мягкого повеления и согласия. Рассмотрим каждый случай. Во фразе «Не бойся, не бойся» интонация регулируется не только повтором, но и семантикой обращения *маленький*, во фразе «Ты спи» интонация задается предшествующим повтором «из рогатки, из рогатки», хотя уже здесь можно представить окрашенность высказывания недовольством: «Из рогатки, из рогатки, спи». Поэтому местоимение и сопоставительный союз *а* уже выступают в своей конкретизирующей семантику наклонения функции. Еще более она ясна в случае «Ты ложись». Далее следует авторская ремарка «приказала», при которой легко вообразить тон

категорического приказания, если реплика свелась бы к форме «Ложись». Употребление местоимения четко указывает на нужное значение мягкого повеления. В реплике мальчика «Ну, снись, снись» повтор передает мягкое согласие. Если повтор снять: «Ну, снись», — возможно становится произнесение фразы с интонацией безразличия, равнодушного согласия. Конечно, тон разговора подсказывается читателю не одним приемом, а совокупностью их, однако способы смягчения повеления, неоднократно использованные автором в этой сцене, занимают в данной совокупности не последнее место.

2. Категорическое повеление — команда передается употреблением формы единственного числа второго лица по отношению к группе лиц. В «Белой гвардии» полковник Най-Турс обращается к юнкерам:

«Обернувшись к разбитому взводу лицом, он взвыл команду необычным, неслышанным картавым голосом. Николка суеверно подумал, что этаким голос слышен на десять верст и, уж наверно, по всему городу.

— Юнкегга! Слушай мою команду: сгывай погоны, кокагды, подсумки, бгосай огужие! По Фонагному пегеулку сквозными двогами на Газь-езжую! На Подол!! Гвите документы по догоге, пгячьтесь, гассыпньтесь, всех по догоге гоните с собо-о-ой!»

Начало речи, выполненное в форме единственного числа, передает категорическое приказание. Затем идут уточнения, советы, для чего использованы уже формы множественного числа.

3. При отрицании формы повелительного наклонения второго лица могут приобретать значения запрещения или предупреждения, т.е. модальные оценки, не отраженные в системе наклонений. При этом формы несовершенного вида передают запрет, а формы совершенного — предупреждение, предостережение: «Анюта, милая, — заговорила Елена, — смотри никому ни слова не говори, что Алексея Васильевича ранили. Если узнают, храни бог, что он против них воевал, будет беда» (М.Булгаков. Белая гвардия). В тексте запрет. Предостережение звучало бы так: «Смотри не скажи».

Запрет может быть выражен и по отношению к третьему лицу, причем для этого иногда используется форма второго лица. В пришвинской «Корабельной чаще» охотник Мануйло объясняет: «Наше знамя на росошине означает мою сторону, мой полуденный ветер. Знамя Волчий зуб означает: не ходи другой на мой ветер, на мой топор». Запрет этот можно было бы выразить и по-другому: «пусть никто не ходит на мой ветер».

Мы рассмотрели случаи, когда формы повелительного наклонения выражают частные оттенки повеления, при этом общее значение пожелания, обращенного к другому лицу, сохраняется. А сейчас переходим к переносному употреблению форм, когда смысл «пожелание, обращенное к другому» исчезает и появляется значение иной модальности.

Переносные употребления форм повелительного наклонения. Здесь выделяются две группы употреблений.

I. В первую группу входят те случаи, когда значение повеления исче-

зает и сменяется модальным значением, отраженным в системе наклонений, т.е. форма повелительного наклонения употребляется в значении изъявительного или сослагательного наклонения, что и выявляется с помощью синонимических замен.

1. Форма повелительного наклонения может означать совершившееся в прошлом действие, неожиданное, очень краткое или интенсивное. В «Коньке-горбунке» Иван рассказывает, как он оседлал дьявола: «Я шутить ведь не умею — и вскочи ему на шею». Здесь рисуется краткое интенсивное действие. А вот в рассказе доктора Астрова в пьесе «Дядя Ваня» передается неожиданность: «...Привезли с железной дороги стрелочника; положил я его на стол, чтобы операцию делать, а он возьми и умри у меня под клоуноформом».

2. В сложном предложении формы повелительного наклонения используются для обозначения реального условия — прямого или противоречащего — и, следовательно, синонимичны изъявительному наклонению: «Кажется, запой у него под самым ухом Патти, напади на Россию полчища китайцев, случись землетрясение, он не пошевелится ни одним членом и преспокойно будет смотреть прищуренным глазом в свой микроскоп» (А.П.Чехов. Скудная история). Возможна синонимическая замена «если у него над ухом запоем Патти, он не пошевелится», которая показывает, что будущее действие изображается как условие для другого действия, откуда и союз если.

Покажем противоречащее условие:

Но давно уж речь ведется,
Что лишь дурням клад дается,

Ты ж хоть лоб себе разбей,
Так не выбьешь двух рублей.

(П.Ершов. Конек-горбунек)

Синонимическая замена: «хоть лоб разобьешь, а двух рублей не выбьешь» — показывает, что форма повелительного наклонения имеет значение изъявительного, союз хоть передает значение уступительности — противоречащего условия, наличие которого не обеспечивает осуществления другого действия (лоб разбит — а денег нет).

3. В сложном предложении формы повелительного наклонения могут быть употреблены в значении сослагательного, передавая гипотетическое условие:

«...Этим словом „несчастные“ народ как бы говорит „несчастливым“: „Вы согрешили и страдаете, но и мы ведь грешны. Будь мы на вашем месте — может, и хуже бы сделали. Будь мы получше сами, может, и вы не сидели бы по острогам. С возмездием за преступления ваши вы приняли тяготу и за всеобщее беззаконие. Помолитесь об нас, и мы об вас помолимся“» (Ф.М.Достоевский. Дневник писателя 1873 г.). Синонимическая замена: «если бы мы были на вашем месте, может, и хуже бы сделали»:

II. Второй тип переносов — это употребление форм повелительного

наклонения без значения повеления, обращенного к другому лицу, и со значением модальности, не отраженной в системе глагольных наклонений.

1. Говорящий употребляет форму второго лица единственного числа повелительного наклонения для передачи такого значения: «я должен сделать так», «он должен сделать так». Значение повеления устраняется, и возникает семантика долженствования, не передаваемая в системе наклонений особой формой: «Ночью профессор читает и пишет, и вдруг часу во втором звонок... Что такое, батюшки? Чаю! Буди для него народ, ставь самовар... Порядки!» (А.П.Чехов. Дядя Ваня). Синонимическое соответствие — «я должен будить, ставить». Рисуеться обязанность, а не повеление.

2. Формы повелительного наклонения передают значение бесполезности, ненужности действия, снова обратим внимание на то, что у нас нет специального наклонения для выражения такой модальности. В повести Л.Кассиля «Дорогие мои мальчишки» Капка, главный герой, ведет разговор с маленькой сестренкой:

— Вот у нас сегодня в инструментальном номер был! Есть один, Терентьев фамилия. Мишка. Двадцать седьмого года рождения.

— Ой, двадцать уже седьмого? — восторгалась Нюшка.

— Да... Шестнадцатый пошел. И вот он вчера, понимаешь, четыре с половиной нормы выгнал.

— А!.. с половиной! — умилялась маленькая.

— Ну что, я врать буду?

— А откуда он выгнал? — осмелев, решила наконец спросить ничего не понимавшая, но жадно слушавшая брата Нюшка.

— Э, рассказывай тебе! — махнул рукой Капка. — Иди спать лучше».

Ситуация хорошо показывает, как родилось это восклицание «Э, рассказывай тебе». Оно позволило герою выразить осознание бесполезности своего действия. Сравним несколько иной оттенок в сцене из романа Б.Пастернака «Доктор Живаго»:

«Разогнавшиеся сани скатывались боком с горбатой, заплесканной водою и обледелой мостовой и наезжали на тротуары, стучаясь санными отводами о фонари и тумбы. ... Глафира Тунцева прокричала через всю улицу с противоположного тротуара:

— А говорили, вы вчера уехали. Вот и верь после этого людям. За картошкой? — и, выразив рукою, что она не слышит ответа, она помахала ею вслеп напутственно».

Форма верь передает смысл «не надо верить», оценивает действие как ненужное.

3. В «Комсомольской правде» за 2 марта 1989 года под рубрикой «Каждый день на этом месте» была помещена статья «Хоть не женись...» В ней рассказывалось о том, что отмена компенсации за удорожание обручальных колец отрицательно сказалась на материальном положении большей части молодых семей. В заголовке, как видим, употреблена форма повелительного наклонения. Но здесь явно нет повеления «Не женись!» Каков

же смысл высказывания? Оборотами «хоть плачь», «хоть вешайся» (ср. у Э.Кроткого: «Пуговица жаловалась: — Хоть в петлю полезай») мы передаем такое значение: «данное действие является единственным выходом из сложившейся ситуации». Значит, заголовок надо понимать так: «Создалось положение, из которого пока не видно никакого выхода. Может, не жениться?» Совершенно очевидно, что эти выражения часто имеют ироническую окраску.

ЛИТЕРАТУРА

Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. Л.: Просвещение, 1967.

§ 4. Категория времени

Категория времени — предикативная категория глагола, в которой отражается отношение действия к одному из элементов ситуации общения, а именно к моменту речи. Если указывается, что действие произошло до момента речи, образуется прошедшее время, если действие произойдет после момента речи, образуется будущее время, если действие включает в себя момент речи, образуется настоящее время.

Напомним, что временем обладают только формы изъявительного наклонения. Как же эти формы образуются? Настоящее время образуется от глаголов несовершенного вида, для чего к основе добавляются личные окончания единственного и множественного числа: работай-у, работай-эшь. Формы прошедшего времени образуются от основы инфинитива с помощью суффикса -л-, реже -ѣ-, и родо-числовых окончаний: работа-л-ѣ. Формы будущего времени в совершенном виде простые, образуются от основы будущего времени с помощью личных окончаний: сделай-ут. В несовершенном виде формы аналитические, они состоят из вспомогательного глагола быть и инфинитива спрягаемого глагола: буду жить. Переходим к анализу значений временных глагольных форм.

Настоящее время

Основное значение форм настоящего времени — совпадение действия с моментом речи.

Частные значения форм. Эти значения различаются в зависимости от того, изображается ли действие существующим в данный момент речи, или, напротив, оно характеризуется как необязательно наличествующее в момент говорения о нем. В первом случае мы имеем настоящее актуальное, во втором — настоящее неактуальное.

А. Настоящее актуальное обозначает действия различной длительности, которые условно делятся на три группы.

1. В книге Н.Носова «Повесть о моем друге Игоре» передается такой диалог:

«Игору звонит по телефону его двоюродный брат Саша.

С а ш а . Здравствуй, Игорь!

И г о р ь . Здравствуй.

С а ш а . Ты что делаешь?

И г о р ь . Что делаю? Возле телефона стою».

Комический эффект возникает здесь потому, что Игорь воспринимает вопрос «Ты что делаешь?» буквально, как вопрос о действии в данный момент речи, и называет действие, равное по длительности моменту речи: говорю = стою. Таким образом, первая разновидность настоящего актуального — это настоящее момента речи, обозначающее действие, длительность которого примерно совпадает с этим моментом.

2. Возвращаясь к приведенному диалогу, подумаем, какое понимание вопроса было бы правильным. Вопрос «Ты что делаешь?» означает: «Чем ты занимался до момента речи и будешь заниматься после?», т.е. каким действием занят некий отрезок времени, в который вошел и данный момент речи. Тогда правильный ответ был бы таким: «Я играю», «Я рисую», «Я собираюсь на прогулку». Второе значение настоящего актуального — это настоящее отрезка времени. Ср.: «— Чиклин, что же ты так молча живешь? Ты бы сказал или сделал мне что-нибудь для радости!» (А.Платонов. Котлован). Форма живешь означает отрезок времени, занятый действием и включающий в себя данный момент речи.

3. Наконец, выделяется так называемое настоящее постоянное, означающее действие, совпадающее с любым моментом речи: «В межзвездном пространстве носятся осколки планет, нерожденных или погибших миров» (А.Н.Толстой. Аэлита). Действие, обозначенное формой носятся, имсет место в любой момент речи, когда бы о нем ни заговорили.

Б. Настоящее неактуальное называет действия, которые только могут происходить в данный момент речи, но реально могут и отсутствовать.

1. Рассмотрим отрывок из поэмы А.Блока «Соловьиный сад»:

Каждый вечер в закатном тумане
Прохожу мимо этих ворот,

И она меня, легкая, манит
И круженьем, и пеньем зовет.

Выделенные формы обозначают периодически повторяющиеся действия, что передано и лексически — «каждый вечер». Значит, эти действия совпадут не с любым моментом речи. Представим, что лирический герой поэмы думает об этом днем. Ясно, что в данный момент речи действия отсутствуют. Итак, перед нами особый оттенок значения форм настоящего времени — периодически повторяющееся действие.

2. Второе значение настоящего неактуального покажем на примере эпиграммы Д.Минаева «Опровержение»:

Чтоб утонуть в реке, в нем сердце слишком робко,
К тому же, господа, в воде не тонет пробка.

Формой тонет обозначено не конкретное, совершающееся сейчас или в иной момент действие, а признак предмета, способность пробки не тонуть, хотя в момент речи в ситуации нет ни воды, ни пробки, ни действия тонуть.

Переносные употребления форм настоящего времени. В ряде употреблений формы настоящего времени передают значения других времен — прошедшего и будущего.

А. Рассказывая о прошлом событии, мы можем переходить на настоящее в целях образительности, наглядного изложения происшедшего. Вот отрывок из рассказа Д.В.Григоровича «Деревня»:

«В длинные зимние вечера изба скотницы Домны, как почетной гражданки села, наполнялась соседками и кумушками, заходившими покататься о том, о сем, о делах того или другого. ...Сначала все сидят молча — никто не решается перекинуться словом. В избе стихнет. Веретена гудят, трещит лучина, сверчок скрипит за подполищью, или тишина прерывается плачем которого-нибудь из малолетних ребят скотницы, проснувшегося внезапно на полатах от тяжкого сновидения».

Форма наполнялась указывает, что повествуется о прошлых действиях, поэтому и выделенные глаголы тоже называют действия, которые совершались до момента речи. Настоящее время здесь — лишь средство приблизить картину прошлого к читателю, сделать изображение нагляднее, живее, представимее. Это значение называется настоящим живописным, или настоящим историческим.

Б. Формы настоящего времени употребляются для обозначения будущих действий, в которых говорящий уверен или которые он воображает.

1. Герой рассказа В.Шукшина «Страдания молодого Ваганова» получает письмо от девушки, которую он любил. Майя пишет, что в отпуск хочет поехать по стране и заехать к нему в гости. Возмущенный Ваганов размышляет: «Неужели же она моей будет? Ведь не страну же она, в самом деле, едет повидать, нет же. Нужна ей эта страна, как...» Мы видим: будущее путешествие Майи обозначено формой настоящего времени, модальность уверенности окрашивает все высказывание: герой уверен, что Майя едет к нему, а не страну повидать.

2. В рассказе М.Булгакова «Пропавший глаз» есть воображаемый эпизод, полностью выполненный в формах настоящего времени:

«Нелепые картины рисовались мне. Вот солдата начинает трясти. Сперва он ходит, рассказывает про Керенского и фронт, потом становится тише. Ему уже не до Керенского. Солдат лежит на ситцевой подушке и бредит. У него — 40°. Вся деревня навещает солдата. А затем солдат лежит на столе под образами с заострившимся носом. В деревне начинаются персуды. „С чего бы это?“ „Дохтур зуб ему вытаскал...“ „Вот оно што...“ Дальше — больше. Следствие. Приезжает суровый человек: „Вы рвали зуб солдату?...“ — „Да... я“. Солдата выкапывают. Суд. Позор. Я — причина смерти. И вот я уже не врач, а несчастный, выброшенный за борт человек, вернее, бывший человек».

Назначение форм настоящего времени здесь то же, что и у настоящего исторического, — сделать воображаемое событие наглядным, зримым, как бы совершающимся на глазах говорящего и адресата. В данном случае налицо и характерологическая функция: читателю нетрудно представить себе состояние человека, которого мучают такие картины.

Прошедшее время

Основное значение форм прошедшего времени — это отнесенность действия к отрезку времени до момента речи.

Частные значения форм прошедшего времени. Различаются они в зависимости от вида глагола.

А. Значения форм несовершенного вида:

1. Формы прошедшего времени несовершенного вида часто обозначают неоконченное единичное или повторяющееся действие в прошлом. Ср.: 1) «Владимир молча ходил по ковру, и свежесть провинциальной ночи понемногу просветляла его сознание» (А.В. Чаянов. История парикмахерской куклы, или Последняя любовь московского архитектора М.). Формы обозначают единичные незавершенные действия в прошлом; 2) «Французы смеялись и рассчитывали, и государство распадалось под игривые припевы сатирических водевилей» (А.С. Пушкин. Арап Петра Великого). Формы указывают на длительные незавершенные действия в прошлом; 3) «Память ему не изменяла, но он изменял ей всегда, когда находил это удобным» (Э. Кроткий. Отрывки из ненаписанного). Формы обозначают повторяющиеся действия в прошлом. Данное значение называется имперфектным.

2. Формы прошедшего времени от так называемых многократных глаголов (живать,говаривать) и частица бывало при формах прошедшего несовершенного передают подчеркнутую повторяемость действия в прошлом, отдаленность которого говорящий также акцентирует. Это значение называют давнопрошедшим: «В е р ш и н и н . Одно время я жил на Немецкой улице. С Немецкой улицы я хаживал в Красные казармы. Там по пути угрюмый мост, под мостом вода шумит. Одинокому становится грустно на душе» (А.П. Чехов. Три сестры).

Вряд ли Чехов случайно заставил своего героя употребить эту форму. Герои только что выяснили (это первая встреча Вершинина с сестрами), что они из Москвы, которую давно покинули. Подчеркивание этой давности пронизывает весь разговор, поэтому употребление данной формы вполне закономерно.

Частица бывало передает тот же оттенок подчеркнутой давности и повторяемости. У А. Блока в «Двенадцати» читаем:

А вон и долгополый —
Сторонкой — за сугроб...
Что нынче невеселый,
Товарищ поп?

Помнишь, как бывало
Брюхом шел вперед,
И крестом сияло
Брюхо на народ?

Б. Значения форм совершенного вида:

1. Формы совершенного вида часто называют действие, которое завершилось в прошлом и уже никак не связано с настоящим: «Жачев не развернул своего свертка, а съел общую кашу, пользуясь ею и для сытости и для подтверждения своего равенства с двумя евскими людьми» (А.Платонов. Котлован). Здесь обозначены законченные и полностью остающиеся в прошлом действия. Это значение называется аористическим.

2. Формы совершенного вида нередко обозначают действие, которое завершилось в прошлом, но оставило результат в более позднем временном плане: «Он до того углубился в себя и уединился от всех, что боялся даже всякой встречи, не только встречи с хозяйкой. Он был задавлен бедностью; но даже стесненное положение перестало в последнее время тяготить его. Насущными делами своими он совсем перестал и не хотел заниматься» (Ф.М.Достоевский. Преступление и наказание). Выделенные формы передают состояние, в котором находится герой, хотя сами они обозначают завершённое действие в прошлом. Состояние героя является результатом данных действий и сохраняется в течение описываемого периода. Это перфектное значение.

3. Частица было при форме совершенного вида создает значение прерванности действия: «Он приставил [пистолет] к виску, замаялся было, но как только вспомнил Степаниду, решение не видеть, борьбу, соблазн, падение, опять борьбу, так вздрогнул от ужаса. „Нет, лучше это“. И пожал гашетку» (Л.Н.Толстой. Дьявол). Действие замаяться прервано другим действием — вспомнить.

Переносное употребление форм прошедшего времени. Формы прошедшего времени редко используются переносно. У отдельных глаголов они могут обозначать будущее действие:

«Голос Зои, явственный, но неживой, точно с другой планеты, повторял по-русски:

— Гарин, мы погибли... Гарин, мы погибли... На острове восстание. Большой гиперболоид захвачен» (А.Н.Толстой. Гиперболоид инженера Гарина).

Столь же редко наблюдается употребление форм прошедшего времени в значении настоящего неактуального: «По детскому воспоминанию, он знал, что после долгой разлуки странно и грустно видеть знакомое место: ты еще с ним связан сердцем, а неподвижные предметы тебя уже забыли и не узнают, точно они прожили без тебя деятельную, разнообразную жизнь, а ты был одинок в своем чувстве и теперь стоишь перед ними незнакомым существом» (А.Платонов. Счастье вблизи человека). Нарисована повторяющаяся ситуация, причем повторяющаяся периодически, а не в прошлом: предметы забывают тебя и не узнают, точно они проживают без тебя разнообразную жизнь, а ты одинок в своем чувстве и стоишь перед ними незнакомым существом. Формы прошедшего времени в этом повествовании служат для более отчетливой передачи последовательности действий в возможной ситуации, а не для изображения прошлых действий.

Основное значение будущего времени — отнесенность действия к отрезку времени после момента речи.

Частные значения форм будущего времени. Они также различаются по видам.

А. Будущее время несовершенного вида отражает действия разной длительности, повторяющиеся или единичные, целиком относящиеся к периоду после момента речи: «П о п о в а (входит с пистолетами). Вот они, пистолеты... Но, прежде чем будем драться, вы извольте показать мне, как нужно стрелять... Я ни разу в жизни не держала в руках пистолета» (А.П.Чехов. Медведь). В тексте фиксируется единичное действие, которое должно совершиться после момента речи героини.

Б. Будущее совершенного вида обозначает завершённое действие. При этом после момента речи может мыслиться все действие целиком или же только его результат, в то время как само действие уже имеет место в момент речи.

1. «Когда я приеду, я увижу вас, тогда я стану этим крестным отцом вашего ребенка... И вы правы — там видно будет» (А.Платонов. Счастье вблизи человека). В момент речи героя нет действий приехать, увидеть, стать, они целиком отнесены к периоду после момента речи.

2. А вот сцена из романа И.А.Гончарова «Обыкновенная история». Из реплик героев видно, что одно из действий происходило до момента речи, некоторое время протекало в момент речи и лишь результат его отнесен к периоду после обмена репликами:

« — Что это вы читаете, дядюшка? — сказал он [Адуев] в испуге.

— А вот тут лежало письмо, к другу, должно быть. Извини, мне хотелось взглянуть, как ты пишешь.

— И вы прочитали его?

— Да, почти — вот только две строки осталось, — сейчас дочитаю; а что? ведь тут секретов нет, иначе бы оно не валялось так».

Переносные употребления форм будущего времени. Формы будущего несовершенного вида, редко употребляемые переносно, обозначают настоящее неактуальное, повторяющееся или признаковое, как в следующем примере: «Купцы наши — чистые варвары... Первым делом ему нужно гнилой товар продать, — три года будет врать, божиться, плакать — подсовывать гнилье, покуда и свежее у него не сгниет» (А.Н.Толстой. Петр Первый).

Формы будущего совершенного вида, напротив, часто используются в переносном значении настоящего или прошедшего времени.

А. Простые формы будущего времени обозначают действия в настоящем времени двух типов:

1. «Мы, зимние месяцы, ее хорошо знаем. То у проруби ее встретишь, то в лесу с вязанкой дров. И всегда она веселая, приветливая, идет себе — поет. А нынче приуныла» (С.Я.Маршак. Двенадцать месяцев). Форма встретишь синонимична настоящему неактуальному повторяющемуся «встречаешь», сравним в этом же контексте формы идет, поет с определением всегда.

2. «Вот так чудо — вот тебе и немец! Играет наше, русское. И раненые, гляди ты, притихли, ни один не вякнет ни слова — слушают» (В.Быков. Мертвым не больно). Простые формы с отрицанием могут передавать отсутствие действия в настоящем. Ср. здесь: рисуются действия в момент речи — играет, слушают, совершенное притихли передает состояние как результат завершенного действия. На этом фоне не вякнет означает «не вякает».

Б. Простые формы будущего времени используются для переносного обозначения прошлых действий трех типов:

1. «Р а с п л ю е в . Богопротивнейшая вот этакая рожа. (Показывает боготпротивнейшую рожу.) Ведь и не играл... Как потянется из-за стола, рукава заправил. „Дайте-ка, говорит, я его боксом“. Кулачище вот такой! (Показывает, какой кулак.) Как резнет! Фу ты, господи!...» (А.В.Сухо-Кобылин. Свадьба Кречинского). Выделенные формы обозначают интенсивные однократные действия в прошлом.

2. Обозначение повторяющихся в прошлом действий: «Иногда удавалось Акулине вырваться под каким-нибудь предлогом на минуту из дому; не радуется, бывало, своему счастью, не утерпит — выбежит за ворота, и грусть как бы исчезнет, и тоска сойдет с сердца» (Д.В.Григорovich. Деревня). Форма удавалось указывает на то, что рисуются прошлые действия, а обстоятельство иногда подчеркивает повторяемость их, и эти прошлые повторяющиеся действия обозначены формами будущего времени совершенного вида.

3. Для иллюстрации третьего переносного употребления нам придется привести большой (хотя и с сокращениями) отрывок из романа А.Иванова «Вечный зов»:

«Пули вокруг взрывали землю, трескали о броню танка, и Семен даже слышал, как некоторые рикошетили и с пронзительным визгом разлетались в стороны. Было только странно, что ни одна из них не задела еще ни дядю Ивана, ни Алифанова, ни его самого. И еще мелькнуло в мыслях у Семена, что судьба у него пока счастливая, — радуйся, Наташка... Только бы вот из этого пекла выбраться!

... Что ж, из этого пекла Семен и Иван Савельевич выберутся живыми и невредимыми, сейчас, когда немцы поднимутся для броска и в эту секунду немного ослабнет их огонь, Алифанов яростно прокричит: «Дав-ва-ай!» Он, Семен и дядя Иван начнут палить из автоматов, немцы опять залягут. В это время Алифанов и дядя Иван бросят по одной гранате. Немцев они не достигнут, но на несколько мгновений ослепят их, и этих мгновений будет достаточно, чтобы всем троим юркнуть за горящий танк. ...Семен еще раз подумает, ощущая радостный холодок, что судьба у него счастливая. Откуда же ему было знать, что он еще не раз позавидует и сгоревшим в танке Дедюхину и Вахромееву, и погибшему от шальной пули Алифанову.

... Немцы поднялись кучками все враз, Алифанов повернул к Семену перекошенное в крике лицо, одновременно махнул пистолетом:

— Дав-ва-ай!»

Как видим, автор начинает вести изложение прошлых событий в формах прошедшего времени — взрывали, слышал. Потом ход боя описыва-

ется в формах будущего времени, за счет чего разводятся позиция героя, знающего только текущую минуту, и позиция повествователя, знающего то, что для героя скрыто в будущем: выберутся, подумает, затем еще более позднее действие позавидует. Такой прием заглядывания в будущее героев называется проспекцией. После проспекции повествователь возвращается к прежним формам прошедшего времени, и возврат этот отмечен почторм детали, выполненной в разных временах: Алифанов прокричит — Алифанов повернул лицо. Таким образом, формами будущего времени обозначены прошлые действия, последующие по отношению к другим действиям в прошлом же. Поскольку это употребление обнажает процесс рассказывания, значение называется будущим эпическим.

Относительный счет времени

До сих пор мы рассматривали времена, которые отсчитывались от момента речи. Этот счет называется абсолютным. Второй точкой отсчета для времени глагола может стать время другого действия. Это относительные времена, наблюдаемые в придаточных предложениях, время которых нередко бывает привязано к времени ситуации, отраженной в главном предложении. Рассмотрим два предложения: 1) «Травкин с наслаждением смотрел, как он медленно ест — с чувством, но без жадности, с милой сердцу деревенской учтивостью» (Э.Казакевич. Звезда); 2) «Но он все ждал: вот пришлют человека узнать, что с ним?» (И.А.Гончаров. Обыкновенная история). Формы смотрел и ждал в главных предложениях указывают на то, что события происходят в прошлом (имперфектное значение — самый яркий показатель такой отнесенности). Форма настоящего времени ест передает одновременность этого действия с действием смотрел, а так как последнее относится к прошлому, то и действие ест тоже оказывается по отношению к прошлому. Легко проверить, что это не переносное употребление, а именно относительный счет: «Травкин смотрит, как он ест» — одновременность в настоящем; «Травкин будет смотреть, как он ест» — одновременность в будущем. Форма пришлют обозначила действие, последующее по отношению к действию ждал, а поскольку последнее является незаконченным прошлым действием, пришлют тоже относится к периоду до момента речи. Ср.: «ждет, когда пришлют» — последующее по отношению к настоящему; «будет ждать, когда пришлют» — последующее по отношению к будущему.

Организация времен в тексте

Рассмотрим басню Л.Н.Толстого «Кошка и лисица»:

«Разговорились кошка с лисицей, как от собак отделяваться. Кошка говорит:

— Я собак не боюсь, потому что у меня от них одна уловка есть.

А лисица говорит:

— Как можно с одной уловкой отделаться от собак? У меня так семьдесят семь уловок и семьдесят семь уверток есть.

Пока они говорили, наехали охотники и набежали собаки. У кошки одна уловка: она вскочила на дерево, и собаки не поймали ее; а лисица начала свои увертки делать, да не увернулась, и собаки поймали ее.

В тексте есть авторская речь и речь двух героев. В каждом виде речи времена отсчитываются от момента речи говорящего. В приведенном тексте три говорящих и три точки отсчета для времен.

Первый говорящий — автор, по отношению к его моменту речи даны времена: разговорились, говорит, говорили, наехали, набежали, вскочила, не поймали, начала, не увернулась, поймали. Рисует событие в прошлом, обозначено длительное действие незаконченное, относящееся к прошлому, — говорили, это форма в имперфектном значении. Фиксируется прошлое завершённое действие, оставившее результат в более позднем временном плане, — разговорились (перфектное значение). В последнем абзаце изображены сменяющие друг друга законченные действия в прошлом (аористическое значение), что типично для повествования. Итак, авторская речь рисует прошлые события. Что же означают в ней две формы говорит? Это настоящее историческое, синонимическое соответствие: «кошка сказала», «лисица сказала». Настоящее время употреблено переносно, диалог героев приближен к читателю.

Второй говорящий — кошка. По отношению к ее моменту речи введены действия боюсь, есть. Это настоящее время в прямом значении. Первое — настоящее признаковое, второе — настоящее отрезка времени.

Третий говорящий — лисица. В ее речи употреблен глагол есть, настоящее отрезка времени.

Обратим внимание, что в речи героев формы настоящего времени имеют прямые значения, ведь они не связаны с авторским моментом речи, у них свой, вполне самостоятельный счет. Итак, при анализе времен в тексте важно помнить, что их прямые или переносные значения определяются по отношению к разным моментам речи, для чего и необходимо различать авторскую речь и речь героев.

Есть, однако, художественный прием, при котором время глагола отсчитывается одновременно от двух моментов речи. Это несобственно-прямая речь. Вот отрывок из рассказа В. Шукшина «Страдания молодого Ваганова». Мы помним, что герой получил письмо от девушки, которую любил в студенческие годы. Сейчас он пишет ей письмо:

«Ваганов долго сидел неподвижно за столом... Он не шутя страдал. Он опять придвинул к себе лист бумаги, посидел еще... Нет, не поднимается рука писать, нету в душе желанной свободы. Нет уверенности, что это не глупость, а есть там, тоже, наверно, врожденная, трусость: как бы чего не вышло! Вот же куда все уперлось, если уж честно-то, если уж трезво-то. „Плсбей, сын плсбея! Ну, ошибись, наломай дров...“»

Возможно ли, чтобы кавычки, выделяющие речь героя, были поставлены раньше: «Нет, не поднимается рука писать...»? Вполне. А возможно ли, чтобы авторская речь продолжалась так: «Он придвинул к себе лист, посидел еще. Нет, не поднималась рука писать, не было в душе желанной свободы»? Да, и это возможно. В чем же дело? А в том, что, начиная со слов «Нет, не поднимается рука писать», использована несобственно-прямая речь — авторская по форме и чужая по содержанию. Авторской она является лишь потому, что не выделена кавычками, а чужой она является по всему своему строю, по чувствам и мыслям, в ней воплощенным. Как же ведут себя в такой речи глагольные времена? Обратим внимание на формы настоящего времени. Для автора формы не поднимается, есть — это настоящее историческое, недаром, устранив прием, мы заменили их формами прошедшего времени. Но для героя эти формы обозначают его сиюминутное состояние, для него это настоящее момента речи. Таким образом, перед нами двузначные формы, действие, которое ими обозначено, связано с двумя моментами речи, поэтому по отношению к одному моменту речи возникает прямое, а по отношению к другому моменту речи переносное значение одной и той же глагольной формы.

Глагольные времена в текстах разных функциональных стилей

Отметим наиболее яркие особенности употребления глагольного времени в текстах разных стилей.

Официально-деловой текст не использует переносные употребления. В констатирующей части текста употребительны прошедшее с перфектным значением и настоящее в различных значениях. Например, в резолюции XIX Всесоюзной конференции КПСС «О некоторых неотложных мерах по практическому осуществлению реформы политической системы страны» наблюдаем такое употребление:

«XIX Всесоюзная партийная конференция широко обсудила и приняла крупные решения по углублению перестройки»; «Конференция считает необходимым...»; «Демократизация и гласность коренным образом изменили идейно-политическую и общественную атмосферу».

В постановляющих частях формы настоящего времени изъяснительного наклонения могут приобретать значение долженствования. В том же документе: «Особую ответственность перед обществом комсомол несет за свою работу в пионерском движении — этой первоначальной школе гражданственности и нравственности». Форма имеет значение «обязан нести».

В научных текстах весьма употребительны формы настоящего признакового: «Глагол конструирует глагольное предложение, является в нем носителем и выразителем модальности, времени и лица, т.е. предикативности предложения»; «Формы на -л несовершенного вида обозначают такое прошедшее действие (или состояние), которое не ограничено каким-либо пределом» (Е.Н. Прокопович. Глагол в предложении). Это настоящее

признаковое настолько характерно для научного стиля, что появляется даже там, где, по логике вещей, ожидалось бы прошедшее, ср. в той же работе: «Д.Н.Овсяннико-Куликовский определяет сказуемость так...»; «А.М.Пешковский относится к предложению как к простой сумме слов». Речь идет об ученых прошлого, которые сказуемость определяли и к предложению относились. Однако для научного изложения взгляды ученых на явление — это признак данных исследователей, а признак передается формами настоящего времени.

В газетно-публицистическом стиле жанр репортажа выработал особое значение форм настоящего времени — настоящее репортажное, передающее такой смысл: описываемое действие происходит в момент рассказа о нем, говорящий наблюдает или участвует и рассказывает. Если в тексте дается сигнал того, что событие происходит в прошлом, возникает обычное настоящее историческое. Если же такого сигнала нет и используются средства, подчеркивающие значение «сейчас, здесь, на ваших глазах», возникает настоящее репортажное, особое значение форм, имитирующих сиюминутность действия. Вот несколько фрагментов из репортажа Э.Церковера «Мы поднимаем корабли»:

«„Водолаз-1“ выпускает мою руку и начинает ворочать какую-то черную железную штуку. На несколько мгновений остаюсь в неприятном одиночестве. Воздух, который непрерывно подается сверху по шлангу, раздувает мой скафандр, грозя вытолкнуть, как пробку, на поверхность. Нажимаю затылком кнопку клапана; воздух с рокотом уходит из шлема, резиновая рубаша опадает, вода сжимает грудь. „Водолаз-2“, как чувствуете себя, почему молчите?» — спрашивает подле моего подбородка мембрана телефона голосом водолазного старшины Владимира Горшкова. Беспокоятся. Представляю встревоженные глаза молодого доктора отряда Игоря Солдатов... „Водолаз-2“, наверх!» По ходовому тросу подтягиваюсь к трапу, выбираюсь из воды. Тяжел скафандр. С шутками меня освобождают от свинцовой, медной, резиновой, меховой и шерстяной одежды».

Создается впечатление, что репортер совершает действия (остаюсь, нажимаю и др.) или наблюдает их (выпускает, начинает и др.) и одновременно рассказывает о них. Это и есть эффект присутствия, который выделяет репортажное изложение из всех других разновидностей изобразительного изложения. Это не просто красочность, детальность, наглядность, а впечатление сиюминутности происходящего.

Из других газетных жанров можно отметить заметку, в зачине которой употребительны формы прошедшего совершенного с совершенным значением, и статью, для которой характерны формы настоящего неактуально-признакового.

В художественном стиле, в эпической прозе, безусловно, преобладает прошедшее. Ведется ли повествование в третьем или в первом лице, чаще всего оно представляет собой рассказ о прошлых событиях, для передачи которых используются формы имперфекта и аористические, а для нагляд-

ности изложения вводится настоящее историческое. Типичное сочетание времен в эпической прозе: исходное и обычное положение дел — имперфект, развитие действия — аористические и перфектные формы, живописное повествование — настоящее историческое и будущее в значении прошлых повторяющихся действий, сентенции — настоящее неактуальное или постоянное. Проиллюстрируем это сочетание фрагментами романа «Обломов». Исходное положение дел — начало романа:

«В Гороховой улице, в одном из больших домов, народонаселения которого стало бы на целый уездный город, лежал утром в постели, на своей квартире, Илья Ильич Обломов. Это был человек лет тридцати двух-трех от роду, среднего роста, приятной наружности. <...> Мысль гуляла вольной птицей полицу, порхала в глазах, садилась на полуотворенные губы, пряталась в складках лба, потом совсем пропадала, и тогда во всем лице теплился ровный свет беспечности».

Эпизод — начинается некоторое событие, имперфектные формы сменяются аористическими и перфектными: «Вошел молодой человек... „А, Волков, здравствуйте!“ — сказал Илья Ильич. <...> Он пошел и вернулся. „Видели это?“ — спросил он, показывая руку как вылитую в перчатке. „Что это такое?“ — спросил Обломов в недоумении».

Как мы помним, в романе есть весьма обширное отступление в прошлое (ретроспекция) под названием «Сон Обломова». Здесь рассказывается о детстве Ильи Ильича. Это отступление выделено из основного повествования не только содержательно, но и стилистически: в нем активно используются настоящее историческое и будущее со значением повторения действия в прошлом, т.е. переносные значения форм: «Иногда придет какая-нибудь Наталья Фадеевна гостить на неделю, на две»; «Но угар случался частенько. Тогда все валяются вповалку по постелям; слышится оханье, стоны; один обложит голову огурцами и повяжется полотенцем; другой положит клюквы в уши и нюхает хрен, третий в одной рубашке уйдет на мороз, четвертый просто валяется без чувств на полу».

Сентенции, обобщения, которыми прерывается рассказ о событии: «Многие запинаятся на добром слове, рдея от стыда, и смело, громко произносят легкомысленное слово, не подозревая, что оно тоже, к несчастью, не пропадает даром, оставляя длинный след зла, иногда неистребимого».

В драмах и сценариях используется настоящее время, называющееся действия, как будто совершающиеся на глазах читателя, с их помощью динамически рисуется сцена, кадр. Вот два отрывка: начало пьесы А.П.Чехова «Иванов» и начало сценария «Покаяние» (Н.Джанелидзе, Т.Абуладзе, Р.Квесселава).

1. «Иванов и Боркин».

Иванов сидит за столом и читает книгу. Боркин в больших сапогах с ружьем показывается в глубине сада; он навеселе; увидев Иванова, на цыпочках идет к нему и, поравнявшись с ним, прицеливается в его лицо.

Иванов (увидев Боркина, вздрагивает и вскакивает). Миша, бог знает что... вы меня испугали... Я и так расстроен, а вы еще с глупыми шутками... (Садится). Испугал и радуется...

Боркин (хохочет). Ну, ну... виноват, виноват. (Садится рядом.) Не буду больше, не буду...»

2. «Старый уголок провинциального города. Откуда-то доносятся нежные звуки гитары — играют старинный вальс. По мостовой проезжает, нарушая тишину, фэзтон, запряженный четверкой лошадей, и останавливается у маленького домика. Из фэзтона выходит молодая красивая женщина в роскошном парчовом платье, изящно вспархивает на специально установленный стульчик и стучит в окошко».

Выделенными глаголами передается то, что читатель должен представить, актеры изобразить, а зритель — увидеть на сцене или на экране. Сценическое и сценарное настоящее похоже на репортажное, с той разницей, что нет наблюдателя или участника события, введенного в текст в форме «я». Цель всех трех употреблений настоящего — имитировать ситуативность действий, развертывающихся как бы на глазах читателей.

Лирическое стихотворение раскрывает состояние лирического героя, поэтому основное время лирического текста — настоящее. Вот стихотворение А. Блока:

Та жизнь прошла	И выпал снег.
И сердце спит,	И не прогнать
Утомлено.	Мне зимних чар...
И ночь опять пришла,	И не вернуть тех нег,
Бесстрашная — глядит	И странно вспоминать,
В мое окно.	Что был пожар.

Формы спит, глядит прямо указывают на настоящее актуальное момента речи. Формы прошедшего совершенного прошла, пришла, выпал имеют перфектное значение и рисуют наличие результата прошлых действий в момент речи, поэтому впечатление того, что передается состояние лирического героя в настоящем, сохраняется. Форма был рисует прошлое событие — «был пожар», — но воспоминание о нем налицо сейчас, оно и определяет переживания героя, является движущей силой психологического сюжета, поэтому тоже включено в настоящее время лирического героя.

Для разговорной речи характерно употребление всех трех времен для обозначения конкретных действий в их привязке к моменту речи говорящего: «Кто пришел?», «Что ты там говоришь, я не слышу?», «Пойдешь в кино?» Отмечается активное использование форм будущего совершенного и прошедшего совершенного для обозначения повторяющихся действий и свойств: «Они всегда все перепутают», «Он же как всегда? Послушал меня / сел и забыл»¹.

¹Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука, 1983. С.119.

§ 5. Категория лица

Основные значения и способы образования форм лица

Значения. В категории лица отражается отношение действия к субъекту с точки зрения говорящего. Субъект действия — это элемент моделируемой в предложении ситуации, но с помощью категории лица он «рисует» через связь с элементом ситуации общения, таким образом, мы имеем дело с предикативной категорией глагола. Что же это за обрисовка субъекта действия через соотношение с говорящим?

Выделяются три лица: первое означает, что субъектом действия является сам говорящий (пишу, говорю) или группа лиц, включающая говорящего (пишем, говорим); второе лицо означает, что действие совершается адресатом или адресатами (пишешь, говоришь, пишете, говорите); третье лицо означает, что действие совершается лицом или лицами, не являющимися непосредственными участниками обмена репликами, а также предметом или предметами, о которых идет речь (пишет, говорит, пишут, говорят).

Механизм возникновения личного значения здесь тот же, что и в классе местоимений, с той разницей, что личная семантика местоимений охватывает все элементы моделируемой ситуации, кроме действия, а личная семантика глагола затрагивает лишь субъект моделируемой ситуации. Ср.: «Пишу тебе о моих сомнениях» — глагольное первое лицо показывает, что субъектом действия писать является говорящий, второе лицо местоимения показывает, что объектом этого действия является адресат, первое лицо притяжательного местоимения указывает на принадлежность косвенного объекта того же действия говорящему, т.е. личная семантика местоимения характеризует признак предмета.

Способы выражения лица. Лицо выражается морфологическим способом в синтетических формах с помощью личных окончаний в настоящем, будущем простом времени изъявительного наклонения и во втором лице повелительного наклонения: пиш-у, скаж-у, терп-и-ф. Аналитические формы имеет лицо в будущем сложном: буду писать.

Синтаксически, за счет подлежащего или общего значения конструкции, выражается лицо в прошедшем времени и сослагательном наклонении.

По набору личных окончаний различаются глаголы первого и второго спряжения, проверочной формой для современного русского литературного языка часто может служить третье лицо множественного числа, имеющее в первом спряжении окончание -ут, а во втором -ат. Глаголы хотеть, бежать, являются разноспрягаемыми, так как объединяют окончания разных спряжений: хочешь, хочет — хотим, хотите, хотят; бежишь, бежит, бежим, бежите — бегут. Есть глаголы, у которых не образуются формы отдельных лиц, это недостаточные глаголы, например, у глаголов победить, убедить нет формы первого лица един-

ственного числа. Глаголы дать, есть, создать и их производные имеют особое спряжение, называемое атематическим: да-м, да-шь, дас-т.

Значения форм лица по степени обобщенности субъекта

Определенно-личное значение. Говорящий может изобразить субъект действия с разной степенью его обобщенности. Самое употребительное значение — определенно-личное, когда говорящий просто фиксирует, что действие совершает первое, второе или третье лицо, в последнем случае лицо или предмет. Субъект при этом выражается по-разному: 1. Только формой глагола: «Иван посмотрел на нее внимательнейше, Иван сказал медленно: „Садись!“» (Б.Пильняк. Иван Москва) — второе лицо выражено формой повелительного наклонения. 2. Формой глагола и подлежащим: «Я не смею взглянуть в твои очи...» (А.Блок) — первое лицо выражено местоимением и формой глагола. 3. Подлежащим: «Сгорел его дедовский домик, где столько переживали мы» (А.Белый. Воспоминания) — на третье лицо глагола сгорел указывает подлежащее домик, на первое лицо глагола переживали указывает подлежащее мы. 4. Контекстом. Субъект при этом назван не в данном, а в соседнем предложении или подсказывается ситуацией. Вот предложение из тех же «Воспоминаний» А.Белого: «С нетерпением оба с матерью ждали его». Кто ждал? Мы, они? Ситуация и последующий текст подсказывают, что речь идет о первом лице (т.е. ждали мы — я и мать): «...в семь раздался звонок; я пошел отворить».

Неопределенно-личное значение. Говорящий может изобразить субъект действия как неуточняемую группу третьих лиц: «Пьеса наделала шуму: во всех действиях стреляли» (Э.Кроткий). Форма стреляли изображает субъект как группу лиц, к которой говорящий себя не причисляет, и не находит нужным ее уточнять. На первый план выдвинуто само действие, а его субъект не представляет для автора интереса, поэтому и подается так неопределенно. Обратим внимание на то, что речь не идет о степени известности или неизвестности субъекта говорящему: автор может точно знать, кто совершает действие, и тем не менее обозначать его глагольной формой с неопределенно-личным значением. Для грамматического анализа важно помнить, что это значение имеют только формы множественного числа третьего лица изъявительного и сослагательного наклонений.

Обобщенно-личное значение. Говорящий может показать, что субъектом данного действия способно выступить любое лицо, в том числе и первое, т.е. сам говорящий. Это означает, что, не меняя формы высказывания, автор может сообщить о себе, адресате и третьем лице: «Плавают разными стилями, тонут — одним» (Э.Кроткий).

Данное значение выражается всеми личными формами, кроме третьего лица единственного числа. Употребление его характерно для пословиц и других высказываний, выражающих бытовые, житейские закономерности: «Поспешишь — людей насмешишь»; «Что имеем — не храним».

Когда форма имеет определенно-личное значение, она может быть в пределах этого значения употреблена переносно либо по числу в рамках одного лица, либо по лицу.

А. Переносы по числу в рамках одного лица:

1. Форма первого лица множественного числа употребляется в значении первого лица единственного числа: «У нас есть для суждения о достоинстве автора и произведений другие основания, держась которых мы надеемся не прийти ни к каким нелепостям и не разойтись с здравым смыслом массы публики» (Н.А.Добролюбов. Луч света в темном царстве). Автор говорит о своих и только о своих действиях, не подключая к ним читателя. Местоимение мы употреблено в уже знакомом нам значении «мы» авторской скромности, точно так же использована и форма первого лица множественного числа надеемся, которая обозначает действия автора.

2. Известно глаголу и «мы» достоинства. У Л.Н.Толстого читаем:

Т а н я . В горничных я. Ведь я тоже деменская. Я ведь вас знаю, и вас знаю, только этого дяденьку не знаю. (Указывает на третьего мужика.)

3 - й м у ж и к . Тех вознала, а меня не вознала?

Т а н я . Вы Ефим Антоныч?

1 - й м у ж и к . Двистительно.

Т а н я . А вы Семенов родитель. Захар Трифоныч?

2 - й м у ж и к . Верно!

3 - й м у ж и к . А я, скажем, Митрий Чиликин. Вознала теперь?

Т а н я . Теперь и вас знать будем» (Плоды просвещения).

Выделенная форма называет действие говорящего и употреблена в значении первого лица единственного числа, хотя имеет показатели множественного числа. Это тот же оттенок достоинства, с которым мы встречались у местоимений, вспомним: «Мы — Меньшиковы».

3. Формы второго лица множественного числа используются по отношению к одному адресату как вежливые обращения, подобно местоимению вы: «Вы, Порфирий Петрович, пожалуйста, не заберите себе в голову, — с суровою настойчивостью произнес Раскольников, — что я вам сегодня сознался» (Ф.М.Достоевский. Преступление и наказание).

4. Устаревшее значение вежливого высказывания о третьем лице единственного числа имеет форма третьего лица множественного числа. В той же пьесе Л.Н.Толстого:

Т а н я . Да я и говорю о спиритичестве. А вы слышали, Федор Иванович, как прошлый раз удалось хорошо? (Смеется.) И стучало, и вещи перелетали.

Ф е д о р И в а н ы ч . А ты почему знаешь?

Т а н я . А Лизавета Леонидовна сказывали.

Б. Переносы по лицу

1. Форма первого лица множественного числа употребляется в значении второго лица. Вот отрывок из рассказа В.Шукшина «Степкина любовь»:

«— А я помню вас, — повернувшись к Степану, весело сказала Элла. — Я однажды сжала с вами из города. Вы тогда очень сердитый были...

Степан мучительно улыбнулся.

А Васька счел необходимым пошутить.

— Левачков, значит, подбрасываем, Степан Егорыч? Нехорошо!..»

Это значение называют «шутливым соучастием», в диалоге хорошо видно, что действие приписано одному лицу — Степану, а говорится так, словно Василий и себя причисляет к субъектам действия.

2. Форма второго лица единственного числа используется для обозначения первого лица единственного числа, т.е. для обозначения говорящим самого себя:

«А с т р о в . Да... Вдесять лет другим человеком стал. А какая причина? Заработался, нянька. От утра до ночи все на ногах, покою не знаю, а ночью лежишь под одеялом и боишься, как бы к больному не потащили» (А.П.Чехов. Дядя Ваня). В ряду заработался, не знаю формы лежишь, боишься означают «лежу», «боюсь».

3. При рассказе о себе первое лицо иногда переходит на изложение в форме третьего лица, оттенки при этом различны: величия, шутливости, «детскости». Вот слова короля Клавдия из пастернаковского перевода «Гамлета»:

Поддай сюда вина.

При первом и втором его ударе

И отраженьи третьего — палить

В честь Гамлета со всех бойниц из пушек.

Король его здоровье будет пить.

Сейчас в бокал жемчужину он бросит

Ценнее той, которою в венце

Четыре датских короля гордились.

Подайте кубки мне.

По ситуации ясно, что синонимическое высказывание должно иметь форму первого лица: «я буду пить, я брошу жемчужину».

Безличные глаголы

Безличные глаголы изображают действие или состояние, существующее как бы без участия активного субъекта. Оформляется безличный глагол окончанием третьего лица единственного числа или, в прошедшем времени, окончанием среднего рода. По смысловому соотношению с личной формой выделяются три группы безличных глаголов:

1. Собственно безличные глаголы, которые не имеют соответствий с глаголами, обладающими личными формами. Иными словами, это глаголы, которые употребляются только как безличные: «Морская качка была изображена художником с таким сходством, что при одном взгляде на кар-

тину тошнило» (Э.Кроткий). Глагол тошнить употребляется только как безличный, никакого активного субъекта к этому действию мы не подбираем, в результате глагол не употребляется с подлежащим.

2. Безличные глаголы могут быть омонимичны личным: «У строителей воздушных замков всегда хватает материалов» (Э.Кроткий). Глагол хватать в значении «быть достаточным» является безличным, а глагол хватать в значении «брать» — личный.

3. Самая многочисленная группа — это безличные употребления личных глаголов: «Квасами пахнет и печеным хлебом, великорусским, духовитым, жарким» (В.Луговской. Сказка о дедовой шубе). Глагол пахнуть употреблен как безличный, но в том же значении может использоваться и как личный: «Этот цветок хорошо пахнет».

По семантике безличные глаголы делятся на несколько разрядов, обозначая состояние природы, человека и других живых существ (светает, морозит, знобит), бытие лица или предмета, действие неизвестной силы, модальные оценки действия. Проиллюстрируем три последних значения текстом. Бытийное: «Не было ни гроша, да вдруг алтын»; модальное: «Виджу я, что небо небогато, но про землю сто́ит говорить» (Н.Тихонов). Значение «действие неизвестной силы» хорошо видно в следующей сцене из рассказа И.С.Тургенева «Стучит»:

«Филофей значительно и таинственно шептал:

— Стучит!.. Стучит!

— Что ты говоришь?

— Я говорю: стучит! Нагнитесь-ка и послушайте. Слышите?

Я высунул голову из тарантаса, притаил дыхание: — и действительно услышал где-то далеко-далеко за нами — слабый прерывистый стук, как бы от катившихся колес».

§ 6. Отражение субъектно-объектных отношений действия в системе грамматических категорий глагола

В категории лица, как мы видели, отражается субъект действия через его связь с говорящим. Из характеристики моделируемой ситуации мы знаем, что у действия может быть объект или даже группа объектов разного типа. Объектные и субъектно-объектные отношения действия отражаются в совокупности трех глагольных категорий: переходности — непереходности, возвратности и залога. Иногда всю эту совокупность в целом называют залогом.

Переходность — непереходность

В этой категории отражается отношение действия к прямому объекту. Глаголы, в значении которых есть лексико-грамматическая сема «действие, переходящее на прямой объект», являются переходными, если такой

семы в значении нет, глагол непереходный. Значение переходности — непереходности выражается в первую очередь синтаксическим способом: переходные глаголы сочетаются с винительным падежом прямого объекта или с родительным падежом, имеющим то же значение при отрицании. Непереходные глаголы такой сочетаемости лишены. Морфологическим показателем непереходности служит постфикс -ся.

Переходные глаголы отличаются от непереходных и по набору грамматических форм: переходные имеют формы страдательного залога, не только спрягаемые, но и причастные, непереходные глаголы таких форм лишены. Ср.:

читать — вопрос винительного падежа (обязательно двойной, чтобы не прийти к подлежащему, т.е. именительному падежу) — «кого?», «что?». Ответ возможен: книгу, газету. Можно построить страдательный оборот: «письмо читается мною». Есть страдательное причастие: читаемый. Следовательно, это переходный глагол;

идти — вопрос «кого?», «что?». Ответ невозможен, значит, нет управления винительным падежом прямого объекта. Нет страдательных форм. Следовательно, это глагол непереходный.

Возвратность

Особым классом непереходных глаголов являются глаголы со словообразовательным постфиксом -ся, называемые возвратными. Этот аффикс имеет три основных словообразовательных значения: 1) замыкание действия в сфере субъекта; 2) устранение активного субъекта; 3) подчеркнутое отсутствие прямого объекта. Как видим, возвратность также связана с отражением в языке субъектно-объектных отношений действия.

Замыкание действия в сфере субъекта означает, что действие, произведенное субъектом, в той или иной форме возвращается к нему. Возвратные глаголы этой группы образуются с помощью постфикса -ся от переходных глаголов, их переходность, их значение связи действия с прямым объектом преобразуется в значение той или иной формы возврата действия в сферу субъекта:

1) умывать → умываться. Возвратный глагол означает, что субъект направляет действие на себя как на прямой объект; значение называется собственно-возвратным;

2) встречать → встречаться. Возвратный глагол означает, что действие совершается по крайней мере двумя субъектами, из которых каждый является прямым объектом для действия другого. Значение называется взаимно-возвратным;

3) укладывать → укладываться. Возвратный глагол означает, что субъект направляет действие на прямой объект в своих интересах, например, «укладываться в дорогу» = «укладывать свои вещи в дорогу для себя». Субъект является адресатом собственного действия. Значение называется косвенно-возвратным;

4) царапать → царапаться. Возвратный глагол означает, что субъект способен совершать действие, направленное на прямой объект: «кошка царапается» = «кошка способна царапать кого-то». Значение называется активно-безобъектным;

5) плавить → плавиться. Возвратный глагол означает, что субъект способен выступать как прямой объект действия: «металл плавится» = «металл способен подвергаться действию плавить». Значение называется характеризующе-качественным;

6) волновать → волноваться, бросить → броситься. Возвратный глагол означает, что субъект сам совершает данное действие, а не направляет его на прямой объект: «я волнуюсь» = «я сам испытываю это состояние, а не волную кого-то», «я бросаюсь на врага» = «я сам совершаю это действие, а не кого-то бросаю в бой». Значение называется обще-возвратным.

Устранение активного субъекта означает, что с помощью постфикса -ся от переходного или непереходного глагола образовался безличный глагол: читать → «мне не читается», плакать → «мне плачется». Возвратный безличный глагол является непереходным.

Подчеркнутое отсутствие прямого объекта означает, что возвратный глагол образован от непереходного глагола и внешним средством выразил непереходность: чернеть → чернеться (неясность проявления признака), грозить → грозиться (интенсивность действия). Значения, указанные в скобках, являются не очень яркими, что приводит к синонимии исходного и производного возвратного глаголов.

Кроме производных возвратных глаголов, есть глагольные слова, в которых постфикс -ся выделяется лишь этимологически: бояться — нет глагола «боять», нуждаться — нет глагола «нуждать». В них показатель -ся выступает сигналом непереходности.

Залог

В залоге отражается отношение действия с его реальными субъектом и объектом к предмету нашей мысли. Из структуры моделируемой ситуации нас будет интересовать только субъектно-объектная линия: субъект — действие — прямой объект. Мысленное отражение этих отношений может иметь две формы:

1. Предметом мысли, которому приписывается предикативный признак, делается субъект действия, действие отражается в сказуемом, а прямой объект в дополнении: «Я читаю книгу», «Я прочитал книгу». Вспомним значения падежей: субъект действий читать, прочитать обозначен формой именительного падежа личного местоимения я, прямой объект этих действий обозначен винительным падежом существительного книга.

2. Предметом нашей мысли, которому приписывается предикативный признак, становится прямой объект действия, действие отражается в ска-

зуемом, а субъект — в дополнении: «Книга читается мною», «Книга прочитана мною». Снова обратимся к значениям падежей: субъект действий читать, прочитанье выражен творительным падежом местоимения я, прямой объект действий выражен именительным падежом существительного книга.

Первый способ отражения ситуации дает форму действительного оборота, в котором функционирует форма действительного залога глагола. Второй способ отражения ситуации дает страдательный оборот, в котором функционирует страдательный залог глагола.

В более широком смысле о действительном залоге можно сказать так: в нем отражается субъект, от которого исходит действие. Поэтому действительным залогом обладают все глаголы: переходные, непереходные, как личные, так и безличные. Таким образом, о глаголах в предложениях «Я читаю письмо», «Я еду в Свердловск», «Темнеет» мы говорим, что у них действительный залог.

Страдательный залог, как уже говорилось, могут образовать только переходные глаголы, ведь для него нужно, чтобы место предмета мысли занял прямой объект, а таковой есть лишь у действий, обозначаемых переходными глаголами: «Дом строится бригадой», «Курс прочитан профессором». Отметим, что, поскольку прямой объект занял в предложении позицию подлежащего, нет нужды в позиции винительного падежа. Поэтому от переходного глагола в страдательном залоге нельзя задать вопрос винительного падежа «кого-что?» Мы можем добавить, что страдательный залог — еще одна форма реализации переходного характера глагольного слова.

Способы выражения залоговых значений. Морфологические средства: для страдательного залога — формообразующий постфикс -ся и страдательные причастия, для действительного залога — действительные причастия.

Синтаксические средства: 1. Структура предложения: действительный оборот (подлежащее называет субъект действия; предложение с безличным глаголом); страдательный оборот (подлежащее называет объект действия). 2. Структура словосочетания: действительный оборот (стержневое слово при действительном причастии называет субъект действия); страдательный оборот (стержневое слово при страдательном причастии называет прямой объект действия). Ср.: «Я пишу письмо» — «Письмо пишется мною»; «Я написал письмо» — «Письмо написано мною»; «Ученик, читающий книгу» — «Книга, читаемая учеником».

Стилистическая характеристика страдательного залога. В научном стиле велика частотность форм страдательного залога с постфиксом -ся, поскольку страдательный оборот позволяет выдвинуть на первый план объект исследования и увести на второй план сведения о субъекте. Например, в научном тексте типичны такие конструкции: «В современных исследованиях по лексике успешно преодолевается „атомизм“ лексикологических описа-

ний прошлого» (Д.Н.Шмелев. Проблемы семантического анализа лексики); «Одна синтаксическая конструкция считается трансформацией другой» (М.В.Панов. Лингвистика и методика преподавания русского языка).

ЛИТЕРАТУРА

Мучник И.П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М.: Наука, 1971.

§ 7. Категория вида

В категории вида отражается наличие или отсутствие каких-либо ограничений в протекании действия. Если ограничения есть, глагол относится к совершенному виду, если такого ограничения нет, глагол относится к несовершенному виду. Таким образом, вид — некое отражение того, как протекает действие во времени, но значение вида гораздо более абстрактно, чем значение времени. Категория вида охватывает все глаголы и все глагольные формы одного глагола.

Первичные и вторичные по виду глаголы

Глаголы делятся на две разновидности в зависимости от того, связан ли их вид с другими глаголами, объясняется ли он этими связями. Во-первых, выделяются первичные по виду глаголы, вид которых не зависит от других глаголов, не обусловлен словообразовательными процессами внутри глагола как части речи. Первичные по виду глаголы в свою очередь делятся на три группы:

1. У глаголов типа *петь, читать, ходить, идти* вид имплицитен, не выражен внешними средствами.

2. У глаголов типа *безмолвствовать, белить, зеленеть* вид приобретен в процессе словообразования от неглагольной части речи: от *безмолвный, белый, зеленый*.

3. У глаголов типа *оскорбить* вид стал независимым от внутrichастеречных связей в результате того, что производящий глагол *скорбить* вышел из активного запаса.

Во-вторых, выделяются вторичные по виду глаголы. Их вид получен в результате внутrichастеречных словообразовательных процессов: первичный глагол *играть* → вторичные *сыграть, поиграть, выиграть*.

Видообразование вторичных глаголов

Внутrichастеречные словообразовательные процессы у глагола особым образом организованы и создают так называемые ступени видообразова-

ния. Мы опишем данные процессы, разместив материал в зависимости от того, какого вида первичный глагол лежит в основе цепочки.

Видообразование от первичных глаголов совершенного вида. Вначале приведем материал — ряды производных от нескольких первичных глаголов (дать, доказать, кончить, начать, очнуться, решить).

Первая ступень видообразования:

1. Мена суффиксов: доказывать, кончать, решать.
2. Добавление суффикса: давать, начинать.
3. Добавление приставки: раздавать, выдавать, закончить, разрешить.

Вторая ступень видообразования:

1. Мена суффиксов: заканчивать.
2. Добавление приставки: подоказывать, порешать (пять минут), надавать (поручений).

3. Двойная мотивация: раздавать = 1) давать + раз-; 2) раздать + -ва-; разрешать = 1) решать + раз-; 2) разрешить + -а-.

Третья ступень видообразования:

1. Добавление приставки: наразрешать («Наразрешал — сам и расхлебывай!»).

2. Добавление приставки и постфикса: нараздаваться, наразрешаться («Нараздавался уж, хватит, себе оставь хоть что-то»).

А теперь обсудим наш материал.

1. Прежде всего мы видим, что есть первичные глаголы совершенного вида, которые не дают никаких производных ни на одной из ступеней видообразования. В нашем материале это глагол очнуться, ср. также: очутиться, рехнуться. Такие глаголы называются **одновидовыми**.

2. Есть случаи, когда в результате словообразовательного процесса меняется вид глагола, но не меняется его лексическое значение: дать — давать, доказать — доказывать, решить — решать. Глаголы решить и решать обозначают одно и то же действие «находить ответ задачи», но течение его отражено в языке по-разному: в решить — как ограниченное, в решать — как неограниченное. Все элементы лексического значения у них совпадают, кроме лексико-грамматической семы «завершенное / незавершенное». Два глагола, у которых совпадают категориальные, интегральные и дифференциальные семы и которые различаются только семами «завершенное / незавершенное», составляют видовую пару. От первичных глаголов совершенного вида видовые пары образуются на первой ступени: дать — давать, доказать — доказывать, кончить — кончать, начать — начинать, решить — решать и на второй ступени: разрешить — разрешать, закончить — заканчивать.

3. Глаголы порешать, подоказывать, надавать (вторая ступень), наразрешать, нараздаваться, наразрешаться (третья ступень) обозначают те же действия, что и глаголы решать, доказывать, давать, разрешать, раздавать, т.е. «находить ответ задачи», «обосновывать суждение», «заставлять брать предмет», «позволять», «давать многим», но в разных их

модификациях. Порешать, подоказывать — это производить действия решать, доказывать в течение какого-то отрезка времени, надавать — это дать что-то в большом количестве, нараздаваться, наразрешаться — это раздавать и разрешать в предельно большом для субъекта количестве. В понятийном содержании этих производных глаголов сохраняются все прежние интегральные и дифференциальные семы, но к ним добавляются еще семы, связанные с отражением времени, количества, интенсивности. Эти образования называются способами глагольного действия. Значит, на второй и третьей ступени видообразования от первичных глаголов совершенного вида мы можем получить производные со значением способа глагольного действия.

4. Глаголы разрешить, выдать, раздать обозначают либо другое действие по сравнению с исходным глаголом: решить «найти ответ» — разрешить «позволить», либо то же действие с различными пространственными уточнениями: дать «заставить взять» — выдать «заставить взять откуда». При этом вид у производного глагола не меняется: дать, выдать — оба совершенного вида. Назовем этот результат «лексическим» словообразованием.

5. Сделаем дополнение к первому пункту. Мы видели, что первичные глаголы совершенного вида могут не давать никаких производных, и называли их одновидовыми. Сейчас надо уточнить значение термина. Одновидовые глаголы — это глаголы, не имеющие видовой пары, следовательно, круг их гораздо шире и отнюдь не ограничивается единицами, лишенными всяких производных. Глаголы порешать, надавать, наразрешать тоже не имеют видовой пары, поэтому они тоже относятся к одновидовым.

Видообразование от первичных глаголов несовершенного вида. Прежде чем перейти к описанию ступеней видообразования в данном классе глаголов, нужно познакомиться с особым семантическим признаком первичных глаголов несовершенного вида, который называют предельностью — непредельностью. Предельными являются первичные глаголы несовершенного вида, которые обозначают действие, стремящееся к пределу, результату. Например, действие белить может быть доведено до результата: «мы белили потолок и наконец побелили». Непредельными являются первичные глаголы несовершенного вида, которые обозначают действие, не стремящееся к пределу, результату. Например, действие иметь может прекратиться, но не может достичь результата: «я имею книгу и могу потерять ее, перестать иметь, но это не значит, что потеря является результатом действия иметь». Кратко рассмотрим, глаголы каких семантических групп являются предельными и непредельными.

Предельные глаголы:

1. Акциональные глаголы движения однонаправленные: ехать, идти, ползти, плыть, нести, везти, вести, лететь.

2. Акциональные глаголы физического, интеллектуального, эмоционального действия с общими значениями: а) создавать, производить объект: строить, ткать, делать, мастерить, писать, рисовать, петь; б) подвер-

гать предмет действию, наделять предмет признаком: ковать, дырывать, дробить, громить, веселить, сердить, старить, беспокоить; в) воспринимать: видеть, слышать; г) совершать отрицательные поступки: лгать, крестить, грешить.

3. Неакциональные глаголы становления признака, состояния: бледнеть, слабеть, мокнуть, слепнуть, стариться.

Непредельные глаголы:

1. Акциональные глаголы движения разнонаправленные: ездить, ходить, ползть, плавать, носить, возить, водить, летать. Сравните их с одноподчиненными в группе предельных. Термины в известной степени отражают характер обозначаемых действий: ползти — в одном направлении, ползть — в разных направлениях.

2. Акциональные глаголы физического действия: а) активные действия, не дающие результата: свистеть, кричать, буянить; б) сложные действия, деятельность: учительствовать, столярничать, руководить.

3. Неакциональные глаголы бытия, местонахождения, отношения: существовать, ютиться, жить, находиться, стоять, висеть, сходствовать, равняться, противоречить, иметь, принадлежать.

4. Неакциональные глаголы состояния, переживания: чувствовать, любоваться, спать, грустить, радоваться, светить, гореть, пламенеть, блеснуть, цвести; состояния среды, природы: штормить, морозить.

5. Неполнозначительные глаголы — связки и модальные модификаторы: являться, хотеть, надеяться, жаждать, долженствовать.

Рассмотрим вначале видообразование от предельных глаголов, снова предварительно введя материал, а затем его обсудив.

Первичные предельные глаголы несовершенного вида: делать, дробить, дырывать, ехать, звонить, ковать, петь.

Первая ступень видообразования:

1. Добавление приставки: а) сделать, раздробить, продырывать, позвонить, спеть — видовые пары; б) подделать, попеть (какое-то время), поехать, зазвонить, запеть (начало действия) — способы глагольного действия; в) подделывать, переделывать, приехать, расковать — лексическое словообразование.

2. Добавление или мена суффикса: делывать, певать (многократность действия) — способы глагольного действия.

3. Добавление приставки и суффикса: выделять (чудеса), названивать (по телефону) — способы глагольного действия.

Вторая ступень видообразования — добавление или мена суффикса: а) запевать, подделывать, переделывать, расковывать — видовые пары; б) раздроблять, продырывать — устанавливается синонимия дробить — раздроблять, дырывать — продырывать, получают видовые «тройки», трехэлементные видовые ряды: несовершенный дробить, раздроблять — совершенный раздробить.

Третья ступень видообразования — добавление приставки: наподделывать, поподделывать — способы глагольного действия.

Обсудим наш материал.

1. Видовые пары от предельных глаголов несовершенного вида образуются с помощью так называемых чистовидовых приставок на первой ступени и с помощью суффиксов — на второй.

2. Способы глагольного действия образуются с помощью приставок на первой и третьей ступени.

3. Лексическое словообразование характерно для первой ступени. Отметим, что однонаправленные глаголы не дают здесь видовых пар и являются одновидовыми, так же как глаголы третьей ступени.

Переходим к анализу видообразования от неопредельных глаголов. Как обычно, введем материал. Первичные неопредельные глаголы несовершенного вида: болтать, гореть, гулять, жить, летать, махать, плакать, свистеть, хворать, ходить, хотеть, цвести, чувствовать, швырять.

Первая ступень видообразования:

1. Добавление приставки: а) поболтать, погулять, пожить (какое-то время), замахать, заплакать, захотеть, почувствовать (начало действия), отцвести, отгореть (прекращение действия) — способы глагольного действия; б) подгореть, выгулять, пережить, подлетать, переходить, выходить, заходить — лексическое словообразование.

2. Добавление и мена суффикса: живать, махнуть, свистнуть, хаживать, швырнуть — способы глагольного действия.

3. Добавление суффикса и приставки: разгуливать, поживать, всплакнуть, прихворнуть — способы глагольного действия.

4. Добавление приставки и постфикса: заболтаться, разгуляться, расчувствоваться — способы глагольного действия.

Вторая ступень видообразования:

1. Добавление и мена суффикса: отцветать, отгорать, подгорать, выгуливать, переживать — видовые пары.

2. Добавление приставки: а) присвистнуть — способ глагольного действия; б) подмахнуть, отшвырнуть — лексическое словообразование.

Третья ступень видообразования:

1. Мена суффикса: подмахивать, отшвыривать — видовые пары.

2. Добавление приставки: попереживать, поотцветать — способы глагольного действия.

Обсудим этот материал.

1. Видовые пары от неопредельных глаголов на первой ступени не образуются, следовательно, эти первичные глаголы являются одновидовыми. Образование видовых пар начинается на второй ступени и продолжается на третьей, в удаленности от первичного неопредельного глагола несовершенного вида. Обратим внимание на неопредельные глаголы разнонаправленного движения, которые на первой ступени дают производные совершенного вида только в способах действия: ходить — походить (и перестать), летать — полетать (и опуститься). В лексическом словообразовании приставка, меняя лексическое значение слова, чаще всего не меняет

вид глагола, образованного от глагола разнонаправленного движения: ходить — переходить, заходить, уходить, приходить — все несовершенного вида.

2. Активно образуются способы глагольного действия на всех трех ступенях со сменой и без смены вида: ходить — хаживать, свистнуть — при-свистнуть (вид не изменился), свистеть — свистнуть, летать — полетать (вид изменился).

3. Лексическое словообразование также дает производные с совпадением и несовпадением вида у членов пар: жить — пережить, махнуть — подмахнуть. Мы говорили о том, что неопределенные глаголы разнонаправленного движения при лексическом словообразовании дают производные того же несовершенного вида: долетать, перелетать, приплывать, доплывать. Однако приставка с- с результирующим значением образует от этих глаголов производные с новым лексическим значением и со сменой вида на совершенный: ходить — сходить в магазин, летать — слетать в Москву, ездить — съездить в командировку. В этом случае производные глаголы означают «направление действия туда и обратно»: съездить в командировку = «уехать и вернуться».

4. Мы видели, что первичные неопределенные глаголы несовершенного вида являются одновидовыми. Отметим, что много одновидовых глаголов возникает на всех трех ступенях видообразования. Например, глаголы первой ступени захотеть, почувствовать уже не дают производных на второй ступени, следовательно, не имеют возможности образовать видовую пару и являются одновидовыми. Глаголы первой ступени свистнуть, махнуть, хаживать имеют производные на второй ступени, но того же совершенного вида, значит, видовой пары они лишены и тоже относятся к одновидовым. Одновидовыми являются и образования третьей ступени, если они относятся к способам глагольного действия.

5. Добавим, что производные первой ступени от неопределенных глаголов разнонаправленного движения (лексические образования) могут объединяться в видовые пары с производными первой ступени от определенных глаголов однонаправленного движения: перелетать — перелететь; доносить — донести, привозить — привезти.

Обобщим весь рассмотренный материал и дополним анализ категории вида.

Способы образования видовых пар

Производные, у которых сохраняется лексическое значение производящего глагола и меняется только лексико-грамматическая сема «завершенность / незавершенность», образуются так:

1. С помощью чистовидовой приставки: писать — написать.

2. С помощью мены или добавления суффиксов: решить — решать, дать — давать. Суффиксация может сопровождаться историческим чере-

дованием звуков в основе и движением ударения: заморозить — замораживать, подмахнуть — подмахивать. Если рассматривать инфинитивы, то в парезасыпать — засыпать как будто имеет место образование видовой пары с помощью мены места ударения. Это, однако, не так. Ср. другие формы этих глаголов: засыплю — засыпаю, засыпят — засыпают. Совершенно очевидно, что в результате видообразования произошла смена суффиксов: один суффикс -а- сменился другим суффиксом -а-. Эти омонимичные суффиксы оформляют разные глагольные основы — одну с историческим чередованием в корне п/пл', другую на а/ай.

3. В цепочках видообразования не был отражен супплетивизм — образование видовых пар от разных корней: брать — взять, говорить — сказать.

4. Наконец, в цепочках видообразования не были отражены двувидовые глаголы — глаголы, образующие омонимичные видовые пары: атаковать — атаковать, ср.: «нас опять атаковали» — «нас не раз атаковали».

Одновидовые глаголы

1. Приведенный материал показывает, что одновидовой глагол может представлять собой некую изолированную единицу, не имеющую никаких производных: рехнуться, очутиться, очнуться, вострепнуться, кануть, воспрянуть.

2. Одновидовой глагол может давать производные противоположного вида и порой очень много, но это будут либо лексические образования, либо способы глагольного действия, т.е. не видовые пары. Таковы первичные непредельные глаголы несовершенного вида: моросить — поморосить, свистеть — свистнуть, ездить — съездить.

3. Одновидовой глагол может быть противопоставлен по виду своей производящей единице, но сам производных не дает и, следовательно, видовой пары не имеет: отггремень противопоставлен по виду греметь, но сам далее производных не имеет.

Способы глагольного действия

В процессе видообразования понятийное содержание исходного глагола может быть дополнено семами, передающими модификацию действия. Эта модификация касается либо времени протекания действия, либо его интенсивности, либо отношений действия с различными элементами ситуации — другими действиями, объектами.

— Способы глагольного действия, модифицирующие временную характеристику действия: 1) начинательный: запеть, запевать, заговорить, заговаривать (об этом не раз), почувствовать, полюбить, возненавидеть, возлюбить, рассердить, рассмеяться; 2) способы, фиксирующие окончание действия: а) окончателный — «действие прекратилось»: отслужить, отвоеваться, отцвести; б) завершительный — «действие закончилось в силу своей исчерпанности, в силу достижения результата»: дочитать, дого-

ворить, выбелить, задубеть; в) терминативный — «действие закончилось по истечении отрезка времени»: проговорить (медленно и спокойно), простонать (негромко); 3) ограничительный — «действие ограничено промежутком времени»: проговорить (всю ночь), проработать (всю неделю), поговорить (и замолчать), поплясать (и сесть); 4) одноактный — «фиксируется краткость и единичность действия»: свистнуть, прыгнуть, стукнуть; 5) многократный — «повторяемость действия в прошлом»: хаживать,живать, говаривать, сиживать; 6) длительный: раздумывать, разгуливать, переглядываться, переговариваться.

— Способы глагольного действия, модифицирующие характеристику интенсивности действия: 1) интенсивный — «увеличение интенсивности»: названивать, нахлестывать, выделявать (коленца), вызреть, вызреть, загонять (до полусмерти), заговориться (совсем), заболтаться, измучить, начитаться, наслушаться, расхваливать, расхвалить; 2) смягчительный — «уменьшение интенсивности»: прихворнуть, прихварывать, всплакнуть, вздремнуть, подтаять, подрасти, примолкнуть, приподняться, посвистывать, поговаривать.

— Способы глагольного действия, модифицирующие характеристику отношений, в которых находится действие с другими элементами ситуации: 1) объектные отношения: а) накопительный — «соединение многих объектов»: напилить, наколоть (дров), набрать (грибов); б) распределительный — «охват многих объектов»: обшивать (всех знакомых), скормить, скармливать (весь корм), изъездить (всю страну), перечитать (все книги в библиотеке), поснимать (всех с работы); 2) сопроводительный — «отношение действия к другому действию»: припевать, припевать, при-топывать, притопнуть, подпевать, поддакивать, поддакнуть.

Отметим, что некоторые образования экспрессивны, например, одноактные с суффиксом -ану-: толкануть, долбануть, или с тем же значением одноактности так называемые междометные глаголы: бух (в яму), трах, шмяк, бум.

Такова самая сложная из глагольных категорий. Она, конечно, не столь близка к заботам пишущего об экспрессивности высказывания, как категории времени, наклонения или лица, однако для развития языкового чутья полезно вдуматься в тончайшие смысловые оттенки глаголов, затрагиваемые этой категорией.

Работы, указанные ниже, касаются и ранее рассмотренных категорий.

ЛИТЕРАТУРА

Авилова Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М.: Наука, 1976.

Бондарко А.В. Вид и время русского глагола: Значение и употребление. М.: Просвещение, 1971.

Прокопович Е.Н. Глагол в предложении: Семантика и стилистика видовременных форм. М.: Наука, 1982.

§ 8. Причастие и деепричастие

Переходим к характеристике оставшихся неспрягаемых форм глагола — причастий и деепричастий. Напомним, что инфинитив — третья неспрягаемая форма — нами уже рассмотрен.

Причастие

Причастие — неспрягаемая форма глагола, обозначающая действие вне связи с ситуацией общения, как непредсказуемый признак предмета. В этом его семантическое сходство с прилагательным, которое тоже обозначает признак предмета вне связи с ситуацией общения. Если в спрягаемых формах выражается приписывание признака предмету через его модальную оценку, время и связь с говорящим, то в причастии признак выделяется в предмете вне всех этих отношений. Мы можем составить некую пропорцию: «Работающий человек» так относится к «Человек работает», как «Солнечный день» относится к «День — солнечный». При этом отношения предикации у спрягаемой формы глагола выражены морфологически категориями наклонения, времени и лица, а у прилагательного такого выражения нет, почему и приходится прибегать к синтаксическим средствам в виде связки, в данном случае нулевой: «День — *φ* солнечный». Причастия и в этом отношении сходны с прилагательными, поскольку с помощью связки обозначенный ими признак тоже можно предиктировать: «Магазин *φ* открыт», «Магазин *был* открыт».

Причастия имеют залог — действительный и страдательный, время — настоящее и прошедшее, при этом, как и в спрягаемых формах, причастия действительного залога образуются от всех глаголов, а причастия страдательного залога — только от переходных, причастия прошедшего времени образуются от всех глаголов, а причастия настоящего времени — только от глаголов несовершенного вида. Поэтому глаголы имеют разный набор причастных форм, ср.: читать — читающий, читавший, читаемый, читанный, читан; лететь — летящий, летевший; купить — купивший, купленный, куплен; прилететь — прилетевший.

Как уже говорилось при анализе форменного состава причастий, они создаются с помощью формообразующих суффиксов: действительное причастие настоящего времени = основа настоящего времени + суффиксы -ущ-, -ащ-; действительное причастие прошедшего времени = основа инфинитива + суффиксы -вш-, -ш-; страдательное причастие настоящего времени = основа настоящего времени + суффиксы -ем-, -им-, -ом-; страдательное причастие прошедшего времени = основа инфинитива + суффиксы -енн-, -нн-, -т-.

Характер категории времени у причастия. Для причастия в большей степени, чем для спрягаемых форм, характерно относительное время:

1. «... Дремлющими вымпелами уж ветер утренний играл» (А.Блок. Возмездие) — причастие дремлющими передает действие, одновременное с прошлым действием играл, таким образом, по отношению к моменту речи это действие в прошлом, хотя и обозначено причастием настоящего времени. 2. «Никто в доме не знал о предположенном побеге» (А.С.Пушкин. Метель) — причастие передает действие, предшествующее другому прошлому действию, синонимическая конструкция — «Никто в доме не знал о побеге, который они предположили».

Однако причастие знает и абсолютное время: «Крепнущая организационная основа этого процесса очень настораживает» (М.Бергер. Распредел). Попробуем перестроить это предложение так, чтобы говорилось о прошлом действии: «Организационная основа этого процесса в прошлом году привлекла мое внимание». Какое причастие от глагола крепнуть мы употребим — крепнущий или крепнувший? Предложение «Крепнувшая основа привлекла в прошлом году мое внимание» фиксирует признак как временный: тогда она крепла, а сейчас, возможно, действие уже не имеет места. Автор же рисует постоянный признак: «Крепнущая основа привлекла мое внимание в прошлом году — и привлекает сейчас, так как признак налицо». Таким образом, время причастия соотносено с моментом речи и имеет значение настоящего признакового.

Особого замечания требует время кратких страдательных причастий. Это настоящее или, чаще, прошедшее время: любим, открыт, куплен. То обстоятельство, что предмет подвергается или подвергался действию, становится признаком этого предмета, и в предложении этот признак может быть приписан предмету в прошедшем, настоящем и будущем времени: «Магазин был открыт», «Магазин открыт сейчас», «Магазин будет открыт». Время причастия открыт — прошедшее, а время сказуемого — прошедшее, настоящее и будущее.

Переход причастий в другие части речи. Причастия очень часто переходят в прилагательные. Процесс этот связан с орфографией и поэтому подробно рассмотрен в приложении. О переходе свидетельствуют грамматические и семантические признаки нового слова. Грамматическим признаком перехода является то, что происходит изменение в соотношении со значением вида: «Дареному автомобилю в кузов не смотрят» (Э.Кроткий). Дареный — не тот, который дарили, а тот, который подарили, т.е. устанавливается смысловое отношение с глаголом совершенного вида. Следовательно, дареный — прилагательное, откуда, кстати, его написание с одним н.

Изменения в семантике связаны с тем, что появляется значение не процессуального признака: «Кинорежиссер — ведущая фигура, кинооператор — вертящая» (Э.Кроткий). Каламбур прекрасно вскрывает игру процессуальных и не процессуальных значений. У слова ведущая сформировалось не процессуальное значение «главная, самая важная», но рядом со словом вертящая оживает и глагольное значение «заставляющая двигаться, идти», у слова вертящая прямое процессуальное значение «за-

ставляющая вращаться», но возникает и контекстуальное непроецессуальное значение «подчиненная, вспомогательная». Таким образом, прилагательное ведущая оживило свои причастные признаки, а причастие вертящая контекстуально становится прилагательным.

Причастия могут переходить в существительные при смене синтаксической функции, когда они оказываются на позициях подлежащего или дополнения: «Шипящие и в азбуке занимают последнее место» (Э.Кроткий). Причастие употреблено как существительное с языковым терминологическим значением «шипящие буквы» и с контекстуальным оценочным значением «те, кто злобен».

Деепричастие

Деепричастие отражает действие как признак другого действия, без связи с ситуацией общения. Это неспрягаемая форма глагола, не имеющая категорий наклонения, времени и лица. Деепричастия существуют в двух разновидностях, которые образуются так: деепричастие несовершенного вида — основа настоящего времени + суффикс -а, деепричастие совершенного вида — основа инфинитива + суффиксы -в-, -вши-, -ши- или основа будущего простого + суффикс -а: глядя, сделав, сделавши, увлекшись, выйдя.

В предложении деепричастие выполняет роль обстоятельства при сказуемом, и действие, обозначенное деепричастием, связывается с субъектом через посредство действия, обозначенного глаголом-сказуемым: «Саша ушел, не взяв хлеба» (А.Платонов. Происхождение мастера). Действие взять связано с субъектом Саша через действие уйти: ушел как? — не взяв. Синонимическая конструкция: «Саша не взял хлеба и ушел».

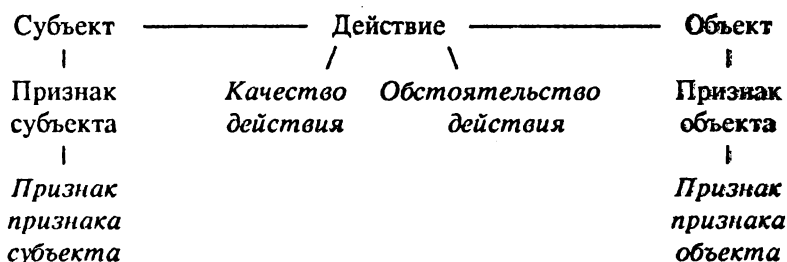
Деепричастия не имеют показателей времени, поэтому мы говорим, что у них нет времени как морфологической категории, но у них есть значение времени, которое отсчитывается от действия, обозначенного глаголом-сказуемым, следовательно, является относительным. Вот два предложения из того же рассказа А.Платонова: «Саша вошел на кладбище, не созная, чего ему хочется» — действие сознать одновременно с действием войти; «Он радовался голоду, который выгонит всех красивых мужиков далеко на заработки, и многие из них умрут, освободив женщин для Кондаева» — действие освободить — последующее по отношению к действию умереть, является его следствием. Последнее отношение покажем на примере из книги М.М.Пришвина «В краю непуганых птиц»: «Миновав порог, не раз окунувшись в клокочущей воде и постоянно снова вскакивая на бревно, он выезжает на плёсу и так спасается» — действия миновать, окунуться, вскакивать предшествуют действию спастись.

Как и причастия, деепричастия могут переходить в другие части речи, ср.: наречие молча, предлог несмотря на, союз хотя.

§ 1. Наречия

Класс наречий объединяет слова, обозначающие признак признака предмета. Прилагательные, как мы знаем, называют непроцессуальный, а глаголы — процессуальный признак предмета. С помощью наречий мы фиксируем признаки этих процессуальных и непроцессуальных признаков. Отсюда вытекает синтаксическая функция наречий — они являются в предложении обстоятельством. Морфологическая их характеристика — неизменяемость.

Рассмотрим семантические разряды наречий, для чего обратимся к структуре моделируемой ситуации и дополним ее схему:

Выделенные в схеме элементы и могут быть обозначены наречиями.

Признаком признака могут стать явления двух типов: внутренние свойства этого признака — его интенсивность, способ существования, продолжительность, сходство с другими признаками, а также внешние по отношению к нему обстоятельства — место его нахождения, время существования, причины, следствия, цели. Отражая эти сущности, наречия делятся на два класса: определительные и обстоятельственные.

Определительные наречия делятся в свою очередь на несколько подгрупп.

1. Качественные наречия обозначают признак, который может проявляться у другого признака в большей или меньшей степени: «Если вы с ним заговаривали, то он смотрел на вас чрезвычайно пристально и внимательно, с строгой вежливостью выслушивал каждое слово ваше» (Ф.М.Достоевский. Записки из Мертвого дома). Наречия пристально и внимательно обозначают варьирующиеся по степени признаки действия смотреть, что можно передать сравнительной степенью: смотреть пристальнее и внимательнее, а также наречием степени, как и сделано в тексте: чрезвычайно пристально.

2. Вторая группа — это наречия меры и степени (ср. чрезвычайно).

Еще пример наречия степени: «Степь была пустынна, ужасающе тиха» (М.А.Шолохов. Тихий Дон). А вот наречия со значением меры времени, отвечают на вопрос «как долго?»: «Я вернулся домой; но образ бедной Акулины долго не выходил из моей головы, а васильки ее, давно увядшие, до сих пор хранятся у меня» (И.С.Тургенев. Свидание).

3. Наречия способа действия выявляются вопросом «каким способом, каким образом?»: «Все голо и просторно, как в казарме... Сидели за столом, говорили вполголоса, будто на поминках» (Б.А.Можаев. Мужики и бабы).

4. Наречия уподобления, в которых признак отражен через сопоставление. Насколько это важный для языка способ называния признака признака, говорит то обстоятельство, что наречия имеют морфологическую модель, дающую наименования этого разряда:

«Она по-дамски и в то же время по-царски улыбается Бунину, хотя на всякий случай и грозит ему пальчиком: — Ах, Иван Алексеевич, Иван Алексеевич, зачем вы мне делаете публично такие комплименты!» (В.П.Катаев. Травя забвения).

Обстоятельственные наречия обозначают место, время, причину, цель действия. Проиллюстрируем несколько значений: 1. «Разрушение природы представлялось здесь в самом величественном и ужасном виде» (О.И.Сенковский. Ученое путешествие на Медвежий остров). Наречие места, отвечает на вопрос «где?». 2. «Ночью казаков сменили сибирские стрелки» (М.А.Шолохов. Тихий Дон). Наречие времени, отвечает на вопрос «когда?». 3. «И почему человек не может жить так, чтобы не было этих потерь и убытков? Спрашивается, зачем срубили березняк и сосновый бор? Зачем даром гуляет выгон? Зачем люди делают всегда именно не то, что нужно?» (А.П.Чехов. Скрипка Ротшильда). Наречие почему имеет значение причины, зачем — цели.

Словообразование наречий. Из приведенного материала мы видим, что наречия могут образоваться морфолого-синтаксическим (ночью) и лексико-синтаксическим (почему, зачем) способами. И это понятно, стоит учесть синтаксическую роль данной части речи. Когда слова разной частеречной принадлежности закрепляются в функции обстоятельства, их формы, не осложненные или осложненные служебными словами, могут отрываться от исконных парадигм, терять изменяемость и переходить в наречия.

На базе указанных способов складываются морфологические модели словообразования. У наречий их немного, но они весьма активны. Например, такова модель «качественное прилагательное + суффикс -о»: быстро, легко, громко. Активна модель образования наречий от прилагательных с помощью суффикса -и: дружески; с помощью приставки по- и суффиксов -и или -ому: по-царски, по-прежнему. Суффикс -жды образует наречия от числительных: трижды. Есть и внутричастеречное морфологическое образование с помощью приставок: долго → надолго.

Местоименные наречия. Наречия — это в основном отыменные образования, что очень интересно отразилось на их составе. Как и у имен, у наречий есть местоименные образования, которые не называют, а только указывают на качества и обстоятельства действий и других признаков предмета. Выделяются:

1. Указательные местоименные наречия образа действия: так, этак; места: там, тут, здесь; времени: тогда; причины: потому, поэтому; цели: затем.

2. Вопросительные местоименные наречия образа действия: как?; места: где?, куда?, откуда?; времени: когда?; причины: почему?, отчего?; цели: зачем?

3. Неопределенные местоименные наречия, образованные с помощью частиц кое-, -либо, -нибудь, -то, не-: где-то, куда-нибудь, кое-где, некогда (= «когда-то»).

4. Отрицательные местоименные наречия, образованные с помощью приставок не- и ни-: никогда, нигде, nowhere.

5. Относительные местоименные наречия относят придаточное к главному и выполняют роль союзного слова в сложном предложении и функцию обстоятельства в придаточном: «Он спросил, где я живу». Это наречия: как, где, куда, откуда, когда, почему, отчего, зачем.

§ 2. Слова категории состояния

В этой части речи объединяются слова, называющие состояние, которому приписано самостоятельное существование, наличие. Ср.: «Комната холодная» — признак «холодная» приписывается предмету, и существование признака этим предметом опосредовано; «В комнате холодно» — состояние «холодно» изображено как существующее самостоятельно, независимо от носителя. Морфологическим признаком этих слов является неизменяемость. Синтаксическая функция — главный член безличных предложений, почему их и называют еще безлично-предикативными словами. Синтаксические признаки данной части речи рассмотрим подробнее.

1. С помощью незначащих и полужначащих связок в предложениях со словами категории состояния выражается наклонение и время: «В доме было сухо и тепло от натопленной кафельной печи» (Б.А.Можаев. Мужики и бабы) — незначащая связка было; «Инженер не посмотрел на часы, шел с Мoneй, крайне озадаченный, хоть старался не показать этого, шадя свое инженерное звание. Мone даже смешно стало, глядя на него, но он тоже не показал, что смешно» (В.М.Шукшин. Упорный) — полужзначащая связка стало. Обе связки выражают изъявительное наклонение и прошедшее время.

2. Слово категории состояния подчиняет себе инфинитив, обозначая состояние, связанное с действием, названным глаголом: «Были здесь убий-

цы-невзначай и убийцы по ремеслу... Были и такие, про которых трудно было решить: за что, кажется, они могли прийти сюда? (Ф.М.Достоевский. Записки из Мертвого дома). К слову категории состояния трудно примыкает инфинитив решить. Здесь же уже знакомая нам незнача-тельная связка прошедшего времени.

3. Еще один важный синтаксический признак слов категории состояния — способность управлять дательным падежом субъекта и винительным падежом прямого объекта: «Слушала ее, глядела на ее глаза... Сначала мне было приятно и ново, но потом пробрал страх, я вскрикнул и сломя голову побежал в дом» (А.П.Чехов. Зиночка). Мне — это дательный субъекта, носителя состояния, названного словами категории состояния приятно и ново, снова мы видим незначающую связку прошедшего времени было.

«Ночь темна, но видно всю деревню с ее белыми крышами и струйками дыма, идущими из труб» (А.П.Чехов. Ванька). Форма деревню — это винительный падеж прямого объекта, управляет им слово категории состояния видно. Отметим, что в безличном предложении настоящее время изъявительного наклонения, выражено оно нулевой связкой: « ϕ видно деревню».

Пополняется данная часть речи за счет морфолого-синтаксического способа словообразования: в нее переходят наречия: тепло, близко; краткие прилагательные: видно, слышно; существительные: пора.

Семантические разряды слов категории состояния частично перекликаются с семантикой безличных глаголов: это названия состояний природы: тепло, сухо, дождливо; названия физических и психических состояний живых существ: страшно, больно; названия зрительных и слуховых восприятий: видно, слышно; пространственные и временные обозначения: далеко, близко, рано, поздно, пора. К категории состояния относится небольшое число слов с модальными значениями возможности, невозможности, долженствования, необходимости, запрета: можно, нужно, надо, нельзя, должно. Несколько афоризмов Э.Кроткого: «Таланта у него, безусловно, нельзя было отнять: таланта у него не было»; «Даже о плохих людях надо писать хорошие рассказы»; «Живопись не каша — ее и маслом испортить можно».

Служебные слова

§ 1. Предлоги

Мы переходим к рассмотрению служебных слов, которые не обладают номинативной функцией, не распространяют предложение и отражают отношения между элементами ситуации, а также уточняют значения членов предложения.

Предлоги — это служебные слова, которые отражают в своем значении отношения предмета к другим элементам ситуации, моделируемой в предложении. Как видим, это то же самое значение, какое имеет категория падежа имен существительных. Отсюда синтаксическая функция предлогов: они выражают связи существительного с другими членами предложения, уточняя и конкретизируя значения падежей. Морфологически предлоги неизменяемы.

Из всего сказанного нетрудно понять, что значения предлогов во многом совпадают со значениями косвенных падежей:

I. Объектное значение: «И я замечаю, что ей хотелось бы про детство свое поговорить, так как вы ее мать видели» (Н.С.Лесков. Павлин). Объект изъяснения детство у действия поговорить оформлен винительным падежом с предлогом про.

II. Определительное значение: «В сырой закопченной избе на широком прилавке пуховик, с изголовьем из мисюрской камки и с шелковым одеялом, а подле постели ларец из белой кости филиграновой работы» (И.И.Лажечников. Басурман). Признаки предметов изголовье, ларец обозначены существительными с предлогом из. Значение можно проверить смысловым вопросом: изголовье какое?, ларец какой?

III. Обстоятельственные значения:

1. Способа действия, качественной характеристики действия: «Люба со вниманием рассматривала и нюхала оставленный ей старою генеральшею флакон с ароматическим уксусом» (Н.С.Лесков. Павлин). Рассматривала как? — Со вниманием.

2. Пространственные значения: а) направление (куда? откуда?): «Троллейбус медленно отошел от остановки» (Э.Брагинский, Э.Рязанов. Берегись автомобиля!); б) место (где?): «Вокруг читателей висели лозунги» (А.Платонов. Чевснгур).

3. Временные значения: а) начало и конец временного отрезка: «... С Христова дня по Петров пост воскресенья называют гулящими; в полях возятся только мужики; а бабы и девки еще ткут красна, и которые из них помоложе, и повеселей, да посвободней в жизни, так ходят в соседние деревни или в усадьбы на гульбища» (А.Ф.Писемский. Плотничья артель); б) время по отношению к отрезку — перед, после, через: «... Я уж целый день оставался на воздухе, походя на больного, которому, после полугодного заключения, разрешены прогулки» (А.Ф.Писемский. Плотничья артель); в) отрезок времени: «В первую минуту ему страшно стало, но страх перешел в беспокойство» (А.М.Ремизов. Крестовые сестры).

4. Причинное значение: «Его всегда окутывали облака табачного дыма, а по застенчивости своей он выбирал в гостиной самые темные углы» (К.Г.Паустовский. Повесть о жизни). Выбирал почему? — По застенчивости.

5. Значение цели: «Начинается хождение женихов в дом невесты. Большею частию это делается на скорую руку, всегда назначается срок для выбора невесты, вследствие чего по с я г а в ш и е не имеют времени

узнать один другого» (Н.Г.Помяловский. Очерки бурсы). Срок для чего, для какой цели? — Для выбора. Отметим также причинный предлог вследствие.

6. Значение уступительности: «Но на другой день Цепка, несмотря на доброту свою, счел обязанностью донести о попытке дезертира» (Н.Г.Помяловский. Очерки бурсы).

В современном русском языке выделяется около двух десятков непроизводных предлогов, остальные получены и продолжают создаваться морфолого-синтаксическим (около, близ, возле, путем, благодаря, спустя) или лексико-синтаксическим (в силу, несмотря на, ввиду, по мере) способом.

Обратим внимание на отыменные предлоги типа в течение, в продолжение, вследствие, в силу, насчет, в связи с, ввиду. Эта группа активно пополняется новыми образованиями, поэтому представляет трудности при написании и, следовательно, требует обращения к словарю. Кроме того, эти предлоги характеризуются общей книжной окраской, употребляются в официально-деловых, научных текстах. Ср. предложения из работы Н.И.Бухарина «Политическая экономия рантье»: «Англия, в силу целого ряда обстоятельств получившая исключительное господство на мировом рынке, не боялась ничьей конкуренции»; «В связи с упадком „капиталистического духа“ в Голландии XVIII столетия буржуа, правда, не „феодализируется“, как в других странах, но, если так можно выразиться, он начинает страдать ожирением».

ЛИТЕРАТУРА

Бондаренко В.С. Предлоги в современном русском языке. М.: Учпедгиз, 1961.

§ 2. Союзы

Союзы — служебные слова, которые в своем значении отражают связи между элементами одной ситуации или между ситуациями. Поэтому синтаксически они осуществляют связь членов предложения в простом предложении и связь простых предложений в составе сложного. Морфологический их признак — неизменяемость.

Типы союзов по функции. С помощью союзов связываются синтаксически равноправные и синтаксически неравноправные элементы, поэтому выделяются две группы союзов по их функции: сочинительные и подчинительные. Сочинительные союзы, объединяя равноправные элементы, соединяют слова в простом предложении и простые предложения в сложной конструкции: «Молодой специалист, она хотела уяснить себе смысл и значение своей работы»; «Она рванулась к Зубру, но тот ее довольно-таки холодно осадил»; «Свои отношения выстра-

ивайте сами“» (Д.Гранин. Зубр). Подчинительные союзы, объединяющие неравноправные элементы, служат для связи главного и придаточного предложений внутри сложноподчиненной конструкции: «Когда вы дочитываете третий том „Самгина“, у вас получается впечатление, что там показаны маски, какие-то тени» (А.В.Луначарский. М.Горький — художник).

По значению сочинительные союзы разделяются на соединительные: и, ни... ни, да; противительные: но, а, да; ограничительные: однако; возмездительные: зато; противительно-следственные: а то, не то; сопоставительные: не только... но и, не столько... сколько; разделительные, передающие исключение: или, а также чередование: то... то; присоединительные: да и. Проиллюстрируем некоторые из этих значений.

Союз а выражает отношения противопоставления, поэтому один из элементов отрицается, и это нужно учитывать в правописании: частица не пишется с существительными, прилагательными, наречиями на -о раздельно, если элементы связаны таким союзом: «Не друг, а враг».

Союз но выражает отношения между явлениями, в чем-то противоречащими друг другу, но совместимыми, поэтому ни один из элементов не отрицается. Это тоже проявляется в орфографии: союз но не требует раздельного написания частицы не: «Конечно, он мой недруг, но все-таки родственник».

Союз зато выражает возмездительные отношения, при которых признаки и явления также оказываются совместимыми, а не исключающими друг друга, отсюда то же допущение слитного написания частицы не: «Неширокий, зато глубокий ручей» = «Узкий, зато глубокий».

Сопоставительные союзы состоят из двух частей, при их употреблении надо следить, чтобы эти части оказывались перед синтаксически равноправными элементами — однородными членами предложения, частями сложносочиненного предложения. Нельзя сказать: «Он не только хорошо читает, но и стихи его хороши». Нужно исправить: «Не только стихи его хороши, но и читает он прекрасно» или «Он не только хорошо читает, но и пишет хорошие стихи».

Наконец, нужно отметить значение присоединения, которое заключается в некоторой неподготовленности, неожиданности элемента, вводимого союзом да и: «Ни на один из этих вопросов ответить она не могла, да и не задавалась ими» (Д.Гранин. Зубр). Союзы и, а, но тоже могут выражать присоединительное значение. В том же «Зубре»: «Тогда А.К.Уралец осведомился: не желает ли он вызвать супругу? И место, оказывается, ей приготовлено — научным сотрудником лаборатории».

Значение подчинительных союзов вытекает из того, что они выступают для выражения отношений между ситуациями в том случае, когда одна из них отражается в речи как элемент другой ситуации: ситуация становится объектом, субъектом, обстоятельством действия другой ситуации. Поэтому естественно, что значения подчинительных союзов во многом сходны со значениями предлогов и падежей имени существительного, а также с семантикой наречий:

1. Изъяснительное значение: союзы **что, ли, чтобы**. Например: «Сколько он мог заметить, тетка ее не любила; бабушка ее ласкала и называла своим сокровищем, но трудно было угадать, от чистого ли сердца происходили ее ласки» (А.К.Толстой. Упырь). Союз **ли** присоединяет придаточное изъяснительное к главному, объектом действия угадать является ситуация «от чистого ли сердца происходили ее ласки».

2. Обстоятельственные значения: времени — **когда, пока, как только**; причины — **потому что, так как**; цели — **чтобы, дабы**; следствия — **так что**; условия — **если, коли**; уступительное — **хотя**, несмотря на то что; сравнения — **как, чем, словно, точно**.

На грани сочинения и подчинения стоят союзы пояснительные: то есть, как-то, а именно. Они соединяют неравноправные элементы, но этими элементами могут быть и члены предложения, и части сложного предложения, ср.: «Задолго до Макиавелли было известно: правдивость и искренность не самый надежный путь к политическому успеху, то есть к завоеванию и упрочению власти» (И.Клямкин. Почему трудно говорить правду); «„Чем объективнее, тем сильнее выходит впечатление“». То есть, по его же словам, объективность у него была мнимая, кажущаяся, а на самом-то деле это всего лишь литературный прием, основанный на стойком убеждении, что его потаенные „стенания и слезы“ тем вернее взволнуют и взбудоражат читателя, чем меньше он, автор, будет выпячивать их» (К.И.Чуковский. О Чехове). В первом случае союз **то есть** соединяет члены предложения, а во втором — предложения.

Как и предлоги, союзы могут быть **непроизводными**: **и, но**; **производными**, образующимися морфолого-синтаксически: **что, чем, как**, а также лексико-синтаксически: **так как, потому что, чтобы**.

§ 3. Частицы

Частицы — последний разряд служебных слов. Значение их заключается в том, что они вносят дополнительные смысловые оттенки в предложение или слово. Синтаксический признак — обслуживание значимых единиц всех языковых уровней: они обслуживают формообразование, словообразование и синтаксис. Морфологический их признак — неизменяемость.

С учетом синтаксического своеобразия частиц становится понятным набор их функций, в соответствии с которыми они делятся на три класса: **формообразующие, словообразующие и синтаксические**.

Формообразующие частицы по своим функциям делятся на две подгруппы. Во-первых, это частицы, которые участвуют в образовании форм слова при аналитическом способе выражения грамматического значения. Такова, например, частица **бы**, образующая формы сослагательного наклонения: **ходил бы**. Во-вторых, это частицы, которые уточняют значение грамматических форм. Например, частица **бывало** выражает значение

давнопрошедшего времени и тем самым конкретизирует значение формы прошедшего времени, образованной с помощью суффикса -л-. Частица -ка передаст смягчение повеления, а сами формы повелительного наклонения образуются другими средствами.

Словообразующие частицы образуют разряды неопределенных местоимений и местоименных наречий: кто-то, где-нибудь. Эти единицы указывают на некую неопределенность информации об элементе ситуации в оценке говорящего. Как отмечается в литературе, значение частиц представляет собой сведения о «теневой», скрытой, не выраженной развернутой ситуации. Рассмотрим несколько иллюстраций с формулировкой значения частиц: 1) «Кто тебе это сказал?» — «Какой-то из соседнего дома» — какой-то = ты не знаешь, и я точно не знаю; 2) «Кто тебе это сказал? Какой-нибудь из соседнего дома опять?» — какой-нибудь = я точно не знаю, но это вполне вероятно; 3) «Он узнал что-то интересное» — что-то = ты не знаешь, и я точно не знаю; 4) «Он узнал кое-что интересное» — кое-что = я знаю, но ты, по-моему, не знаешь; 5) «Он узнал что-нибудь интересное» — что-нибудь = я не знаю точно, что именно, но был выбор, поэтому интересное будет обязательно.

Помимо значения неопределенности, местоимения и наречия со словообразовательными частицами могут выражать оценку: «Городничий. ...Ты, душа моя, обращалась с ним так свободно, как будто с каким-нибудь Добчинским» (Н.В.Гоголь. Ревизор) — какой-нибудь = такой, с которым не стоит считаться, к которому я отношусь пренебрежительно.

Синтаксические частицы делятся на два класса: значимые и формальные. Первые вносят в высказывание дополнительные смысловые оттенки, вторые оформляют синтаксические конструкции. Последние тоже могут быть наделены значением, но строительная функция у них оказывается на первом месте.

А. Семантические разряды значимых частиц отражают цель, с которой говорящий использует частицу:

1. Говорящий выражает утверждение или отрицание. Утвердительные частицы да, ага, угу, так, точно, так точно в диалоге выражают согласие с репликой собеседника или указывают на выбор одной из альтернатив:

«Александр Иванович. Очень хорошо поет Мелас.

Иван Петрович (значительно). Мелас? О да! с большим чувством» (Н.В.Гоголь. Утро делового человека). Восклицание «О да!» выражает согласие с мнением собеседника.

«Вы изволили затерять нос свой? — Так точно» (Н.В.Гоголь. Нос). Вопрос предполагает два варианта ответа: «изволили» — «не изволили». Ответ «так точно» указывает, что избирается утвердительный вариант.

В монологе утвердительные частицы служат для подчеркивания мысли. В той же повести «Нос»: «коллежский ассессор отнял от лица платок» — и следует такая реакция: «— В самом деле, чрезвычайно странно! — сказал чиновник. — Место совершенно гладкое, как будто бы только что выпе-

ченный блин. Да, до невероятности ровное!». Мысль подчеркнута повтором с частицей да.

Отрицательные частицы не, нет, ни, отнюдь не, далеко не в диалоге выражают несогласие с собеседником. Представим, что в сцене «Утро делового человека» Иван Петрович на реплику «Хорошо поет Мелас» отвечает: «Нет» или «Отнюдь», это будет означать, что он не поддерживает мнение собеседника. Кроме того, в диалоге отрицательные частицы сигнализируют о выборе отрицательной альтернативы: в повести «Нос» при ином сюжете на вопрос «Вы изволили затерять нос свой?» мог бы прозвучать ответ «Нет».

В монологической частице не используется для подчеркивания мысли, ср. в стихотворении А.Блока:

Да, я винюсь в своей ошибке
Но... не прошу до смерти (нет!)

Той снисходительной улыбки,
С которой он смотрел мне вслед!

Отрицательные частицы в простом предложении могут выражать полное и частичное отрицание. Первое наблюдается, когда частица стоит перед сказуемым двусоставного предложения или перед главным членом односоставного: «Я не читал этой книги»; «Мне не холодно»; «Ни души». Второе наблюдается, если отрицательная частица стоит перед другим членом предложения и указывает на отрицание того или иного элемента ситуации. Ср.: «Я не читал этой книги» = не существует сама ситуация «я читал эту книгу»; «Я читал не эту книгу» = ситуация «я читал» существует, но с другим объектом.

2. С помощью частицы говорящий выражает уверенность или неуверенность по поводу всей ситуации или отдельного ее элемента. Это вероятностные частицы: едва ли, едва ли не, вряд ли, подлинно, истинно, авось, чай, будто бы, пожалуй, и есть (при сказуемом), будто (не в сравнении): 1) «Едва ли он придет» = я сомневаюсь по поводу ситуации «он придет»; 2) «Придет едва ли он» = я сомневаюсь по поводу субъекта ситуации «он придет»; 3) «Он подлинно талант» = ситуация «он талант» + «я уверен в этом»; 4) «Будто где-то стукнуло» = ситуация «где-то стукнуло» + «я сомневаюсь в этом».

3. С помощью частицы говорящий сигнализирует о переносном использовании языковой единицы. Сравнительные частицы — как, как будто, словно, ровно, точно. Ср. предложения: «За окном слышны детские голоса, словно ручеек журчит»; «За окном словно ручеек журчит». В первой конструкции отражено две ситуации — одна реальная («слышны голоса»), другая нереальная, воображаемая. Слово словно выражает связь между ними, соединяет два предложения и, следовательно, является союзом, подчинительным по функции и сравнительным по значению. Во второй конструкции слово словно не соединяет предложений, но и слов внутри простого предложения оно тоже не соединяет, поскольку обстоятельство за окном соединяется со сказуемым журчит за счет управления без всяких союзных средств. Это говорит о том, что словно не является в этом предложении союзом. Какова же его функция? Словно указывает адресату, что в высказывании не отражается реальная ситуация «ручеек журчит», что высказывание надо понимать переносно, метафорически, а как имен-

но его нужно понимать — покажет дальнейшее разъяснение, например: «За окном словно ручеек журчит. Ребятишки что-то обсуждают». Таким образом, сравнительные частицы сигнализируют о том, что в действительности нет той ситуации, которая смоделирована в предложении, нет элемента ситуации, названного словом с частицей, они предупреждают адресата, что либо все предложение, либо слово в нем надо понимать метафорически: «За рекой, по ту сторону гребли, как бы взлетали к небу огромные тополя и белел маленький дом» (К.Г.Паустовский. Повесть о жизни). Частица как бы показывает, что в ситуации нет действия взлетать, что слово это надо понимать иносказательно: тополя поднимались высоко в небо.

4. С помощью частицы говорящий выражает свое эмоциональное отношение к сказанному. Это эмоциональные частицы уж, же, всё, как, какой, что за, вот то-то, ведь, куда как, неужто, неужели, разве, да ну, ужели, ужель. Это может быть положительная эмоциональная реакция: «Осип, душенька! какой миленький носик у твоего барина!..» (Н.В.Гоголь. Ревизор). Это может быть и отрицательная реакция. В «Ревизоре» же: «Анна Андреевна. Где ж, где ж они? Ах, боже мой!.. (Отворяя дверь.) Муж! Антоша! Антон! (Говорит скоро.) А всё ты, а всё за тобой. И пошла копать: „Я булабочку, я косыночку“». Как видно из списка частиц, в этой группе есть единицы, оформляющие эмоциональный вопрос: «Неужели это возможно?»; «Мне пришел ответ». — «Да ну?!»

5. С помощью частицы говорящий выделяет, подчеркивает ситуацию или ее элемент. От того, какую сторону ситуации или элемента подчеркивает говорящий, различаются несколько видов частиц этой группы:

— Говорящий оценивает количественную сторону элемента. Это количественные частицы всего, только, лишь, исключительно, чуть, почти, чуть не, всё, единственно, чуть ли не, точно: 1) «Ему всего три года» = «ему три года» + «я считаю, что это мало»; 2) «Только Петя принес книгу» = «Петя принес книгу» + «я считаю, что это — мало, ожидалось, что и другие принесут»; 3) «Отрезал ровно метр ситца» = «отрезал метр» + «равно запрашиваемой норме»; 4) «Всё сильнее ветер» = «ветер сильнее» + «я подчеркиваю нарастание».

— Говорящий подчеркивает ситуацию или ее элемент за счет сопоставления их с чем-то подразумеваемым. Это усилительные частицы даже, же, и, ведь, все-таки, как раз, то: 1) «И я сказал об этом» = «я сказал» + «как и другие»; 2) «Я сказал и об этом» = «я сказал об этом» + «как и о другом»; 3) «Я сказал даже об этом» = «я сказал об этом» + «о другом тоже, но несколько неожиданно»; 4) «Я сказал именно об этом» = «я сказал об этом» + «не о другом»; 5) «Ты все-таки виноват» = «ты виноват» + «хотя отрицаешь это или не знаешь об этом»; 6) «Дай мне такую же книгу» = «дай книгу» + «как другая»; 7) «Книгу-то ты мне дай» = «дай книгу» + «о которой шла речь».

— С помощью частицы говорящий указывает на элемент или ситуацию и тем выделяет их. Это указательные частицы вот, вон: 1) «Вот парадный подъезд» (Н.Некрасов) — указание на находящийся предмет; 2) «Вот

певец взял в руки пандур. Я знаю, что у певца хороший голос, так зачем же он так долго и бездумно бренчит, прежде чем начать песню?» (Р.Гамзатов. *Мой Дагестан*) — призыв к адресату представить рисуемую ситуацию. Напомним об усилительной же.

— Говорящий выделяет главное слово вопроса, при запрашивании информации подчеркивает интересующий его элемент. Это вопросительные частицы *ли, ль* и уже указанные эмоционально-вопросительные *неужели, ужели* и др.:

Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться,
Царь, да Сибирь, да Ермак, да тюрма.
Эх, не пора ль разлучиться, раскаяться.
Вольному сердцу на что твоя тьма?
(А.Блок)

Вопросительные частицы выделяют слова *вместе, пора*.

Б. Синтаксические формальные частицы оформляют границу между главным и придаточным внутри сложного предложения: «Если вас зовут, то надо идти сразу». Кроме того, они являются сигналами чужого слова: *мол, де. В «Ревизоре»:*

«О с и п. Еще, говорит, и к городничему пойду; третью неделю барин денег не платит. Вы-де с барином, говорит, мошенники, и барин твой — плут. Мы-де, говорит, таких шерамыжников и подлецов видали».

Грамматические признаки частиц. 1. Уже говорилось, что частицы являются неизменяемыми словами, однако у некоторых из них сохранились следы варьирования в зависимости от условий контекста:

а) частица *давай (давайте)* формообразующая, используется при образовании форм совместного действия — первое лицо повелительного наклонения. Это два варианта одной частицы, которые образуют две формы совместного действия: *давай играть — давайте играть;*

б) усилительная частица *взять* и дублирует форму сказуемого: *я возьму и расскажу, ты возьмешь и расскажешь, мы взяли и рассказали, возьми и расскажи;*

в) эмоциональная частица *какой* согласуется со словом, которое она выделяет в тексте: «Какой сад», «Какая ночь!»

2. Как служебные слова, частицы не являются членами предложения, место их во фразе либо не закреплено: только, да, нет, либо закреплено, при этом часть из них стоит перед словом, к которому относится: что за крик?, а часть — после слова: я же говорил. Частицы могут выступать в качестве нечлененого предложения: «Ты поедешь?» — «Едва ли».

3. Состав частиц пополняется за счет морфолого-синтаксических и лексико-синтаксических образований: всё, всего, прямо, ровно, как, знай, давай, бывало, было, пусть, пускай; едва ли, да ну, что за.

Стилистическое использование частиц. Учитывая, что частицы позволяют внести в предложение субъективно-авторскую окраску, мы не ошибемся, если скажем, что основная область их функционирования — разговорная речь, а за ней — художественная и публицистическая, ими-

тирующие непосредственное и непринужденное общение с адресатом или стилизующие разговорную речь. Вот отрывок из романа Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы»:

«Смердяков нисколько не испугался. Он только с безумной ненавистью приковался к нему глазами.

— Ан вот вы-то и убили, коль так, — яростно прошептал он ему.

Иван опустился на стул, как бы что рассудив. Он злобно усмехнулся.

— Это ты всё про тогдашнее? Про то, что и в прошлый раз?

— Да и в прошлый раз стояли предо мной и все понимали, понимаете и теперь.

— Понимаю только, что ты сумасшедший.

— Не надоест же человеку! С глазу на глаз сидим, чего бы, кажется, друг-то друга морочить, комедь играть? Али всё еще свалить на одного меня хотите, мне же в глаза? Вы убили, вы главный убивец и есть, а я только вашим приспешником был, слугой Личардой верным, и по слову вашему дело это и совершил».

В диалоге героев речь неподготовленная, страстная, поэтому в ней нужно выделить важные элементы, выразить эмоции, для чего и используются частицы. Повествователь также не избегает частиц, поскольку изобразительность письма уживается с субъективной окраской речи.

ЛИТЕРАТУРА

Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании: На материале славянских языков. М.: Наука, 1985.

Модусные слова

Последние две части речи — модальные слова и междометия — стоят на грани знаменательных и служебных слов, поскольку, не обладая номинативной функцией, они не являются, однако, и подчиненными, служебными элементами: они не обслуживают грамматических отношений между словами или предложениями, как это делают предлоги и союзы, они не модифицируют семантику отдельного слова, как это делают частицы. Эти слова обслуживают высказывание в целом, не устанавливая грамматических связей с его членами. Их семантика обусловлена открытым представлением говорящего в тексте.

§ 1. Модальные слова

Значение этих слов — выражение уверенности или неуверенности говорящего в достоверности сказанного, отсюда две семантических разно-

видности: выражение уверенности — конечно, разумеется; выражение неуверенности — может быть, наверное, должно быть. Морфологический признак модальных слов — неизменяемость. Синтаксических функций у них две: они выполняют роль вводных слов в предложении и роль нечленяемых предложений. Вот отрывок из рассказа Ф.М.Достоевского «Чужая жена и муж под кроватью»:

«Дама подала руку остоленелому Ивану Ильичу и почти ущипнула, а не сжала ее.

— Monsieur Творогов! Мой знакомый; на бале у Скорлуповых имели удовольствие видеться: я, кажется, говорила тебе? Неужели ты не помнишь, коко?

— Ах, конечно, конечно! ах, помню! — заговорил господин в енотовой шубе, которого называли коко».

Первую функцию выполняет модальное слово кажется, вторую — модальное слово конечно.

Пополняются модальные слова за счет морфолого-синтаксического и лексико-синтаксического способов: безусловно, конечно, верно, видно, правда, кажется, разумеется; должно быть.

§ 2. Междометия

Междометия — это слова, выражающие эмоции и волеизъявления говорящего прямо, а не путем называния этих состояний. Морфологически междометия являются неизменяемыми. Их синтаксическая функция — осложнение структуры простого предложения или его члена и формирование нечленяемых предложений.

Междометия делятся на два семантических класса: эмоциональные и императивные. Пример эмоционального междометия:

«А женщина любящая, о, женщина любящая — даже пороки, даже злодейства любимого существа обоготворит. Он сам не подыщет своим злодействам таких оправданий, какие она ему найдет. Это великодушно, но не оригинально. Женщину погубила одна лишь неоригинальность. И что ж, повторяю, что вы мне указываете там на столе? Да разве это оригинально, что там на столе? О-о!» (Ф.М.Достоевский. Кроткая).

Эмоциональные междометия могут быть многозначными, как это «О!», когда его смысл уточняется жестами и интонацией, а могут быть и однозначными, как, например, увы.

Императивные междометия выражают призыв — ау, алло; команды — вира, майна, стоп; требования, например, тишины, осторожности — тсс; воздействия на животных — брысь, тпру, кыш, кис-кис. Вот сцена из рассказа «Чужая жена и муж под кроватью»:

«— О, боже мой, как лает эта собачонка!

— Тс! Ах, и в самом деле... Это оттого, что вы все болтаете. Видите, вы разбудили собачонку. Теперь нам беда. <...>

— Ами, Ами, сюда! — закричала хозяйка, — *ici, ici*».

Наряду с эмоциональными междометиями *о*, *боже мой*, *ах*, здесь использовано и императивное *тс*. Французское *ici* (сюда) также выполняет функцию императивного междометия.

Междометия могут варьировать свою звуковую оболочку: *ба-ба-ба*, *ох-хо-хо*, *ого-го*. Кроме непроизводных (*ах*, *о*, *а*, *ух*, *эй*), есть междометия, образованные морфолого-синтаксически: *боже*, *господи*, *черт*, *подумаешь*, а также много междометий-фразеологизмов: *черт возьми*, *вот те на*.

В художественных текстах возможны каламбуры, построенные на междометиях. Таков, например, сквозной каламбур в романе Булгакова «Мастер и Маргарита», где герои говорят: «Черт, слышал все», «Черт знает что такое! — шипел Римский, щелкая на счетной машинке», а по сюжету мы переосмысливаем эти выражения в высказывания «Черт слышал все», «Черт знает, что такое», так как среди действующих лиц в самом деле есть черт, который и слышит и знает.

Эмоциональная речь героев художественных произведений, как видно и из приведенного материала, бывает насыщена междометиями, наряду с эмоциональными частицами и другими средствами выражения эмоционального состояния.

Для того чтобы закончить описание грамматических классов слов, нужно сказать о звукоподражаниях, словах, которые с помощью языковых звуков воспроизводят звуки неязыковые — крики животных, различные шумы. Эти слова выступают как нечленимые предложения. Вот сцена из лирической повести В.Каменского «Землянка»:

«Так я бродил до солнца, а на восходе потом долго лежал на мягкой росистой лесной полянке, бездумно поглядывал вокруг и слушал птиц.

На верхушке ели, на солнечном пригреве сидел дрозд и кричал:

— Чу-чи!.. Чур-чух!.. Чию-чу!.. Трчи-трчи!..

Ему звонко отвечал товарищ:

— Чух-чиу!.. у-рчи-трчи!.. рчи-чи-ча-ш.

Рядом с елью, в листьях, мне настойчиво слышалось:

— Пциу-пциу-пциу!.. Чииц-чииц!»

Звукоподражания могут субстантивироваться. Например, у Булгакова Маргарита слышит «бумс, бумс, бумс», а потом думает: «И какая тоска от этого „бумса“!» Напомним также о междометных глаголах, которые могут быть звукоподражательными и выполняют функцию простого сказуемого: «Он шлеп-шлеп по лужам».

ЛИТЕРАТУРА

Германович А.И. Междометия русского языка. Киев: Рад.шк., 1966.

Глава V

СИНТАКСИС СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Предложение и связи слов в предложении

§ 1. Предложение

Предложение — это единица синтаксического уровня языка, которая строится из единиц нижележащего лексического уровня, т.е. из слов. Предложение представляет собой реализацию речевого намерения говорящего — передать информацию о ситуации или реакцию на ситуацию, причем условием реализации коммуникативной задачи является связь сообщаемого с ситуацией общения. Мы не раз говорили о том, что при моделировании ситуации предмету мысли приписывается признак, который оценивается как реальный или нереальный, как реальный в прошлом, настоящем или будущем, а субъект этого признака соотносится с участниками разговора — не говорящий ли? не адресат ли? а может быть, тот, кто стоит вне разговора?

Вот модель ситуации: «Я пишу письмо».

Вот ситуация общения: говорящий — момент речи — адресат.

Почему действие писать воплощено в форме изъявительного наклонения? Потому что говорящий оценивает его как реальное. Почему это действие воплощено в форме настоящего времени? Потому что оно совпадает с моментом речи. Почему его субъект воплощен в форме личного местоимения первого лица? Потому что он совпадает с говорящим. Только осуществив все эти связи, мы можем передать сведения с ситуации.

Иной тип речевого намерения — реакция на ситуацию. Вот предложение «Ой!» Реализована ли в нем коммуникативная задача? Конечно. Говорящий испугался или удивился, т.е. вычленил в окружающей его действительности некое положение дел. Но он не моделирует ситуацию, а выражает непосредственную реакцию на нее, воплощенную в слове. Связь с ситуацией общения налицо: субъект такой реакции — говорящий, реакция одновременна с моментом речи, модальные ее характеристики различны: эмоциональная реакция, реакция волеизъявления: «Саша!», «Брысь!» В обоих случаях конструкции, выразившие речевое намерение говорящего, оформляются законченной интонацией.

Таким образом, мы определяем предложение как синтаксическую единицу, выражающую коммуникативное намерение говорящего и оформленную законченной интонацией и грамматически.

В семантическом плане предложение характеризуется предикативностью, о которой у нас уже не однажды шел разговор. Предикативность — соотнесенность содержания высказывания с действительностью в плане его модальной и временной оценки, что, как мы знаем, осуществляется говорящим, рисуя содержание как реальное или ирреальное и при первой оценке соотносящим его с моментом речи. Таким образом, предикативность реализуется в двух синтаксических категориях — в синтаксическом наклонении и синтаксическом времени.

Предложение имеет шесть синтаксических наклонений:

1) изъявительное, которое выражает реальность ситуации в настоящем, прошлом или будущем и поэтому существует в трех временах: «Я пишу письмо», «Я писал письмо», «Я буду писать письмо»;

2) сослагательное, которое выражает возможность ситуации: «При таких-то условиях всю жизнь писал бы я эти письма»;

3) условное, выражающее ситуацию, которая могла бы иметь место при наличии другой ситуации. Наклонение это существует в сложном предложении: «Если бы у меня было время, я написал бы это письмо»;

4) желательное наклонение выражает пожелание ситуации, не обращенное к адресату: «Письмо бы написать!»;

5) побудительное (повелительное) наклонение выражает пожелание ситуации, обращенное к адресату: «Напиши письмо!»;

6) долженствовательное наклонение выражает необходимость ситуации: «Что я, каждый день ему пиши?»

Синтаксические категории наклонения и времени выражаются морфологическими средствами — глагольными формами наклонения и времени; лексическими средствами — частицами, например, частицей *бы*; интонацией, например, «Молчать!»; структурой предложения, например: «Ночь» — предложение имеет изъявительное наклонение и настоящее время.

По типам коммуникативного намерения предложения делятся на несколько разновидностей. Коммуникативные задачи говорящего можно разделить на три группы: передача информации; запрос информации; непроизвольная эмоциональная реакция.

1. Передаваемая информация может быть двух типов: 1. Констатация положения дел, которое оценивается как реальное или ирреальное, но не требует действия адресата. Это повествовательные предложения в изъявительном, сослагательном, условном, желательном и долженствовательном наклонениях. 2. Побуждение адресата к действию. Это предложения прежде всего в побудительном наклонении. Функцию побудительных предложений могут выполнять конструкции и в других наклонениях — желательном, условном.

II. Запрос информации осуществляется в формах вопросительных предложений. Что же мы можем запрашивать? Во-первых, сведения о том или ином элементе ситуации, в этом случае мы строим предложение с вопросительными словами: «Кто пришел?», «Куда он уехал?» Во-вторых, подтверждение или отрицание наших сведений о ситуации: «Он приехал?» — «Да» или «Нет». В-третьих, согласие или несогласие адресата с мнением или предложением говорящего: «Так я пойду?» — «Да-да» или «Ни в коем случае».

Повествовательные, побудительные и вопросительные предложения могут быть эмоционально окрашены, тогда возможно появление восклицательной интонации: «Неужели он это сказал?!»

III. Непроизвольная эмоциональная реакция дает нам эмоциональные нечленимые предложения типа «О!», «Ах!», «Бр-р-р!».

Итак, по коммуникативному намерению предложения разделяются на повествовательные, побудительные, вопросительные и эмоциональные.

При построении предложения мы опираемся на информационную базу акта общения — актуальные знания, общие для говорящего и адресата в данной ситуации общения. Перед началом коммуникативного акта эта база прогнозируется говорящим, с развертыванием диалога и монолога общие знания накапливаются. Представим такой диалог: «Я приехал вчера вечером». — «Автобусом?» — «Нет, автобус приходит утром. А вечером только поезд». Первое предложение создало информационную базу. Опираясь на нее, второй говорящий затребовал новую информацию: в его вопросительном предложении все предшествующее высказывание составило базу, а новое выражено словесно «Автобусом?». Первый говорящий, отвечая на этот запрос, отвергает предложенный вариант, но сведения об автобусе уже вошли в информационную базу диалога, поэтому в ответе фрагмент «автобус приходит» — это старое, известное, а новое — время действия «утром». Второе предложение в речи того же говорящего также использует накопленные сведения: «вечером приходит» — это старое, а новая информация — «поезд». Как видим, информационная база акта общения постоянно меняется, пополняется новыми сведениями. Используя эту базу, предложение в коммуникативном отношении делится на две части — старое, известное, и новое, то, ради чего создается высказывание. Старое обозначается термином «тема», а новое — термином «ядро» (второе название — рема). Членение на тему и ядро — это актуальное членение предложения.

В структурном плане предложение как объединение слов представляет собой набор позиций для составляющих его элементов. Откуда же берутся эти позиции? Здесь нам необходимо вспомнить, что слово обладает сочетаемостными возможностями, валентностями, в зависимости от которых выделяется четыре типа лексического значения слов. Вот эти валентности и создают места для членов предложения. Представим, что мы на перемене между лекциями подошли к расписанию занятий в коридоре.

Представим далее, что, почитав это расписание, мы начали высказывание со слова «аудитория...», именно в такой форме именительного падежа. Какое будет продолжение? У слова аудитория свободное значение, но именительный падеж показывает, что существительное заняло позицию подлежащего, значит, возникла позиция, на которую встанет обозначение преддицируемого признака, т.е. позиция сказуемого. Допустим, мы интересуемся не всякой аудиторией, а вполне определенной, той, где у нас должны быть занятия. Слово аудитория позволяет поставить конкретизатор на позицию определения. Таким образом, у нас есть набор трех позиций: подлежащее — определение — сказуемое. Используя сведения о положении дел, почерпнутые нами из расписания, мы строим фразу: «Аудитория наша занята». Причастие, которое мы поставили на позицию сказуемого, создало в предложении свои позиции, и мы можем их заполнить, продолжив, например, так: «Аудитория наша занята почему-то вторым курсом».

Позиции, составляющие структуру предложения, бывают двух типов в зависимости от того, связаны ли они с выражением предикативности. Главные позиции — те, которые входят в предикативный центр предложения. Это позиции подлежащего и сказуемого, предназначенные для предмета мысли и приписываемого ему признака. Бывает так, что главная позиция совмещает в себе семантику предмета мысли и преддицируемого признака. Позиции, которые не связаны с выражением предикативности, являются второстепенными.

По наличию главных позиций предложения делятся на такие группы: 1) с двумя главными позициями — двусоставные; 2) с одной главной позицией — односоставные; 3) с позицией, которая замещается словом-реакцией на ситуацию, — нечленимые.

Итак, предложение в структурном отношении представляет собой комплекс позиций, обусловленный сочетаемостными возможностями слов. Следовательно, нам нужно рассмотреть, какие связи могут устанавливаться между словами, объединяя их в предложение.

§ 2. Согласование

Основные типы связей между словами объясняются их грамматической природой и их лексическим значением.

Обратимся к имени существительному. Оно обозначает предмет как самостоятельную совокупность признаков. А прилагательное, глагол, местоименное прилагательное обозначают признаки предмета, процессуальные и непроцессуальные. Такое «наложение» частеречных значений не может не отразиться на связях этих слов. Связи тоже характеризуются своеобразным наложением. Сравним грамматические признаки слов в сочетании большая комната = существительное женского рода, единственного числа, именительного падежа + прилагательное женского рода, единственного числа, именительного падежа. Если мы изменим граммати-

ские характеристики существительного, прилагательное откликнется на эти изменения: большой кабинет, к большому окну. Прилагательное уподобляет свои категории одноименным категориям существительного. Такая связь называется согласованием.

Рассмотрим, с какими еще частями речи у существительного устанавливается эта связь. Вот сочетания: «Ученик читает», «Ученики читают». Число глагола явно уподоблено числу имени существительного. Перед нами тоже согласование, которое наблюдается и в прошедшем времени, и в сослагательном наклонении, где в единственном числе добавляется согласование по роду: «Ученик читал», «Ученица читала», «Ученики читали».

Случаи совмещения согласования с другими связями мы рассмотрим в дальнейшем.

§ 3. Координация

Вернемся к сочетаниям «Ученик читает», «Ученики читают». Мы рассмотрели только связь глагола и существительного по числу, обнаружив здесь уподобление одноименных категорий, т.е. согласование. Но у глагола много категорий. Связаны ли они с существительным? Вид, наклонение и время явно не связаны, поскольку выбор их свободен: при неменяющемся существительном ученик мы можем употребить любое время (читает, читал, будет читать), любое наклонение (читает, пусть читает, читал бы) и глагол любого вида (читал, прочитал). А как ведут себя лицо и залог? У глагола три формы лица, существительное этой категории не имеет, следовательно, согласования быть не может. Что же приходится делать говорящему, чтобы употребить личную форму глагола при существительном ученик? Ему приходится выбирать из трех форм ту, которая подходит по семантике к моделируемой ситуации. Он не выберет первое лицо, потому что действие читать совершает не сам, не выберет он и второе лицо, так как действие совершает не адресат. А третье — вполне устроит говорящего, ведь действие производит лицо, не участвующее в прямом обмене репликами.

Связь, при которой говорящий должен выбирать из нескольких форм зависимого слова ту, которая подходит по своей семантике для моделирования данной ситуации, называется координацией. Таким образом, по лицу глагол читает координирует со словом ученик, а по числу, напомним, согласуется с ним.

Теперь нам проще разобраться с залогом. Если говорящий решил моделировать ситуацию так, чтобы предметом мысли стал субъект действия, он изберет действительный залог. Если он решил моделировать ситуацию так, чтобы предметом мысли стал прямой объект действия, он изберет форму страдательного залога. Мы видим тот же выбор форм в зависимости от семантики, необходимой для моделирования ситуации. Следовательно, перед нами снова координация.

Координация наблюдается в выборе рода в прошедшем времени и сослагательном наклонении глагола при местоимениях *я, ты*. Мы помним, что род выбирается в зависимости от пола действующего лица, а в фантастическом мире, где говорят животные и предметы, род избирается в соответствии с родом замещаемого существительного. То же самое касается рода прилагательных, занимающих позицию сказуемого при таких местоимениях. Вспомним у Пушкина: «Ветер, ветер! Ты могуч».

В языке есть случаи, когда координация тесно переплетается с согласованием. Рассмотрим примеры.

Когда мы употребляем приложение, мы используем согласование существительного с существительным: «Я увидел старика сторожа», «Я подошел к старику сторожу». Падеж приложения уподобляется падежу определяемого слова, следовательно, это согласование. Наблюдается и согласование по числу: «Она приехала со своей красавицей дочерью», «Она приехала со своими красавицами дочерьми». Но вот что происходит с родом? Введем еще предложение: «Она приехала со своими красавцами сыновьями». Похоже на согласование, не правда ли? Для выяснения вопроса вначале отвлечемся от приведенного материала и рассмотрим случаи доморазвалюха, поле-кормилец. По падежу и числу между словами согласование. А род у определения и определяемого слова не совпадает. Это происходит потому, что существительные не изменяются по родам, значит, язык должен был допустить разницу в роде двух существительных, если у говорящего возникла потребность сделать одно из них приложением к другому.

А сейчас вернемся к сочетаниям «красавец сын» и «красавица дочь». Мы видим в них иную связь по сравнению с синонимичными «красивый сын» и «красивая дочь». Прилагательное имеет изменяемый род и поэтому может уподобить свою форму рода роду существительного. Но существительное красавец имеет мужской род, а существительное красавица — женский, и изменить свой род они не могут. Что же делает говорящий? Он выбирает не форму, а слово, род которого удовлетворяет условиям моделируемой ситуации. Таким образом, операция выбора роднит эту связь с координацией. Но есть и отличия. Во-первых, как уже говорилось, выбирается слово, а не форма. Во-вторых, до сих пор мы видели, что координируемая категория принадлежит зависимому слову, а главное слово ее не имеет: существительное не имеет лица — глагол координирует с ним свою личную форму; местоимения *я, ты* не имеют рода, глагол или прилагательное координируют с ними свою форму рода. Здесь же род есть и у зависимого, и у главного слова, и в результате выбора они оказываются одинаковыми, как при согласовании. Мы имеем синтаксическую связь, объединяющую признаки координации и согласования, и можем назвать ее координацией-согласованием.

Такую же связь, только по категории лица, мы наблюдаем между личными местоимениями *я, ты, мы, вы* и глаголами первого и второго лица настоящего и будущего времени, а также повелительного наклонения:

я пишу, ты пишешь. Мы видим совпадение лиц у местоимения и глагола, что и напоминает согласование. Однако тождества с этим типом связи здесь нет. Почему? Во-первых, лицо местоимения отнюдь не тождественно лицу глагола. У глагола это словоизменительная категория, три лица — это формы одного слова. У местоимений это классифицирующая категория: я и ты — два разных слова. Таким образом, устанавливается связь между лексическим значением местоимения и грамматическим значением формы глагола. Во-вторых, посмотрим на сам глагол. Так ли уж он нуждается в местоимении? Если мы услышим предложение «Иду», мы не будем задавать вопрос «Кто?» На субъект однозначно указывает окончание, и местоимение я ничего нового к содержанию высказывания не прибавляет. Вот и получается, что мы скорее из местоимений выбираем то слово, которое подходит к глагольной форме, уже обозначившей субъект ситуации. Снова возникают отношения типа координации-согласования.

§ 4. Управление

Управление — это связь, при которой главное слово требует от зависимого определенного падежа. В падеже отражаются связи предмета с другими элементами ситуации, синтаксически падеж выражает связи существительного с другими словами. Значит, управление — это связь, обслуживающая подчинение имен существительных глаголам, прилагательным, числительным, наречиям и другим существительным.

В лексическом значении глагола, как уже говорилось, свертывается целая ситуация. Когда мы развертываем это значение в предложение, многие возникающие при этом позиции заполняются как раз управляемыми существительными: «Я читаю книгу младшему брату» — глагол читать управляет винительным падежом существительного книга и дательным существительного брат.

Приведем примеры, когда существительным управляют другие части речи: «красный по краям платок» — существительное управляется именем прилагательным, дательный падеж имеет значение ограничения признака; «он пробежал быстрее одноклассников» — наречие управляет родительным падежом, имеющим значение сравнения, «тысяча книг» — числительное управляет родительным падежом.

Управление может быть предложным и беспредложным, что прямо вытекает из его сути: при этой связи подчиненным оказывается падеж зависимого слова, а значения падежей часто уточняются предлогами.

Слово с конструктивно обусловленным значением может требовать двойной связи управления: «Я считаю его своим другом» — глагол считать для реализации своего лексического значения требует одновременного управления винительным и творительным падежами. Это управление так и называется двойным.

§ 5. Примыкание

Досих пор мы говорили об изменяемых словах, у которых может изменяться род, число, падеж, лицо, залог. Но в языке есть неизменяемые знаменательные слова — наречия, категория состояния, а также неизменяемые формы изменяемых слов — простые формы сравнительной степени прилагательных, инфинитив и деспричастие у глагола. Они ничего не могут уподобить главному слову, не могут подчинить ему падеж, которого у них нет, у них одна словоформа, поэтому говорящему не из чего выбирать, как он делает это при координации. Такие слова способны только к смысловой зависимости от главного слова: когда мы задаем от главного слова вопрос, они могут служить на него ответом. Ср.: «Как бежать? — Быстро», «Когда приехал? — Вчера» и сочетания «бежать быстро», «приехать вчера». Эта смысловая зависимость подчиненного слова от главного называется примыканием.

Иногда такая связь может возникать у изменяемых слов. Вот примеры примыкающего именительного падежа: рейс Москва — Киев, дом номер восемь.

§ 6. Параллельные связи

Мы уже видели, что между словами могут устанавливаться разные связи по разным категориям. Вспомним в сочетании «Ученик читает» согласование по числу и координацию по лицу. Здесь связи исходят из одного слова и направлены к другому: глагол подчиняет свои категории имени существительному. Существуют более сложные рисунки связей.

1. Может быть однонаправленная зависимость одного слова сразу от двух слов. Ср. сочетания «Раствор становится прозрачным», «Смесь становится прозрачной». Прилагательное подчиняет свой падеж глаголу, а род и число — существительному, с первым устанавливается управление, со вторым — согласование. Кстати, такое согласование, при котором зависимое слово уподобляет главному только часть способных к уподоблению категорий, называется неполным.

Уже знакомое нам двойное управление тоже может приводить к двойным однонаправленным связям и неполному согласованию: «Считаю это решение неудачным», «Считаю эти решения неудачными», «Считаю этот выход неудачным» — глагол управляет падежом прилагательного, а род и число его согласуются с существительным.

2. Связи могут быть встречными, когда возникает взаимозависимость двух слов. Мы помним, что числительное управляет существительным в именительном и винительном падежах и согласуется с ним в остальных: пять столов — управление, пяти столам, пятью столами — согласование, причем в первом сочетании главным словом является числительное, а в двух других — существительное. А сейчас вспомним особенности сочетаний типа два журнала — две книги. В именительном и винительном па-

дежах числительное управляет родительным падежом существительного, но само согласуется с ним в роде. То же самое: оба журнала, обе книги. Такой же параллелизм наблюдается в сочетаниях типа «один из домов», «одна из стен», «одно из кресел», где числительное с помощью предлога управляет родительным падежом существительного, но само согласуется с ним в роде. Таким образом, взаимозависимость налицо.

§ 7. Семантические и функциональные характеристики связей

С помощью слов и перечисленных связей между ними в предложении моделируется ситуация. И из этого с полной очевидностью вытекает, что связи согласования, координации, управления и примыкания передают уже хорошо известные нам отношения предикативного признака (координация и согласование «Ученик читает», согласование «Погода замечательная»), субъектные (управление «Мальчику холодно», «Письмо пишется учеником», «У меня не было этой книги»), объектные (управление «Я пишу письмо брату»), определительные (согласование «белый платок», управление «дом из камня», примыkanie «книга поинтереснее», «рейс Москва — Хабаровск»), обстоятельственные (управление «войти в комнату», примыkanie «работать вечером»).

Рассмотренные связи могут быть сильными и слабыми, в другой терминологии — обязательными и факультативными. Например, в предложении «На Урале этим летом была ... погода» отмеченная позиция требует обязательного заполнения ее определением. В данном употреблении слово погода наделено сильным согласованием, реализация его значения возможна только при наличии связи, наделенной определительным значением: хорошая погода, плохая погода. Отметим, что согласование здесь типичная связь. Реализовать свое лексическое значение данное существительное могло бы и с помощью сильного примыкания, выражающего то же определительное значение: «На Урале этим летом была погода лучше некуда».

В сочетании «Он пишет письмо красными чернилами» управление винительным падежом сильное, а творительным — слабое. В сочетании «Он не может ехать быстро» примыkanie инфинитива сильное, а наречия — слабое.

Итак, сильные связи характерны для конструктивно обусловленных значений слов и являются условием реализации этих значений. Слабые связи — это связи, которые зависят только от нашего коммуникативного намерения отразить ситуацию с той или иной степенью детализации. Если нам нужна детализация, мы привлекаем факультативные связи, если же она не требуется, мы эти связи не используем.

Из приведенного материала видно, что есть два типа связей между равноправными элементами: связи предикативные и связи неpredикативные. Первые создают предикативные сочетания слов, существующие

только в предложении и образующие его предикативный центр. Это связи между подлежащим и сказуемым (координация, согласование), при которых главное слово — подлежащее — несвободно в выборе своих форм: имя стоит в именительном падеже.

Вне предикативного центра функционируют непредикативные связи, оформляющие единицы, состоящие из главного и подчиненного слова, наделенные номинативной функцией и способные существовать вне предложения, что проявляется, например, в возможности их фразеологизации (мягкий знак, железная дорога, попасть впросак). Эти единицы называются словосочетаниями.

Рассмотренные связи в предложении могут претерпевать различные модификации за счет влияния порядка слов, интонации и смысловых наращений. Вот предложение: «С виду тихий мальчик оказался ужасным непоседой». Согласование «тихий мальчик» в нем ничем не осложнено. А сейчас представим, что нам нужно подчеркнуть уступительное значение этого определения и мы вводим обособление: «Мальчик, тихий с виду, оказался ужасным непоседой». Согласование оказывается осложненным и семантически, и интонационно. Мы можем как бы прервать эту связь интонацией вставности: «Мальчик (с виду тихий) оказался ужасным непоседой». Могут ослабляться связи управления и примыкания со словом-сказуемым, когда зависимое слово начинает тяготеть ко всему предложению в целом: «В лесу было тихо». Мы уже видели, что связи между словами способны переходить через границы простых предложений: «Я читаю книгу, которая мне рекомендована другом». Относительное местоимение которая согласуется в роде и числе с существительным, находящимся в другом предложении.

До сих пор мы рассматривали связи между неравноправными элементами. Выделялось главное слово, с которым той или иной связью было объединено зависимое, подчиненное слово. Эти связи так и называются — подчинительными. В предложении же возникают отношения между равноправными элементами. Эти связи называются сочинительными. Средства их выражения — союзы и перечислительная интонация: «Тяжесть и мука обступили его» (В.Белов. Год великого перелома); «И все вокруг бесшумно сияло, сверкало, искрилось от морозного света» (там же).

Прежде чем перейти к характеристике структуры предложения, укажем литературу ко всему разделу синтаксиса.

ЛИТЕРАТУРА

Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т.2: Синтаксис.

Белошапкина В.А. Современный русский язык: Синтаксис. М.: Высш. шк., 1977.

Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. М.: Высш. шк., 1973.

§ 1. Двусоставное предложение и его главные члены

Двусоставное предложение — это предложение, предикативный центр которого образуют две главных позиции — подлежащего и сказуемого. Подлежащее является грамматически независимым членом предложения, которое через связи согласования и координации способно определять грамматическую форму сказуемого.

Способы выражения подлежащего весьма разнообразны. Это не только существительные и местоимения, но и инфинитив: «Читать — его любимое занятие», а также прилагательные, причастия, которые в этой позиции субстантивируются: «Остающиеся не могут глядеть без волнения на человека, покидающего безопасное убежище» (С.М.Степняк-Кравчинский. Андрей Кожухов). Очень часто подлежащее выражается словосочетаниями, в том числе количественно-именными: «За пять дней от 18 до 22 июня семь поездов, переполненных людьми, было сброшено в пропасть» (В.Брюсов. Республика Южного Креста), «Несколько десятков новых годов делают человека старым» (Э.Кроткий. Отрывки из ненаписанного). В последнем случае в подлежащее вошли четыре слова: количественно-именное сочетание «несколько десятков» не дало законченного смысла, поскольку существительное десятков само обозначает количество и требует указания на считаемые предметы, считаемый же предмет обозначен фразеологизмом новый год. На позицию подлежащего могут быть поставлены любые единицы. Мы видели, что в этой роли выступало модальное слово: «Твое „наверное“ меня беспокоит». А сейчас покажем, что функцию подлежащего способно выполнить целое предложение: «„Не рой другому яму“ — принцип не для могильщиков» (Э.Кроткий).

Второй главный член — сказуемое. Оно грамматически зависит только от подлежащего, и формы этой зависимости мы уже видели. Однако, если сказуемое выражено спрягаемой формой глагола, оно оказывается семантически главенствующим, так как его лексическое значение предполагает позицию субъекта и, следовательно, подлежащего: вспомним типичную схему моделируемой ситуации «субъект — действие — объект», свернутой в лексическом значении глагола.

На сказуемом в двусоставном предложении лежит обязанность выражать предикативность — наклонение и время. И вот в зависимости от того, как сказуемое выражает эти грамматические значения предложения, оно может быть трех структурных типов.

Простое сказуемое

Простое сказуемое — это сказуемое глагольное. Оно выражено формой глагола, которая служит и для передачи лексического значения сказуемого

го, т.е. именует предикативно приписываемый признак, и для передачи грамматических значений предложения — наклонения и времени. Еще раз подчеркнем, что в простом глагольном сказуемом лексическое и грамматическое значения выражаются формой одного слова, одной лексической единицы: «Я ему помог»; «Я оказал ему помощь»; «Я буду ему помогать». Первый случай комментарисв не требует, во втором предложении сказуемое выражено описательным сочетанием, включающим компенсатор и существительное, перед нами простое глагольное сказуемое, осложненное фразеологизацией. В третьем предложении сказуемое выражено аналитической формой будущего времени несовершенного вида.

В зависимости от синтаксической связи простого глагольного сказуемого с подлежащим оно бывает двух видов.

Согласованное сказуемое характеризуется тем, что оно реагирует своей формой на смену числа у подлежащего. Ср.: «Дом строится» — «Дома строятся».

Несогласованное сказуемое не реагирует на смену числа подлежащего. Рассмотрим, какие глагольные формы выступают в роли такого сказуемого.

1. «Есть одна трава такая на лугах твоих, о Русь!» (М.Цветаева). Изменим число подлежащего: «На лугах есть такие травы». Как видим, сказуемое не изменило свою форму. Значит, форма настоящего времени глагола быть выступает в предложении как простое глагольное несогласованное сказуемое.

2. «Взяла она в бакалее подсолнечного масла, да литровку-то о вертушку и разбей!» (М.Булгаков. Мастер и Маргарита). Сменим число подлежащего: «Они литровку-то и разбей». Несогласованное сказуемое выражено формой повелительного наклонения второго лица в переносном значении краткого прошлого действия.

3.   Зевесу поклонясь, Меркурий
          Махнул без шапки за порог,
          Влетел в конюшню, брови хмуря,
          И мигом лошадей запрѣг.
          Заткнувши за пояс нагайку,
          Уселся живо в таратайку,
          Рванул с небес — и ну пылить!

(И.П.Котляревский. Энеида)

Сменим число у подлежащего: «Они рванули с небес и ну пылить». Несогласованное сказуемое выражено инфинитивом, обозначившим начало действия.

4. «Вот бежит лисичка и видит: на воротах сидит петушок. Она ему и говорит: „Петушок, петушок! Слезь сюда, я тебя исповедаю: у тебя семьдесят жен, ты всегда грешон“. Петух слез; она хватъ его и скушала» (Народные русские сказки А.Н.Афанасьева). Изменим число: «Они его хватъ». Несогласованное сказуемое выражено междометным глаголом.

Кроме первого случая, остальные средства выражения несогласованного сказуемого стилистически окрашены: это сниженные формы, используемые в текстах, имитирующих разговорную речь.

Составное сказуемое

Суть составного сказуемого заключается в том, что выражение грамматического и лексического его значения разделено между двумя частями: первая выражает наклонение, время, лицо, вторая называет предикцируемый признак. В зависимости от средств выражения своих значений составные сказуемые делятся на два типа.

А. Именные составные сказуемые используют для выражения грамматических значений неполнозначенательные глаголы-связки:

1. Это незаменательная связка *быть*, нулевая в настоящем времени и материально выраженная в прошедшем и будущем: «... Твой взгляд широк от жара» (М.Цветаева. Але). Сказуемое «*ф широк*»; «Все классики были современниками, но не все современники будут классиками» (Э.Кроткий). Подчеркнем, что нулевая связка — это тип связки, а не ее отсутствие, не некая «опущенная» связка. Это такой же значимый грамматический нуль, как нулевое окончание в слове *стол* или нулевой суффикс прошедшего времени в форме *нёс*.

2. Полузнаменательные связки *казаться*, *являться*, *оказаться*, *становиться*: «Кот оказался не только платежеспособным, но и дисциплинированным зверем» (М.Булгаков. Мастер и Маргарита).

3. В роли связок могут выступать и полнозначенательные глаголы, связка тогда называется знаменательной. Ср. из того же романа: «Кот вскочил живой и бодрый, ухватив примус под мышку, сиганул с ним обратно на камин»; «Луна в вечернем чистом небе висела полная, видная сквозь ветви клена». Глаголы *вскочить*, *висеть* полнозначенательные и сохраняют свое лексическое значение в приведенных предложениях. Однако только к их значению нельзя свести лексическое значение сказуемых. В моделируемых ситуациях важно не просто то, что кот вскочил, а луна была. В них важно, что кот, только что истекавший кровью, оказался живым и невредимым, что действие происходит не просто лунной ночью, а в полнолуние. Таким образом, предикцируемыми признаками оказываются не действия, а действия с определенными признаками. Поэтому и сказуемые здесь не простые глагольные, а составные именные.

Второй элемент именного составного сказуемого — присвязочная часть, в роли которой выступают существительные, прилагательные, различные словосочетания: «Эрик оказался высоким стройным молодым человеком с гладко зачесанными назад блестящими черными волосами» (А.Н.Рыбаков. Дети Арбата). Мы не можем выделить здесь сказуемое «оказался человеком», ведь в данном предложении оно было бы неинформативным, поэтому все определяющие это слово элементы входят в сказуемое.

Особое внимание нужно обратить на то, что в именном сказуемом в качестве присвязочной части могут выступать глагольные формы — причастия и инфинитив. Краткие причастия (как и краткие прилагательные) — это формы, специально приспособленные для выражения предикативно приписываемого признака: «Магазин открыт». Сказуемое «*ф* открыт» состоит из нулевой связки, которая выразила изъявительное наклонение и настоящее время, и присвязочной части — краткого страдательного причастия прошедшего времени. В предложениях «Магазин был открыт», «Магазин будет открыт» сказуемые имеют прошедшее и будущее время. Обратите внимание, что форма причастия, его прошедшее время, остается неизменной. А сейчас рассмотрим инфинитив в роли присвязочной части именного сказуемого: «Лучшее средство от бессонницы — спать» (Э.Кроткий). Сказуемое «*ф* спать». Здесь изменить время сказуемого не позволяет смысл, поэтому составим другие предложения: «Любимое его занятие было читать»; «Большое удовольствие будет искупаться».

Б. Составное глагольное сказуемое использует для выражения грамматических значений неполнозначенательные глаголы-модификаторы — модальные и фазисные: «Кто смеет утверждать, что в нынешних наших нравах нет поэзии?» (О.И.Сенковский. Заколдованный клад) — *смеет* — модальный модификатор; «Козявочка начала бояться и спряталась с другими молодыми козявочками еще дальше в болотную траву» (Д.Н.Мамин-Сибиряк. Сказочка про Козявочку) — *начать* — фазисный модификатор.

Вторая часть составного глагольного сказуемого — субъектный инфинитив, т.е. инфинитив, который обозначает действие, совершаемое предметом, названным в подлежащем, таким образом, модификатор и инфинитив называют действия с одним и тем же субъектом: кто — смеет и утверждает, козявочка — начала и боится.

Напомним, что составное глагольное сказуемое не нужно смешивать с простым глагольным сказуемым, к которому примыкает объектный инфинитив: «Другие козявочки успокоили гостью и пригласили играть вместе». Действие пригласить совершают «другие козявочки», а играть будут они и главная героиня сказки Козявочка. Это объектный инфинитив при глаголе-каузаторе. Функция инфинитива: пригласили — простое глагольное сказуемое, играть — обстоятельство цели (пригласили зачем? с какой целью?).

Сложное сказуемое

Сложное сказуемое появляется тогда, когда на позицию присвязочной части или субъектного инфинитива в составных сказуемых попадет элемент неполнозначенательный, не дающий законченного лексического значения этого члена предложения. Рассмотрим такие случаи.

1. Сказуемое началось с модального модификатора **решил**: он решил, а на позицию субъектного инфинитива говорящий поставил глагол **начать**: он решил **начать**. Однако этот глагол оказался неполнознаменательным, фазисным модификатором, поэтому он требует еще одного субъектного инфинитива: он решил **начать работать**. Так возникло трехэлементное сказуемое, в котором лишь последний компонент придал члену предложения необходимую смысловую полноту. Вот литературный пример из романа «Мастер и Маргарита»: «Пришедший откинул капюшон, обнаружив совершенно мокрую, с прилипшими ко лбу волосами голову, и, выразив на своем бритом лице вежливую улыбку, стал отказываться переодеваться, уверяя, что дождик не может ему ничем повредить».

Отметим, что при таком начале сказуемое может оказаться и составным глагольным, если вторая часть будет представлять собой полнознаменательный глагол с конструктивно обусловленным значением, реализуемым связью с каким-то второстепенным членом: «Он решил **начать письмо с вежливого обращения к редакции**» — **начать** — полнознаменательный глагол, при нем прямое дополнение **письмо**; «Он стал **отказываться от предложения**» — **отказываться** — полнознаменательный глагол, при нем косвенное дополнение.

2. Сказуемое начинается модальным модификатором: он решил, а на позицию субъектного инфинитива попадает неполнознаменательный глагол-связка: он решил **быть**. Чтобы закончить сказуемое, мы добавляем присвязочную часть: он решил **быть внимательным**, он решил **быть учителем**. Ср. у Э.Кроткого: «Хороший писатель боится **быть непонятым, плохой — опасается, что его поймут**».

3. Сказуемое начинается связкой: он был, а на позицию присвязочной части говорящий ставит модальное прилагательное: он был **готов**, он был **должен**. Закончить сказуемое мы можем полнознаменательным субъектным инфинитивом: он был **готов расплакаться**. Если же на эту позицию поставим неполнознаменательный глагол — модификатор или связку, нам придется добавлять четвертый элемент, чтобы до конца выразить лексическое значение сказуемого: он был **готов стать врачом** — **стать** — полужнаменательная связка; он был **готов начать работать** — **начать** — фазисный модификатор. Вот литературные примеры: «И человек с искаженным от горя лицом вынужден был **отказаться от своих попыток прорваться к повозкам, с которых уже сняли столбы**» (М.Булгаков. Мастер и Маргарита) — трехэлементное сказуемое; «Хороший рассказ **должен быть краток, плохой — еще короче**» (Э.Кроткий) — четырехэлементное сказуемое «**должен быть краток**».

Снова отметим, что прилагательные могут выступать как полнознаменательные слова с конструктивно обусловленным значением: «Он **готов к испытаниям**» — здесь сказуемое составное именное «**готов**» и дополнение «**к испытаниям**» (готов к чему?).

*Связи сказуемого с подлежащим,
выраженным количественно-именным сочетанием*

В данном разделе будут указаны только самые общие закономерности связи сказуемого с подлежащим, выраженным количественно-именным сочетанием. В журналистской работе необходимо пользоваться специальными справочниками, позволяющими определить выбор формы сказуемого в каждом конкретном случае.

Основные типы количественно-именных сочетаний: существительное с количественным значением + существительное; числительное + существительное; местоимение с неопределенно-количественным значением + существительное; наречие с неопределенно-количественным значением + существительное.

1. Существительные с количественным значением — это слова типа большинство, ряд, масса, уйма, десяток, тройка, сотня.

1. При существительных, называющих точное количество, сказуемое ставится в том числе, в каком стоит это количественное слово: «Сотня всадников прибыла на рассвете в село»; «Сотни людей вышли на улицу».

2. Существительные типа масса, уйма, т.е. названия неопределенно больших масс, обычно связаны со сказуемым по тому же правилу: «Масса народу осаждала редакцию»; «Масса людей собралась на митинг»; «Возникла масса вопросов»; «Массы людей устремляются по утрам к автобусам, трамваям и метро». Специфика этой группы количественных имен состоит в том, что, когда сказуемое разбивает сочетание и оказывается перед количественным словом, оно может ставиться в среднем роде: «Забот было масса». Разумеется, употребителен и вариант: «Забот была масса».

3. Существительное ряд допускает сказуемое как в единственном, так и во множественном числе. Единственное мы употребляем, когда не акцентируем внимание на действии или признаке, обозначенном сказуемым: «На собрании затронут ряд вопросов»; «Поднимался ряд вопросов». Это особенно часто бывает при подлежащих, выраженных неодушевленными существительными, и в страдательных оборотах. Акцентируя действие, мы можем употреблять множественное число в сказуемом: «Ряд участников конференции выступили с интересными докладами». На внимание к действию указывает и дополнение во множественном числе, при котором странно звучало бы: «Ряд участников выступил с докладами». Множественное число мы выбираем и тогда, когда в составном именном сказуемом нам приходится подчеркивать, что признак относится к нескольким лицам или предметам: «Ряд участников конференции были студентами» (или: «были студенты»); «Ряд книг оказались произведениями начинающих поэтов». Таким образом, мы либо подчиняемся грамматическим признакам подлежащего и согласуем с ним сказуемое в числе, либо ориентируемся на ситуацию и подбираем форму сказуемого, отвечающую

этой ситуации по семантике, т.е. используем координацию и ставим сказуемое во множественном числе.

4. Существительное большинство только в сочетании с собирательными существительными и с другими наименованиями групп лиц требует от сказуемого единственного числа: «Большинство нашей группы поддержало это предложение»; «Большинство населения участвовало в выборах». В остальных случаях употребляются оба числа сказуемого. Множественное, т.е. координация, чаще всего используется тогда, когда подлежащее распространено определениями: «Большинство рабочих, пришедших на место закладки нового дома первыми, были удивлены присутствием этой толпы». То же самое наблюдается в случаях, когда к существительному большинство присоединяется несколько слов в родительном падеже: «Большинство школьников, студентов, аспирантов с интересом воспримут этот документ». В целом, как и в предыдущем случае, при акцентировании действия мы более склонны избирать множественное число. Отметим, что такое множественное число появляется даже тогда, когда слово большинство употреблено без зависимого элемента: «Большинство упорно задавали себе этот вопрос и не могли на него ответить».

II. Подлежащее «числительное + существительное».

1. Подлежащее «составное числительное, оканчивающееся на один, + существительное» обычно сочетается со сказуемым в форме единственного числа: «Пришел двадцать один человек из сорока». Поскольку, однако, это лишь тенденция, а не непреложное правило, с возрастанием количества субъектов возможным становится и множественное число: «71 город с закрытой пропиской, куда путь бывшим „ЗК“ заказан, будут открыты» (АиФ.1989. № 16). Сказалась, видимо, отдаленность сказуемого от подлежащего.

2. Числительные два, три, четыре (и составные с ними) в сочетании с родительным падежом существительного обычно имеют при себе сказуемое в форме множественного числа: «Поступили два человека с пулевыми ранениями» (Правда. 1989. 21 апр.); «По МБА получены три книги». Однако мы снова встречаемся с тенденцией, а не со строгим правилом. Например, в той же правдинской публикации и даже в том же абзаце читаем: «У одного было четыре пулевых ранения». На выбор единственного числа повлиял порядок слов — сказуемое на первом месте, подлежащее на втором, а также бытийный смысл сказуемого. Ср.: «У меня было два друга».

3. Рассмотрим подлежащие с другими числительными. На выбор числа сказуемого влияют порядок слов и смысл сказуемого. Если говорящего интересует количество и он ставит подлежащее на второе место, то впереди идущее сказуемое, особенно при бытийном его значении, имеет форму единственного числа: «В той же Брестской области, например, на 198 тысяч сельских семей коров имеется 127 тысяч»

(Комс. правда. 1989. 21 апр.). Вот сказуемые с другой семантикой: «На премирование победителей второго конкурса на лучший вариант будущего памятника было израсходовано 260 тысяч рублей»; «госпитализировано 25 военных»; «пострадало 109 военнослужащих» (АиФ.1989. № 16). Однако это снова лишь тенденция, при которой возможны и противоположные случаи, ср. в тех же публикациях «АиФ»: «несут службу около 5 тысяч граждан»; «в госпитале находятся восемь сотрудников милиции».

Если нас интересует не столько количество, сколько действие, мы ставим сказуемое на второе место. Тогда количество субъектов для говорящего и адресата уже ясно, и мы чаще используем форму множественного числа сказуемого. При этом мы нередко рисуем обстоятельства действия, с помощью однородных сказуемых отмечаем, что в ситуации наличествует несколько действий. Все это также содействует постановке сказуемого во множественном числе: «За два года 420 молодых семей справили новоселье» (Комс. правда. 1989. 21 апр.).

III. При подлежащем «местоимение с неопределенно-количественным значением + существительное» положение такое же, как в предыдущем случае. Возможно и единственное, и множественное число сказуемого, что в некоторой степени связано с порядком слов и семантикой этого члена: «Собралось несколько человек»; «Несколько человек подошли и стали расспрашивать меня о поездке».

IV. При подлежащем «наречие с неопределенно-количественным значением + существительное» обычна форма единственного числа сказуемого: «Много книг теряется». Форма множественного числа появляется при распространении подлежащего второстепенными членами.

ЛИТЕРАТУРА

Лекант П.А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. М.: Высш. шк., 1976.

§ 2. Односоставные предложения

Односоставные предложения имеют одну главную позицию. В зависимости от того, какова структура главного члена такого предложения, они традиционно разделяются на две группы: бесподлежащие и бессказуемые. Эти несколько неожиданные «отрицательные» определения обусловлены тем, что главный член одного из типов односоставных предложений невозможно в структурном плане уподобить подлежащему (мы говорим о генитивных предложениях), поэтому наименования «сказуемые» и «подлежащие» характеризовали бы языковую действительность неполно.

Бесподлежащие односоставные предложения отражают протекание или наличие действий и состояний. Если при этом мыслится активный субъект, предложения называются личными, если же активный субъект не мыслится, предложения весьма разнообразной природы образуют группу структурно-безличных.

Личные односоставные предложения представляют собой конструкции с главным членом, выраженным глаголом в определенно-личном, неопределенно-личном и обобщенно-личном значениях. На эти три под-класса они и делятся.

1. В определенно-личных предложениях главный член выражен глаголами первого и второго лица единственного и множественного числа. При этом, поскольку субъект — говорящий или адресат — выражен глагольной формой, позиция подлежащего, которую занимали бы местоимения я, ты, мы, вы, является избыточной:

Ищу грибы, вскрывая палочкой
Зелено-бархатные мхи;

Любуюсь простенькой фиалочкой;
Слагаю скромные стихи.

(В. Брюсов. Летняя идиллия)

Таким образом, в языке бытуют синтаксические синонимы: двусоставное «я иду» — односоставное «иду», двусоставное «ты пишешь» — односоставное «пишешь». Мы говорили уже о своеобразии связи между личным местоимением и спрягаемой формой глагола, о полной семантической самостоятельности глагола, который своей формой выражает то же самое значение, что именительный падеж местоимений я, ты, мы, вы на позиции подлежащего: «субъект действия — говорящий или адресат». Эта семантическая самостоятельность глагольной формы и обуславливает избыточность позиции подлежащего при ней. Таким образом, в предложениях типа «Иду», «Слышишь?», «Ступай!» одна главная позиция, поэтому мы и называем их односоставными.

2. В неопределенно-личном предложении главный член выражен глагольной формой третьего лица множественного числа, которая изображает субъект действия как неопределенную и неуточняемую группу третьих лиц. Вторая главная позиция в таких предложениях невозможна, данное значение глагольной формы может реализоваться только в условиях односоставности: «Борьба вологжан за то, чтобы центр Севкрая был в Вологде, закончилась поражением. Губернию ликвидировали» (В. Белов. Год великого перелома). Последнее предложение — односоставное неопределенно-личное. Если мы захотим лексически передать неопределенность, придется менять значение глагольной формы: «некто, некие организации ликвидировали губернию». Значение формы становится определенно-личным, да и высказывание вряд ли можно рассматривать как синонимичное оригиналу. Значит, постановка подлежащего в такой конструкции исключается.

3. Обобщенно-личные односоставные предложения — это предложения с главным членом, выраженным глагольной формой с обобщенно-личным значением. Мы помним, что его могут иметь все глагольные формы, кроме третьего лица единственного числа. Субъект в таком предложении мыслится как любое лицо, в том числе и первое. Вторая главная позиция в нем либо избыточна, либо невозможна, в зависимости от того, наделено ли соответствующее личное местоимение способностью выражать обобщенно-личное значение. В зависимости от этого складывается или не складывается синтаксическая синонимия. Так, можно синонимизировать конструкции: «Без труда не вытащишь и рыбку из пруда» и «Ты без труда не вытащишь и рыбку из пруда», поскольку местоимение ты имеет обобщенно-личное значение. Но вряд ли мы усмотрим синонимию в такой паре: «Цыплят по осени считают» и «Они цыплят по осени считают». Последнее явно будет пониматься в прямом, буквальном значении.

Безличные по структуре предложения имеют общую структурную черту, состоящую в том, что в такую конструкцию невозможно поставить именительный падеж имени. Эти предложения делятся на две группы: собственно-безличные, способные выразить только семантику констатации и запроса информации, и инфинитивные, способные, кроме того, выражать и семантику побуждения не лексическими, а чисто синтаксическими средствами.

1. Собственно-безличные предложения различаются по грамматической природе слова, которым выражен их главный член:

1. Спрягаемо-глагольные безличные предложения в качестве главного члена имеют спрягаемую форму безличного глагола. Эти глаголы, как уже говорилось, обозначают состояние природы, психические и физические состояния живых существ, действия неизвестной силы, наличие, бытие чего-либо, модальные оценки. Поскольку спрягаемая форма выражает значения наклонения и времени, в безличных предложениях этого типа сказуемое может быть простым, составным глагольным и сложным: «Рассветело»; «Хочется пить»; «Захотелось стать врачом». Как видим, модификаторы могут быть безличными. Еще раз обратим внимание на бытийные безличные предложения: «Не было у нас консерватории, театров, институтов, Академии, даже школ» (Р.Гамзатов. Мой Дагестан). В таких предложениях при бытийном безличном глаголе имя в родительном падеже обозначает отсутствующий субъект, здесь — консерватории, театров. Если нужно передать отсутствие явления в настоящем времени, мы используем в функции безличного глагола слово нет: «О чем только нет на свете песен!» (Р.Гамзатов. Мой Дагестан). Нет здесь является знаменательным словом, а не частицей, знакомый нам родительный падеж песен указывает на отсутствующий субъект.

2. Безличные предложения с категорией состояния по значению близки к спрягаемо-глагольным и тоже передают состояние природы, живых существ, модальные оценки, но, кроме того, пространственные и временные характеристики, а также зрительные и слуховые восприятия. В этих

предложениях не может быть простого глагольного сказуемого, поскольку формы слов категории состояния не могут выражать наклонение и время. Сказуемые в этих конструкциях составные именные или сложные и обязательно включают в себя связку: «было темно»; «*ф* темно»; «надо было собираться в путь»; «*ф* надо собираться в путь».

3. Третья группа собственно-безличных предложений — это конструкции, в которых главный член выражен безличным кратким страдательным причастием, передающим бессубъектное состояние как результат прошлого действия (перфектное значение): «Об этом написано в книге, спето в песнях» (Р.Гамзатов. *Мой Дагестан*). Конструкции сказуемых в этих предложениях те же, что и в предыдущем классе.

II. Инфинитивные предложения в качестве главного члена имеют независимый инфинитив. Выделяется два типа инфинитивных предложений в зависимости от модальности:

1. Модальность может быть реальной, тогда эти конструкции передают реальную возможность, невозможность или необходимость действия в настоящем, прошлом или будущем: «Так что же, плакать мне над этой ширью, или пески безветренные гладить, или следы беспечных трясогузок мальчишеской, грустя, стирать рукой?» (В.Луговской. Сказка о дедовой шубе); «И где уж им было думать о битвах с чудовищами о семи головах, или с пятирукими великанами, или с драконами...» (Р.Гамзатов. *Мой Дагестан*); «Сегодня быть Валтасарову пиру. Ужинать будем ряженные» (А.Н.Толстой. *Петр Первый*).

2. Модальность инфинитивных предложений может быть ирреальной, передающей:

побудительность: «К о р н е е в а . Вы спятили? Он же пьян. Какая машина?... К о р н е е в . Алес! Молчать! Кто пьян? Это Чиполлино — пьян. А я — трезв. Конечно, я отвезу вас, ребята» (О.Ернев. *Мы пришли*);

желательность: «Сто голосов, один другого выше, стоят, не опускаясь, в медном небе. Заплакать бы, да сил уже не хватает» (В.Луговской. Сказка о дедовой шубе);

условность: «Пора бы жизнь осмыслить, подытожить: Уже в былом — сороковой порог, И, если дни на счет годов помножить, Пятнадцать тысяч превзойдет итог» (В.Брюсов. *Ожерелье дней*).

Как и другие предложения с условной модальностью, инфинитивные этого типа всегда выступают придаточными в сложноподчиненных конструкциях.

Бессказуемые предложения

Бессказуемые предложения обозначают бытие или небытие предмета в объективном или субъективном мире. По грамматической природе главного члена, который обязательно выражен существительным или местоименным существительным, эти предложения делятся на две группы: номинативные, когда имя стоит в именительном падеже, и генитивные, когда имя стоит в родительном падеже.

Номинативные предложения различаются прежде всего по типу модальности.

1. Предложения с реальной модальностью имеют разную семантику:

а) бытийные, или описательные, номинативные предложения передают идею бытия предмета: «Осенний скучный день. От долгого дождя и камни мостовой и стены зданий серы...» (В. Брюсов. Тени прошлого);

б) указательные предложения с частицами *вот, вон* также фиксируют бытие предмета: «Тоскующие матери ходили к гадалкам, гадалки успокаивали горянок: «Вот дорога. Вот огонь. Вот победа. Вернется к тебе твой сын» (Р. Гамзатов. Мой Дагестан);

в) оценочные номинативные предложения содержат оценку того, о чем говорилось в предшествующем тексте: «Я вам оставляю тетрадку. Посмотрите. Баловство» (В. Луговской. Как человек плыл с Одиссеем);

г) эмоциональные номинативные предложения передают бытие и одновременно оценку предмета, уточним: не того, о котором говорилось раньше, а того, о котором говорится в данном предложении:

Эта светлая ночь, эта тихая ночь,
Эти улицы, узкие, длинные!

Я спешу, я бегу, убегаю я прочь,
Прохожу тротуары пустынные...

(В. Брюсов. Все кончено)

2. Ирреальная модальность проявляется в двух наклонениях:

а) номинативные предложения с условным наклонением существуют как придаточные в сложноподчиненном: «Потом серый волк sprыснул Ивана-царевича мертвою водою — его тело срослось, sprыснул живую водою — Иван-царевич встал и промолвил: „Ах, куды как я долго спал!“ На то сказал ему серый волк: „Да, Иван-царевич, спать бы тебе вечно, кабы не я!“» (Народные русские сказки А. Н. Афанасьева);

б) желательное наклонение проявляется в таких конструкциях, как «Только бы не снег», «Только не это».

Генитивные предложения также могут иметь реальную и ирреальную модальность.

1. Предложения с реальной модальностью передают наличие большого количества чего-то или отсутствие предмета: а) «Зашел генерал в лес — а там рябчики свищут, тетерева токуют, зайцы бегают. — Господи! еды-то! еды-то! — сказал генерал, почувствовав, что его уже начинает тошнить» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил) — фиксируется большое количество; б) «Приезжаю — тьма народу! Ну, ни выходу, ни входу» (П. Ершов. Конек-горбунок) — передача отсутствия предмета.

2. Ирреальная модальность проявляется как желательность: «Некоторые, в свирепости своего непонимания интересов государства, шли дальше и клянчили: — Леформов бы каких-нибудь, чтобы, значит, зубья, ребры и внутренности наши считать вроде как бы нашей собственностью и зря не трогать» (А. М. Горький. Русские сказки. VII).

1. Неопределенно-личные и обобщенно-личные односоставные предложения используются в аналитических фрагментах текста, где формулируются бытовые закономерности. Например, лирический герой «Моего Дагестана» рассуждает о многообразии обычаев и оформляет вывод из своих наблюдений как цепочку неопределенно-личных предложений: «В разных местах по-разному носят папаху, по-разному одеваются, по-разному строят дома. Над колыбелями поют разные песни». В рассуждении о творчестве лирический герой прибегает к помощи обобщенно-личных предложений: «У всякой хорошей книги должно быть такое вот начало, без длинных оговорок, без скучного предисловия. Ведь если быка, пробегающего мимо, не успеешь схватить за рога, то за хвост его уже не удержишь».

2. Активно используются односоставные предложения в описательных фрагментах текста, т.е. при передаче сосуществующих, одновременных качеств и действий (статическое и динамическое описание).

Место действия в сценариях и пьесах часто описывается в формах номинативных предложений. Вот ремарки к сценкам в пьесе А.Блока «Роза и крест»: «Двор замка. Сумерки»; «Переход в замке»; «Покои Изоры»; «Покои Графа»; «Берег океана»; «Двор Трауменска»; «Кухня замка»; «Башня Неутешной Вдовы»; «Розовая заросль»; «Цветущий луг. Рассвет».

Описательные и указательные предложения могут нарисовать мозаичную картину. У В.Луговского в поэме «Человек, который плыл с Одисеем» так изображена картина Врубеля:

Вы нас учили русскому искусству?
Вот Врубель. Демон. Страшные глаза.
Гордыня. Разум. Неземная мудрость.
Усталость. Скорбь. К чему, к чему все это?

Эмоциональные номинативные предложения используются при описании воображаемого предмета, как в этом стихотворении И.Сельвинского:

Никогда не перестану удивляться	Лепестки, что раскрыты удивленно
Девушкам и цветам!	Испуганно даже чуть-чуть...
Эта утренняя прохладца	Эта сныщаяся их нежность,
По белым и розовым кустам...	От которой, как шмель, закружись!
Эти слезы листвы упоенной,	И неясная боль надежды
Где сквозится лазурная муть,	На какую-то возвышенную жизнь...

Как видим, изображен поток представлений, в котором образы двух предметов переплетены, что подчеркнуто и эмоциональными номинативными предложениями, и взаимодействием слов двух тематических групп, и намеренной неясностью — «их нежность» — чья? До сих пор говорилось о цветах, а здесь, скорее, уже о девушках.

С помощью односоставных предложений, например, безличных, пейзаж может одухотворяться. Вот две строки из стихотворения В.Брюсова «В лесу»: «Грустно, нелюдимо, пусто в мире целом, колеи дороги поросли

травой». Слова нелюдимо, пусто относятся непосредственно к пейзажу, а слово грустно передает состояние человека, как бы разлитое в природе.

3. Односоставные предложения участвуют и в повествовании, т.е. в том виде речи, который рисует смену действий, развитие события. Динамическую смену действий изображают, например, номинативные предложения. Приведем с некоторыми сокращениями отрывок из фельетона В.Кривошееса «По обе стороны прилавка»:

«Из-за стеклянного горба прилавка тянется серый шмат чеков. Беру. Вслух: „Триста масла“. Счеты: перебрасываю костяшки. Нож. Разворот на 180 градусов. Брус масла. Вязко отсекаю кубик. Бумага. Площадка весов. Стрелка — дрыг-дрыг. Завертываю. Тяну руку в никуда (не глядя) — бух! — на стеклянный горб. Поворот на 180 градусов — два пакета молока, не глядя — бух! бух! Поворот на 180 градусов и шаг в сторону — два сырка „Дружба“ — бух! Наклон в сторону — маргарин — бух! Есть! Покупатель обслужен. Счеты: стук-стук. Нож. Бумага. Весы. Стрелка: дрыг-дрыг. Упаковка. Бух! Следующий! Чеки. Счеты. Нож. Весы. Бух! Следующий! Чеки — счета — нож — весы — бух. Надо термин такой ввести „чекисчетыножесыбух“, который обозначал бы единицу обслуживания. Сокращенно „чих“».

В передаче эпизода здесь вначале сочетаются односоставные определенно-личные предложения первого лица и номинативные предложения, а затем весь эпизод обслуживания покупателя рисуется цепочкой номинативных предложений.

Инфинитивные предложения участвуют в изображении воображаемого потока событий, т.е. в повествовании о воображаемой смене действий. Вот мысли лирического героя стихотворения В.Брюсова «Близ моря»:

Засыпать под ропот моря,	Вечно с мыслью о далеком,
Просыпаться с шумом сосен,	Вечно в мареке видений.
Жить, храня веселье, горе,	Было счастье, счастье было,
Помня радость прошлых весен;	Горе было, есть и будет...
В созерцанье одиноком	Море с вечно новой силой
Наблюдать лесные тени	В берег биться не забудет.

Первые две строфы передают смену повторяющихся действий, повторяющиеся процессы. Но эти картины проходят лишь в сознании лирического героя. Даже если он находится сейчас на берегу моря, он описывает не то, что непосредственно воспринимает, а передает поток представлений. Сменяющие друг друга эпизоды обозначены инфинитивными предложениями.

4. Односоставные предложения используются для создания образов коммуникантов в тексте, для изображения действий говорящего и адресата. Например, в репортаже необходимо использование определенно-личных предложений первого лица в настоящем времени для передачи авторского присутствия и для создания впечатления одновременности рассказа и события (настоящее репортажное). Это время передается также с помощью номинативных предложений — описательных, указательных, эмоциональных, как, например, во фрагменте из репортажа Э.Церковера «По ту сторону трюка»:

«В униформе, похожей на мундир опереточного адмирала, выхожу на арену Московского цирка... Выстраиваем в фортанге животных... за кулисами уже пляшут тонконогие скакуны Кантемировых. Сигнал — и скакал на манеж младший, Мухтарбек... В антракте мы готовим арену к водной феерии... Режиссер-инспектор дает звонок к началу второго отделения и становится к пульта. Главный трюк представления!»

Односоставные определенно-личные предложения — одно из средств создания контактной формы общения автора и читателя. Рассмотрим несколько отрывков из портретного очерка Л.Репина «Репортаж о репортере». Вот автор общается с читателями:

«Ну ладно, оставим пока его одного. Пролистаем тронутые желтизной, но отнюдь не увядшие газетные страницы с его репортажами, пройдем следом за ним — посмотрим, как и из чего складывался путь газетчика, что предшествовало некоторым из его репортажей»; «Понаблюдаем вот за этим молодым человеком, что дежурит который уж день возле представительного особняка в центре Москвы»; «Но вернемся на ту страницу, которой он тогда не писал».

Мы видим формы совместного действия, образующие определенно-личные предложения. Читатель вовлечен в процесс журналистского поиска и даже в процесс создания произведения, поскольку используется метатекст (текст в тексте). Но этого мало. В рассматриваемом очерке автор общается еще и с героем:

«Так где же мы с Вами расстались, Евгений Иванович?»; «Помните? Сорок четвертый год»; «Нажимайте смело кнопку и поднимайтесь»; «Поднимайтесь, дядя Женя, мы Вас любим, мы ждем».

Общение с героем тоже включает в себя односоставные определенно-личные предложения, на сей раз второго лица. В других случаях это второе лицо используется по отношению к читателю. Но здесь автор выбрал сложную форму двойного обращения и поделил виды определенно-личных предложений между двумя своими текстовыми собеседниками.

ЛИТЕРАТУРА

Бабайцева В.В. Односоставные предложения в современном русском языке. М.: Просвещение, 1968.

§ 3. Неclенные предложения

Как уже говорилось, в неclенных предложениях отражается не ситуация, а реакция говорящего на ситуацию, в них нет позиций членов предложения, откуда и их название. По семантике и способу выражения неclенные предложения распадаются на несколько групп.

1. Междометные нечлененные предложения в соответствии с двумя семантическими разрядами междометий делятся на эмоциональные и императивные: а) в пьесе А.В.Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинского» Атусва возмущается, так как слуга никак не может прибить колокольчик: «Аааа-ах ты, боже мой!.. Да тут никакого терпения не хватит! Ты пьян!!!» — выделено эмоциональное нечлененное предложение; б) «Раз-ве закричать, на помощь позвать? Может, услышит кто — лесник или дровосек запоздалый, или охотник какой? Ау!» (С.Я.Маршак. Двенадцать месяцев) — выделено императивное нечлененное предложение, его частная семантика призыва оговорена в самом контексте («на помощь позвать»).

2. Модальные нечлененные предложения выражают утверждение, отрицание, степень уверенности или неуверенности с помощью частиц и модальных слов: «Правда, дяденька, — самый это и был капитан Енакиев?» — «Разумеется» (В.Катаев. Сын полка) — модальное нечлененное предложение выражено модальным словом; «Ай, пастушок! Ай, друг милый! Такого знаменитого разведчика обдурил. Это ж надо уметь». — «Да. Ничего не скажешь. Сиден!» (там же) — утвердительное нечлененное предложение выражено частицей.

3. Если в качестве отдельного предложения выступает обращение, т.е. название того, к кому обращаются с речью, нечлененное предложение является звательным, или вокативным: «Мама! — нежно начал Деточкин, когда она наконец подошла. — Я не виноват, но я сейчас уезжаю в командировку...» (Э.Брагинский, Э.Рязанов. Берегись автомобиля!).

4. К нечлененым предложениям относят и некоторые обороты речевого этикета: «Д в о е т о ч и е (укоризненно). Какой ты, брат, несуразный! (Дает ему денег.) П у с т о б а й к а . Спасибо» (А.М.Горький. Дачники).

Обратим внимание на одну интересную особенность нечлененных предложений. Когда мы объединяем в одну конструкцию предложения члененные, получается сложное предложение: «Пошел дождь, и мы отложили прогулку». Когда же соединяются члененное и нечлененное предложения, происходит осложнение структуры простого предложения, но простое остается простым, сложного предложения не возникает: члененное «Ты идешь в кино?», нечлененное вокативное «Миша!», объединим их: «Миша, ты идешь в кино?» Получаем простое двусоставное предложение, структура которого осложнена обращением.

§ 4. Второстепенные члены предложения. Способы осложнения членов предложения

Если мы вспомним схему моделируемой в предложении ситуации, то увидим, что главные члены призваны отразить предикативную связь между предметом речи, его признаком и ситуацией общения. Остальные элементы

ситуации отражаются в предложении с помощью второстепенных членов, которые традиционно делятся на три вида. Определительные элементы ситуации — качества предметов, включенных в нее, отражаются с помощью определений, объекты — спомощью дополнений, обстоятельства — спомощью члена предложения, который так и называется обстоятельством.

Определения бывают трех структурных типов: согласованные, выражаемые прилагательными, местоименными прилагательными, причастиями, связанными с определяемым словом с помощью согласования в роде, числе, падеже; несогласованные, выраженные существительными и местоименными существительными, связанными с определяемым словом с помощью управления, а также выраженные инфинитивом или наречием, примыкающим к определяемому слову; приложения, выраженные существительными в согласуемом падеже: «Он строит каменный дом» — согласованное определение; «Он строит дом из камня» — несогласованное; «Он ремонтирует свой дом-развалюху» — приложение.

Дополнения по традиции разделяются на прямые и косвенные. Семантику этих типов можно описать так: прямое дополнение называет объект, на который действие направлено непосредственно и который охватывается действием полностью; косвенное дополнение называет объекты, на которые действие направлено частично, через посредство прямого объекта или еще в какой-то форме опосредования. Эта довольно трудно уловимая семантика сопровождается, однако, весьма ярким грамматическим признаком: прямое дополнение действительного оборота синонимично подлежащему страдательного оборота, так как оба эти члена предложения отражают прямой объект моделируемой ситуации. Все остальные дополнения такой синонимичностью не обладают. Исходя из этого грамматического признака, делаем вывод, что прямое дополнение выражается винительным падежом без предлога: «Бригада строит дом» = «Дом строится бригадой»; родительным падежом со значением части: «Я выпил чаю» = «Чай выпит мною»; родительным падежом при отрицании: «Бригада не строит дома» = «Дом не строится бригадой».

Наш материал показывает, что в ряде случаев форма дополнения расходится с его семантикой: в страдательном обороте дополнение в творительном падеже (бригадой) обозначает субъект моделируемой ситуации, ср. также: «Мне холодно», «Ветром снесло крышу», «Вокруг никого не было», где дательный, творительный, родительный падежи дополнений тоже имеют субъектное значение.

Обстоятельства имеют различную семантику: образа действия, меры, места, времени, причины, следствия, уступительности, цели.

Из школьной грамматики хорошо известно, что часто второстепенный член предложения совмещает в себе два значения — объектное и определительное, объектное и обстоятельственное, и это понятно, так как отношения между явлениями действительности гораздо богаче тех схем, в которые вынужден заключать их язык.

Все члены предложения, главные и второстепенные, в целях экспрессии могут быть осложнены повторами, частицами, фразеологизацией и междометиями.

Повторы как средство осложнения члена предложения различны по структуре:

1. Прежде всего выделяется точный повтор, так называемая фигура удвоения, хотя повтор может быть не только двойным, но и тройным, а изредка ряд бывает еще длиннее: «И снова пески, пески, пески» (Ю.Нагибин. Директор) — осложнено подлежащее; «Стала его барыня урезонивать, говорила-говорила, причитала-причитала и о боге, и о добродетели, и о будущей жизни, и о жене и детях и довела его до слез» (Л.Н.Толстой. Поликушка) — осложнено сказуемое; «На третьей полке, поджав колени, в худом вагоне ехать, ехать, ехать, ехать синюю весной» (В.Луговской. Синяя весна) — осложнено сказуемое инфинитивного предложения.

2. Используется повтор слова в разных его формах: «Правда ли, говорят, будто бы я на барышню похожа?» — «Какой вздор! Она перед тобой урод уродом» (А.С.Пушкин. Барышня-крестянка) — осложнено составное именное сказуемое.

3. Повтор может оформляться с помощью частиц: «Значит, будем загорать?» — «Нет. Приказано финишировать раздельно». — Он положил перед Звoryкинem телеграмму. — «Раздельно так раздельно» (Ю.Нагибин. Директор) — здесь повтором с частицей осложнено обстоятельство.

4. В повторе могут объединяться однокоренные слова, это словообразовательный повтор: «Сюды-сюды, весь дол и бор, по новости-новиночки!» (М.Цветаева. Егорушка) — словообразовательным повтором осложнено обстоятельство цели, точным повтором осложнено обстоятельство места «сюды-сюды»; «Посмотри, каких красивых двух коней золотогривых наш дурак себе достал: ты и слыхом не слыхал» (П.Ершов. Конек-горбунок) — повтором осложнено простое глагольное согласованное сказуемое (оно осложнено также частицей и, о чем будет сказано далее).

5. Встречается синонимический повтор: «Яшка заклался-забожился: — Никогда не откажусь! И барыня так велела. Разве можно против барынина приказу идти?» (П.П.Бажов. Травяная западенка) — осложнено простое глагольное согласованное сказуемое; «Поздним вечером, поздним вечером тоска-грусть встает, боль извечная» (М.Цветаева. Егорушка) — осложнено подлежащее.

Повторы в основном передают значения интенсивности, длительности, иногда имеют модальную семантику, например, согласия: «раздельно так раздельно».

Частицы также могут осложнять разные члены предложения: «Мастер развивал перед Маргаритой ту мысль, что вот-вот начнется какая-то совершеннейшая чепуха» (М.Булгаков. Мастер и Маргарита) — осложнено простое глагольное согласованное сказуемое; «Надо было бы хоть запасные рукавицы иметь» (Н.Тихонов. Мороз-Красный нос) — осложнено согласованное определение.

Фразеологизация — тоже средство осложнения члена предложения: «Я полагаю, что шахматные журналы заплатили бы большие деньги, если бы имели возможность ее напечатать» (М.Булгаков. Мастер и Маргарита). Осложнено составное глагольное сказуемое, в котором модальный модификатор выражен описательным сочетанием иметь возможность — мочь (описательное сочетание включает неполнознаменательный глагол-компенсатор и имя существительное).

Междометия могут входить в состав члена предложения и тем осложнять его: «Дарюшка ох не любит ждать» (С.Цвигун. Мы вернемся). Осложнено составное глагольное сказуемое.

ЛИТЕРАТУРА

Бабайцева В.В. Система членов предложения в современном русском языке. М.: Просвещение, 1988.

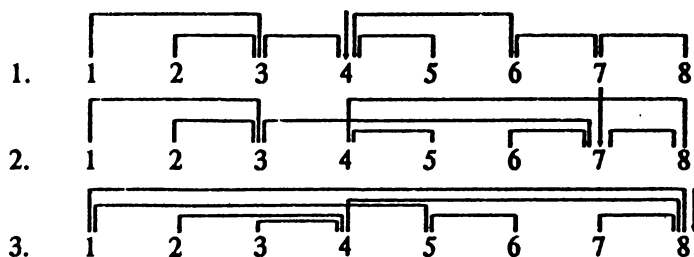
§ 5. Основные закономерности порядка слов в предложении

Первую закономерность словорасположения рассмотрим на примере одного естественного эксперимента, который уже более двух столетий позволяет нам проводить на сцене перевод пьесы Ж.-Б.Мольера «Мещанин во дворянстве». Господин Журден, как известно, просит учителя философии помочь написать письмо следующего содержания: «Прекрасная мар-

1 2 3 4 5 6 7 8
киза, ваши прекрасные глаза сулят мне смерть от любви». Поскольку философ не может ни добавлять, ни выбрасывать слова, он вынужден их только переставлять, в результате чего получается хотя бы такое: «Пре-

1 2 3 4 5 6 7 8
красные ваши глаза от любви мне сулят, прекрасная маркиза, смерть»;

1 2 3 4 5 6 7 8
«Смерть ваши прекрасные глаза, прекрасная маркиза, от любви мне сулят». Лучшим был признан вариант самого господина Журдена (чем он немало гордился). Почему? Составим схемы связей между словами в этих предложениях, обозначив их цифрами (обращение не учитывается):

Мы видим, что только в первом варианте линии связей не пересекаются между собой и с перпендикуляром к сказуемому — т.е. эти связи параллельны, что говорит о целостности грамматических групп слов: «ваши прекрасные глаза», «сулят мне», «сулят смерть», «смерть от любви». Вот это и есть первая закономерность словорасположения: целостность грамматических групп не нарушена только в первом варианте и нарушена в двух других. Поэтому первый вариант выглядит естественным, а остальные громоздкими и вычурными (хотя и понятными, потому что в нашем языке порядок слов свободный).

Вторая закономерность словорасположения заключается в том, что размещение подлежащего и сказуемого в двусоставном предложении зависит от расположения элементов актуального членения и, следовательно, от двух факторов: является ли предложение актуально расчлененным или актуально не расчлененным; использован ли в актуально расчлененном предложении нейтральный порядок темы и ядра или же эмфатический (экспрессивный).

I. Актуально расчлененное предложение. Поскольку речь пойдет о письменных текстах, нам нужно будет показать, что для актуального членения уже накоплена информация, входящая в тему. Поэтому в примерах анализируемое предложение будет предваряться фрагментом, содержащим материал для темы рассматриваемого предложения.

Нейтральное размещение темы и ядра таково: тема занимает первое место, а ядро — второе. Поэтому размещение подлежащего и сказуемого обусловлено тем, как они распределены между темой и ядром. Рассмотрим следующие случаи: подлежащее входит в тему, сказуемое — в ядро; в тему входит сказуемое, в ядро — подлежащее; оба главных члена входят в тему; оба главных члена входят в ядро.

1. «Надо отдать должное актрисе Барбаре Винчестер — она жила на сцене с такой детской непосредственностью, что двусмысленность положения ее героини для нее самой была совершенно незаметной. А двусмысленность // была чудовищной» (А.Аникст, Г.Бояджиев. Шесть рассказов об американском театре). Полуширинным шрифтом выделена тема — ясно, что эта информация перенесена сюда из предшествующего текста. Разрядкой обозначено ядро. Поскольку использован прямой порядок их размещения и

подлежащее попало в тему, оно оказалось на первом месте, а сказуемое, заключенное в ядро, поставлено на втором месте.

2. «„Ячменев, это ты?“ — „Кто говорит?“ — „Это говорит // у б и й - ц а “ — спокойно сообщил незнакомый голос» (Э.Брагинский, Э.Рязанов. Убийство в библиотеке). Части актуального членения расположены нейтрально, а главные члены поменялись местами, поскольку в тему попало сказуемое, а в ядро — подлежащее. Никакой экспрессии от перестановки подлежащего и сказуемого не возникло, потому что экспрессия заключается не в их месте, а в месте темы и ядра. Поэкспериментируем: переставим тему и ядро в этом ответе — «У б и й ц а // это говорит». Мы видим, что возникла выразительность, ведь ядро пришлось выделять сильным логическим ударением, вторая часть изменила темп, и к такому построению вряд ли подойдет авторская ремарка о спокойном голосе.

3. «Когда ведь они — приказчики-то — подолгу сидят, а в те годы им какой-то перевод случился... Тут заступил Северьян Убойца. Этого опять // Хозяйка Медной горы в пусту породу перекинула» (П.П.Бажов. Малахитовая шкатулка). Тема и ядро размещены нейтрально, оба главных члена в ядре. При этом подлежащее ставится на первом месте, а сказуемое — на втором.

4. «Мне снилось: я попала в Углич и иду по длинной, широкой, заросшей мелкой зеленой травкой улице; и иду я // не то на раннем рассвете... не то поздним, но светлым вечером» (О.Берггольц. Дневные звезды). Тема и ядро снова размещены нейтрально, но главные члены попали в тему. При этом сказуемое ставится на первом месте, а подлежащее на втором.

Эмфатическое размещение темы и ядра таково: ядро на первом месте, тема на втором. Покажем только, что главные члены, попадая в разные элементы актуального членения, подчиняются размещению последних:

1. «И хоть она не шибко к чужим людям ластилась, а всяк ей — Танюшка да Танюшка. С а м ы е з а в и д у щ и е б а б е ш к и // и т е л ю б о в а л и с ь» (П.П.Бажов. Малахитовая шкатулка). Подлежащее стоит на первом месте потому, что оно вошло в ядро, а ядро говорящий решил выдвинуть в начало предложения.

2. «Танюшка и занялась разбирать эти штучки. И вот диво — которую примеряет, та и по ней. Да еще и говорит: — Мамонька, с к о л ь х о р о ш о // т я т и н о - т о п о д а р е н ь е !» (П.П.Бажов. Малахитовая шкатулка). Здесь на первом месте сказуемое, так как оно вошло в выдвинутое на первый план ядро предложения.

II. Актуально не расчлененное предложение обычно открывает текст или новый его раздел и представляет собой порцию новой информации, т.е. все оно как бы равняется ядру. Обычное размещение главных членов здесь таково: подлежащее на первом месте, сказуемое на втором. Вот начало главы в романе Л.Лиходеева «Я и мой автомобиль»: «Вообще-то я

хотел купить ему не чижа, а белку. Мы подошли к зоомагазину перед концом обеденного перерыва и увидели мощную толпу».

Если же сказуемое имеет бытийный смысл, оно в таких предложениях обычно ставится перед подлежащим: «У каждого человека, наверное, есть один, самый любимый и самый счастливый, всю жизнь повторяющийся сон» (О.Берггольц. Дневные звезды); «Метет, метет метель по улицам Москвы, завывает ветер на перекрестках» (Ю.Нагибин. Директор).

Третья закономерность касается размещения слов в грамматических группах. Здесь различаются прямой и обратный порядок слов. Мы лишь схематически перечислим основные варианты.

Согласованное определение: прямой порядок — «определение + существительное»; обратный — «существительное + определение».

Несогласованное определение: прямой порядок — «существительное + определение»; обратный — «определение + существительное».

Дополнение: прямой порядок — «глагол + дополнение»; обратный — «дополнение + глагол».

Обстоятельство, выраженное качественным наречием: прямой порядок — «наречие + глагол»; обратный — «глагол + наречие».

Обстоятельство, выраженное иными средствами: прямой порядок — «глагол + обстоятельство»; обратный — «обстоятельство + глагол».

ЛИТЕРАТУРА

Долинина И.Б. Системный анализ предложения. М.: Высш. шк., 1977.

Ковтунова И.И. Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение предложения. М.: Просвещение, 1976.

§ 6. Эллиптические и неполные предложения

Мы переходим к рассмотрению последней проблемы, связанной со структурой простого предложения. Его структура может модифицироваться, подчиняясь условиям контекста, авторскому замыслу, ситуации общения. Мы рассмотрим три типа модификации: незаполненность словом позиции какого-либо члена предложения; расчлененность структуры простого предложения; осложненность структуры простого предложения.

Переходим к первому вопросу — структурной неполноте предложения. В процессе реализации структуры простого предложения в нем может оказаться незаполненной та или иная позиция. Различаются два принципиально несходных случая такой незаполненности.

В эллиптических предложениях не заполняется словом позиция сказуемого. При этом наличествующие члены (подлежащее и второстепенные члены из группы сказуемого — обстоятельства и дополнения) указывают на общий смысл второго главного члена, на лексико-семантическую группу, из которой можно было бы выбрать сказуемое. Выделяется три основных семантических типа эллиптических предложений, как раз в зависимости от того, на какую лексико-семантическую группу глаголов называют наличествующие члены предложения.

1. Эллиптические предложения со значением бытия, наличия. Рассмотрим ремарку из пьесы А.М.Горького «Дачники»:

«На первом плане с левой стороны [ ] две сосны, под ними [ ] круглый стол, три стула. За ними [ ] невысокая терраса, покрытая парусиной. Напротив террасы [ ] группа деревьев, в ней [ ] широкая скамья со спинкой. За нею [ ] дорога в лес».

Отмеченные пустые позиции могут быть заполнены глаголами типа *находятся, стоят, растут, стоит, поднимается, расположена, размещилась, стоит, убегает* и др. Важно только, что все эти слова так или иначе говорят о бытии, наличии предмета. Сложность здесь лишь в том, что бытие передается с учетом реальности или изображенности обстановки. Про сосны на сцене мы скажем «расположены», «поставлены», а про сосны настоящие можем сказать «растут». Для грамматики это не имеет значения, так как и в том и в другом случае на первый план в словах выдвинута сема наличия, бытия предмета.

2. Эллиптические предложения со значением движения (реже какого-либо другого физического действия). Вот отрывок из сказки М.Е.Салтыкова-Щедрина «Дикий помещик»:

«И начал он стараться, и не то, чтоб как-нибудь, а все по правилу. Курица ли крестьянская в господские овсы забредет — сейчас ее, по правилу, [ ] в суп; дровец ли крестьянин нарубить, по секрету, в господском лесу соберется — сейчас эти самые дрова — [ ] на господский двор, а с порубщика, по правилу, [ ] штраф».

В нашем тексте в предложениях не замещена позиция подлежащего: действует он, помещик, и его слуги. Отмеченные позиции указывают на глаголы физических действий: *заберет, отправит, штраф «сдерет»*.

«Кто [ ] куда, а я [ ] в сберкассе, — давно уже, бывая в командировках, изучая другие, так сказать, главные темы, я заглядывал попутно в эти тихие, чаще всего тесные, явно „неглавные“ и не особо воспетые печатью учреждения» (А.Аграновский. Деньги любят счет). Отмеченные позиции указывают на глаголы движения: *направляться, идти, стремиться, собираться*.

3. Эллиптические предложения со значением речи, говорения:

«Старушка [ ] ей: А вот камин, Здесь барин сживал один» (А.С.Пуш-

кин. Евгений Онегин). Пустая позиция указывает на глаголы речи: сказала, сообщила.

Неполные предложения

В неполных предложениях, двусоставных или односоставных, в отличие от эллиптических, пустая позиция заполняется конкретным, точно выясняемым из контекста элементом — словом, группой слов или предложением. Если в эллиптическом предложении подсказывается смысл, причем за счет внутренних ресурсов самого предложения, то в неполных предложениях внешним контекстом подсказывается конкретная единица.

На пустую позицию подсказывается слово или группа слов. При этом действуют разнообразные средства компенсации неполноты:

А. Вещный контекст, т.е. окружающая ситуация, как это часто бывает при устном общении. Представьте, что вы протягиваете своему собеседнику книгу и говорите: «Возьми». Вы воспользовались односоставным определенно-личным предложением, в котором не заполнена позиция прямого дополнения. Вещный контекст подсказывает, что это должно быть слово книга или группа слов эта книга: «Возьми эту книгу».

Б. Словесный контекст:

1. Таким контекстом могут быть соседние самостоятельные предложения монологического текста: «Ребята попросили еще пирога. Маруся снова отрезала им по куску [ ]»; «Дети ушли спать. Потом собрался и Василий Петрович. Маруся пошла его провожать. Уходя, [ ] сказала Кате: „Чистую простынь в шкафу возьми“» (А.Рыбаков. Дети Арбата). На пустые позиции ставятся слова из соседних самостоятельных предложений: «по куску пирога», «она, Маруся сказала». В обоих случаях неполные предложения являются двусоставными. Обратите особое внимание на второе предложение: «Уходя, [ ] сказала Кате». Оно имеет две главные позиции, поэтому является двусоставным. Одна из этих двух позиций — позиция подлежащего — не заполнена словом, поэтому данное предложение — неполное.

2. Восполняющим контекстом могут быть части сложного предложения. Суть явления та же, что и в предыдущем случае: «Прокopf запряг лошадь и по темному, через задние ворота, вывез на одоньи двигатель и зарыл его там в солому. [ ] Успел ружье спрятать в наружную защитку сарая, чтоб легче взять [ ], ежели из дома выгонят» (Б.Можаев. Мужики и бабы). Первый случай нам уже знаком: на пустую позицию подлежащего в двусоставном предложении «[ ] Успел ружье спрятать» слово подсказывается предыдущим предложением: «Прокopf успел ружье спрятать». Предложение «чтоб легче взять [ ]» — односоставное инфинитивное с условной модальностью. Оно неполное, так как есть пустая позиция дополнения, слово для нее подсказывается предыдущей частью сложной конструкции: «взять ружье».

3. Еще один словесный источник восполнения позиции — это предшествующие реплики диалога: неполное предложение в речи одного говорящего ком-

пенсирует свою неполноту за счет высказывания другого говорящего. Приведем диалог из повести Э. Брагинского и Э. Рязанова «Берегись автомобиля!»:

«— Люба права — тут что-то неладно...

— Кто это Люба? — едва успел вставить Максим.

— [] Юрина невеста».

Предложение «Юрина невеста» двусоставное, неполное, в нем пустая позиция подлежащего, и слово на нее подсказывается предыдущими репликами диалога: «Люба — Юрина невеста».

На пустую позицию подсказывается смысл предложения. Это происходит в сложноподчиненных предложениях: «Вы могли заметить [], что я мало уважаю постороннее мнение» (А.С. Пушкин. Выстрел). Глагол заметить имеет конструктивно обусловленное значение, следовательно, при нем должно быть указание на объект: заметить что? Но в главном предложении слова на этой позиции нет, а смысл мы понимаем, когда обращаемся к придаточному предложению. Происходит это потому, что объектом действия заметить является не предмет, а ситуация, она и отражена в придаточном. Таким образом, в структурном отношении главное предложение является неполным, смысловая же его недостаточность компенсируется придаточным предложением.

Итак, при структурном анализе простого предложения надо прежде всего выяснить, является ли оно двусоставным, односоставным или нечленимым, а затем для первых двух установить, полные они или неполные. Например:

«Я читаю книгу, он — журнал» — 2-е предложение — двусоставное, неполное, в нем не заполнена позиция сказуемого, слово для нее подсказывается первым предложением сложной конструкции;

«Мне было весело, а ему скучно» — 2-е предложение односоставное безличное с категорией состояния, неполное, так как по контексту в нем прошедшее время, а позиция связки было не заполнена. Неполнота компенсируется за счет соседней части сложного предложения;

«Кому здесь не нравится?» — «Мне!» — 2-е предложение односоставное собственно-безличное спрягаемое. Оно неполное, так как позиции главного члена и обстоятельства места не заполнены — «Мне здесь не нравится». Компенсация происходит за счет реплики диалога.

Особое внимание нужно обратить на неполноту двусоставных предложений, в которых подлежащее подсказывается контекстом, а сказуемое выражено глагольной формой прошедшего времени единственного или множественного числа или формой третьего лица единственного числа настоящего и будущего времени, а также в ряде случаев формой третьего лица множественного числа настоящего и будущего времени. Рассмотрим примеры:

«Иду вчера по улице. Встретился с приятелем. Поговорили».

1-е предложение — односоставное определенно-личное полное; субъект действия — первое лицо, на что указывает форма сказуемого;

2-е предложение — двусоставное неполное. Субъект действия — пер-

вое лицо. На пустую позицию подлежащего, как подсказывает 1-е предложение, нужно поставить местоимение я;

3-е предложение — двусоставное неполное. Субъект действия — первое лицо множественного числа, т.е. группа лиц, включающая в себя говорящего. На пустую позицию подлежащего, как подсказывают первые два предложения, нужно поставить местоимение мы.

«Шел он вчера по улице. Встретился с приятелем. Поговорили».

1-е предложение — двусоставное полное;

2-е предложение — двусоставное неполное. Субъект действия — третье лицо единственного числа. Как показывает предыдущее предложение, на пустую позицию подлежащего надо поставить личное местоимение он;

3-е предложение — двусоставное неполное. Субъект действия — третье лицо множественного числа. Как подсказывают предшествующие предложения, на пустую позицию подлежащего надо поставить местоимение они.

«Вышел Петр за деревню. Налево посмотрит — поля; направо взглянет — лес. Хорошо дома!»

1-е предложение — двусоставное полное;

2-е и 4-е предложения — двусоставные неполные, на пустую позицию подлежащего, как подсказывает 1-е предложение, надо ставить либо слово Петр, либо местоимение он: «Петр посмотрит», «Он взглянет»;

3-е и 5-е предложения — односоставные номинативные бытийные, полные;

6-е предложение — односоставное собственно-безличное с категорией состояния, полное.

«Он сообщил мне, что слышал о моей поездке в Москву».

1-е предложение — двусоставное неполное, с пустой позицией дополнения — сообщил о чем? Неполнота компенсируется придаточным дополнением;

2-е предложение — двусоставное неполное. Пустая позиция подлежащего должна быть заполнена местоимением он из 1-го предложения.

ЛИТЕРАТУРА

Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М.: Высш. шк., 1974.

§ 7. Расчленение структуры простого предложения

В целях выразительности простое предложение может быть подано расчлененно. Существуют два способа такого расчленения, причем каждый из них в двух стилистически окрашенных вариантах — в разговорном и ораторском.

Сегментация. Этот способ членения простого предложения состоит в том, что с помощью начального именительного падежа обозначается тема

последующего высказывания, а затем вводится и оно само, при этом тема обозначена в нем либо повтором, либо субститутотом — например, местоимением. Приведем два предложения из «Моего Дагестана» Расула Гамзатова: «Книга, письменность... Вот два сокровища, которые забыл дать нам тот, кто раздавал языки»; «Мой отец... Из тех, кто его знал, каждый, наверное, по-своему представлял себе моего отца».

Именительный падеж называет тему. Без сегментации конструкции могли бы выглядеть так: «Книга, письменность — два сокровища», «Из тех, кто знал моего отца, каждый представлял его себе по-своему». Показана сегментация ораторского типа, для нее характерна большая пауза после именительного падежа и тон размышления.

В разговорном варианте тона размышления нет, пауза отсутствует. Вот отрывок из очерка А. Аграновского «Техника без опасности»: «Вместо расчетов — эмоции, вместо резонансов — восклицания, поспорили — будто и дело сделали, а люди, которые планируют ассигнования, — они не публицисты. Им цифры нужны».

Конструкция «люди — они» сегментированная, в начало ее вынесен именительный темы, а высказывание включает субститут. Без сегментации было бы: «люди — не публицисты». Интонация, как мы чувствуем, здесь совсем не торжественная.

Обратим внимание на то, что темой последующего высказывания может оказаться явление, как в предыдущих примерах, а может и слово: «Освобожденная Россия, — какие дивные слова!» (В. Брюсов).

Парцелляция. Элемент предложения при парцелляции отделяется от него, наделяется интонацией законченного высказывания и помещается после базовой конструкции. Интонация торжественности, размеренности, выделяющая, подчеркивающая парцеллят, характерна для ораторского синтаксиса. В «Моем Дагестане»: «Может быть, были времена, когда люди вместо приветов, выраженного в слове, посылали огонь, пламя. Мирное пламя. Не пламя пожара и войны, но пламя очага, пламя тепла и света».

Разговорная парцелляция имитирует неподготовленную речь, присоединение к сказанному того, что заранее как бы не было запланировано: «У Настасьи, Степановой-то вдовы, шкатулка малахитовая осталась. Со всяким прибором» (П. П. Бажов. Малахитовая шкатулка).

§ 8. Средства осложнения структуры простого предложения

Конструкции, осложняющие структуру простого предложения, кроме дополнительного содержания, вносят изменения в его интонацию. Таких конструкций выделяется пять: однородные члены, обособленные члены, вводные конструкции, вставные конструкции и, наконец, конструкции, аналогичные нечленимым предложениям.

Однородные члены предложения — это одноименные члены, относящиеся в предложении к одному и тому же слову и связанные перечислительной интонацией или сочинительными союзами. Они образуют цепочки или пары равноправных элементов. Таким образом, однородные члены осложняют не только содержание (несколько субъектов у одного действия, несколько действий, совершаемых одним субъектом, несколько качеств одного предмета и т.д.), но и интонацию простого предложения, так как произносятся они с одинаково сильными ударениями, равными паузами между членами цепочки, более заметными, если связь бессоюзная.

Мы рассмотрим основные проблемы, связанные с введением однородных членов в предложение и с их стилистической нагрузкой.

Однородные подлежащие и согласование с ними сказуемого. Сформулируем основное правило связи сказуемого с однородными подлежащими, а затем некоторые отступления от него.

Основное правило таково: если ряд подлежащих стоит на первом месте, то стоящее на втором месте сказуемое имеет форму множественного числа, т.е. происходит координация в соответствии с моделируемой ситуацией; если сказуемое стоит на первом месте, а ряд подлежащих идет за ним, оно имеет форму единственного числа. Последнее, конечно, не отвечает моделируемой ситуации, но при неподготовленности речи освобождает говорящего от грамматического обязательства употребить непременно два или более подлежащих. Письменная речь явно наследует эту черту устной речи. Вот примеры: 1. «Я знаю, добрый король и королева посылали за вами» («Гамлет» в пер. Б.Пастернака). 2. «В тумане над прудом начиналось бульканье, плеск, возня» (К.Г.Паустовский. Повесть о жизни); «В этом огне бушевал рев, визги, стоны, хохот и свист» (М.Булгаков. Мастер и Маргарита).

Как видим, даже если в ряду подлежащих есть формы множественного числа, это не влияет на число впереди стоящего сказуемого, но при одном условии: если подлежащее в форме множественного числа не стоит первым в ряду, сразу после сказуемого. Это еще раз доказывает, что правило ориентировано на «экономия» грамматических обязательств в нашей кратковременной памяти, ведь первое подлежащее сразу реализует обязательство и позволяет больше не хранить его в памяти. Таким образом, впереди стоящее сказуемое имеет форму множественного числа, если непосредственно за ним стоящее подлежащее также имеет эту форму: «Закивали, зашумели тростники и длинный шпажник» («Песнь о Гайавате» в пер. И.Бунина).

Отступления от основного правила заключаются в следующем:

1. Впереди стоящее сказуемое имеет форму множественного числа: а) когда подчеркивается книжность, подготовленность речи: «В сущности, и те две строчки, в которых изображены небо, море и плывущая бочка,

тоже представляют собою вполне законченную картину» (С.Я.Маршак. О сказках Пушкина). Перед нами статья, в этом сугубо книжном тексте вполне уместно множественное число сказуемого в данной позиции; б) когда лексическое значение глагола, употребленного в роли сказуемого, указывает на наличие по меньшей мере двух субъектов. Вспомним, например, взаимно-возвратные глаголы, значение которых отражает действие двух и более субъектов: «...Слились земля и небо» («Песнь о Гайавате» в пер. И.Бунина); в) когда подлежащие образуют единство, что подчеркивается, например, их антонимичностью: «В блеске черных глаз играли у нее и свет и тени — свет улыбки, тени гнева» (там же).

2. На втором месте стоящее сказуемое может иметь форму единственного числа, если подлежащие выражены абстрактными существительными: «Гитчи Манито! — вскричал он, полный скорби безнадежной. — Неужели наше счастье, наша жизнь от них зависит?» («Песнь о Гайавате» в пер. И.Бунина).

Однородные и неоднородные определения. На однородность влияют семантические и структурные условия введения определений в предложение.

1. Семантическое условие однородности определений — их смысловая общность, объективная или субъективная. Объективная семантическая общность обусловлена тем, что слова обозначают разновидности одного признака предмета, например, разные цвета, разные величины: «В каких-то легких лиловатых и голубых цветах на школьных клумбах засверкали под солнцем капли дождя» (О.Бергтольд. Дневные звезды).

Субъективная семантическая общность обуславливается тем, что автор обнаруживает и с помощью однородности заставляет читателя уловить в словах нечто сходное логически или эмоционально. В «Дневных звездах»: «Он улегся на жесткой и очень узенькой кушетке, а я закрыла лампу газетным кульком и уселась перед листом бумаги» — логическая общность «жесткая и узенькая» = «неудобная для лежания»; «Полукруглые окошки, чудесно посветлев, лили в келью снежный, лунный, грустный свет глубокой зимы» — эмоциональная общность «снежный, лунный, грустный» = «прекрасный, таинственный».

Как показывает наш материал, внешним средством выражения однородности являются сочинительные союзы и перечислительная интонация. Обратим внимание на то, что в примере «лиловатые и голубые цветы» есть еще определение легкие, которое не включено в ряд с помощью перечислительной интонации и потому не является однородным, о чем далее будет сказано подробнее.

2. Структурные условия однородности по отношению к определениям могут быть внутренними, касающимися собственной структуры этих членов, и внешними, касающимися их размещения в предложении.

Внутренние структурные условия однородности:

— Однородными чаще всего являются несогласованные определения.

Вот предложение из «Повести о жизни» К.Паустовского: «Это был длиннорослый близорукий старик в толстых очках, в потертой тужурке почтового ведомства со скрещенными медными рожками и молниями в петлицах». Здесь две пары однородных несогласованных определений: «в очках, в тужурке», «с рожками и молниями». Мы уже говорили о том, что однородные определения связаны интонацией перечисления или сочинительными союзами. В наших парах использовано и то и другое. Попробуем устранить эти связующие средства: «в очках в тужурке», «с рожками молниями». Мы видим, что может получиться либо «двусмыслица», вроде «очков в тужурке», либо бессмыслица, вроде «рожков молниями» (рожок уже говорит о форме, и явно не о форме молнии). Язык с помощью своих норм бережет нас от того и от другого и заставляет нас отделять одно несогласованное определение от другого с помощью перечислительной интонации или сочинительного союза. Таким образом, у этих связующих средств есть еще и пограничная функция, позволяющая отделить один элемент от другого и связать каждое из определений с определяемым словом.

— Второй структурный тип определений, которые обычно бывают однородными, — это ряд: «одиночное определение + распространенное определение», например, выраженное причастным оборотом. Из «Дневных звезд»: «Мне снилось: я попала в Углич и иду по длинной, широкой, заросшей мелкой зеленой травкой улице».

Внешним структурным условием однородности является порядок слов. При обратном порядке слов, когда определения подчеркиваются, легче возникает семантическая общность и, следовательно, однородность: «Квасами пахнет и печеным хлебом, великорусским, духовитым, жарким» (В.Луговской. Сказка о дедовой шубе).

Переходим к неоднородным определениям. Определения могут относиться к одному слову, отвечать на один вопрос и стоять рядом, но не быть однородными. Внешне это проявляется в том, что нет перечислительной интонации и сочинительных союзов. Семантические условия неоднородности состоят в том, что, во-первых, между словами, обозначающими разнородные признаки, автор не устанавливает семантической общности, что и выражает тем, что не вводит ни перечислительной интонации, ни сочинительных союзов. Во-вторых, между определениями автор может установить отношения уточнения, т.е. явного семантического неравноправия, поэтому об однородности не может быть и речи. Проиллюстрируем оба случая на фрагменте из романа В.Белова «Год великого перелома»:

«Он не поймал ее взгляда, лицо было наполовину закутано. Но, кроме праздничных рукавиц, он успел разглядеть новый, добротный, правда совсем летний, казакин с борами, а из-под него виднелась темно-синяя длинная юбка домашней пряжи».

Отражение разнородных признаков мы видим в паре «темно-синяя длинная юбка», отражение уточнения — в группе «новый, добротный,

правда совсем летний, казакин», где два первых однородных определения уточняются третьим, поэтому последнее и выделено запятыми, т.е. использовано обособление члена, а не однородность.

Структурно-семантическое условие неоднородности определений заключается в том, что первое из них относится не непосредственно к определяемому слову, а к словосочетанию «определение + определяемое», ср. в «Дневных звездах»: «Возле Зоологического сада не по-городскому пахло прохладной осенней землей». Связь: «прохладная» + «осенняя земля».

Предлоги при однородных членах. Очень коротко изложим основные правила повтора предлога или отсутствия такого повтора. Повтор обязателен при сопоставительных и повторыющихся союзах: «И возникает вопрос: как быть с частными предприятиями, причем не только в сельском хозяйстве, но и в промышленности, торговле, услугах?» (С.Меньшиков. Экономическая структура социализма: что впереди?); «Двух коней, коль хошь, продай, но конька не отдавай ни за пояс, ни за шапку, ни за черную, слышь, бабу» (П.Ершов. Конек-горбунук).

Как правило, требуется повтор предлога при противительных союзах: «И молился Гайавата: не о ловкости в охоте, не о славе и победах, но о счастье, о благе всех племен и всех народов» («Песнь о Гайавате» в пер. И.Бунина).

В остальных случаях повтор факультативен: «По субботам и воскресеньям миллионы горожан, утомленных бензином, рвутся вон из любимого города» (Э.Брагинский, Э.Рязанов. Берегись автомобиля!). Возможно: «по субботам и по воскресеньям».

Иногда повтор предлога позволяет избежать двусмысленности или бессмыслицы, об этом нужно помнить и учитывать условия контекста. Читаем в «Повести о жизни»: «С тех пор все битвы с поляками и турками были связаны в моем воображении с диким полем, заросшим чертополохом, с пыльным его дурманом». Если убрать второй предлог с, возникает новый, правда, весьма неловко выраженный смысл: «поле, заросшее чертополохом, пыльным его (?) дурманом». Повтор предлога устанавливает в предложении нужные автору связи между словами и объединяет слово дурман не со словом заросшее, а со словом связаны.

Обобщающие слова при однородных членах предложения. Для правильной постановки знаков препинания нужно учитывать особые конструкции, используемые в предложениях с однородными членами. Ряд однородных членов может предваряться или заключаться обобщающим словом. Отношения между таким словом и однородными членами различны. Во-первых, это родовидовые отношения: «За ним шла, им увлекалась, ему аплодировала лучшая, передовая, коммунистическая, комсомольская, активистская часть молодежи: вузовцы, рабфаковцы, курсанты военных школ...» (З.Владимирова. Игорь Ильинский). Во-вторых, это отношения части и целого: «Революционные лозунги были начертаны везде, на всех камнях, зданиях и оградах города, особенно много было их на окраинах:

на воротах фабрик и заводов, на их корпусах...» (О.Бергтольц. Дневные звезды). Ясно, что ворота — не вид окраины, а ее часть. В-третьих, в роли обобщающего слова выступает местоимение или местоименное наречие, содержание которого конкретизируется рядом однородных членов: «... Эта келья, этот угол монастырского двора с могучими липами и, главное, высокий, белый пятиглавый собор напротив школы — всё это стало мне почему-то сниться как место чистейшего, торжествующего, окончательного счастья» (О.Бергтольц. Дневные звезды).

Стилистические функции. Однородные члены обладают богатыми выразительными возможностями.

I. Однородные члены широко используются в описаниях и повествованиях, когда нужно передать сосуществование предметов и признаков — в описании, смену действий — в повествовании. Вот короткое повествование: «Он выронил записку, поднял ее, прочел снова, шепнул: „В Петербург“, снова ее выронил, и только» (И.С.Тургенев. Дым). Целая сценка в одном предложении с однородными сказуемыми.

Описания, выполненные с помощью однородных членов, весьма многообразны и демонстрируют и авторскую манеру письма, и разнообразие авторских намерений. Сравним два осенних пейзажа, в которых авторы создают цветовую картину природы (а можно создать в слове и звуковую картину, и особым образом организованную пространственную).

Первый пейзаж принадлежит К.Г.Паустовскому, рассказ «Желтый свет»: «Я узнал, что осень смешала все чистые краски, какие существуют на земле, и нанесла их, как на холст, на далекие пространства земли и неба. Я видел листву, не только золотую и пурпурную, но и алую, фиолетовую, коричневую, черную, серую, почти белую».

Второй пейзаж описан М.М.Пришвиным в «Календаре природы. Осень»: «Летали теперь только листья, и вот попался в паутину очень нарядный, багровый, с каплями росы осиновый лист. В нескольких шагах от края вырубки была лесная дорожка, разъезженная, черная, но там, где стояла осина, листва ее ложилась на черное ярким, далеко видимым бледно-желтым пятном».

Резкость красок второго пейзажа очень отличает его от многоцветья первого. Паустовский написал картину мелкими мазками, а Пришвин — крупными цветовыми пятнами, хотя оба активно использовали одну и ту же синтаксическую конструкцию с однородными определениями.

II. Однородные члены участвуют в построении синтаксических фигур градации и накопления синонимов. Фигуры эти, как мы помним, используются для подчеркивания признака: «Мужик пошел помыть мертвых, чтобы обнаружить тем свое участие и сочувствие» (А.Платонов. Котлован). У Платонова, конечно, дело сложнее, чем простой синонимический повтор для подчеркивания признака, поскольку первое слово участие выступает еще и в своем процессуальном значении «действие участвовать, отраженное как предмет», а не только в значении «состояние проявления участия».

III. Однородные члены применяются для создания комического эффекта изложения.

1. Комический эффект может возникать в результате нагнетания однородных членов, когда автор создает у читателя впечатление, что он честно и пунктуально решил перечислять все, что относится к данному вопросу. На таком перечислении строится, например, фельетон М.Булгакова «Сколько Брокгауза может вынести организм?», где рассказывается о рабочем, решившем получить образование путем чтения энциклопедического словаря. Начиная с последней трети текста, в нем появляются перечни того, что читал рабочий: «День болела голова. Не читал. Но через день двинулся дальше. И все-таки прошел через Банювангис, Баньюмас, Баньер-де-Бигир и через два Баньякавало — человека и город. Крах произошел на самом простом слове «Барановские». Их было 9: Владимир, Войцех, Игнатий, Степан, 2 Яна, а затем Мечислав, Болеслав и Богуслав». Прием нагнетания однородных членов точно соотносен с заглавием: так сколько же Брокгауза может вынести организм, какой длины получится перечень?

Нагнетание порой подчеркивается различными структурными средствами: словообразовательными, синтаксическим параллелизмом, т.е. одинаковым синтаксическим строением однородных членов. Вот два примера из романа И.С.Тургенева «Дым»:

«Он видел перед собою господина, наружности почтенной и немного туповатой, лобастого, глазастого, губастого, бородастого, с широкою шеей, с косвенным, вниз устремленным взглядом» — четыре прилагательных с суффиксом -аст- не могут не подчеркнуть весь ряд однородных членов; «Р.П., забавный толстяк, который считает себя очень больным и очень умным человеком, а здоров как бык и глуп как пень» — использован синтаксический параллелизм.

2. В ряду однородных членов автор может соединить то, что обычно не соединяется в нашем сознании. Эта внешняя нелогичность и способствует возникновению комического эффекта. Э.Брагинский и Э.Рязанов так характеризуют главного героя «Зигзага удачи»: «Исключенный Орешников уходил с собрания эффектно, не так, как Лидия Сергеевна. Он умел проигрывать. По прямой мужской линии он происходил от д'Артаньяна, Жерара Филипа и старшиновской тройки из хоккейной команды „Спартак“». Как видим, «прямая мужская линия» оказалась весьма зигзагообразной и соединила в разных эпохах и странах то, что читатель по собственной воле вряд ли когда-либо соединил бы.

3. Наконец, однородные члены участвуют в построении каламбуров. УЭ.Кроткого: «Короли и дворники равно должны заботиться о блеске своего двора» — два однородных подлежащих «проявляют» разные лексические значения у слова двор. Мы рассматривали этот афоризм с точки зрения омонимии слова двор, а сейчас показываем его с точки зрения синтаксиса, ведь именно синтаксическая конструкция — ряд однородных членов — обеспечивает игру слов; «Ему пришла в голову мысль, но, не застав никого, ушла» — сказуемое из фразеологизма стало в один ряд с однород-

ным сказуемым, расширяющим устойчивое сочетание, в результате этого возникает буквализация фразеологизма.

Обособленные члены предложения

Обособление — это смысловое и интонационное выделение члена предложения. На этом члене делается дополнительное повышение тона, и интонация законченного высказывания таким образом модифицируется. Мы рассмотрим основные условия обособления, которые могут быть семантическими и структурными, как внутренними, так и внешними.

Семантические причины обособления заключаются в том, что говорящий наделяет член предложения дополнительным смыслом.

1. Определение может наделяться обстоятельственным смыслом, причинным, уступительным, условным, что и показывается автором с помощью интонации обособления: «Собранный в некий волшебный фокус, свет любви и какого-то романтического доброжелательства в рассказах А.Грина радостно воздействует на душу» (М.Щеглов. *Корабли Александра Грина*). Обособленное определение надлено причинным значением (Воздействует почему? Потому что собран в волшебный фокус).

2. Значение уточнения, как уже говорилось при анализе неоднородных определений, также ведет к обособлению, т.е. именно с помощью интонации мы можем указать на уточняющую функцию одного члена предложения по отношению к другому: «Я был гимназистом последнего класса киевской гимназии, когда пришла телеграмма, что в усадьбе Городище, около Белой Церкви, умирает мой отец» (К.Г.Паустовский. *Повесть о жизни*). Обстоятельство уточняет предыдущее обстоятельство «в усадьбе Городище».

3. С помощью обособления член предложения может подчеркиваться, произноситься, так сказать, «созначением». Вот отрывок из романа А.Грина «Бегущая по волнам»: «В это время, как на грех, молодой лейтенант вздумал ей сказать комплимент. „Вы так легки, — сказал он, — что, при желании, могли бы пробежать к острову по воде и вернуться обратно, не замочив ног“». Надо ли говорить, что в романе, утверждающем, что чудо подвластно лишь тому, кто его желает, с помощью обособления выделено ключевое слово произведения.

Структурные и структурно-семантические причины обособления связаны с внутренними и внешними условиями бытования слова в предложении.

А. Внутренние условия:

1. На обособление может влиять объем члена предложения. Например, в нашей пунктуации есть правило, которое опирается на эту закономерность. Одинокое деепричастие, стоящее после определяемого слова, не обособляется, а деепричастный оборот, находящийся в этой же позиции, обособляется обязательно: «Идет. Идет по платформе. Идет улыбаясь. Вспоминает о встрече с Вронским на станции, и воспоминание заставляет

ее счастливо, радостно улыбнуться. А в глазах — страдание» (В.Утилов. Вивьен Ли). Одинокое обстоятельство не обособлено. Распространим его: «Идет, странно улыбаясь». Как видим, обособление стало обязательным.

2. На обособление влияет стремление говорящего разграничить возможные для данного слова при данном его размещении синтаксические функции. Это наблюдается в тех случаях, когда без обособления слово оказывается одним членом предложения, а при обособлении — другим. Обособление и указывает, какую функцию выбрал для этого слова автор текста. Вот отрывок из повести Э.Брагинского и Э.Рязанова «Старики-разбойники»: «Семнадцатый начальник Мячикова, Федор Федорович Федяев, вызвал однажды своего подчиненного и сказал: — Николай Сергеевич, ограбили обувной магазин!». Выделенный элемент — это приложение к подлежащему начальник. Если бы обособления не было, роли этих слов сменились бы: собственное имя стало бы подлежащим, а слово **начальник** — приложением. Еще один фрагмент, из романа «Дети Арбата»: «Баранов вышел к ним во двор, заспанный, нелюбезно спросил, в чем дело». Здесь есть обособленное определение, а если бы не было обособления, слово вошло бы в составное именное сказуемое со знаменательной связкой «**вышел заспанный**». Мы нарисуем совершенно фантастическую картину, если будем утверждать, что писатели были озабочены синтаксической ролью рассматриваемых слов. Были они озабочены тем, чтобы выделить в тексте нужный элемент. Синтаксические функции и обособление — лишь техника, которой носители языка владеют автоматически. Но в теоретическом курсе раскрыть механизм приема, конечно, необходимо.

Б. Внешние условия:

1. На обособление влияет порядок слов: при обратном порядке, который и сам по себе выделяет слово в высказывании, обособление используется чаще. И снова у нас в пунктуации есть правила, основанные на этой закономерности: определение, выраженное причастным оборотом, при прямом порядке не обособляется, если не наделено дополнительным обстоятельственным значением, а при обратном порядке, т.е. когда оно стоит после определяемого слова, обособляется. Сравним два предложения из романа В.Белова «Год великого перелома»: «Гремящий на стыках пустой вагон мотало из стороны в сторону»; «Трамвай рассыпал с дуги снопы красноватых искр, напомнивших литейный цех». При перестановке в первом предложении появится обособление, а во втором исчезнет: «вагон, гремящий на стыках»; «напомнивший литейный цех снопы искр».

Мы говорили о том, что не обособляется одинокое деепричастие, стоящее после определяемого слова, но если поставить обстоятельство перед определяемым словом, оно обособится, хотя его объем не изменится. В следующем предложении из «Повести о жизни» Паустовского речь идет о пчеле: «Я, замерев, следил, как она сердито пятится и выбирается из тесного цветка». Для сравнения вспомним конструкцию «Идет улыбаясь».

2. Обособляются определения, в том числе приложения, при опущен-

ном определяемом слове: «Но он и этого не чувствует. И, несмотря на общий смех, сидит и в ус себе не дует, каналья, видит лучше всех» (А.Блок. Возмездие). Приложение каналья обособлено, поскольку во втором предложении позиция подлежащего не заполнена словом, а приложение относится к этому опущенному подлежащему.

3. Обособление может быть вызвано тем, что определяемое слово иначе не может быть связано со своим определением. Например, личные местоимения не соединяются с определениями, но с помощью обособления эти элементы можно объединить: «Маленький, седой, с бесцветными добрыми глазами, он все лето жил на пасеке за левадой» (К.Г.Паустовский. Повесть о жизни).

ЛИТЕРАТУРА

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956. С. 412—436.

Вводные конструкции

Вводные конструкции — это элементы, грамматически не связанные с членами предложения и выражающие оценку содержания или формы высказывания. Поскольку в этом случае говорящий открыто выступает в высказывании, семантику этих единиц называют субъективной модальностью.

Оценка содержания высказывания дается с разных сторон, поэтому выделяется несколько семантических разрядов вводных конструкций:

1. Говорящий выражает субъективную уверенность или неуверенность в сообщаемом. В роли вводных слов здесь выступают модальные слова двух семантических разрядов: конечно, разумеется, наверное, вероятно. Кроме модальных слов, эту семантику выражают и вводные предложения: «я не сомневаюсь», «мы уверены»: «Уехал, кажется, всего верст сорок или пятьдесят, а истомеешь, отупеешь и раскиснешь так, как будто собственными своими благородными ногами пробежал верст полтора. Разумеется, первое дело самовар» (М.Е.Салтыков-Щедрин. Губернские очерки).

2. Выражается логическая — согласие, несогласие — или эмоциональная оценка сообщаемого: «Море кажется беспредельным, когда не видно берегов: но все эстетика утверждают (и совершенно справедливо), что море кажется гораздо величественнее, когда виден берег» (Н.Г.Чернышевский. Эстетические отношения искусства к действительности) — дана логическая оценка содержания; «Сделав над собой великое усилие, Иван Николаевич поднялся со скамейки и бросился назад, туда, где разговаривал с профессором. И оказалось, что тот, к счастью, еще не ушел» (М.Булгаков. Мастер и Маргарита) — авторская речь здесь двуголосая, к ней пришивается голос героя, Ивана Бездомного, и это с его позиции выражена эмоциональная оценка содержания высказывания.

3. Объясняется логический ход изложения: высказывание оценивается как вывод, пример, очередное суждение в цепи изложения: «В качестве охотника посещая Жиздринский уезд, сошелся я в поле и познакомился с одним калужским помещиком, Полутыкиным, страстным охотником и, следовательно, отличным человеком» (И.С.Тургенев. Хорь и Калиныч).

4. К высказыванию привлекается внимание адресата, и, следовательно, показывается, что автор оценивает его как важное: «А приятный это стихотворец Беранже! Из русских, я вам доложу, подобного ему нет! И все, знаете, насчет этих деликатных обстоятельств... bestия!» (М.Е.Салтыков-Щедрин. Губернские очерки).

Оценка формы высказывания тоже дается с разных сторон:

1. Используются метатекстовые вводные конструкции, которые оправдывают экспрессию, подчеркивают те или иные качества формы — краткость, точность, приблизительность: «Необходимо добавить, что на поэта иностранец с первых же слов произвел отвратительное впечатление, а Берлиозу понравился, то есть, не то чтобы понравился, а, как бы выразиться... заинтересовал, что ли» (М.Булгаков. Мастер и Маргарита) — описывается затруднение в выборе слова, выбор дважды оправдывается; «Вместо серьезного изображения человеческой жизни произведения искусства представляют какой-то слишком юный (чтобы удержаться от более точных эпитетов) взгляд на жизнь» (Н.Г.Чернышевский. Эстетические отношения искусства к действительности) — оценивается выбор оценочного слова юный, использованного иронически, с помощью не менее ироничной вводной конструкции отрицательная оценка усиливается и подчеркивается.

2. С помощью вводных слов дается указание на источник мысли: «Генеральша Холмогорова, как говорят, тоже детей терпеть не может, да у ней своих никогда не было» (А.Ремизов. Крестовые сестры).

Вставные конструкции

Вставные конструкции — это элементы простого предложения, либо не имеющие грамматических связей с его членами, либо имеющие разорванные грамматические связи и вносящие в содержание высказывания дополнительные сведения.

На примерах из диссертации Н.Г.Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности» покажем связи вставных конструкций с предложением:

1. Отсутствие синтаксических связей: «Во всей природе видит дикарь человекоподобную жизнь, все явления природы производит от сознательного действия человекообразных существ. Как он очеловечивает ветер, холод, жар (припомним нашу сказку о том, как спорили мужик-ветер, мужик-мороз, мужик-солнце, кто из них сильнее), болезни (рассказы о холере, о двенадцати сестрах-лихорадках, о цинге; последний — между шпицбергенскими промышленниками), точно так же очеловечивает он и силу случая».

2. Разрыв грамматических связей вставностью:

а) «Впрочем, живопись (и скульптура) еще больше, нежели очертаниями или выражением своих фигур, гордится перед природой группировкою». Без вставности это были бы однородные подлежащие. Здесь, однако, связи разорваны, сравните единственное число сказуемого, которое без вставности при таких однородных подлежащих стояло бы во множественном числе;

б) «Искусство имеет своим источником стремление человека освободить прекрасное от недостатков (нами рассмотренных), мешающих прекрасному быть вполне удовлетворительным для человека». Без вставности это было бы обособленное согласованное определение;

в) «Часто достаточно обратить внимание на предмет (что всегда и делает искусство), чтобы объяснить его значение или заставить лучше понять жизнь». Без вставности это было бы присоединительное придаточное предложение, тогда у главного «Часто достаточно обратить внимание на предмет» было бы три придаточных. При вставной конструкции мы имеем главное простое предложение, структура которого осложнена вставностью, и при нем два придаточных целевых «чтобы объяснить его значение», «чтобы заставить лучше понять жизнь».

Семантика вставных конструкций

А. Прежде всего вставные конструкции выполняют логическую функцию дополнения, пояснения, уточнения, иллюстрирования высказывания:

1. «... У Маркса понятие ценности является выражением *общественной* связи между двумя *общественными* явлениями, производительностью труда и ценами, причем эта связь в капиталистическом обществе (в противоположность простому товарному хозяйству) представляется сложной связью» (Н.И.Бухарин. Политическая экономия рантье). Вставная конструкция дополняет и поясняет элемент «в капиталистическом обществе».

2. «Живое и неподдельное понятие о судьбе было у старинных греков (то есть у греков до появления у них философии) и до сих пор живет у многих восточных народов» (Н.Г.Чернышевский. Эстетические отношения искусства к действительности). Пояснительный союз точно указывает на семантику вставной конструкции.

3. «Укажите произведение искусства, в котором нельзя было бы найти недостатков. Романы Вальтер-Скотта слишком растянуты, романы Диккенса почти постоянно приторно-сентиментальны и очень часто растянуты. Романы Теккерея иногда (или, лучше сказать, очень часто) надоедают своею постоянною претензией на иронически-злое простодушие» (Н.Г.Чернышевский. Эстетические отношения искусства к действительности). Согласимся, что поправка автора меняет оценку одного свойства романов Теккерея на противоположную: надоедают претензией на простодушие не иногда, а очень часто. Почему автор не захотел сразу выбрать то

слово, которое, по его мнению, более точно (вспомним «лучше сказать» — почему сразу и не сказать лучше)? Это письменная речь, она редактируется автором, и, если такие «неточности» оставлены, значит, они являются приемом. Смысл приема состоит в том, что столкновение неточного и точного выделяет и подчеркивает точное. Таким образом, наиболее важный элемент дан здесь во вставной конструкции. То, что введено якобы как дополнительное, второстепенное, на самом деле является главным. Это расхождение формы и содержания (как нередко и в других приемах — вспомним иронию) подчеркивает авторскую мысль.

4. «Надобно согласиться, что „перевесом идеи над формой“ усиливается эффект возвышенного, как может он усиливаться многими другими обстоятельствами, например, уединенностью возвышенного явления (пирамида в открытой степи величественнее, нежели была бы среди других громадных построек, среди высоких холмов ее величие исчезло бы); но усиливающее эффект обстоятельство не есть еще источник самого эффекта» (Н.Г.Чернышевский. Эстетические отношения искусства к действительности). Во вставной конструкции подана иллюстрация к тезису. Такая подача примеров нередко в научных текстах.

Б. Вставные конструкции могут выполнять функцию эмоциональной окраски высказывания:

1. Таковы прежде всего иронические и полемические скобки, в которые заключается критический отзыв о мнении противника, о форме его высказывания, а случается, что и о личности оппонента. Вот отрывок из статьи О. Чайковской о книге К. Симонова «Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В.Сталине» («... Но не так уж и страшно»):

«На многочисленных встречах Сталина с писателями никто, разумеется, смелых слов не произносил, здесь просто и даже с оттенком добродушия обсуждались вопросы литературы. Каков был уровень руководящих бесед на темы культуры, нам рассказали С.Эйзенштейн и Н.Черкасов (запись 1947 года). Спросив автора фильма об Иване Грозном, изучал ли он историю, и скромно заметив, что он „тоже немного знаком с историей“, Сталин сообщил своим слушателям поразительные сведения. Опричнину, оружие дикого царского террора, бандитов, громивших деревни и села, разорявших страну, он назвал прогрессивной регулярной армией; похвалил Ивана за то, что этот „великий и мудрый правитель“ не пускал в страну иностранцев (как раз пускал!), „ввел монополию внешней торговли“ (не вводил, да и не мог бы ввести!); утверждал, что жестокость Ивана была вполне оправданна (еще бы!), и если бы царь не сделал ошибки, оставив в живых пять (?) феодальных семейств, вообще не было бы Смутного времени. Словом, вождь громоздил нелепость на нелепость, от которых любой, знакомый с русской историей XVI века, мог бы сойти с ума».

Мы видим здесь эмоционально окрашенные формулировки отрицательных суждений, эмоциональное ироническое отрицание — нечлени-

мое эмоциональное предложение во вставной конструкции «еще бы!», а также эмоциональные графические скобки (?), которые показывают, что читатель должен переосмыслить сказанное и за ним угадать отрицательную оценку автора. Таким образом, перед нами не вводные элементы, которые просто оценивают сказанное, а именно вставные, сообщающие новые дополнительные сведения фактического характера (суждения, противоположные суждениям оппонента).

В художественном тексте в скобки могут заключаться любые иронические замечания, обнаруживающие повествователя, ведущего рассказ и комментирующего его. В «Возмездии» А.Блока:

В салоне этом без утайки,
Под обаянием хозяйки
Славянофил и либерал
Взаимно руку пожимал

(Как, впрочем, водится издавна
У нас, в России православной:
Всем, слава богу, руку жмут).

2. В художественном тексте во вставной конструкции может выражаться настроение повествователя, лирического героя. В поэме А.Блока «Соловьиный сад»:

Размахнувшись движеньем знакомым
(Или все еще это во сне?),
Я ударил заржавленным ломом
По слонистому камню на дне...

3. В художественном тексте во вставную конструкцию иногда уводятся сравнения, метафоры. Из блоковского цикла «Кармен»:

О, не глядеть, молчать — нет мочи,
Сказать — не надо и нельзя...
И вы уже (звездой средь ночи),
Скользящей попустыню скользя,
Идете.

Конструкции, тождественные нечленимому предложению

Структура простого предложения может быть осложнена частями, относящимися ко всему высказыванию (утвердительными, отрицательными), эмоциональными междометиями, а также обращениями. Проиллюстрируем два первых случая (семантика частиц и междометий описана в соответствующих разделах, поэтому мы не будем говорить о ней здесь подробно), детально же покажем только обращения.

Рассмотрим отрывок из романа А.Ф.Писемского «Тысяча душ»:

«— Князя Хилова вы знаете Петербурге? — прибавила она.

— Нет, не знаю... Это тоже брат?

Дама засмеялась.

— О нет, это мой знакомый... Он милый.

— Милый?

— Да, а то вот у него есть друг его, тот — **фи!** гадкий, толстый, нос красный! **Фи!** не люблю!

— Гусар тоже толстый.

— Нет, тот добрый, брат добрый.

— Вы, конечно, иностранка, но откуда **вы** родом? — спросил Калинович.

Мы видим, что выделенные частицы и междометия интонационно ослabiaют простое предложение и вносят дополнительную модальную и эмоциональную окраску.

Обращения. Как известно, обращение называет адресата. В нашей повседневной речи, в официальных документах это наименования лиц, в бытовой речи — и клички животных. Обращения могут быть нейтральными стилистически, а также оценочно окрашенными. Вот отрывок из романа В.А.Слепцова «Трудное время»:

«— Позвольте мне, господа, прочесть вам, — громко заговорил один из посредников, обращаясь к съезду, — письмо, полученное мною на днях от землевладельца, господина Пичугина.

— Слушаем-с, — ответил председатель и сделал серьезное лицо.

Посредник начал читать:

— „Милостивый государь, Иван Андреевич, не имея я чести быть личнос вами знаком, имею честь довести до сведения вашего следующий анекдот...“»

В отрывке представлены нейтральные обращения «господа», «Иван Андреевич» и официальное «милостивый государь» (мы учитываем, конечно, время).

Рассмотрим употребление обращений в художественном и публицистическом текстах.

1. Мы уже не раз говорили о контактной форме общения с читателем, которую может избрать писатель или журналист. В создании этой формы участвуют глаголы первого и второго лица, местоимения с теми же характеристиками, в число этих средств входит и обращение. А.Аграновский в очерке «Вишневый сад» пишет:

«Наше с вами дело, дорогой читатель, не присудить, а осудить. Осудить морально этого человека и, в еще большей степени, окружение его... Нет, уважаемые, не может быть блага, если обижен ребенок, если унижен человек».

Автор, как видим, не только что-то толкует читателю, но и спорит с ним, обращения показывают эти разнообразные отношения автора и читателя. Ту же функцию выполняют обращения и в художественном тексте, ср. в блоковском «Возмездии»: «Теперь — за мной, читатель мой, в столицу севера большую, на отдаленный финский брег».

2. Мы говорили, что в повседневной речи обращения называют лицо или животное. В художественном, особенно лирическом тексте тематика

обращений расширяется. Лирический герой не просто описывает предмет или излагает событие — он переживает его, сведения о внешнем мире мы получаем через раскрытие внутреннего мира лирического героя. И в этом переживаемом мире говорящий может обратиться к любому предмету, к любому явлению. Вот несколько риторических обращений в стихотворениях В.Брюсова и А.Блока:

«И я к тебе пришел, о город многоликий, к просторам площадей, в открытые дворцы» (В.Брюсов, Париж); «Вам поклоняюсь, вас желаю, числа! Свободные, бесплотные, как тени» (В.Брюсов. Числа); «И вас я помню, перечни и списки, вас вижу пред собой за ликом лик» (В.Брюсов. Терцины к спискам книг); «Какая дивная картина твоя, о, север мой, твоя!» (А.Блок); «Дроби, мой гневный ямб, камня!» (А.Блок. Возмездие).

3. Обращения могут быть тесно связаны с идеей произведения, могут выполнять характерологическую функцию. Чтобы подчеркнуть эту связь, используются различные формальные приемы:

а) обращение перекликается с названием произведения. В драме А.М.Горького «Мещане» есть такая сцена:

П е т р ... Черт дернул меня принять участие в этих дурацких волнениях! Я пришел в университет учиться и учился... перестаньте звонить, пожалуйста! Никакого режима, мешавшего мне изучать римское право, я не чувствовал... нет! ... Я не хочу... не обязан подчиняться требованиям общества! Я — личность! Личность свободна... послушайте! Бросьте это... этот чертов звон...

Т е т е р е в. Я же аккомпанирую вам... мещанин, бывший гражданином — полчаса?

П е т р (раздраженно). Вы... не издевайтесь!»

Обращение, вложенное в уста Тетерева, выражает суть героев, изображенных Горьким. Это действительно мещане, которые могут на полчаса проснуться, но потом непременно и притом воинственно возвращаются в прежнее состояние, являющееся опорой любого недемократического режима;

б) обращение становится предметом обсуждения. И в этом случае либо открыто представлена его связь с художественной концепцией, либо читатель сам устанавливает эту связь через подтекст. Вот с большими сокращениями сцена допроса Иешуа у Понтия Пилата из романа «Мастер и Маргарита»:

«Прокуратор был как каменный, потому что боялся качнуть пылающей адской болью головой. Человек со связанными руками несколько подался вперед и начал говорить: — Добрый человек! Поверь мне... Но прокуратор, по-прежнему не шевелясь и ничуть не повышая голоса, тут же перебил его:

— Это меня ты называешь добрым человеком? Ты ошибаешься. В Ершалаиме все шепчут про меня, что я свирепое чудовище, и это совершенно верно, — и так же монотонно прибавил: — кентуриона Крысобоя ко мне.

<...> Прокуратор обратился к кентуриону по-латыни: — Преступник называет меня „добрый человек“. Выведите его отсюда на минуту, объясните ему, как надо разговаривать со мной. Но не калечить. <...> Пилат заговорил по-гречески: — Так это ты собирался разрушить здание храма и призывал к этому народ? Тут арестант оживился, глаза его перестали выражать испуг, и он заговорил по-гречески: — Я, доб... — тут же ужас мелькнул в глазах арестанта оттого, что он едва не оговорился, — я, игемон, никогда в жизни не собирался разрушать здание храма и никого не подговаривал на это бессмысленное действие. <...> — А теперь скажи мне, что это ты все время употребляешь слова „добрые люди“? Ты всех, что ли, так называешь? — Всех, — ответил арестант, — злых людей нет на свете. — Впервые слышу об этом, — сказал Пилат, усмехнувшись, — но, может быть, я мало знаю жизнь!»

Обсуждение обращения «добрый человек», конечно, связывается читателем с христианской проповедью всеобщей любви, хотя в тексте открыто эта связь не устанавливается;

в) очень интересен прием смены обращений в устах героя. Прием выполняет характерологическую функцию. Вот сцена из драмы А.Блока «Роза и крест»;

«Переход в замке.

А л и с а . Святой отец, как вы меня перепугали!

Ка п е л л а н . Я не хотел вас пугать, прекрасная дама.

А л и с а . Вы, верно, ждете графа?

Ка п е л л а н . Нет, не графа.

А л и с а . Или, чтобы паж передал графине...

Ка п е л л а н . И не граф, и не графиня, и не паж... вы не очень проныцательны, моя красавица...

А л и с а . Святой отец, я теряюсь в догадках...

Ка п е л л а н . (обнимая ее). Дело проще, чем вы думаете, дорогая Алиса.

А л и с а . Ваш сан, ваш возраст...

Ка п е л л а н . Ну, это я сам знаю, плутовка... ты не откажешься от маленького подарка...»

Это красноречивая смена обращений в устах капеллана (учтем так же переход с «вы» на «ты») весьма выразительно рисует его характер;

г) столь же характерологично преобразование обращений-штампов в устах героя произведения. Герой фельетона В.Маевского «Бабье лето», Аденауэр, впервые предстает перед читателем в такой сцене:

«Герр альтбундесканцлер встретил меня в своем знаменитом розарии и, хотя я был в единственном числе, приветствовал традиционным возгласом: — Гутен таг, дамы и господа!» — Сценка дает хороший заряд комического последующему изложению и позволяет читателю представить, насколько постоянен этот государственный деятель в своей политике.

А вот философское наполнение обращения-штампа в тургеневском стихотворении в прозе «Нищий»:

«Потерянный, смущенный, я крепко пожал эту грязную, трепетную руку... „Не взыщи, брат; нету у меня ничего, брат“». Нищий устал на меня свои воспаленные глаза; его синие губы усмехнулись — и он в свою очередь стиснул мои похолодевшие пальцы. „— Что ж, брат, — прошамкал он, — и на том спасибо. — Это тоже подаяние, брат“». Я понял, что и я получил подаяние от моего брата».

Понятно, что фамильярное обращение «брат» наполнено здесь новым смыслом «все люди — братья»;

д) поскольку обращение часто включается в речь героя, оно может участвовать в имитации разговорной или иноязычной речи, одновременно выступая и характерологическим средством. В рассказе К.М. Станюковича «Нянька» матрос Чижик так обращается к барыне: «— Здравия желаю, вашескобродие! — гаркнул в ответ матрос зычным баском, видимо не сообразив размера комнаты». А со своим подопечным Шуркой Чижик разговаривает так: «Повод к такому разговору подала шалость Шурки. Он запустил камнем в утку и подшиб ее... Та с громким гоготом отскочила в сторону... „Неправильно это, Лександра Васильевич! — проговорил Федос, покачивая головой и хмурия нависшие свои брови. — Не-хо-ро-шо, братец ты мой!“ — протянул он с ласковым укором в голосе». Обращения входят в набор средств, позволяющих передать особенности речи простого, необразованного матроса, оказавшегося превосходным воспитателем в силу врожденной деликатности, доброты и житейской мудрости.

В первую очередь за счет обращений индивидуализируется речь героя в повести Л. Лагина «Старик Хоттабыч»:

«— Апчихи» — оглушительно чихнул старичок и пал ниц. — Приветствую тебя, о прекрасный и мудрый отрок!»; «— О нет, о юный мой повелитель, — высокопарно отвечивал старичок, оставаясь все в том же неудобном положении и немилосердно чихая, — я не из неведомой мне страны Самодеятельность. Я вот из этого трижды проклятого сосуда»; «Так знай же, о превосходнейший из отроков, звезда сердца моего, Волька ибн Алеша, что я буду впредь выполнять все, что ты мне прикажешь, ибо ты спас меня из страшного заточения... Апчихи!...»

ЛИТЕРАТУРА

Акимов Г. Н. Новые явления в синтаксическом строе современного русского языка. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982.

Котунова И. И. Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986.

Скобликова Е. С. Современный русский язык: Синтаксис простого предложения. М.: Просвещение, 1979.

§ 1. Типы сложных предложений

Сложное предложение представляет собой производную конструкцию, части которой построены по формулам простых предложений и обладают предикативностью, но не наделены интонацией законченного высказывания. Последняя характеризует только всю сложную конструкцию в целом. В семантическом плане сложное предложение отражает отношения, которые говорящий усматривает между двумя или несколькими ситуациями. Для передачи этих отношений существуют специальные средства — союзы, союзные слова (в роли которых выступают относительные местоимения и местоименные наречия), интонация. В зависимости от использования перечисленных средств сложные предложения делятся на два класса — союзные и бессоюзные. Первый класс в свою очередь подразделяется на два подкласса в зависимости от использованного говорящим союза. В сложноподчиненных предложениях используются подчинительные союзы и союзные слова, в сложносочиненных предложениях — сочинительные союзы. Наш анализ начинаем со сложноподчиненных конструкций, поскольку подчинительные союзы являются специализированным средством оформления сложных предложений (сочинительные союзы, как было сказано, выражают также отношения между однородными членами простого предложения).

Сложноподчиненные предложения

Сложноподчиненное предложение характеризуется тем, что одна его часть главенствует над другой, подчиняет ее себе, причем зависимая часть включает в себя показатель этой подчиненности — подчинительный союз или союзное слово. В структурном и семантическом плане эти предложения делятся на две группы в зависимости от того, как организуется связь подчиненного (придаточного) предложения с главным: предложения нерасчлененной структуры и предложения расчлененной структуры.

Предложения нерасчлененной структуры. Семантику этих предложений схематично (на одном примере) можно изобразить так: субъект — действие — объект (= ситуация).

Суть семантики данных конструкций заключается в том, что одна из частей отражает ситуацию, элементом которой стала другая ситуация. В нашем примере главное предложение отражает ситуацию, объектом действия в которой стала другая ситуация, допустим: «Я написал другу о том,

такую тележку, чтобы ее удобно было везти»; «Я вошел в комнату, где было открыто окно»; «Он успел сделать к тому дню, когда намечалась встреча».

3. Придаточные со значением качества действия и признака признака. Это общее значение выступает как сравнительное, следственное, меры, что передается такими, например, сочетаниями опорного местоименного слова и союза, как: так, как будто; так, чтобы; не настолько, чтобы и др.

Вот придаточное меры и степени: «... В течение одних суток головастики¹ выросли необычайно в лягушек, и до того злых и прожорливых, что половина их тут же была перелопана другой половиной» (М.А.Булгаков. Рок-овые яйца). Позиция придаточного степени 2 уточняется в главном 1 с помощью местоимения до того.

4. Придаточные со значением обстоятельства действия — места, времени, причины, цели, уступительности, что передается такими, например, сочетаниями опорного местоименного слова и союза или союзного слова, как: там, где; тогда, когда; потому, что; для того, чтобы; вопреки

тому, что. Например: «Его горе невыносимо, но гибель его сына — и других сыновей — в общественном, общенародном смысле только тогда² хоть как-то³

оправдает себя, когда предотвратит другие авантюры, когда будет „зарубкой на века“» (С.Кондрашов. Из мрака неизвестности: Проблески гласности в царстве военных тайн). Придаточные времени 3,4 конкретизируют значение наречия тогда в главном 2.

Особую группу сложноподчиненных предложений нерасчлененной структуры составляют конструкции с придаточным присоединительно-

комментирующим: «Наталья Гавриловна¹ славилась на ассамблеях лучшей танцовщицей, что и было отчасти причиной проступку Корсакова»²

(А.С.Пушкин. Арап Петра Великого). В предложениях, описанных ранее, ситуация, которая рассматривается говорящим как элемент другой ситуации, обозначалась придаточным предложением. Здесь положение обратное: ситуация — элемент другой ситуации обозначена главным предложением (субъект Наталья Гавриловна славилась на ассамблеях лучшей танцовщицей — предикативный признак было причинойю). Содержание главного предложения представляется в придаточном с помощью союзных слов что, отчего, почему и др. (в нашем примере относительное местоимение что). В содержательном плане присоединительно-комментирующее придаточное выглядит как дополнительное, распространительное сообщение.

Предложения расчлененной структуры. Семантику этих конструкций мы также покажем на схеме:

Ситуация 1

Действие, его субъект, объект, качества и обстоятельства, признаки предметных элементов

Ситуация 2

По отношению к ситуации 1 представлена как время, причина, условие, цель, объект сравнения, сопоставления, пояснение

Семантическая суть предложений расчлененной структуры заключается в том, что говорящий устанавливает между двумя ситуациями временные, причинные, условные, уступительные, целевые, сравнительные, сопоставительные, пояснительные отношения. Структурная особенность данных конструкций состоит в том, что придаточное относится к главному предложению в целом, а не к какому-то конкретному слову в нем. Показателем связи двух частей служит подчинительный союз. Семантика придаточных ясна из перечня отношений, которые говорящий может усматривать между двумя ситуациями. Это придаточные временные, причинные, условные, уступительные, целевые, сравнительные, сопоставительные, пояснительные. Вот строки из стихотворения А.А.Блока: «В легком сердце — страсть и беспечность, словно с моря мне подан знак» („Три послания“). Хорошо видно, что сравнивается не предмет (признак, действие) с ситуацией, а ситуация с ситуацией, сравнительное придаточное относится ко всему главному, а не к отдельному слову в нем. Семантика частей и союзы позволяют достаточно четко определять типы придаточных в конструкциях этой группы.

Сложносочиненные предложения

Ситуации, отраженные в сложносочиненном предложении, говорящий рассматривает как равноправные, равноценные, не подчиненные одна другой, и эти связи он выражает с помощью сочинительных союзов. Основные типы отношений покажем на примере объединения двух ситуаций — «Я написал письмо»; «Он приехал»:

1. «Я написал письмо, и он приехал». Соединительный союз и выражает отношения следования (частная разновидность — параллельное следование, совмещение).

2. «Я написал письмо, но он приехал». Противительный союз но выражает отношения противоречия, несовместимости.

3. «Я написал письмо, а он приехал». Это предложение двузначно: 1) противительный союз а выражает то же значение противоречия, несовместимости, что и союз но; 2) противительный союз а выражает распределительное значение, при таком, например, уточнении: «Я в эту деревню написал письмо, а он туда приехал». Союз а подчеркивает здесь различие

двух ситуаций при их общей основе, в нашем примере — «связь с деревней — в одном случае такая, а в другом — иная».

4. «Я бы написал письмо, или бы он приехал». Разделительный союз **или** выражает отношения взаимоисключения (или чередования).

5. «Не только я написал бы письмо, но и он бы приехал». Градационный союз **не только... но и** выражает отношения сопоставления и подчеркивает важность второй части, большую в сравнении с первой.

6. «Я написал письмо, да и он приехал». Присоединительный союз **да** и означает переход к не запланированной заранее теме.

Таковы основные значения сложносочиненных конструкций. С помощью лексических средств и конкретного содержания частей значения эти могут модифицироваться. Во-первых, в результате такой модификации сочинительные союзы синонимизируются: «Я написал письмо, и тем не менее (=но) он приехал» (п.2); «Деточкину было очень больно. Человек, не попадавший в капкан, не может себе этого представить, а (= да и) волки никогда об этом не рассказывали» (Э.Брагинский, Э.Рязанов, Берегись автомобиля!) (п.6). Синонимия союзов **а** и **но** уже показана (см. п. 3).

Во-вторых, возникают более конкретные оттенки общих значений, причем эти оттенки могут передаваться и специальными сочинительными союзами тех же семантических групп. Ср.: «Я, конечно, только письмо написал, но он-то приехал» — это высказывание представляет вторую ситуацию как некое возмещение недостаточности первой, возмездительное значение можно передать и с помощью союза **зато**: «Я, конечно, только письмо написал, зато он приехал»; «Иди быстрее, или я рассержусь» — разделительно-условное значение передается также союзами **а** то, **не то**: «Иди быстрее, а то я рассержусь».

В-третьих, реализуются значения, для передачи которых в языке есть союзные подчинительные средства, но которые могут выражаться и в сложносочиненных конструкциях: причинно-следственные, условные, уступительные, присоединительно-комментирующие. Приведем примеры таких смысловых отношений:

— причинные: «Молодость следователя, по-видимому, вызывала в нем жалость, и потому, вероятно, он говорил ему „ты“» (А.П.Чехов. Поделам службы) = «Так как молодость следователя вызывала у него жалость, он говорил ему „ты“»;

— условные: «Отдай себя во власть этой стихии, и она развихрит в тебе любую непогоду» (С.Дангулов. Дипломаты) = «Если отдашь, развихрит»;

— уступительные: «... Беден бы показался сегодня без него кинематограф, а ведь каких-нибудь десять лет назад никто не знал его имени» (Н.Зоркая. Робин Гуд по-русски) = «Беден бы показался кинематограф, хотя десять лет назад никто не знал его имени»;

— присоединительно-комментирующие: «А сестрица эта не только сумасшедшая, но даже хромоногая. Была будто бы кем-то обольщена в своей чести, и за это вот господин Лебядкин, уже многие годы, будто бы с оболь-

стителя ежегодную дань берет, в вознаграждение благородной обиды» (Ф.М.Достоевский. Бесы) — «Была будто бы кем-то обольщена, за что господин Лебядкин будто бы с обольстителя дань берет». Как видим, местоимение это, подобно относительному местоимению что, включает в себя содержание всей первой части сложносочиненного предложения.

Бессоюзные предложения

Бессоюзные предложения делятся на две группы: предложения однородного и предложения неоднородного состава.

В предложениях однородного состава складываются перечислительные или сопоставительно-противительные отношения между частями: «Деревня пусто и безголосо лежала вокруг конторы, млели в небе облака, розовые, августовские; не ходили по улицам люди, не катались подростки на велосипедах, не семеновали к колодцам старухи, не голосили грудные ребятишки» (В.Липатов. Лосинная кость) — перечислительные отношения; «Съедобный гриб прячется — ядовитый всегда на виду» (Э.Кроткий. Отрывки из ненаписанного) — сопоставительно-противительные отношения.

В предложениях неоднородного состава, хотя и менее определенно, чем при наличии союзной связи, отражаются те же отношения, что и в сложноподчиненных конструкциях, а именно: изъяснительные, определительные, обстоятельственные. Например: «... Но я вас люблю, и чувствую: мне было бы тягостно оставить в вашем уме несправедливое впечатление» (А.С.Пушкин. Выстрел) — чувствую что? — «что тягостно оставить несправедливое впечатление», отражение объектных отношений; «Мой совет путешественникам: избегайте, пожалуйста, и путеводителей, и транзисторов!» (Э.Брагинский. Солнце в декабре) — совет каков? — «избегайте путеводителей», отношения предикативного признака; «Она говорила без умолку: ей не о чем было молчать» (Э.Кроткий. Отрывки из ненаписанного) — говорила почему? — «ей не о чем молчать», причинные отношения; «Девушка встала — колокольчик на конце косы ударил по полу» (Э.Брагинский. Солнце в декабре) — поскольку нет союза, который конкретизирует отношения, в ряде случаев возможно двоякое толкование связей, как здесь: отношения временные или следственные — «когда (вследствие того что) девушка встала, колокольчик ударил».

Выражаются в бессоюзных конструкциях также пояснительные, присоединительные и противительно-уступительные отношения. При пояснительных и присоединительных отношениях части неравноправны: вторая направлена на пояснение первой или подается как прямо не вытекающая из ее содержания: «Характер мой вам известен: я привык первенствовать...» (А.С.Пушкин. Выстрел) — пояснительные отношения; «Покончив с этим, я посмотрел в окно: в саду горели желтым огнем клены» (Г.Штурм. Погаенный Радищев) — присоединительные отношения, проявляющиеся как некоторая неожиданность перехода к новой мысли (она

объясняется пропуском смыслового звена «и увидел»). Противительно-уступительные отношения наблюдаются в конструкциях, имеющих в качестве синтаксических синонимов либо предложения с союзом **но**, либо предложения с союзом **хотя**: «Раздувал его [пень] я с час — нет ведь, черт возьми, угас!» (П.Ершов. Конек-горбунок). Синонимы: «раздувал я этот пенё с час, но он угас», «хотя я раздувал этот пенё с час, он угас».

§ 2. Средства связи частей сложного предложения

Интонация. Части сложного предложения оформляются теми интонационными конструкциями, которые были описаны в разделе «Фонетика». Например, перечислительные отношения передаются с помощью одина-

1
кового интонационного оформления частей: «Голова его мокла от дождя;

1 1
поднимался ветер; изморозь секла и колола лицо» (Ф.М.Достоевский. Бедные люди). Противительные отношения могут быть переданы таким со-

3
четанием интонационных конструкций: «Герой ставит на карту свою

1
жизнь, трус — чужую» (Э.Кроткий. Орывки из ненаписанного).

Союзы, союзные слова, опорные слова. Эти служебные и знаменательные слова (относительные и указательные местоимения и местоименные наречия) описаны ранее при характеристике типов сложных предложений.

Другие лексические средства. Личные, притяжательные, указательные, определительные местоимения, указательные местоименные наречия в одной части сложной конструкции могут замещать слово, группу слов из другой части или всю эту часть целиком, находясь по отношению к замещаемой единице в препозиции или постпозиции:

1 2
«Мать почувствовала, что в ее руке крепко сжалась маленькая ручка

3
ребенка, но опьяняющее веяние весны сделало ее менее чувствительной к этому проявлению тревоги» (В.Г.Короленко. Слепой музыкант). Личные местоимения ее в предложениях 2 и 3 замещают слово мать из предложения 1 и находятся по отношению к нему в постпозиции. Указательное местоимение этому раскрывается не словом, а предложением 2, по отношению к которому находится в постпозиции.

Лексическим средством связи могут быть существительные, прилагательные, наречия, смысл которых раскрывается последующим предложением. Вот конструкция из романа «Мастер и Маргарита»: «План Берлиоза следует признать правильным: нужно было добежать до ближайшего те-

лефона-автомата и сообщить в бюро иностранцев о том, что вот, мол, приезжий из-за границы консультант сидит на Патриарших прудах в состоянии явно ненормальном». Значение прилагательного конкретизируется всей последующей частью.

Строение простых предложений. В связи частей сложной конструкции активно участвует структура простых предложений.

1. Мы уже говорили о структурной неполноте, которая компенсируется внутри сложного предложения. Она, напомним, бывает двух типов: на пустую позицию в одном предложении подсказывается слово из другого предложения; на пустую позицию главного мы подставляем содержание всего придаточного: «Сперва расходятся дороги, потом — пути» (В.Хочинский. За словом в карман) — на пустую позицию сказуемого во втором предложении подсказывается слово расходятся из первого; «Карцев хочет ему объяснить, что он свой, его надо лечить, надо спасать» (А.Рыбаков. Дети Арбата) — на пустую позицию дополнения в главном ставятся придаточные изъяснительные.

Редкая, но любопытная разновидность структурно-смысловой неполноты представлена конструкциями, в которых придаточные используются для дифференциации однородных членов главного предложения, выра-

женных одним и тем же словом: «И для людей, которые были над Серпи-
линым, которые командовали им, и для людей, которыми командовал он,

сейчас, перед началом операции, не имела значения его собственная лич-

ность вне того дела, которое ему предстояло сделать» (К.Симонов. Последнее лето). В сочетании «и для людей и для людей не имела значения его собственная личность» повторяющиеся элементы явно требуют дифференциации. Если это не сделано с помощью определений внутри простого предложения, значит, нужны придаточные.

2. Простые предложения могут быть связаны общим членом — дополнением или обстоятельством, вынесенными в начало сложной конструкции и предваряющими ряд простых предложений, связанных сочинительной связью. При этом дополнение или обстоятельство входят как второстепенные члены не только в первую часть, но и во все последующие. Вот два предложения из рассказа К.Г.Паустовского «Орест Кипренский»:

«В ящике письменного стола кучами валялись ассигнации и звенело зо-
лото»; «Только так рождаются образы от античной скульптуры и созда-
ются в тайниках нашей души законы мастерства». Обстоятельства «в ящи-
ке письменного стола» и «только так» вынесены в начало сложных пред-
ложений, за каждым из них следует по два простых предложения, причем
обстоятельства относятся к каждому из них: где валялись ассигнации? —

в ящике стола; где звенело золото? — в ящике стола; как рождаются образы? — только так; как создаются законы мастерства? — только так.

3. Автор подчеркивает связь между простыми предложениями в сложном, когда строит их параллельно, дублирует в них порядок слов, т.е. ис-

пользует структурный параллелизм: «В лугах зазеленела молодая травка,¹

в воздухе носился запах березовых почек» (В.Г. Короленко. Слепой музыкант). Параллелизм может подчеркиваться фигурами ораторского синтаксиса, основанными на словесном повторе: анафорой — одинаковым началом смежных частей, эпифорой — одинаковым их окончанием, симплойкой — одинаковым началом и концом частей, хиазмом — зеркальным отражением слов первого предложения в словах второго.

4. Как уже не раз явствовало из материала, есть такие структурные типы простого предложения, которые существуют только в составе сложных конструкций. Например, инфинитивные и номинативные односоставные предложения с условной модальностью должны быть частью сложного предложения: «Он прискал, чтобы учиться»; «Если поспешить, можно успеть на этот поезд»; «Если бы не дождь, мы добрались бы вовремя». Кроме того, есть структурный тип сказуемого, также существующий лишь в сложной конструкции: «Случись это все, я был бы огорчен» (простое несогласованное сказуемое, выраженное формой повелительного наклонения в переносном значении реального или гипотетического условия).

Временные отношения частей. Смысловое единство сложного предложения складывается за счет того, что в нем передается сосуществование или смена ситуаций, поэтому между синтаксическими временами возникает взаимодействие. Вот два предложения из «Слепого музыканта»: «Всем дышалось вольнее и лучше, на всех весна отражалась приливом обновленной и бодрой жизненной силы» — передается одновременность двух ситуаций; «Вынули вторые рамы, и весна ворвалась в комнаты с удвоенной силой» — передается последовательность ситуаций.

В сложноподчиненном предложении отношения одновременности и последовательности ситуаций могут передаваться с помощью относитель-

ного счета времен: «Им все время обещали, что мы прилетим ну буквально через несколько минут» (Э. Брагинский. Солнце в декабре). Форма будущего времени прилетим обозначает прошлое действие, последующее по отношению к другому прошлому действию обещали. В «Грамматике люб-

ви» И. Бунина: «Он глядел на приближающуюся усадьбу, видел наконец

то, о чем слышал так много». Действие слышал предшествует прошлому действию видел.

Последовательность частей. Есть случаи, когда место простого предложения в сложной конструкции закреплено нормой. Так, определитель-

ное предложение занимает место после определяемого слова. Придаточные причины с союзом потому что и придаточные следствия с союзом так что помещаются после главного предложения. Например: «Милиционеры, которым от автора не дано было слов, молчали» (Е.И.Замятин. Икс); «Бесхозные трактора и комбайны не создают новой продукции, а стало быть, и национального дохода, потому что бездействуют» (В.Селюнин. Глубокая реформа или реванш бюрократии); «Контролер вручил одному из артельщиков четыре листка разных цветов, перечеркнутые и помеченные и карандашом и чернилами, и сказал вслух, так что директор и Палтусов слышали: — И все от несоблюдения правил!» (П.Д.Боборыкин. Китай-город).

§ 3. Чужая речь

Конструкции с чужой речью, т.е. высказывания одного говорящего, передающие слова другого говорящего, нельзя целиком отождествить со сложным предложением. Чужая речь передается с помощью нескольких форм, и только две из них сопоставимы со сложным предложением, две другие имеют признаки, заставляющие выделить эти конструкции в особую группу синтаксических явлений.

Прямая речь как форма передачи чужой речи — это дословное воспроизведение чужих слов с сохранением интонации чужого высказывания, а также с сохранением точки зрения автора воспроизводимых слов на лицо глагольных и местоименных форм.

«В молчании прошли несколько секунд, затем раздался спокойный голос Анискина: — Что ты думаешь про Вершкова, Игорь Валентинович?» (В.Липатов. Три зимних дня). В прямой речи сохранена вопросительная интонация высказывания героя, хотя с позиции повествователя вся конструкция вопросительной не является: повествователь сообщает читателю информацию, а не запрашивает ее (вспомним, что части сложного предложения интонацией законченного высказывания не обладают). С точки зрения повествователя, и Анискин, и Качушин — третьи лица, т.е. он должен говорить о них: Анискин спрашивает, Качушин думает. Между тем в прямой речи Качушин отражен как собеседник Анискина, и с этой позиции он предстает во втором лице: ты, думаешь. Все это: сохранение интонации законченного высказывания у одной из частей и две точки зрения на лицо местоимений и глаголов — отличает прямую речь от сложного предложения.

Косвенная речь — также форма отражения чужой речи. Это сложно-подчиненное предложение с изъяснительным придаточным, в котором и передается чужое высказывание. Интонация оригинала не сохраняется, а лица местоимений и глаголов поданы с точки зрения последнего говорящего, т.е. того, кто воспроизводит чужое высказывание. Например, если бы повествователь в «Трех зимних днях» воспользовался косвенной

речью, он построил бы примерно такую конструкцию: «В молчании прошли несколько секунд, затем Анискин спокойно спросил, что думает Игорь Валентинович о Вершкове». Как уже говорилось, оба героя для повествователя — третьи лица, что и отразилось в косвенной речи. Схематично покажем основные правила перевода прямой речи в косвенную:

А. Прямая речь — повествовательное предложение → косвенная речь — изъяснительное придаточное с союзом **что**: Он сказал: «Я остаюсь» → Он сказал, что остается.

Б. Прямая речь — побудительное предложение → косвенная речь — изъяснительное придаточное с союзом **чтобы**: Он мне сказал: «Иди домой» → Он сказал, чтобы я шел домой.

В. Прямая речь — вопросительное предложение с вопросительным словом → косвенная речь — изъяснительное придаточное с омонимичным относительным словом: Он спросил у меня: «Что читаешь?» → Он спросил, что я читаю;

Прямая речь — вопросительное предложение без вопросительного слова → косвенная речь — изъяснительное придаточное с подчинительным союзом **ли**: Он спросил у меня: «Мы пойдем в кино?» → Он спросил, пойдем ли мы в кино.

Полупрямая речь — это стилистически окрашенная форма передачи чужой речи в виде сложноподчиненного предложения с придаточным изъяснительным, в котором не сохраняется интонация оригинала, но сохраняется точка зрения автора на лицо местоимений и глаголов. В «Ревизоре»: «Трактирщик сказал, что не дам вам есть, пока не заплатите за прежнее». Косвенная речь в этом случае: «Трактирщик сказал, что не даст нам есть, пока не заплатим за прежнее». Прямая речь: Трактирщик сказал: «Не дам вам есть, пока не заплатите за прежнее».

Несобственно-прямая речь — это передача чужой речи в форме авторской без внешних показателей перехода к чужому высказыванию. Несобственно-прямая речь — принадлежность художественного, реже — публицистического текста. Чаще всего техника построения ее такова. Начинается повествование в формах прошедшего имперфектного: «По вечерам, отужинав, Василий сидел при свече, подперев щеку. Думал о жене, о Москве, о беспокойной службе». Затем вводится предложение с синтаксическим или морфологическим настоящим временем: «Как учили отцы, деды, — будь смирен, богобоязнен, чти старших, — нынче с этим далеко не уйдешь» — форма будущего употреблена в значении настоящего неактуального с модальной оценкой невозможности «нельзя уйти». Это настоящее двузначно: по отношению к моменту речи повествователя является переносным — историческим, но по смыслу оно входит в речь героя и по отношению к его моменту речи является прямым, т.е. настоящим (не забудем, что оно у нас обозначено формой будущего времени). Затем идут конструкции, в которых может быть такое же настоящее время, но можно обойтись уже и без этих форм — все равно высказывания будут воспри-

ниматься как принадлежащие герою, читатель будет слышать его голос. В нашем случае дальнейшее изложение дано в формах настоящего времени, исторического по отношению к повествователю, неактуального признакового по отношению к герою: «Вверх лезут — у кого когти и зубы. Александр Меньшиков — дерзок, наглый, — давно ли был в денщиках, — губернатор, кавалер, только и ждет случая выскочить на две головы впереди всех. Алешка Бровкин жалован за набор войска гвардии капитаном» (А.Н.Толстой. Петр Первый).

Чужая речь используется как характерологическое средство. Часто в ней имитируется разговорно-бытовой стиль, спонтанная, неподготовленная речь.

§ 4. Сложное синтаксическое целое

Мы заканчиваем изложение синтаксиса краткой характеристикой того, как строится микротекст, как отдельные предложения объединяются друг с другом в целостном тексте. Речевое произведение не представляет собой цепи равномерно следующих друг за другом предложений — предложения в нем группируются, чтобы передать некую порцию информации, усвоив которую читатель переходит к следующей группе предложений. В научных, официально-деловых и часто публицистических текстах такими группировками предложений являются абзацы, графически оформленные с помощью красной строки. Группировки эти называются сложными синтаксическими целыми и имеют структуры двух основных типов: цепочки и пучка. Рассмотрим два сложных синтаксических целых из романа А.Рыбакова «Дети Арбата».

1. «Первым толчком к такому подозрению была засылка Алферова в Восточную Сибирь. А ведь Алферова просил к себе Киров. Однако вместо Ленинграда Алферова послали на Ангару на должность районного уполномоченного: надо якобы уточнить некоторые аспекты его деятельности в Китае, а пока пусть поживет в Сибири. Алферова даже не допустили в Москву, приказали остановиться в Канске, а оттуда отправили в район».

Тема этого фрагмента — «засылка Алферова в Восточную Сибирь». Она введена в начале абзаца, и последующие предложения сообщают подробности о теме: противоречащее условие — заслан, хотя его просил к себе Киров; причина — заслан, так как надо уточнить аспекты; образ действия — заслан так, что не допущен в Москву, остановлен в Канске. Таким образом, это структура пучка: несколько предложений связаны с одной темой.

2. «Как же она так обманулась? Не разглядела, не угадала, что кроется за его показной широтой и независимостью. Как поддалась на дешевые слова „рядом с тобой и я стану человеком“, ведь именно себя он и считает настоящим человеком. В своем классе она была самая красивая, самая способная, самая успевающая, все остальные девчонки на голову ниже ее, но

ни одна из них не попала в такую историю, ни одну из них, из этих интеллигентных арбатских девочек, не обольстил бы бильярдный игрок».

Начинается микротекст с темы «ошибка» — ошибка в человеке, затем сообщается об этом человеке, далее говорится о субъекте ошибки: «она была на голову выше одноклассниц», в конце сообщается об одноклассниках: «они бы не ошиблись». Мы видим структуру цепочки, начало которой смыкается с ее концом, и в результате создается замкнутый, завершенный по смыслу микротекст.

Ранее мы говорили о средствах связи простых предложений внутри сложного. Эти же средства используются и для межфразовой связи внутри текста: словесный повтор «Алферов — Алферов»; местоименная замена «Алферов — его», «обманулась — такая история»; союзы — «А ведь Алферова просил к себе Киров»; структурная неполнота — «Не разглядела, не угадала». Связаны и времена: Киров просил — потом Алферова заслала, она обманулась — до этого была самой успевающей в классе.

Смысловые и формальные связи рассмотренных типов устанавливаются и между микротекстами, за счет чего они наконец сливаются в целостный большой текст — произведение. В связи с этим вспомним, например, номинационную цепь, организацию времен в тексте, организацию его оценочной стороны.

§ 5. Основы пунктуации

Пунктуация — это набор знаков препинания и правил их постановки в тексте. С помощью знаков препинания мы передаем смысловое, грамматическое и интонационное членение речи. Смысловой, грамматический и интонационный принципы постановки знаков препинания часто совмещаются, вспомним, например, правила обособления, разделения однородных членов, разделения простых предложений в сложном. Поэтому мы постоянно говорили о смысловой нагрузке элементов предложения, об их грамматической природе и интонационном оформлении.

Знаки препинания по своим функциям делятся на две группы: отделяющие и выделяющие. Отделяющие знаки препинания отделяют одну часть текста от другой: один однородный член от другого, подлежащее от именного сказуемого, одно предложение от другого при их последовательной связи. Таковы точка, восклицательный и вопросительный знаки, многоточие, точка с запятой, тире, запятая.

Выделяющие знаки — двойные и используются для того, чтобы обозначить границы фрагмента: вводной или вставной конструкции, обособленного члена, обращения, придаточного внутри главного. Таковы две запятые для выделения обособленного члена, скобки, два тире для выделения вставной конструкции, кавычки для выделения прямой речи. Выделяющий знак может поглощаться отделяющим. Например, если обособ-

ленный член стоит в конце предложения, то вторая запятая поглощается точкой, вопросительным или восклицательным знаком. Однако поглощение происходит не всегда. Так, совмещаются выделяющая запятая и отделяющее тире, например, при таком порядке: [подлежащее], [обособленное определение], — [составное именное сказуемое, выраженное существительным и нулевой связкой]. Если закончилась вставная конструкция, а дальше начинается новое простое предложение в составе сложного, скобка сохраняется, а после нее ставится отделяющая запятая.

Более подробно о правилах пунктуации сказано в приложении. По таблицам вы можете повторить основные темы нашего курса, в форме таблиц обобщен также материал, касающийся функциональных стилей современного русского литературного языка.

ЛИТЕРАТУРА

Белошапкина В.А. Сложное предложение в современном русском языке. М.: Просвещение, 1967.

Кручинина И.Н. Структура и функции сочинительной связи в русском языке. М.: Наука, 1988.

Крючков С.Е., Максимов Л.Ю. Современный русский язык: Синтаксис сложного предложения. М.: Просвещение, 1977.

Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст: К типологии внутритекстовых отношений. М.: Наука, 1986.

Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика: Сложное синтаксическое целое. М.: Высш. шк., 1973.

Ширяев Е.Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. М.: Наука, 1986.

1. ИЕРАРХИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

СИНТАКСИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ: П Р Е Д Л О Ж Е Н И Е

слово + слово + слово + слово

ЛЕКСИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ: С Л О В О

морфема + морфема + морфема

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ: М О Р Ф Е М А

фонема + фонема + фонема

ФОНЕТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ: Ф О Н Е М А

фонема

фонема

фонема

2. ДВА ТИПА СИТУАЦИЙ

СИТУАЦИЯ ОБЩЕНИЯ

высказывание

автор

МОДЕЛИРУЕМАЯ
СИТУАЦИЯ
субъект, действие, объект,
признаки, обстоятельства

адресат

3. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК И ДИАЛЕКТЫ

1. Надтерриториальность - территориальная ограниченность.
2. Полифункциональность - монофункциональность.
3. Фиксированная норма - традиционная нефиксированная норма.

4. ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОЙ СТИЛЬ

Регламентированность сферы общения → специфика текста:

1. Стандартизация текста.
2. Содержание текста: А. Констатирующее; Б. Предписывающее.
3. Однозначность высказывания.

Языковые особенности текста:

ЛЕКСИКА: официальная терминология /обобщающие термины, номенклатура/.

средства передачи должествования.

МОРФОЛОГИЯ: средства передачи констатации /существительные в единственном числе с собирательным значением, настоящее признаковое/, личные местоимения в прямом значении;

средства передачи должествования /слова разных частей речи с модальным значением, наклонение/.

СИНТАКСИС: большой объем предложений при структурном параллелизме, клишированность, обилие лексических повторов.

5. НАУЧНЫЙ СТИЛЬ

Получение и передача знания о закономерностях явлений окружающего мира → специфика текста:

1. Абстрактность и обобщенность.
2. Объективность, безэмоциональность.
3. Однозначность высказывания.
4. Логизированность.

Языковые особенности текста:

Обобщенность → ЛЕКСИКА: термины.

МОРФОЛОГИЯ: существительные в единственном числе с собирательным значением, абстрактные существительные как средство сжатия информации, настоящее признаковое время глаголов, глаголы, выражающие отношения.

Объективность → МОРФОЛОГИЯ: авторское "мы", высокая частотность страдательных конструкций.

Логизированность → СИНТАКСИС: разнообразие средств связи /союзы, вводные слова логического характера, обороты связи/.

6. ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ СТИЛЬ

Сфера массовой информации и пропаганды → специфика текста:

1. Содержание: социально-политическая оценка предмета речи / субъект оценки – индивид как представитель социальной группы, основание оценки – мировоззрение этой группы/.
2. Цели выступления: информативная, агитационно-пропагандистская, организационная.
3. Массовость и общедоступность текста.
4. Бытование текста: оперативность создания, периодичность появления.

Языковые особенности текста:

1. Развитие средств, выражающих социальную оценку.
2. Наличие стандартных элементов в связи с оперативностью создания и восприятия текста.
3. Необходимость экспрессивных средств в связи с воздействующей направленностью текста:

ЛЕКСИКА: все средства создания повышенной и сниженной тональности, комического эффекта, образительности, эмоциональной выразительности.

МОРФОЛОГИЯ: все случаи экспрессивного употребления грамматических форм.

СИНТАКСИС: средства имитации разговорной речи, средства ораторского синтаксиса.

7. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СТИЛЬ

Эстетическое воздействие → специфика текста:

1. Содержательно-фактуальная и содержательно-концептуальная информация.
2. Образное отражение коммуникантов в тексте.
3. Смысловое преобразование языковых компонентов в целях конкретизации изображения.

Языковые особенности текста:

1. Преобразование лексического значения слова.
2. Использование грамматических категорий для увеличения степени наглядности изображения.
3. Использование синтаксических конструкций для имитации или пародирования функциональных стилей, для создания ритма.
4. Установление прямой связи "звук – смысл".

8. РАЗГОВОРНО-БЫТОВОЙ СТИЛЬ

Сфера бытового общения → специфика текста:

1. Неофициальный характер высказывания.
2. Ослабленный контроль за речью со стороны автора и адресата.
3. Неподготовленность высказывания.

Языковые особенности текста:

Обилие неотмеченных явлений:

ЛЕКСИКА: окказионализмы, описательные и обобщающие номинации.

ФОНЕТИКА: редукция гласных в ударном слоге, редукция согласных.

МОРФОЛОГИЯ: устранение некоторых грамматических форм /причастий, деепричастий/.

СИНТАКСИС: отражение неподготовленности речи – вынесение вперед обозначений темы, не отмеченная интонацией вставка конструкций, наложение конструкций.

9. УСТНАЯ И ПИСЬМЕННАЯ РЕЧЬ

У с т н а я р е ч ь			
Физические факторы	Ограниченность слы- лы голоса и слуха	Ограниченность дыхания	Ограниченность памяти
Условия общения	Контактность в пространстве и во времени		
Каналы передачи информации	1. Языковой 2. Вещный контекст 3. Интонация 4. Жесты, мимика		
Структура высказывания	1. Структурная неполнота 2. Обилие указательных элементов	Равные синтагмы	Ограниченная длина и малая глубина высказывания
П и с ь м е н н а я р е ч ь			
Отрицание качеств устной речи: снижение степени структурной неполноты, частотности указательных элементов, возможность аритмичности, неограниченность длины и глубины высказывания, увеличение количества лексических средств междфразовой связи.			

10. СТРУКТУРА ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

1. Предметная и предметно-смысловая				2. Понтийное содержание		3. Коннотации		4. Структурная значимость слова							
Лексико-грамматические семы		Лексические семы		Оценочная	Стили- вая	Исто- риче- ская	Омонимы, омографы	Тематические группы	Части речи	Лексико-грамматические разряды	Лексико-семантические группы	Синонимы, антонимы	Стилистические пласты; оценочные группы; устаревшие и новые слова	Парадигматические связи	Синтагматиче- ские связи
Дифференци- альные семы		Основное													
Категориальная сема		Разрядная сема		Интервальная сема		Основное		Периферийные		Потенциальные		Типы лексическо- го значения по синтагмати- ческим связям			
1. Свободное		2. Конструктивно обусловленное		3. Синтаксически обусловленное		4. Фразеологиче- ски связанное									

11. РАЗВИТИЕ МНОГОЗНАЧНОСТИ

Сужение и расширение значения:

А. $I_1 D_1 \rightarrow I_1 D_1 D_2$: П Р О Д У К Т. 1. Предмет как результат человеческого труда.

2. Предмет, произведенный человеком для питания.

Б. $I_1 D_1 D_2 \rightarrow I_1 D_1$: И Д Т И. 1. Двигаться, переступая ногами. 2. Двигаться.

Перенос названия с части на целое и с целого на часть:

$I_1 D_1 \rightarrow D_1 / D_1 \rightarrow I_2 D_2$: Д Е Н Ь. 1. Часть суток от утра до вечера.

2. Сутки, т.е. промежуток времени в 24 часа.

Р О Д Н Я. 1. Группа родственников.

2. Родственник, т.е. человек, находящийся в родстве с кем-то.

Метонимия:

$I_1 D_1 \rightarrow I_2 D_2 / D_2 = I_1 D_1$: Х Р У С Т А Л Ь. 1. Стекло высокого качества.

2. Посуда из стекла высокого качества.

Метафора:

$I_1 D_1 D_2 \rightarrow I_2 D_1 D_3$:

М О Л Н И Я. 1. Мгновенный разряд атмосферного электричества.

$I_3 D_1 D_4$ 2. Срочная телеграмма.

$I_4 D_1 D_5$ 3. Быстро запергивающаяся заставка.

4. Стенная газета для срочного информирования.

12. ТИПЫ ПЕРЕНОСОВ ПО ПРЕДМЕТНОЙ ОТНЕСЕННОСТИ

СИНЕКДОХА - перенос названия: с предмета на класс предметов;
 с класса предметов на предмет;
 с части на целое;
 с целого на часть.

МЕТОНИМИЯ - перенос названия с предмета на предмет по их смежности.

МЕТАФОРА - перенос названия с предмета на предмет по их сходству.

13. РАЗНОВИДНОСТИ МЕТОНИМИИ

Материал ↓ Изделие из материала	Вместилище ↓ Содержимое	Содержимое ↓ Вместилище	Действие ↓ Результат действия	Действие ↓ Субъект действия	Свойство ↓ Следствие	Чувство ↓ Событие - его причина
БРОНЗА	ДОМ	КЛАСС	ОБРАЗОВАНИЕ	ОБВИНЕНИЕ	ГЛУПОСТЬ	ГОРЕ

14. ДВЕ КЛАССИФИКАЦИИ ОМОНИМОВ

По степени совпадения грамматических форм омонимичных слов

ПОЛНЫЕ

Изменяемые слова
/все формы одного слова
слова совпадают по звучанию с формами
другого/

НЕПОЛНЫЕ

Слова одной части речи
с одинаковым звучанием
группы одинаковых форм
с одинаковым звучанием
разных частей речи
с одинаковым звучанием
разных или
отличных форм
НАГОНЬ, ПЛОД - ПЛОТ

КОСЯК, НЕКОГДА
КАМПАНИЯ - КОМПАНИЯ

КУБАНКА
ТУШ - ТУШЬ

По изображению на письме

ОМОГРАФИЧЕСКИЕ
/пишутся одинаково/
КОСЯК, НЕКОГДА, КУБАНКА, НАГОНЬ

НЕОМОГРАФИЧЕСКИЕ
/пишутся по-разному/

ПЛОД - ПЛОТ, КАМПАНИЯ - КОМПАНИЯ, ТУШ - ТУШЬ

15. СИНОНИМЫ

По предметной отнесенности	По понятийному содержанию	По коннотации	По сочетаемости
Полностью	ПОЛНЫЕ $I_1 D_1 = I_1 D_1$	НЕЙТРАЛЬНЫЕ	ВЗАИМОЗАМЕНЯЕМЫЕ
или частично			ЧАСТИЧНО ВЗАИМОЗАМЕНЯЕМЫЕ
совпадают	НЕПОЛНЫЕ $I_1 D_1 = I_1 D_1 D_2$ $I_1 D_1 D_2 = I_1 D_1 D_3$	ЭКСПРЕССИВНЫЕ	ВЗАИМОЗАМЕНЯЕМЫЕ С ГРАММАТИЧЕСКОЙ ПЕРЕСТРОЙКОЙ КОНТЕКСТА

16. НОМИНАЦИОННАЯ ЦЕПЬ ТЕКСТА

РЕФЕРЕНТ /например, один из героев романа "Мастер и Маргарита"/			
Базовая номинация	Вторичные номинации		
ВОЛАНД	Языковые типы	Источники	
		признак ₁	признак ₂ признак ₃
	Нейтральное слово или словосочетание	Иностранец	Сумасшедший Неизвестный
	Синонимы	Иноземец	Безумный Незнакомец
	Родовидовые соответствия	Интурист, Больной путешественник, немец	
	Перифразы /сочетание признаков/	Удивительный иностранец, загадочный чудак, полоумный немец, мелкий чепуху иностранец, сумасшедший немец	

17. ТИПЫ АНТОНИМОВ ПО ЗНАЧЕНИЮ

Типы противопоставления	Противоположность	Противоречивость	Обратимость
Семное соотношение значений	$I_1 D_1$ $I_1 \text{ не } D_1$	$I_1 D_1$ не $/I_1 D_1/$	$I_1 D_1 D_2$ $I_1 D_2 D_1$
Антонимические пары	ГРОМКИЙ ТИХИЙ	ДВИЖЕНИЕ ПОКОЙ	АНАЛИЗ СИНТЕЗ
Значение антонимов	"производящий звук большой силы" - "производящий звук небольшой силы"	"перемещение в пространстве" - "отсутствие перемещения в пространстве"	"метод исследования, состоящий в разложении целого на части" - "метод исследования, состоящий в соединении частей целого"

18. ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ

Названия оценки	Названия идеологически оцениваемых явлений	Оценочные слова	
		С оценочной семой в понятийном содержании	С оценочной коннотацией
ПЛОХОЙ ХОРОШИЙ ПЛОХО ХОРОШО	ДЕМОКРАТИЯ БЮРОКРАТИЗМ	ДОБРОТА	ЮНЕЦ

19. СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПЛАСТЫ ЛЕКСИКИ

Н Е Й Т Р А Л Ь Н А Я Л Е К С И К А				
Ф у н к ц и о н а л ь н ы е с т и л и				
Бытовой	Официаль- но-деловой	Научный	Газетно-публи- цистический	Художест- венный
СНИЖЕННАЯ ЛЕКСИКА	П О В Ы Ш Е Н Н А Я Л Е К С И К А			
Разговор- ная Просто- речная	Книжная	Частностилевая		
		Официально-деловая Научно-терминологическая Газетизмы Поэтизмы		

20. СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОКРАШЕННОЙ ЛЕКСИКИ

Имитация функционального стиля – воспроизведение основных черт стиля в художественном или публицистическом тексте в целях выразительности.
Пародирование функционального стиля – утрированное воспроизведение основных черт стиля в художественном или публицистическом тексте в целях комического эффекта.
Стилистический контраст – сочетание сниженных и повышенных по окраске лексических элементов в целях комического эффекта.
Ироническое употребление слова в противоположном оценочном смысле в целях комического эффекта.
Функционирование окрашенного лексического элемента в роли ключевого слова, т.е. единицы, прямо связанной с выражением главной мысли текста.

21. ОРГАНИЗАЦИЯ ОЦЕНОЧНОЙ СТОРОНЫ ГАЗЕТНОГО ТЕКСТА

Из статьи А.Толстого "Мы должны выстоять! Мы выстоим!"

Севастополь временно спустил флаг. Но в душе каждого советского моряка гордо реет военно-морской флаг, раздуваемый непоколебимой ненавистью к врагу. Враг будет сломлен, будет уничтожен, будет униженно просить пощады. Снова поднимется красивый Севастополь на берегах исторических бухт, орошенных кровью героев, и на месте поганой свастики снова на высокой мачте взвевается советский флаг.

О р г а н и з а ц и я   о ц е н к и

База оценки - концептуальная лексика:

С положительной оценкой:

СЕВАСТОПОЛЬ, СОВЕТСКИЙ

С отрицательной оценкой:

ВРАГ, СВАСТИКА

Прямая оценка - наименования оценки, оценочные слова:

ГОРДО, КРАСИВЫЙ, ГЕРОЙ,
ИСТОРИЧЕСКИЙ

НЕНАВИСТЬ, УНИЧТОЖИТЬ,
ПОГАНЫЙ, СПУСТИТЬ ФЛАГ

Образная оценка - оценочные тропы /метафоры, олицетворение, метонимия, ирония, гипербола и др./:

В ДУШЕ РЕЕТ ФЛАГ,
ФЛАГ, РАЗДУВАЕМЫЙ НЕНАВИСТЬЮ,
СЕВАСТОПОЛЬ СПУСТИЛ ФЛАГ,
ПОДНИМЕТСЯ КРАСИВЫЙ СЕВАСТОПОЛЬ

Усиление оценки стилистически окрашенной лексикой:

Высокая лексика: РЕЯТЬ, НЕПОКОЛЕБИМЫЙ, ИСТОРИЧЕСКИЙ,
ОРОСИТЬ, ВЗВИТЬСЯ

22. КЛАССИФИКАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

П О С Т Р У К Т У Р Е	
Предложение	Словосочетание
Нет внешних признаков устойчивости	Есть внешние признаки устойчивости
П О С О Д Е Р Ж А Н И Ю	
Неидиоматический	Идиоматический:
	а/ мотивированный
	б/ немотивированный
Называет понятие	Называет ситуацию
П О Ф У Н К Ц И И	
Номинативный	Экспрессивный

23. ТРАНСФОРМАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

ФОРМАЛЬНО-СМЫСЛОВАЯ	СМЫСЛОВАЯ
1. Вставка слова	1. Буквализация
2. Замена слова	2. Развитие образа
3. Пропуск слова	3. Уведение фразеологизма в подтекст
4. Смена образа	
5. Контаминация	

24. НОВЫЕ СЛОВА

ФУНКЦИИ	ОБРАЗОВАНИЕ
Н Е О Л О Г И З М Ы - название нового предмета	1. По активной модели.
О К К А З И О Н А Л И З М Ы:	2. По образцу
1. Называние известного, но неназванного	3. Обновление словообразовательного средства
2. Переозначивание	4. Смысловое преобразование модели
3. Словесная игра	5. Создание новой модели
	6. Создание корней

25. ЗАИМСТВОВАННЫЕ СЛОВА

Пути заимствования

Непосредственное заимствование   Заимствование через посредство другого языка

ЖАКЕТ ← фр. *jaquette*   АДРЕС ← пол. *adres*   ← фр. *adresse*

Способы заимствования

Письменное заимствование   Устное заимствование

КАРТОФЕЛЬ ← нем. *Kartoffel*   ПЕЛЬМЕНЬ ← финск. *пель нянь*
← итал. *tartufolo*

Виды письменных заимствований

Транскрипция: КЛАВИР ← нем. *Klavier*

Транслитерация: ПЕТИТ ← фр. *petit*

Калькирование: АЗБУКА ← греч. *alphabētos*

Внешние признаки заимствований

Фонетические:

1. Новые звуки: Ф, Ж /фонарь, жюри/;
2. Новые сочетания звуков: ПЮ, БЮ, МО, ГЯ, СЭ, МЭ, ДЖ, ШТ, НГ, ИО, АО и др.;
3. Новые позиции звуков: А, Э в начале слова.

Морфологические:

1. Несклоняемость существительных и прилагательных;
2. Заимствованные морфемы: АНТИ-, ДИС-, -ИСТ, -ИЗМ и др.

Типы по степени усвоенности

1. Усвоенные.   2. Экзотизмы.   3. Варваризмы.

26. ДИАЛЕКТИЗМЫ

1. Фонетические.   2. Морфологические.   3. Словообразовательные.   4. Синтаксические.   5. Лексические: а/ этнографизмы; б/ лексические соответствия литературных синтаксических единиц; в/ межсистемные синонимы; г/ семантические диалектизмы.

27. КЛАССИФИКАЦИЯ ГЛАСНЫХ ЗВУКОВ

Подъем \ Ряд	Передний	Средний	Задний
Верхний	И и ^э — Ъ — и ^э	Ы	У
Средний	Э Ё	Ь	О
Нижний		А Л	

28. ПОЗИЦИОННЫЕ ЧЕРЕДОВАНИЯ ГЛАСНЫХ ЗВУКОВ

С л о г и				
П р е д у д а р н ы е			Ударный	Заударный
Абсолютное начало	Второй	Первый		
А из А О	ТЬ из А ОЭ	ТЛ из А О	А́ О́ Э́	ТЬ из А ОЭ
Ё из Э	Т·Ь из А ОЭ	Т·И ^э из А ОЭ ТН ^э из Э		Т·Ь из А ОЭ
И У	И Ы У	И Ы У	И́ Ы́ У́	И Ы У

29. ОРФОЭПИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАСНЫХ ЗВУКОВ

1. Нормы произношения Э и О под ударением в словах типа:
афера, опека, недоуменный — жёлчь, манёвр.
2. Сохранение безударного О в некоторых заимствованных и служебных словах: радио, но, то-то.
3. Произношение на месте безударного А после шипящих в первом предударном: А перед твердым, Ъ^э перед мягким согласным.
4. Влияние грамматической аналогии: ПОЛ·Ь — как АКНÁ.
5. Произношение гласного в прилагательных и глаголах на заднеязычный: Т·ИХ·ИИ, Т·ИХЫ.

30. КЛАССИФИКАЦИЯ СОГЛАСНЫХ ЗВУКОВ

По месту образования преграды: ГУБНЫЕ – губно-губные, губно-зубные; ЯЗЫЧНЫЕ – переднеязычные /зубные и альвеолярные/, среднеязычные, заднеязычные.

По способу образования – форме преграды: смычные, щелевые, др жание, аффрикаты.

По участию твердого неба: твердые, мягкие.

По участию голоса и шума: СОНОРНЫЕ; ШУМНЫЕ – звонкие, глухие.

По участию носовой полости: чистые, носовые.

31. ПОЗИЦИОННЫЕ ЧЕРЕДОВАНИЯ СОГЛАСНЫХ ЗВУКОВ

Сильные позиции	Слабые позиции
Чередование з в о н к и й / г л у х о й	
перед гласным	конец слова /только глухие/
перед сонорным	перед шумным /звонкий +
перед В, В'	звонкий, глухой + глухой/
Чередование т в е р д ы й / м я г к и й	
конец слова	перед мягким согласным
перед гласным	/зубной + зубной мягкий/
Чередование з у б н о й / а л ь в е о л я р н ы й	
Перед всеми звуками, кроме шипящих	перед Ч, Щ, Ш, Ж

32. ОРФОЭПИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОГЛАСНЫХ ЗВУКОВ

1. Произношение отдельных согласных: Ж•, Ц•, Щ•, Ш• Т• Ш•, Ж•, И•, Н•.
2. Согласные перед Э в заимствованных словах: ПРАГР•ЭС–ТЭМП.
3. Согласные в постфиксе –СЯ, –СЬ: ТЪРАП•ЙДСЬ – ТЪРАП•ЙДСЬ.
4. Чередование по твердости-мягкости: ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ – зубной + зубной, кроме Л, Л'; ФАКУЛЬТАТИВНЫЕ – ДВ•Э – Д•В•Э.
5. Произношение звуко сочетаний ЧН, ЧТ, ГК, КЧ в некоторых словах: КАН•ЭШНЬ, СКУШНЬ, НАРОШНЬ, ШТО, Н•ИШТО, но Н•ЭЧТЬ, Л•ОХК•ИИ, М•АХК•ИИ, Л•ЭХЧ•Ь, М•АХЧ•Ь, АБЛ•ИЭХЧ•ИТ', СМ•ИЭХЧ•ИТ'.

33. СЛОВОВОЙ ПРИНЦИП ГРАФИКИ

1. Передача *Ј* буквами *Я, Е, Ё, Ю*: в начале слова,
после гласной буквы,
после разделительных *Ь, Ъ* /+И/
2. Передача твердости парных согласных буквами *А, О, У, Н, Э*;
передача мягкости парных согласных буквами *Я, Е, Ю, И, Ё, Ъ*

34. ПРИНЦИПЫ ОРФОГРАФИИ

П р и н ц и п ы:

не отражающие позиционных чередований звуков:		отражающий позиционные чередования звуков
не допускающий	допускающий	ФОНЕТИЧЕСКИЙ
проверки	проверку	
ИСТОРИЧЕСКИЙ	МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ	

35. ГРАММАТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА

1. Обязательность его выражения.
2. Связь с классом слов.
3. Сопутствие лексическому значению.

36. СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ /грамматическое значение выражено формой слова/		СИНТАКСИЧЕСКИЕ /грамматическое значение выражено положением слова в предложении/
Синтетические формы /строение слова/	Аналитические формы /служебные слова/	
<ol style="list-style-type: none"> 1. Аффиксация 2. Движение ударения 3. Исторические чередования 4. Супплетивизм 5. Неизменяемость 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Вспомогательный глагол 2. Частицы 3. Предлоги 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Связи с другими словами в предложении 2. Порядок слов

37. ТИПЫ МОРФЕМ

КОРЕНЬ -

носитель лексического значения гнезда родственных слов

АФФИКСЫ -

служебные морфемы, способные выразить грамматическое значение слова

Типы аффиксов по функции

Словообразующие -

носители лексического и грамматического значений: суффиксы, приставки, интерфиксы, постфиксы

Формообразующие -

носители грамматического значения: суффиксы /образуют форму слова/, окончания /образуют форму слова, выражают связь слова с другими словами в предложении/

38. ГРУППИРОВКА МОРФЕМ В СЛОВЕ

ИЗМЕНЯЕМОЕ СЛОВО

Основа

+

Формообразующий аффикс

Существительные, прилагательные, числительные, местоимения, глаголы. В их формах есть формообразующий аффикс.

НЕИЗМЕНЯЕМОЕ СЛОВО

Основа

Наречия, слова категории состояния, несклоняемые существительные и прилагательные, служебные слова. В их формах нет формообразующего аффикса.

39. ТИПЫ ОСНОВ

П Р О И З В О Д Н А Я

Приставка

Корень

Словообразующий суффикс

НЕПРОИЗВОДНАЯ

Корень

40. ТАБЛИЦА ДЛЯ МОРФЕМНОГО АНАЛИЗА СЛОВА

Приставка	Корень	Интерфикс	Корень	Словообра- зующие суффиксы	граница основы		Формообра- зующие суффиксы	Окончание	Постфикс
ЗА- НА-	-ГОР- -САД- -ВЕРХ-	-О-	-ВОД-	-Е- -ЧЕСК- -У			-И-	-Ø -ОГО	-СЯ

41. ТАБЛИЦА ДЛЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Слово в кон- текстной форме	Часть речи	Начальная форма	Производящая единица	Словообра- зовательное средство	Способ словообра- зования
ЗАГОРЕЛСЯ САДОВОДЧЕСКОГО НАВЕРХУ	глагол прилагательное наречие	ЗАГОРЕТЬСЯ САДОВОДЧЕСКИЙ НАВЕРХУ	ЗАГОРЕТЬ САДОВОД НА ВЕРХУ	-СЯ -ЧЕСК- слияние	аффиксация аффиксация лексико-син- тактический

42. МЕТОДИКА МОРФЕМНОГО АНАЛИЗА СЛОВА

1. Определить принадлежность слова к части речи.
2. Определить, является ли слово изменяемым или неизменяемым.
3. А. Для изменяемого слова:
  - 1/ подобрать несколько его форм, чтобы выделить основу и формообразующий аффикс или аффиксы;
  - 2/ подобрать несколько однокоренных слов, чтобы выделить корень;
  - 3/ выделить словообразующие аффиксы в производной основе.

ПРИМЕЧАНИЕ

Глагол в разных формах имеет две основы:

ПЕРЕ-ЧИТ-ЫВАЙ//У - ПЕРЕ-ЧИТ-ЫВА//Л-А

Инфинитив = основа + формообр. суффикс

Наст.-буд. простое = основа + окончание

Прошед. время = основа + формообр. суффикс -Л- + окончание

Повелит. накл. = основа + формообр. суффикс -И-, -Ѣ- + окончание

Причастие = основа + формообр. суффикс + окончание

Деепричастие = основа + формообр. суффикс

3. Б. Для неизменяемого слова:
  - 1/ подобрать однокоренные слова, чтобы выделить корень;
  - 2/ выделить словообразующие аффиксы в производной основе.

43. СПОСОБЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

1. МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ: производящая единица плюс или минус активное словообразовательное средство

А ф ф и к с а ц и я
Б е з а ф ф и к с н ы й
С л о в о с л о ж е н и е
2. МОРФОЛОГО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ: производящая единица плюс изменение синтаксической роли - переход в другую часть речи
3. ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ: производящая единица плюс слияние составляющих ее частей в одно слово

44. МЕТОДИКА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

1. Определить, к какой части речи относится слово.
2. Найти начальную форму слова и далее работать с ней.
3. Сформулировать лексическое значение через однокоренное слово /сезонность "признак сезонный, отраженный как предмет"/.
4. Выделить производящую единицу /слово или словосочетание, например, сезонный/.
5. Выделить производящую основу и словообразовательное средство /здесь -сезонн- и суффикс -ость/.
6. Определить способ словообразования /здесь аффиксация/.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Абстрактные существительные образуются от прилагательных и глаголов.
2. Собирательные существительные могут образоваться от единичных /лист → листва/.
3. Глагол нужно сопоставить: а/ с видовой парой, б/ с бесприставочным глаголом, в/ с глаголом без постфикса -СЯ. Если ответ о способе словообразования в процессе этих сопоставлений не получен, нужно сформулировать лексическое значение через однокоренное слово - пункты 3,4,5,6.
4. Наречия имеют следующие основные модели морфологического словообразования: с суффиксами -О/-Е от качественных прилагательных; с приставкой ПО- и суффиксами -ОМУ/-ЕМУ или -И от прилагательных; с суффиксом -И от прилагательных; с суффиксом -ЛЫ от числительных; с приставками от наречий /всегда → навсегда/. Большая часть наречий образуется морфолого-синтаксическим и лексико-синтаксическим способом.

45. ЧАСТИ РЕЧИ

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ /номинарующие/	СЛУЗЕБНЫЕ	МОДУСНЫЕ
Существительные Прилагательные Числительные Местоимения Глаголы Наречия Слова категории состояния	Предлоги Связи Частицы	Модальные слова Междометия

46. ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ РАЗРЯДЫ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

Значение		
Объем понятия	Тип отражаемого явления	Противопоставленность "живое/неживое"
НАРИЦАТЕЛЬНЫЕ СОБСТВЕННЫЕ	КОНКРЕТНЫЕ ВЕЩЕСТВЕННЫЕ СОБИРАТЕЛЬНЫЕ АБСТРАКТНЫЕ	ОДУШЕВЛЕННЫЕ НЕОДУШЕВЛЕННЫЕ
Грамматические признаки		
Отношение к числу	Отношение к числу	Форма винительного падежа множественного
Сочетаемость с количественными словами	Сочетаемость с количественными словами	числа, которая у одушевленных омонимична
Сочетаемость с количественными словами	Некоторые падежные формы	форме родительного падежа, а у неодушевленных - форме именительного падежа
	Некоторые суффиксы	Форма винительного падежа единственного числа у существительных мужского рода, которая у одушевленных омонимична форме родительного падежа, а у неодушевленных - форме именительного

47. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ КОНКРЕТНЫХ, ВЕЩЕСТВЕННЫХ, СОБИРАТЕЛЬНЫХ И АБСТРАКТНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

1. Наличие или отсутствие соотносительной формы числа с тем же лексическим значением.					
2. Сочетаемость с количественными числительными.					
3. Сочетаемость с дробными числительными /типа одна вторая/.					
4. Сочетаемость с неопределенно-количественными словами.					
5. Сочетаемость с названиями меры.					
	1	2	3	4	5
Конкретные	+	+	+	+	+
Вещественные	-	-	+	+	+
Собирательные	-	-	+	+-	+-
Абстрактные	-	-	-	+-	-

48. КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

З н а ч е н и е	
<u>Единственное число</u>	
1. Значение единичности	
2. Значение собирательности	
3. Распределительное значение	
<u>Множественное число</u>	
1. Значение раздельной множественности	
2. Значение нераздельной множественности	
В ы р а ж е н и е	
<u>Морфологическое</u>	<u>Синтаксическое</u>
1. Окончания	Согласование
2. Суффиксы	
Случаи варьирования падежно-числовых окончаний:	
1. Землей - землю. 2. Сахара - сахару. 3. В лесу - о лесе.	
4. Годы - года; хлебы - хлеба; шофёры - шоферá. 5. Килограммов - килограмм; помидоров - помидор; сыновей - сынов.	

49. КАТЕГОРИЯ РОДА ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

Незначимый род	Значимый род
Мужской, женский, средний Функция связи существительного с согласуемыми частями речи	Мужской, женский Отражение деления живых существ по полу Функция связи существительного с согласуемыми частями речи
Средства выражения рода: синтаксический способ выражения - согласование; морфологический способ выражения - система окончаний существительного, некоторые суффиксы	
Существительные общего рода: <u>Шевченко, Женя, плакса</u>	
Род существительных типа <u>врач</u>	
<p>Определение рода несклоняемых существительных:</p> <p><u>Значимый</u></p> <p>Названия лиц мужского и женского пола</p> <p>Названия лиц → мужской род</p> <p>Названия животных → мужской род</p> <p>Названия неодушевленных предметов → средний род</p> <p>Географические названия → род географического термина</p> <p>Буквенные аббревиатуры → род стержневого слова в исходном словосочетании</p>	

50. ЗНАЧЕНИЯ ПАДЕЖЕЙ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

Элементы ситуации, отражаемой в предложении

СУБЪЕКТ — ДЕЙСТВИЕ, ПАССИВНЫЙ ПРИЗНАК — ОБЪЕКТЫ			
/предикативный признак/			
ПРИЗНАКИ	КАЧЕСТВА	ОБСТОЯТЕЛЬСТВА	ПРИЗНАКИ
СУБЪЕКТА	ДЕЙСТВИЯ	ДЕЙСТВИЯ	ОБЪЕКТОВ
	/способ,	/место, время,	
	степень,	цель, причина,	
	скорость/	условие, проти-	
		воречащее ус-	
		ловие/	

З н а ч е н и я   п а д е ж е й

1. Субъект: Машины грохочут.
Ребенку нездоровилось.
Течением лодку прибило к берегу.
Родных у него не осталось.
 Письмо пишется учеником.
2. Предикативный признак: Он учитель. Он был учителем.
3. Объект /прямой и косвенный/: Ученик пишет письмо.
Письмо пишется учеником.
 Я послал письмо другу.
 Все говорят об этом фильме.
4. Качества действия: Он стрелой мчится к финишу.
 Туда можно добраться поездом /на поезде/
5. Обстоятельственные значения: Об этом говорилось в школе.
К вечеру похолодало.
Ради успеха он на все готов.
 Я разбил чашку по неосторожности.
При хорошей скорости мы доберемся до дому вовремя.
Несмотря на усталость, он продолжал тренировку.
6. Определительное значение: На углу возвышался дом из красного кирпича.
 Вошел человек среднего роста.

51. ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ РАЗРЯДЫ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Признаки Разряд	Словоизменение	Словообразование	Синтагматика	Парадигма- тигра
Качественные	Имеют: степени сравнения краткую форму	Много производных Образуют: формы субъективной оценки; названия степени признака; абстрактные сущ.; наречия с суффиксом -о	Сочетаются с наречиями меры и степени	Имеют антонимы
Относительные	Не имеют: степеней сравнения и краткой формы	Производные Не образуют: форм субъективной оценки; названий степени признака; абстрактных сущ.; наречий с суффиксом -о	Не сочетаются с наречиями меры и степени	Редко имеют антонимы
Притяжательные	Краткая форма им. падежа ед. и мн. числа, вин. падежа жен. рода ед. числа	Производные Образуют наречия по модели ПО-...-Ы	Не сочетаются с наречиями меры и степени	Не имеют антонимов
Порядковые	Не имеют: степеней сравнения и краткой формы	Производные от количественных числительных Составные	Не сочетаются с наречиями меры	Не имеют антонимов

52. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

1. Изменяются по падежам.
2. Не имеют рода. Кроме: один, два – согласуемый род, как у прилагательного; тысяча, миллион, миллиард – незначимый несогласуемый род, как у существительного.
3. Не имеют числа. Кроме: один – согласуемое, как у прилагательного; тысяча, миллион, миллиард – несогласуемое, как у существительного. В форме мн. числа один остается числительным в значении реальной единичности, тысяча, миллион, миллиард – в составных числительных.
4. В им.-вин. падежах управляют существительным, в остальных согласуются с ним. Один согласуется с существительным во всех падежах.

53. СЕМАНТИКА ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ РАЗРЯДОВ МЕСТОИМЕНИЙ

Разряд	Семантика
1. ЛИЧНЫЕ	Субъект, объект, адресат и прочие предметные элементы моделируемой в предложении ситуации с позиции говорящего
2. ВОЗВРАТНОЕ	Возврат объекта, адресата и других предметных элементов ситуации к субъекту
3. ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ	Принадлежность элементов ситуации кому-то или чему-то с позиции говорящего
4. УКАЗАТЕЛЬНЫЕ	Размещение элементов ситуации с позиции говорящего, признаки предметов с позиции говорящего
5. ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ	Отрицание элементов ситуации
6. НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ	Степень знания говорящего об элементах ситуации
7. ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ	Говорящий запрашивает у адресата информацию об элементах ситуации
8. ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ	Обобщенное представление говорящим того или иного элемента ситуации
9. ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ	Грамматическая функция отнесения придаточного предложения к главному

54. ТИПЫ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ

Спрягаемые формы глагола	Неспрягаемые формы глагола
Формы наклонения Формы времени в изъявитель- ном наклонении Формы лица	Инфинитив Причастие Деепричастие

55. СЕМАНТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ ГЛАГОЛОВ

Полнозначительные			Неполнозначительные
Однопредикативные		Поли- преди- катив- ные	
Акцио- нальные	Неакцио- нальные		
Движения Физического, интеллекту- ального, эмоциональ- ного действия	Суще- ствования Местонахож- дения Отношения Состояния	Кауза- тивные	Связки: незнамена- тельные и полузна- менательные Модификаторы: фазис- ные, модальные Компенсаторы

56. ИНФИНИТИВ В ПРЕДЛОЖЕНИИ

Не в сказуемом	В сказуемом	
Подлежащее Определение Дополнение /в сочетании с каузативным глаголом/	Глагольные средства выражения предика- тивности	Безглагольное выра- жение предикативно- сти
	В сочетании со связ- кой В сочетании с фазис- ным или модальным модификатором	Частицы Интонация Семантика синтакси- ческой модели ска- зуемого

57. КАТЕГОРИЯ НАКЛОНЕНИЯ

Накло- нение	Формы	Основное значение	Частные значения	Переносные значения	
				Модальность другого на- клонения	Модальность, не отражен- ная в накл- онениях
Императивное	Формы времен	Реальность действия	Долженствование Возможность, не- возможность действия	Повеление Условное, возможное действие	-
	Суффикс -л- частица ои	Возмож- ность действия	Желательность Возможность Условность	Мягкое повеление	-
Повелительное	2-е лицо: суффиксы -й-, -и-, окончания -й, -те. 1-е лицо: 1-е лицо мн. числа наст., буд. вре- мени /+ окончание -те + частица давай; ин- финитив + давай, -те. 3-е лицо: частицы да, пусть, пускай.	Повеление - пожела- ние, ос- раченное к адреса- ту	Смигченное повеление Категорическое повеление Запрет, предо- стережение	Неожидан- ное дейс- ствие в прошлом Реальное условие Гипотети- ческое условие	Необходи- мость для 1-го, 3-го лица Бесполез- ность Единствен- ный выход из ситуации

58. КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ

Время	Вид	Образование	Основное значение	Частные значения	Переносное употребление
Настоящее	Несов.	Основа настоящего времени + личные окончания	Совпадение с моментом речи	Актуальное / момента речи, отрезка времени, постоянное; неактуальное / повторяющееся, признаковое /	Настоящее историческое Будущее уверенности Будущее воображаемое
	Несов.	Основа инфинитива + суффикс -л- + родо-числовые окончания	Отнесенность к периоду до момента речи	Имперфектное; давно прошедшее / многократный глагол, частица <u>бывало</u> / Аористическое; перфектное; прерванное / частица <u>было</u> /	Настоящее неактуальное Будущее уверенности
Будущее	Несов.	БЫТЬ + инфинитив	Отнесенность к периоду после момента речи	Единичное, длительное, повторяющееся после момента речи	Настоящее неактуальное
	Сов.	Основа будущего времени + личные окончания		В будущем всё действие В будущем результат действия	Настоящее неактуальное Отсутствие действия в настоящем Интенсивное действие в прошлом, повторность в прошлом Эпическое

59. КАТЕГОРИЯ ЛИЦА

Лицо	Способ образо- вания	Основное значение	Значения по степени обобщенности субъ- екта	Переносное употребление	
				по числу	по лицу
1-е	Морфоло- гический синтези- ческий: оконча- ния	Субъект действия - говорящий	Определенно-личное Обобщенно-личное	Мн. число в зна- чении ед. числа Авторское "мы" "Мы" достоинст- ва	1-е л. мн. чис- ла в значении "ты", "вы" шут- ливого соучас- тия
2-е	Морфоло- гический аналити- ческий: БЫТЬ в будущем времени	Субъект действия - адресат	Определенно-личное Обобщенно-личное	Мн. число в зна- чении ед. числа - вежливость	2-е л. ед. чис- ла в значении "я"
3-е	Синтак- сический	Субъект дейст- вия - лицо, не участвующее в обмене религи- ками, или предмет	Определенно-личное Обобщенно-личное Неопределенно-лич- ное, причем только у форм множествен- ного числа	Мн. число в зна- чении ед. числа - вежливость	3-е л. ед. чис- ла в значении "я"

60. СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕЙСТВИЯ

Переходность/непереходность	
Переходность	Непереходность
Связь с прямым объектом	Отсутствие связи с прямым объектом
Управление винительным падежом	Отсутствие управления винительным падежом
Наличие форм страдательного залога	Отсутствие форм страдательного залога
Возвратность	
Словообразовательные значения постфикса -СЯ в возвратных глаголах:	
1. Замыкание действия в сфере субъекта. Глаголы образуются от переходных глаголов. Частные значения:	
а/ собственно-возвратное: умыться;	
б/ взаимно-возвратное: драться;	
в/ косвенно-возвратное: запасаться;	
г/ активно-безобъектное: кусаться;	
д/ характеризующе-качественное: плавиться;	
е/ обдевозвратное: волноваться.	
2. Устранение активного субъекта. Результат – безличные глаголы, которые образуются от переходных и непереходных глаголов: "Мне не читается".	
3. Подчеркнутое отсутствие прямого объекта. Производящая единица – непереходный глагол. Частные значения:	
а/ неясность проявления признака: чернеться;	
б/ интенсивность действия: стучаться.	
Залог	
Два типа отражения отношений: субъект – действие – объект	
Предмет мысли	
1. Субъект	подвергает действию объект – действительный залог
2. Объект	подвергается действию субъекта – страдательный залог
Способы выражения: а/ морфологический – формообразующий постфикс -СЯ, причастия; б/ синтаксический – действительный и страдательный обороты	

I. Первичные и вторичные по виду глаголы.

II. Видообразование вторичных глаголов:

1. От первичных глаголов совершенного вида /типа РЕШИТЬ/:
 Степень 1: решать, разрешить. Суффиксы, приставки → видовые пары, лексические образования.

Степень 2: разрешать, порешать, нарешать. Суффиксы, приставки → видовые пары, способы действия, лексические образования.

Степень 3: понарешать, наразрешаться. Приставки, префиксация с суффиксацией или постфиксацией → способы действия.

2. От первичных глаголов несовершенного вида предельных /БЕЛИТЬ/:

Степень 1: побелить, перебелить, набелить. Приставки, префиксация с суффиксацией → видовые пары, способы действия, лексические образования.

Степень 2: перебеливать. Суффиксы → видовые пары и "тройки".

Степень 3: наперебеливать. Приставки → способы действия.

3. От первичных глаголов несовершенного вида неопредельных /СВИСТЕТЬ/:

Степень 1: посвистеть, засвистеть, свистнуть, рассвистеться. Приставки, суффиксы, префиксация с суффиксацией и постфиксацией → способы действия, лексические образования.

Степень 2: присвистнуть. Приставки, суффиксы → видовые пары, способы действия, лексические образования.

Степень 3: присвистывать. Приставки, суффиксы → видовые пары, способы действия.

III. Способы образования видовых пар: префиксация, суффиксация, супплетивизм, омонимия.

IV. Одновидовые глаголы: изолированные, одновидовой характер производящего на фоне производных, одновидовой характер производного на фоне производящего.

V. Способы глагольного действия: отражают модификации временных характеристик действия, модификации его интенсивности, модификации отношения действия к другим элементам ситуации — объекту, другому действию.

62. ОБРАЗОВАНИЕ ПРИЧАСТИЙ

Глагол Причастие	Переходный несов.вида ЧИТАТЬ	Переходный сов.вида КУПИТЬ	Непереходный несов.вида ЛЕТАТЬ	Непереходный сов.вида ПРИЛЕТЕТЬ
Действительное наст. времени -УЩ-, -АЩ-	читающий	-	летающий	-
Действительное прошед. времени -ВШ-, -Ш-	читавший	купивший	летавший	прилетевший
Страдательное наст. времени -ЕМ-, -ИМ-	читаемый	-	-	-
Страдательное прошед. времени -ЕНН-, -НН-, -Т-	читанный	купленный	-	-

63. РАЗЛИЧЕНИЕ КРАТКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ, НАРЕЧИЙ И СЛОВ КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ

НЕБО ЯСНО. Небо /подлежащее/ какво? - Ясно /сказуемое, ср.: было ясно/. Слово изменяемое: задача ясна, задачи ясны. → ЯСНО - это краткое прилагательное.
ОН ГОВОРИТ ЯСНО. Говорит /сказуемое/ как? - Ясно /обстоятельство/. Слово неизменяемое. → ЯСНО - это наречие.
МОРОЗНО И ЯСНО. ЯНВАРЬ. Ясно - независимый элемент предложения, сказуемое /ср.: было ясно, будет ясно/. Слово неизменяемое. → ЯСНО - слово категории состояния.

64. СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА

П р е д л о г и

ЗНАЧЕНИЕ: отношение предмета к другим элементам ситуации.

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ: связь существительного с другими членами предложения.

ЧАСТНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ: объектное, определительное, обстоятельственные – места, времени, причины, цели, уступительности.

С о ю з ы

ЗНАЧЕНИЕ: отношения между явлениями и ситуациями.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ: связь слов в предложении, связь простых предложений в сложном.

ТИПЫ ПО СИНТАКСИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ: сочинительные, подчинительные.

ЧАСТНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ: с о ч и н и т е л ь н ы е – соединительные, противительные, ограничительные, возмездительные, противительно-следственные, сопоставительные, разделительные, присоединительные; п о д ч и н и т е л ь н ы е – изъяснительные, обстоятельственные: образа действия, времени, причины, следствия, цели, уступительности, сравнения.

Ч а с т и ц ы

ЗНАЧЕНИЕ: модификация значений форм, слов и предложений.

ФУНКЦИИ: образование форм, слов, осложнение членов предложения.

ТИПЫ ПО ФУНКЦИИ: формообразующие, словообразующие, синтаксические.

ЧАСТНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ: 1. Ф о р м о о б р а з у ю щ и е: 1/ образуют форму слова; 2/ уточняют значение формы слова.

2. С л о в о о б р а з у ю щ и е: разные оттенки неопределенности информации об элементе ситуации.

3. С и н т а к с и ч е с к и е: 1/ значимые – а/ модальные: утвердительные, отрицательные; б/ вероятностные; в/ сравнительные; г/ эмоциональные; д/ выделительные: количественные, усилительные, указательные, вопросительные; 2/ формальные – а/ оформляют границу предложений в сложноподчиненной конструкции; б/ вводят чужие слова.

-65. ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

<p>Отражение моделируемой ситуации через ситуацию общения ↓</p>	<p>Коммуникативное намерение ↓</p>	<p>Опора на информационную базу речевого акта ↓</p>	<p>Сочетаемость слов ↓</p>
<p>ПРЕДИКАТИВНОСТЬ</p>	<p>ТИПЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПО КОММУНИКАТИВНОМУ НАМЕРЕНИЮ</p>	<p>АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ</p>	<p>СТРУКТУРНАЯ СХЕМА ПРЕДЛОЖЕНИЯ</p>
<p>М о д е л ь н о с т ь - синтаксическое наклонение</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Изъявительное /в формах трех в р е м е н : настоящее, прошедшее, будущее/ 2. Сослагательное 3. Условное 4. Желательное 5. Побудительное 6. Долженствование 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Передача информации: а/ констатация → повествовательные б/ требование действия адресата → побудительные 2. Запрос информации → вопросительные 3. Реакция на ситуацию → эмоциональные 		<p>Двусоставные</p> <p>Односоставные</p> <p>Неизменные</p>

66. СВЯЗИ СЛОВ

Типы связи	Подчинительные				Сочинительные
	Согласование	Координация	Управление	Примыкание	
Признаки					
Механизм связи	Уподобление однородных категорий зависимого и главного слов	Выбор формы, отвечающей моделируемой ситуации	Подчиненность падежа зави- симого слова главному сло- ву	Смысловое подчинение зависимого слова гла- вному сло- ву	Перечислитель- ная интонация, сочинительные соединения
Синтаксическая единица быто- вания	Предложение и словосо- четание	Предложение	Предложение и словосо- четание	Предложение и словосо- четание	Предложение
Значение	Предикативный признак, опре- делительное	Предикативный признак, опре- делительное	Субъектное, объ- ектное, опреде- лительное, об- стоятельство	Определитель- ное, обстоя- тельство	Совмещение, противопостав- ление, чередо- вание и др.
Возможность варьирования по силе	Сильное, слабое	-	Сильное, слабое	Сильное, слабое	-

67. ТИПЫ СКАЗУЕМЫХ

ПРОСТОЕ - грамматическое и лексическое значения выражены в форме одного слова.

1. Согласованное – реагирует на число в подлежащем.
2. Несогласованное – не реагирует на число в подлежащем. Средства выражения: а/ форма есть /от онть/; б/ форма повелительного наклонения в значении изъявительного или сослагательного; в/ инфинитив; г/ междометный глагол.

СОСТАВНОЕ = грамматическое значение + лексическое значение:

<u>Именное</u>	=	связка	+	присвязочная часть
глагольное	=	модификатор	+	субъектный инфинитив

СЛОЖНОЕ = грамматическое + грамматическое + лексическое
                    значение   значение   значение

Например: модификатор + модификатор + субъективный инфинитив

68. ОДНОСОСТАВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Б е с п о д л е ж а щ ы е

ЛИЧНЫЕ: 1. Определенно-личные /1-е и 2-е л./.

2. Неопределенно-личные /3-е л. мн. ч./.

3. Обобщенно-личные /все формы, кроме 3-го л. ед.ч./.

БЕЗЛИЧНЫЕ: Собственно-безличные - а/ спрягаемо-глагольные; б/ причастные; в/ со словами категории состояния. Инфинитивные - а/ с реальной модальностью; б/ с ирреальной модальностью - значения желательности, побудительности, условности.

Бесказуемостные

НОМИНАТИВНЫЕ: С реальной модальностью – а/ описательные; б/ указательные; в/ оценочные; г/ эмоциональные. С ирреальной модальностью – а/ условные; б/ желательные.

ГЕНИТИВНЫЕ: С реальной модальностью – а/ наличие большого количества; б/ отсутствие предмета. С ирреальной модальностью – значение желательности.

69. РЕЧЕВЫЕ МОДИФИКАЦИИ СТРУКТУРЫ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Незаполненность позиции

ЭЛЛИПТИЧЕСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ. Пустая позиция сказуемого указывает на глаголы бытия, движения, речи.

НЕПОЛНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ. Пустая позиция компенсируется словом - из ситуации; из контекста /самостоятельного предложения, части сложного предложения, реплики диалога/ - или придаточным предложением.

Расчленение структуры

Сегментация

/структура: "Именительный тем. Вывысказывание с субститутотом"/

Парцелляция

/структура: "Базовая конструкция. Парцеллят.Парцеллят"/

Осложнение структуры

1. Однородные члены. 2. Обособленные члены. 3. Вводные конструкции. 4. Вставные конструкции. 5. Конструкции, тождественные нечленимым предложениям /частицы, междометия, обращения/.

70. СОГЛАСОВАНИЕ СКАЗУЕМОГО С ОДНОРОДНЫМИ ПОДЛЕЖАЩИМИ

ОСНОВНОЕ ПРАВИЛО: 1. Подлежащие + сказуемое во мн. числе.

2. Сказуемое в ед. числе + подлежащие.

ОТСТУПЛЕНИЯ: 1. Сказуемое во мн. числе + подлежащие /при условиях: первое подлежащее во мн. числе; книжная окраска высказывания; лексическое значение сказуемого предполагает несколько субъектов; антонимичность подлежащих/.

2. Подлежащие - абстрактные существительные + сказуемое в ед. числе.

71. ОДНОРОДНЫЕ И НЕОДНОРОДНЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

ОДНОРОДНЫЕ: 1. Семантические условия - объективная и субъективная смысловая общность. 2. Структурные условия - внутренние /несогласованные определения; одиночное + распространенное/; внешние /обратный порядок слов/.

НЕОДНОРОДНЫЕ: 1. Семантические условия - обозначение разнородных признаков; отношения уточнения. 2. Структурные условия - отношения "определение к сочетанию 'определение + существительное'".

72. УСЛОВИЯ ОБОСОБЛЕНИЯ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

СЕМАНТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ОБОСОБЛЕНИЯ: 1. Новый для члена предложения смысл. 2. Уточнение. 3. Подчеркивание.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ОБОСОБЛЕНИЯ: 1. Внутренние - а/ объем члена; б/ разграничение синтаксических функций.

2. Внешние - а/ обратный порядок слов; б/ определение при опущенном определяемом; в/ преодоление синтаксической несочетаемости слов.

73. СЕМАНТИКА ВВОДНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

ОЦЕНКА СОДЕРЖАНИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЯ: 1. Выражение уверенности или неуверенности в сказанном. 2. Логическая /согласие, несогласие/ и эмоциональная оценка сообщаемого. 3. Объяснение логического хода изложения. 4. Привлечение внимания адресата к сказанному.

ОЦЕНКА ФОРМЫ ВЫСКАЗЫВАНИЯ: 1. Оправдание формы высказывания. 2. Указание на источник высказывания.

74. СРЕДСТВА СВЯЗИ ЧАСТЕЙ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1. Интонация.
2. Союзы подчинительные и сочинительные.
3. Знаменательные слова: а/ местоимения и местоименные наречия, которые замещают слово, группу слов или предложение и находятся по отношению к ним в постпозиции или препозиции; б/ существительные, прилагательные, наречия, смысл которых конкретизируется следующим предложением.
4. Структура простых предложений: а/ структурная неполнота; б/ общий член; в/ структурный параллелизм; г/ типы простых предложений, существующие только в сложной конструкции.
5. Временные отношения частей: одновременность, последовательность. Относительный счет времени.
6. Порядок следования частей.

75. ТИПЫ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

I. СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ:

1. Предложения нерасчлененной структуры. Пустая и местоименная позиции. Семантика придаточных: изъяснительные, определительные, обозначающие признак признака, обстоятельственные /места, времени, причины, цели, уступительности/, присоединительно-комментирующие.
2. Предложения расчлененной структуры. Придаточные временные, причинные, условные, уступительные, целевые, сравнительные, сопоставительные, пояснительные.

II. СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ:

1. С соединительными союзами. Отношения следования, совмещения, противоречия, причинные, присоединительно-комментирующие.
2. С противительными союзами. Отношения противоречия, распределительности, ограничения, возмещения, уступительности, присоединения.
3. С разделительными союзами. Отношения взаимоисключения, чередования.

III. БЕССОЮЗНЫЕ:

1. Однородного состава. Отношения перечислительные, противительные.
2. Неоднородного состава. Отношения изъяснительные, определительные, обстоятельственные, пояснительные, присоединительные, противительно-уступительные.

IV. СМЕШАННЫЕ КОНСТРУКЦИИ.

76. ВИДЫ ЧУЖОЙ РЕЧИ

1. ПРЯМАЯ РЕЧЬ. Сохранение интонации оригинала. Две точки зрения на лицо местоимений и глаголов.
2. КОСВЕННАЯ РЕЧЬ. Сложноподчиненное предложение с изъяснительным придаточным. Устранение интонации оригинала. Одна точка зрения на лицо местоимений и глаголов.
3. ПОЛУПРЯМАЯ РЕЧЬ. Сложноподчиненное предложение с изъяснительным придаточным. Устранение интонации оригинала. Две точки зрения на лицо местоимений и глаголов.
4. НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМАЯ РЕЧЬ. Авторская речь. Содержание чужой речи. Двузначные формы настоящего времени.

77. И и НН В ПРИЧАСТИЯХ И ОТГЛАГОЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Отвечайте по порядку на следующие вопросы:

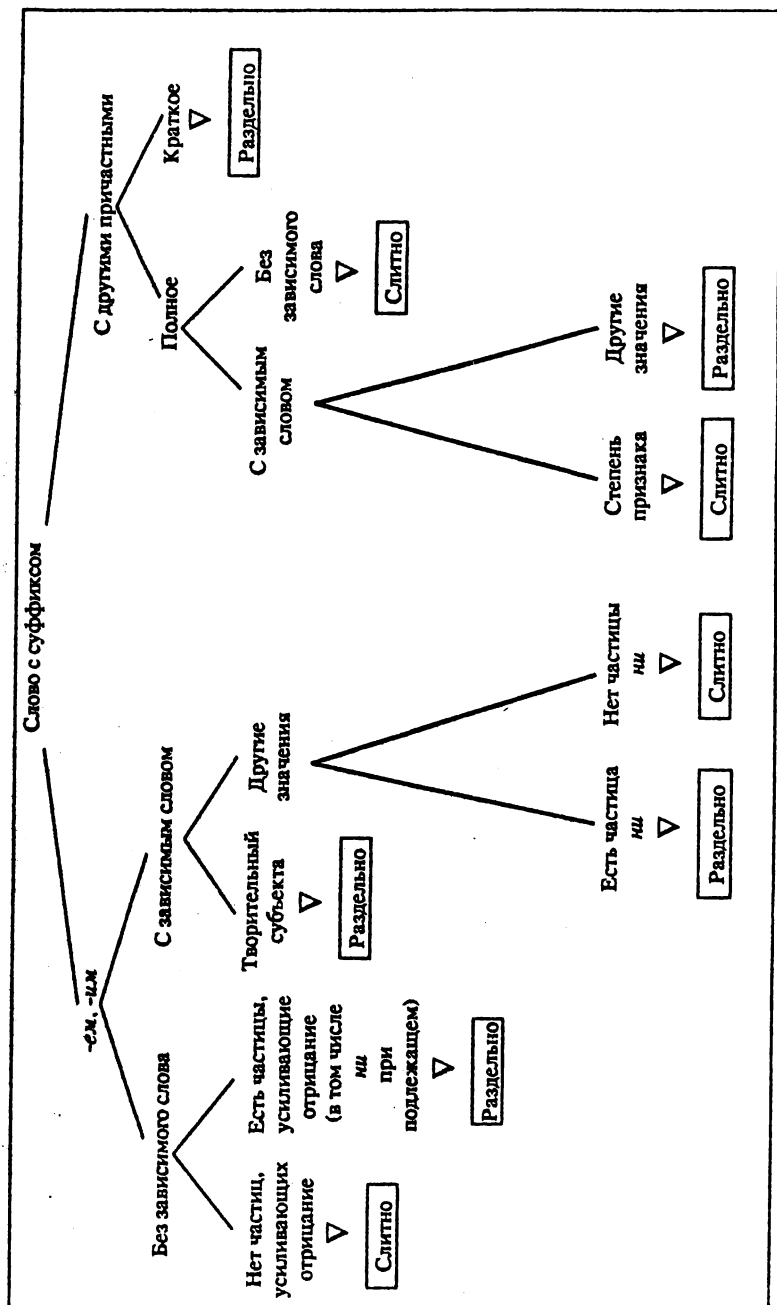
1. Какой суффикс в слове? - 1/ -ОВАНН- → НН, кроме жеванный, кованный; 2/ другой суффикс → вопрос 2.
2. Есть ли зависимое слово? - 1/ есть → НН; 2/ нет → вопрос 3.
3. Есть ли приставка? - 1/ есть → вопрос 4; 2/ нет → вопрос 5.
4. Какая приставка? - 1/ только НЕ → И; 2/ другая или НЕ + другая → НН.
5. Вид исходного глагола? - 1/ совершенный → НН; 2/ несовершенный → И.

78. НАПИСАНИЕ НЕ В ПРИЧАСТИЯХ И ОТГЛАГОЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Отвечайте по порядку на следующие вопросы:

1. Какой суффикс в слове? - 1/ -ЕМ-, -ИМ- → вопрос 2; 2/ другой причастный суффикс → вопрос 3.
2. Есть ли зависимое слово? - 1/ нет → вопрос 4; 2/ есть → вопрос 5.
3. Полное или краткое? - 1/ краткое → РАЗДЕЛЬНО; 2/ полное → вопрос 6.
4. Есть ли частицы, усиливающие отрицание, в том числе частица НИ при подлежащем? - 1/ нет → СЛИТНО; 2/ есть → РАЗДЕЛЬНО.
5. С каким значением зависимое слово? - 1/ творительный субъекта → РАЗДЕЛЬНО; 2/ другие значения → вопрос 7.
6. Есть ли зависимое слово? - 1/ нет → СЛИТНО; 2/ есть → вопрос 8.
7. Есть ли частица НИ? - 1/ есть → РАЗДЕЛЬНО; 2/ нет → СЛИТНО.
8. С каким значением зависимое слово? - 1/ степень признака → СЛИТНО; 2/ другие значения → РАЗДЕЛЬНО.

79. Не в причастиях и отлагательных прилагательных

ПОВТОРИТЕ МАТЕРИАЛ ШКОЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ

§ 1. Членение текста на простые предложения

Для правильной расстановки знаков препинания необходимо уметь выделять в тексте все составляющие его простые предложения, как самостоятельные, так и входящие в состав сложных. Рассмотрим следующий текст с нумерацией простых предложений:

1) Густо мельтеша в воздухе, снежные крупинки косо неслись по ветру, с тихим невнятным шорохом быстро засыпая иссушенную морозом траву, жухлые заросли осоки на болоте, белыми пятнами ровно устилая замерзшие водяные прогалы, 2) которые, 3) чтобы не оставлять следов, 2) тщательно обходила Зоська. 4) Но этих прогалов в траве было много, 5) и она поняла, 6) что никуда от них не деться на этом мшистом болоте, 5) и пошла напрямик, не разбирая дороги. 7) Местами она неглубоко проваливалась в мох, но до воды не доставала, 8) все-таки болото за последние дни хорошо промерзло. 9) То ли от снегопада или от близости вечера болотно-лесное пространство вокруг все больше мрачнело, хмурилось, наполняя тревогой и без того беспокойную душу путницы. 10) Только что выбравшись из лесных зарослей, Зоська уже раза три оглянулась, 11) хотя сзади никого вроде не было. 12) Чтобы отрешиться от недобрых мыслей, 13) она остановилась, огляделась и, обмахивая себя варежками, смела с плеч снег, отряхнула юбку. 14) Но не прошло и минуты, 15) как снег снова густо залепил ворсистую ткань ее плюшевой куртки, 16) и она подумала, 17) что напрасно отряхиваться, 18) лучше побережь варежки, 19) которые и без того промокли насквозь и не грели. 20) Руки все больше зябли, 21) особенно когда она переходила голые, без кустарников, участки болота, 22) где сильнее становился ветер 23) и, кажется, густел снег. 24) Снегопад был ей ни к чему, 25) он даже становился помехой; 26) те, 27) что посылали ее в эту дорогу, 26) рассчитывали на черную, без следов, тропу. 28) Но еще часа два назад ничто, казалось, не предвещало непогоды, 29) разве что облачное небо вверх, 30) которое нынешней осенью всегда было облачным. 31) И вот теперь этот снег. 32) Зоська шла наугад, лишь чутьем определяя нужное направление. 33) Впрочем, возможно, она и ошибалась, 34) спросить тут было не у кого, 35) она знала, 36) что ближайшая деревня километрах в восьми за речкой, 37) до деревни надо еще идти да идти. 38) Оружия у нее не было никакого, 39) хотя оружие перед

выходом можно было попросить у ребят, 40) но, 41) когда она намекнула на то Дозорцеву, 40) тот запретил категорически: 42) в ее деле лучше обойтись без оружия. 43) Компаса ей тоже не дали. 44) Компас, наверное, помог бы в пути, но в случае задержания наверняка бы навел на подозрения, 45) а ма-
лейшего подозрения ей надо было избежать (В.Быков. Пойти и не вернуться).

1. Все полные двусоставные предложения выделены в тексте тем, что подлежащее в них подчеркнуто сплошной линией, сказуемое, если оно одно, подчеркнуто точечной линией, однородные сказуемые подчеркнуты двумя линиями. Обратите внимание на то, что однородные сказуемые могут быть отделены друг от друга второстепенными членами (предложения 7,19,44), в том числе обособленными (12).

2. Следующие двусоставные предложения являются неполными: 5,16, 29,31,35,36,40. В предложениях 29,31,36 есть подлежащее и второстепенные члены из группы сказуемого, позиция же сказуемого словом не замещена. В предложениях 5,16,35 не заполнена словом позиция дополнения, смысл для нее подсказан придаточными. Обратите внимание на то, что предложение 5 осложнено однородными сказуемыми, между которыми стоит придаточное 6. В предложении 40 пустая позиция дополнения: запретил что?

3. Наибольшую трудность при расчленении текста на простые предложения представляют односоставные конструкции, которые тоже могут быть полными и неполными. По образцам, встретившимся в нашем тексте, научитесь вычленять такие предложения.

Предложения 3,6,12,34 — инфинитивные. Предложения 11,14,38 — безличные с безличным глаголом. Предложения 17,18,37,39,42,45 — безличные с категорией состояния. Предложение 43 — односоставное неопределенно-личное. Из школьного курса вы знаете, что есть еще определенно-личные («Еду», «Читай»), обобщенно-личные («Поспешишь — людей насмешишь»), номинативные («Утро») односоставные предложения.

§ 2. Основные правила пунктуации

1. Основной знак препинания в сложносочиненных предложениях с союзами и в сложноподчиненных предложениях с союзами и союзными словами — запятая. Покажем их схемы:

Сложносочиненное: , и (а, но, или, а то и др.)

Такое в тексте, например, предложение из простых 10 и 11.

Сложноподчиненное: , что (когда, хотя, как, который и др.)

2. В бессоюзном сложном предложении ставятся:

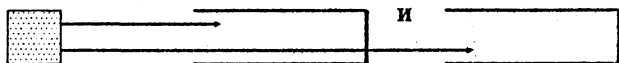
а) запятая при перечислении: «Дни проходили, множество явилось признаков наступающей весны» (М.М.Пришвин);

б) тире при противопоставлении, временных или следственных отношениях: «Я подвинулся — он [краб] приподнялся, широко разевая клешни» (А.Блок); «Пройдет одно — придет другое» (А.Блок); «Доедешь — все забудешь, забудешь — канешь в ночь» (А.Блок);

в) двоеточие при причинных или пояснительных отношениях: «В первую минуту его никто не заметил: все доплясывали кончавшийся танец» (Ф.М.Достоевский); «В нем было упорство муравьиное: у муравьев разорите гнездо, и они тотчас вновь начнут создавать его, разорите другой раз — и другой раз начнут, и так далее без устали» (Ф.М.Достоевский).

3. Обратите внимание на основные случаи, когда части сложного предложения не разделяются знаком препинания:

а) запятая не ставится между частями сложносочиненного предложения, если части имеют общий второстепенный член — обстоятельство, дополнение — и соединены одиночным союзом и, или: «В Митаве жил Калиостро и блистала красавица авантюристка герцогиня Кингстон» (К.Г.Паустовский). Схема такой конструкции:

б) не разделяются запятой два связанных одиночным сочинительным союзом — соединительным или разделительным — предложения с общим придаточным. При этом придаточное может стоять и перед группой предложений, и после нее: «Когда мы пришли, в зале было темно и спектакль начался»; «В зале было темно и спектакль начался, когда мы пришли»;

в) не разделяются запятой два номинативных, восклицательных, вопросительных, побудительных предложения, соединенных одиночным сочинительным союзом, соединительным или разделительным: «Снег и ветер»; «Куда ты идешь и что ты думаешь делать дальше?»;

г) запятая не ставится между однородными придаточными предложениями, соединенными одиночным союзом, соединительным или разделительным: «На глазах всех этих прекрасных дам я все еще был то же маленькое, неопределенное существо, 1) которое они подчас любили ласкать и 2) с которым им можно было играть, как с маленькой куклой» (Ф.М.Достоевский). В первом тексте предложения 22,23.

4. Знаки препинания внутри простого предложения связаны прежде всего с конструкциями, осложняющими его структуру. Запятые выделяются обособленные члены и вводные слова, запятой разделяются однородные члены. Рассмотрим эти случаи.

Обособление: обособленные обстоятельства, выраженные деепричастными оборотами, в предложениях 1,2,9,10,13,32; обособленные не-

согласованные определения в предложениях 21 — без кустарников, 26 — без следов.

Вводные слова: в предложении 23 — кажется, 28 — казалось, 33 — впрочем, возможно, 44 — наверное.

Однородные члены: в предложении 1 — обстоятельства засыпая, устилая; дополнения траву, заросли; 7 — сказуемые проваливалась, но не доставала; 9 — сказуемые мрачнело, хмурилось; 13 — сказуемые остановилась, огляделась и смела, отряхнула; 44 — сказуемые помог бы, но навел бы.

Обратим внимание на то, что обособление согласованных определений часто зависит от порядка слов и от наличия у определения добавочного обстоятельственного значения:

— Если согласованное определение стоит после определяемого слова, оно обособляется и, следовательно, выделяется запятыми: «Опрокинутое в речной воде небо, *покрытое отарами белых облаков*, медленно плыло навстречу» (К.Г.Паустовский). Ср. «Покрытое отарами белых облаков небо медленно плыло навстречу».

— Если согласованное определение стоит перед определяемым словом и имеет добавочное значение причины, образа действия, уступительности, оно обособляется и, следовательно, выделяется запятыми: «*Молочно-белый, блистающий зеркальными окнами, праздничный*, город поражает в этой девственной степи» (К.Г.Паустовский).

Город поражает почему? — Потому, что он белый, праздничный.

— Если определение относится к личному местоимению, оно обособляется при любом порядке слов: «И откуда, думал я, пораженный, откуда эта наивная, эта кроткая, эта малословесная знает все это?» (Ф.М.Достоевский); «Весь потрясенный, я оставался на месте» (Ф.М.Достоевский).

5. Внутри простого предложения может с помощью тире отделяться от подлежащего составное именное сказуемое с нулевой связкой, выраженное существительным: «Вся работа в пустыне — это риск» (К.Г.Паустовский).

§ 3. Сложные случаи различения частей речи

Для правильного написания слова в ряде случаев нужно установить его частеречную принадлежность. Мы рассмотрим лишь те явления, при которых это определение представляет трудности.

Различение причастий и отглагольных прилагательных с суффиксами, омонимичными причастным

1. Прилагательные, образованные независимо от причастий с помощью суффиксов -ем-, -им-. Отличить их от причастий можно путем сопоставления с исходным глаголом. Страдательные причастия настоящего

го времени с помощью суффиксов -ем-, -им- образуются от переходных глаголов несовершенного вида: записываемый от записывать: что делать? → несовершенный вид, кого-что? → переходный. Прилагательные данной группы образуются либо от непереходных глаголов, либо от глаголов совершенного вида. Обитаемый от обитать, нельзя задать вопрос «кого-что?» → непереходный. Ощутимый от ощутить, что сделать? → совершенный вид. Обитаемый, ощутимый — прилагательные.

2. Прилагательные, образованные за счет перехода в них причастий. Здесь нам важно рассмотреть два случая:

а) страдательные причастия настоящего времени, о которых только что говорились, переходят в прилагательные, когда при них нет творительного падежа, указывающего, кто или что совершает действие. Творительный падеж субъекта подчеркивает в причастии процессуальное значение. При отсутствии такого творительного в причастии развивается значение пассивного признака:

«Несколько знакомых мужиков и повязанных шальями баб удалялись по деревенской улице, обволакиваемые белой снежной поземкой» (А.Ананьев). Обволакиваемый от обволакивать, несовершенного вида, переходный. Поземкой — творительный субъекта, ср.: «поземка обволакивает». Обволакиваемый — причастие.

«Он говорил все это с видимым удовольствием». Видимый от видеть, несовершенного вида, переходный. Значит, слово видимый может быть причастием, но у него в тексте нет творительного со значением субъекта, поэтому оно перешло в прилагательное, ср. синонимы: явный, заметный;

б) страдательные причастия прошедшего времени образуются от переходных глаголов совершенного и несовершенного вида с помощью суффиксов -нн-, -енн-, -т-. Они переходят в прилагательные, когда образованы от бесприставочных глаголов несовершенного вида и употреблены без зависимого слова: вареный картофель, вязаная шапка, мытая посуда. Обратим внимание на смысловое расхождение с исходным глаголом: глаголы варить, вязать, мыть несовершенного вида, однако сочетание «вареный картофель» означает не «картофель, который варили», а «картофель, который сварили», так же как «шапку связали», а «посуду вымыли». Ср., однако: «шапка, вязанная из шерсти». Зависимое слово сохраняет в стержневом значении процессуальный признак («шапка, которую вязали из шерсти»), поэтому в последнем случае перед нами причастие.

Примечание. Не путайте слово, зависимое от причастия, со словом, к которому относится причастие. От определяемого слова к причастию задается вопрос «какой?»: шапка какая? — вязанная из шерсти. От причастия к зависимому слову задаются вопросы косвенных падежей или обстоятельственные: вязанная из чего? — из шерсти.

Наречия

Наречия — неизменяемые слова, которые в предложении чаще всего являются обстоятельствами. Следовательно, чтобы определить принад-

лежность слова к данной части речи, надо установить функцию его в предложении, а затем проверить, изменяется ли оно по родам, числам и падежам. Полезно обратить внимание на то, что много наречий образовано от существительных, а также полных и кратких прилагательных с предлогами: вверх, вручную, направо. Активно участвуют в образовании таких наречий существительные с пространственным и временным значением: верх, низ, бок, перед, зад, даль, близь, глубь, конец, начало, время: «В одном месте у самой земли дрова вдвинуты вглубь» (М.Анчаров); «Хочешь быстро — летай на самолете, — сказал Фролов. — Хочешь вовремя — поезжай в поезде» (М.Анчаров).

Служебные слова

Служебное слово не является членом предложения, к нему нельзя задать вопроса. Например: «Самолет задержался вследствие непогоды». Самолет задержался почему? Мы отвечаем на этот вопрос сочетанием «вследствие непогоды», а не одним словом вследствие. Можно задать другой вопрос: «Вследствие чего?» и ответить на него «Вследствие непогоды». Слово вследствие ведет себя как предлог. Ср.: «выпиливать из чего?» — «из дерева». Предлог в вопросе и ответе повторяется.

В целях облегчения работы над правилами орфографии следует запомнить, что в современном русском языке активно употребляются предлоги типа несмотря на, ввиду, в течение, в продолжение, вследствие. Обратите внимание на образование и значение этих слов. Предлоги в течение, в продолжение, вследствие восходят к существительным в винительном падеже с предлогом в, поэтому на конце пишется буква е. Предлог ввиду представляет собой застывший предложный падеж с предлогом в. Предлог несмотря на образовался из деепричастия, частицы и предлога.

Предлоги в течение, в продолжение имеют значение меры времени: «Лекарство действует в течение часа, в продолжение часа» — как долго? Предлоги ввиду, вследствие имеют причинное значение: «Товар снят с производства ввиду отсутствия спроса на него» — снят почему? по какой причине? Предлог несмотря на имеет уступительное значение. Член предложения, вводимый этим предлогом, указывает на противоречащее условие: неблагоприятное обстоятельство, которое не помешало действию осуществиться, или, напротив, благоприятное обстоятельство, которое не помогло действию совершиться: «Несмотря на сопротивление врага, город был взят» = «Город был взят, хотя враг сопротивлялся»; «Несмотря на помощь, в срок мы не уложились» = «Мы не уложились в срок, хотя нам помогли».

К служебным словам относятся частицы. Из них на письме много затруднений вызывают частицы не, ни, бы, ли, же, -то, -либо, -нибудь, кое-, а также две частицы, способные выполнять функции союза, — тоже и также. При анализе принадлежности этих слов к части речи необходимо, как и в случае с предлогами, учитывать их роль в предложении и не смешивать служебные и знаменательные слова; например, в предыдущем

предложении употреблен союз а также, он не является членом предложения, к нему невозможно задать вопрос. А вот другое предложение: «Он поступил так же, как и все». Он поступил как? — Так. Смысл местоименного наречия раскрывается последующим придаточным «как и все».

§ 4. Случаи морфемного членения слова, важные для правописания

Для успешного освоения орфографических правил надо уметь расчленять слова на мельчайшие значимые части — морфемы. Полезно как следует разобраться в следующих случаях.

Морфемы в именах существительных:

окончания в формах типа «о счастье», «в ущелье» (где?), «в обучении». Это формы предложного падежа с окончаниями: о счастъй-э, в ущель-э, в обучений-и;

окончания в формах меж-ой, нош-ей, нож-ом, креслиц-ем. Это формы творительного падежа у существительных с основой на шипящий согласный и ц;

суффиксы в словах типа реч-онк-а, реч-еньк-а. Корень оканчивается на шипящий согласный. Ср.: книжонк-а, дорож-еньк-а;

суффиксы в словах типа крюч-ок, петуш-ок. Суффикс в рассматриваемых словах также стоит после шипящего.

Морфемы в именах прилагательных:

суффиксы в словах типа свинц-ов-ый, ситц-ев-ый, парч-ов-ый, реч-ев-ой. Корень оканчивается на шипящий согласный и ц.

Морфемы в наречиях:

суффиксы в словах типа хорош-о, горяч-о, тягуч-е, куц-е. Суффикс стоит после шипящего согласного или ц;

приставки и суффиксы в наречиях типа по-нов-ому, по-цар-ск-и, во-перв-ых, во-втор-ых.

Морфемы в глаголах:

суффиксы причастий действительных настоящего времени -ущ-, -ащ-, действительных прошедшего времени -вш-, -ш-, страдательных настоящего времени -ем-, -им-, страдательных прошедшего времени -енн-, -енн-, -т-.

Полезно различать в знаменательных словах всех частей речи:

приставки, оканчивающиеся на -з: раз-, из-, воз-, вз-, без-, через-, чрез-. Ср.: раз-груз-а-ть, рас-плет-а-ть, из-да-ва-ть, ис-след-ова-ть;

приставки пре-, при-. Основные значения приставки при- — приближение или неполнота признака: приехать, приделать, приоткрыть, приодеться. Основные значения приставки пре-: высокая степень признака (предобрый) и превышение нормы (превышение, преувеличение, преуменьшать, преступить закон);

корни с чередованиями звуков: за-бир-а-ть, за-бер-у, рас-клан-я-ть-ся, по-клон.

§ 5. Основные правила орфографии

Мы рассмотрим эти правила в порядке их убывающей трудности.

Написание частицы не с различными частями речи

I. Правило, касающееся всех частей речи. Частица не со словом пишется слитно, если оно без нее не употребляется: неряха, ненавидеть, несмотря на, несмотря на то что. Нет существительного «ряха», глагола «навидеть», предлога «смотря на», союза «смотря на то что».

II. Правило, касающееся всех знаменательных частей речи. Частица не со словом пишется раздельно при наличии противопоставления, вводного союзом а: «В жизни, как и в поэзии, важна не ученость, а мудрость» (М.Анчаров); «Увидели не идущий, а стоящий поезд»; «Вид не броский, а скромный».

III. Правила, касающиеся существительных, прилагательных и наречий с суффиксом -о (-е):

1. Частица не пишется раздельно при наличии подчеркнутого отрицания, которое может быть выражено:

- а) частями отнюдь не, далеко не, вовсе не;
- б) зависимыми словами с частицей ни;
- в) частицей ни при подлежащем.

«Он отнюдь не специалист в этом вопросе»; «Разговор далеко не приятный»; «Живет он вовсе не близко от центра»; «Она продолжала еще и еще — о том несущественном, что было не интересно и не нужно никому» (А.Ананьев); «Ни один не красив».

2. Частица не пишется слитно, если она становится приставкой, образуя новое слово, что может быть установлено с помощью формулировки лексического значения этого слова и с помощью подбора синонимов без приставки не-: «-Да, я думаю, урожай будет. И неплохой, — согласился он, чтобы только сказать что-то» (А.Ананьев); неплохой «относительно хороший, смягченное указание на положительную оценку».

Примечания. 1. Наличие зависимых слов, кроме слов с частицей ни, не влияет на написание существительных, прилагательных и наречий на -о с частицей не: «Он живет недалеко от центра» — действует основное правило синонимии: «он живет близко от центра». 2. Краткие прилагательные, кроме отдельных исключений: не рад, не прав, не согласен, не намерен, не слышен, не обязан, — подчиняются общим для этой части речи правилам написания с частицей не: «То, что было логично и складно в уме, было нелогично и нескладно на бумаге» (А.Ананьев). Нелогично =

сумбурно, нескладно = коряво. 3. Отглагольные прилагательные с суффиксами -см-, -им-, о которых говорилось ранее, пишутся с не так же, как все другие прилагательные: «Все рассуждения Лукина о чувстве хозяина были непонятны и неприемлемы для Сухогрудова» (А.Ананьев). Неприемлемы = чужды, малопригодны.

IV. Правила, касающиеся причастий:

1. Частица не с причастиями пишется раздельно при наличии зависимых слов или зависимого от причастия придаточного предложения. Напомним, что к слову или придаточному, зависимому от причастия, задается вопрос от этого причастия, это вопросы косвенных падежей или обстоятельственные. Не смешивайте слова, зависимые от причастия, со словом, к которому относится само причастие. Два последующих примера взяты из романа А.Ананьева «Годы без войны»:

«Сергей Иванович, не умевший быстро переключаться от одного состояния к другому, старался разглядеть лицо гостя». Причастие не умевший относится к подлежащему Сергей Иванович, а от причастия зависит дополнение переключаться — не умевший чего? Поскольку есть такое зависимое слово, частица не пишется раздельно.

«Он нахмуренно смотрел уже на Ксению и Степаниду, суетившихся вокруг стола и не знавших, как лучше угодить гостю». Причастие не знавших относится к дополнениям на Ксению и Степаниду, к самому причастию относится придаточное: не знавших чего? — «как лучше угодить гостю». Поскольку есть такой зависимый элемент, частица не пишется отдельно.

Напомним, что страдательные причастия настоящего времени с суффиксами -ем-, -им-, образуемые от переходных глаголов несовершенного вида, остаются причастиями, если имеют при себе творительный падеж субъекта. При этом же условии они пишутся раздельно с частицей не: «Мое недовольство, не ощущаемое им, росло». Причастие не ощущаемое относится к подлежащему недовольство и имеет при себе зависимое дополнение в творительном падеже с субъектным значением (= он не ощущал недовольства). Поэтому частица не пишется раздельно.

Наличие зависимых слов — первое условие раздельного написания частицы не с причастиями. Второе условие — их краткость. С краткими причастиями не пишется раздельно: «Книга не прочитана»; «Заявление не подписано».

2. Частица не пишется слитно с причастиями, если они не имеют при себе зависимых слов: «Ты необработанный алмаз» (М.Анчаров). Причастие необработанный относится к сказуемому алмаз: алмаз какой? — необработанный. У самого причастия нет зависимых слов, поэтому частица не пишется слитно. Может возникнуть вопрос, причастие ли это. По признакам, которые ранее описаны, отвечаем: да, причастие, так как оно образовано от глагола обработать переходного, приставочного, совершенного вида.

Ср.: «Все-все было для нее только каким-то одним посторонним звуком, который ее, бегавшую босиком по мягкому некошеному лугу, на секунду остановил и привлек внимание» (А.Ананьев). Слово некошенный относится к обстоятельству по лугу (по какому? — некошеному), само оно зависимых элементов не имеет. Образовано от слова кошенный. К какой части речи относится это последнее? Оно образовано от бесприставочного глагола несовершенного вида косить и, следовательно, является прилагательным при отсутствии зависимых слов. Значит, и некошенный также прилагательное, так как приставка не меняет частеречной принадлежности слова.

Примечания. 1. Есть один семантический разряд слов, который не влияет на раздельное написание частицы не с причастиями. Это слова, обозначающие степень признака. Если причастие имеет при себе только такое зависимое слово, оно пишется с не слитно: «Совершенно невычитанная рукопись». Причастие зависит от слова рукопись (какая? — невычитанная), от причастия зависит слово совершенно: в какой степени? — совершенно. Это слово обозначает степень признака, поэтому частица не с причастием написана слитно.

2. Второе замечание касается прилагательных с суффиксами -ем-, -им-. Их написание с частицей не подчиняется общим правилам прилагательных: а) краткая форма не влияет на написание не: «Кучу песка подняло ветром. Песок не исчез. Он стал невидим» (М.Анчаров). Мы помним, что краткие прилагательные с частицей не пишутся так же, как полные, сама по себе краткая форма, за исключением нескольких случаев типа не рад, на написание не влияет; б) если прилагательное имеет при себе зависимое слово с частицей ни или выступает как сказуемое при подлежащем с частицей ни, оно по общему правилу пишется с не раздельно: «Ни с чем не сравнимое впечатление производит эта картина»; «Ни одна из работ не мыслима без коллектива единомышленников»; в) при наличии частиц отнюдь не, далеко не, вовсе не прилагательное, снова по общему правилу, пишется с не раздельно: «Беспокойство твое что-то отнюдь не ощутимо!».

Написание н и nn в причастиях и отглагольных прилагательных

Речь идет о страдательных причастиях прошедшего времени и о прилагательных, полученных за счет перехода в них этих причастий.

В причастиях, т.е. в словах: а) с зависимым словом, б) с приставкой, в) при отсутствии первых двух условий, образованных от глаголов совершенного вида, пишется nn: «Елизавета осталась одна среди степи между околевавшей в снегу чужой брошенной лошастью и своими с растопыренными оглоблями санями, в которых, все так же не шевелясь, лежали, согреваясь под тулупом, ее четверо сыновей» (А.Ананьев) — брошенный от бросить, совершенного вида, растопыренный от растопырить, приставочный совершенного вида; «Вестибюль был мрачноватый, с трещинами на неровных, давно небеленных стенах» (И.Грекова) — беленный от белить,

бесприставочный несовершенного вида, но при причастии есть зависимое слово давно, поэтому пишется *нн* и частица не раздельно.

В отглагольных прилагательных, т.е. в словах, не имеющих зависимого слова, не имеющих приставки, за исключением приставки *не-*, и образованных от глаголов несовершенного вида, пишется *н*: « — Яблочки моченые, лучок, — тут же говорила Ксения» (А.Ананьев) — моченый от мочить, бесприставочный несовершенного вида, зависимых слов у прилагательного в предложении нет.

Примечания. 1. Если в слове есть элемент *-ованн-/-еванн-*, пишется *нн*: лакированный, полированный. Правило не относится к словам *кованный*, *жеванный*, где *ов* и *ев* входят в корень. Слова эти пишутся с *н* и *нн* по общим правилам: *кованая решетка*, *кованная из железа решетка*.

2. Обратите внимание на то, что наличие зависимого слова влияет и на написание *нн*, и на написание частицы *не*: «Давно не кошенная трава» — есть зависимое слово *давно*, причастие пишется с *нн* и отдельно с *не*; «Некошенная трава» — нет зависимого слова, прилагательное пишется с *н* и слитно с *не*; «Совершенно неправленная рукопись» — есть зависимое слово, поэтому пишется *нн*, но оно указывает на степень признака, поэтому частица не пишется слитно. Анализируемое слово является здесь причастием, так как форма связана с глаголом *править* и смыслового сдвига нет: «рукопись, которую совершенно не правили».

Правописание наречий

1. Наречия, образованные с помощью приставки *по-* и суффиксов *-ому* или *-и*, пишутся с приставкой через дефис: *по-новому*, *по-дружески*.

2. Наречия, образованные от существительных с пространственным и временным значением, пишутся слитно со всеми приставками — бывшими предлогами: *вдали*, *вовремя*. Наличие согласованного определения или дополнения, особенно в родительном падеже со значением целого, указывает на то, что слова употреблены как существительные и должны с предлогами писаться раздельно: *в глубь морскую*, *в глубь леса*, *отложить разговор на конец совещания*. Сочетание *во время* приобретает значение предлога: «Работал в колхозе во время каникул»; *работал когда?* — во время каникул. Сравните это сочетание с предлогами *в течение*, *в продолжение*, обратите внимание, что все три слова образованы от существительных в винительном падеже, откуда, как уже говорилось, буква *е* на конце предлогов *в течение*, *в продолжение*, *вследствие*.

3. Наречия, образованные от кратких прилагательных, пишутся с приставками — бывшими предлогами слитно: *вправо*, *смолоду*, *попросту*.

4. Наречия, образованные от полных прилагательных женского рода, начинающихся с согласной буквы, пишутся с приставкой слитно: *вручную*, *врукопашую*. Но: *в открытую*.

В остальных случаях правила написания наречий очень сложны и требуют работы со словарем.

Частица *ни* представляет сложность в написании, когда она входит в состав придаточных обобщенно-уступительных предложений с союзными словами типа *кто ни, кто бы ни, где ни, где бы ни*: «Внимание ее было так напряжено, что, сколько она потом ни пыталась вспомнить, что было с ней в эти первые минуты, она с удивлением отмечала, что в памяти ее был провал» (А.Ананьев). Используйте синонимическую замену с союзом *хотя*: «Хотя пыталась, отмечала...»

Примечания. 1. Уступительные придаточные рассмотренного типа не нужно путать с самостоятельными предложениями, содержащими риторический вопрос: «Где я только не бывал!» = «Везде бывал». Ср.: «Где я ни бывал, везде об этом спрашивал».

2. Обратим внимание на то, что в рассмотренных придаточных уступительных частица *ни* не выражает отрицания. Если же она имеет отрицательное значение, то употребляется в предложении с частицей *не*, причем частица не выражает основное отрицание, а частица *ни* его усиливает: «Ни один человек не сказал об этом». Данная особенность частицы *ни* нередко помогает в трудных случаях выбрать нужное написание: «Здесь не было ни одного человека» — «Не один я об этом говорю» — частичное отрицание передано частицей *не*, усиления отрицания нет; «Никто, кроме тебя, этого не сделает» — «Не кто иной, как ты, это сделает».

Некоторые другие правила орфографии

1. Написание букв *о* и *е* в окончаниях и суффиксах существительных, прилагательных, наречий на *-о* после шипящих и *ц*. Под ударением в перчисленных морфемах пишется буква *о*, а в безударном положении — буква *е*: кирпичом, плачем, ручонка, рученька, свинцовый, ситцевый, горячо, певуче.

2. Правописание приставок на *з-*. В приставке пишется буква *з*, если корень начинается с гласной или звонкой согласной буквы, буква *с* пишется перед глухой согласной буквой: разучить, разгадать, рассердить, безвкусный, бесплодный. Правило сохраняется, если после приставки на *з-* идет другая приставка: рас-про-стран-и-ть.

3. Правописание частиц (кроме *не, ни*). Частицы *-то, -либо, кое-, -нибудь* пишутся через черточку. Частицы *бы, ли, же* пишутся отдельно. Нужно запомнить написание союзов *чтобы, тоже, также* и научиться отличать их от местоимений *что* с частицей *бы* и *то* с частицей *же*, а также от местоименного наречия *так* с частицей *же*.

«Спок выделяет две свои главные должности на этой земле: — Я буду исходить из своего опыта детского врача, а также противника войны во Вьетнаме» (Ю.Азаров); «Я тоже подумал об этом»; «А ты изволь, чтобы этот полковник не смел никуда удрать. И вообще, чтобы распаховался,

принял ванну и чтобы, когда я вернусь, мне уже с ним не спорить» (К.Симонов). В этих текстах выделенные слова являются служебными.

«Он увидел, что она была молода и была так же красива, как прежде» (А.Ананьев); «Расскажи ему то же самое»; «Он сжимал плотнее губы и подыскивал, что бы колкое сказать либо Лукину, либо Галине» (А.Ананьев). В этих предложениях слова так, то, что являются знаменательными и употреблены с частицами, к этим словам можно задать вопросы: красива как? — так; Расскажи что? — то; сказать что? — что.

Образец анализа текста

Отрывок из повести В.Андреева «Детство» вначале приводим без знаков препинания и с пропусками букв:

«Закрыв сундук на кова...ой меди которого задрожал жидкий отблеск зимнего дня Алексей Максимович взял меня за руку и повел показывать дом. Мы пошли полутемными комнатами где сквозь (не) занавеш...ые окна были видны серые силуэты облепле...ых снегом сосен и на фоне уже совсем серого неба четко проступал переплет оконных рам».

1-й этап анализа — выделение простых предложений. Для этого нужно вычленить предикативные центры: 1) Алексей Максимович взял и повел, 2) задрожал отблеск, 3) мы пошли, 4) были видны силуэты, 5) проступал переплет. Пронумеруем эти предложения в тексте:

1) Закрыв сундук 2) на кова...ой меди которого задрожал жидкий отблеск зимнего дня 1) Алексей Максимович взял меня за руку и повел показывать дом. 3) Мы пошли полутемными комнатами 4) где сквозь (не) занавеш...ые окна были видны серые силуэты облепле...ых снегом сосен 5) и на фоне уже совсем серого неба четко проступал переплет оконных рам.

2-й этап анализа — постановка знаков препинания между простыми предложениями. Предложения 1 и 2 составляют сложноподчиненное предложение, в котором придаточное 2 стоит внутри главного 1 и с обеих сторон выделяется запятыми. Предложения 3, 4, 5 также составляют сложноподчиненное предложение: главное предложение 3 отделяется от придаточного 4 запятой, придаточные 4 и 5 являются однородными, соединены одиночным союзом и и поэтому запятой не разделяются.

3-й этап анализа — постановка знаков препинания внутри простых предложений. В предложении 2 обстоятельство «закрыв сундук» выражено деепричастным оборотом, должно обособляться и, следовательно, выделяться запятыми. Но первая запятая поглощена началом предложения, а вторая — запятой, выделяющей придаточное 2 внутри главного предложения 1 (ср. при ином порядке слов: «Алексей Максимович, закрыв сундук, взял меня за руку»). Внутри остальных простых предложений нет осложняющих конструкций. Обратите внимание на определение «облепле...ых снегом» в предложении 4. Это согласованное определение стоит перед определяемым словом и поэтому не обособляется и не выделяется

запятые (ср. при ином порядке слов: «Были видны силуэты сосен, облепле...ых снегом»).

4-й этап анализа — написание слов. Кова...ая медь — глагол ковать переходный, несовершенного вида, бесприставочный, у слова нет зависимых элементов, это прилагательное, пишется с н: кованая медь; (не) занавеш...ые окна — глагол занавесить переходный, совершенного вида, с приставкой. Это причастие, пишется нн. Зависимых слов нет, частица не пишется слитно: незанавешенные окна. Поясним, что в суффиксе пишется буква е, так как в глаголе есть суффикс -и-: за-на-вес-и-ть; облепле...ые снегом сосны — глагол облепить переходный, совершенного вида, с приставкой, у слова есть зависимое дополнение снегом. Это причастие, пишется с нн: облепленные снегом сосны.

5-й этап анализа — запись окончательного варианта текста: «Закрыв сундук, на кованой меди которого задрожал жидкий отблеск зимнего дня, Алексей Максимович взял меня за руку и повел показывать дом. Мы пошли полутемными комнатами, где сквозь незанавешенные окна были видны серые силуэты облепленных снегом сосен и на фоне уже совсем серого неба четко проступал переплет оконным рам».

Для тренировки в написании частицы не и букв н и нн в причастиях и отглагольных прилагательных вы можете обратиться к таблицам 77, 78, 79.

СЛОВАРИК

1. Проверьте ваше произношение следующих слов и форм¹

апартаменты	истёкший	предвосхитит
апокалипсис	исчерпать	предвосхищенный
асимметрия	каталог	предложить, предложу,
афера	квартал	предложит, предложил
баловать, балую	клеить	преминуть
баловаться	книгопродавец	не примину зайти
белёсий	компьютер [тэ]	премировать
бессребреник	красивее	прибылей (род. падеж)
бидон	кулинария	принудить, принудит
блеф	манёвр	принять, принятый, принят,
блёклый	мастерски	принята, приняты
боязнь	мастерской (искусный)	присовокупить,
броня на что, броню	намерение	присовокупит,
получить	начать	присовокупленный
бытие (филос.)	недоуменный	развитый (достигший
валовой	недуг	известной степени
ведер (род. падеж)	некролог	развития)
газопровод	нечто [чт]	расположить, расположил
гenezис [нэ]	новорождённый	рудник
горчичник [шн]	обеспечение	сегмент
гренки, гренок	облегчить [хч]	семья, семью
дезавуировать [дэ]	облегченный [хч]	сйлос
детектив [дэтэ]	обыденный	скучно [шн]
диета [иэ]	опека	сложить, сложил
диспансер [сэ]	осведомиться	смягчить [хч]
добыть, добыл, добыла,	оседлый	средства (мн. число)
добыли	памятуя	статус-кво
досуг	партер [тэ]	статут
жалюзи	плодоносить	статуя
жёлчь	плодоносит	стенд [тэ]
занятый (кабинет), занят,	пломбировать	стены, в стенах
занята, занято, заняты	похороны, похорон,	ступеней лестницы,
занятой (человек)	на похоронах	ступеней развития
засуха	прав, права, правы	темп [тэ]
звонит, звонят	предвосхитить	термос [тэ]
индустрия	предвосхищу	треть, третей

¹ Даны только предпочтительные варианты.

узако́нение фарфо́р фе́ерия фе́номен ха́ос (стихия) ха́ос (беспорядок)	хва́я хло́поты, хлопóт хода́тайство хода́тайствовать хребе́т це́мент	шасси́ шпри́ц, шпри́ца, шпри́цы, шпри́цев щаве́ль экспе́рт экспе́ртный
---	---	---

2. Проверьте, как вы образуете следующие формы

баклажа́нов, баклажа́н басня́, бассен башки́ры, башки́р безна́вствен, безна́вственен безотве́тствен, безотве́тственен благодаря́ чему блю́дце, блю́дец брело́к, брело́ка, брело́ки, брело́ков брызга́ть: брызга́ю (опрыс- киваю), брызже́т (раз- брызгивае́тся) бухгалте́ры бюлле́те́нь, бюлле́те́ня введе́н, введе́н во́зрасты вои́нствен, вои́нственен вопре́ки чему́ гекта́ров гра́ммов, грамм дверь: из двéри, к двéри дей́ствен, дей́ственен директо́ра, директо́ров диспе́тчеры, диспе́тчеров достя́чь, достя́гнуть, достя́г, достя́гнул ды́шат, ды́шащий есте́ствен, есте́ственен жела́нен завя́нуть, завя́л,	завя́нувший заём, займа́, займы́ запла́тить, запла́тит, запла́чено кабе́ль, кабе́ли, кабе́лей каза́хи, каза́хов килогра́ммов, килогра́мм класть — положи́ть, кладу́ — положу́, кладё́т — положи́т, клал — положи́л ко́лледж (в Англии) ко́ллеж (во Франции) констру́кторы, констру́кторов ко́фе (м.род) многочи́слен молдава́не, молдава́н наём, найма́ неожидан неопределе́нен несво́йствен, несво́йственен несуще́ствен, несуще́ственен обусла́вливать односторо́нен опоро́чивать орде́ра, орде́ров (документы) оспа́ривать пла́тить, пла́тит погря́знуть, погря́з	положи́ть. См. класть полоте́нце, полоте́нец помидоро́в популяризи́ровать, популяризо́вать приуро́чивать ре́кторы, ре́кторов род, роды́, родо́в (о родстве) род, роды́, родо́в (виды) род, родá, родо́в (о войсках) ро́ды, после ро́дов румы́ны, румы́н сама́, само́, самоё санда́лии, санда́лий сапоги́, сапо́г свечи́, свече́й своевре́менен сво́йствен, сво́йственен сче́т, сче́та, сче́тов (документы) сче́ты, сче́тов (расчеты, инструмент) торт, то́рты ту́фли, ту́фель тю́ль, тю́ля, тю́лем (м.род) успе́шливаться це́ркви, це́рквей, це́рква́м, це́рква́х цы́ганы, цы́ган чулки́, чуло́к шофе́р, шофе́ра, шофе́ры ясли́, ясле́й
---	---	--

3. Проверьте, как вы пишете следующие слова

агѐнтство	в мѐру	дискути́ровать
адекватный	в общем	доморо́щенный
аккомпане́мент	во́время	доскона́льно
аккредитованный	во вре́мя чего	едини́ца
аксессуары	во всеору́жии	естѣственный
алоги́зм	во всеуслы́шание	жили́щно-коммуна́льный
альтернатива	во избежа́ние	задо́лженность
аналогия	во изменѐние	задо́лжник
аннотация	во исполнѐние	западноевропѣ́йский
аннулировать	вообще́	за́ полночь
аномалия	воспрепятствовать	за́ счёт чего
апеллировать	в отличи́е <i>от</i> чего	идѣ́йно-полити́ческий
апелляция	впоследствии	иденти́чный
аполитичный	вправе (подума́ть)	иди́лия
апология	в продолже́ние чего	иерархия
ассигнования	вразря́дку	изъя́н
ассоциация	вре́мяпрепрово́ждение	иллю́зия
аффе́кт	в связи́ с чем	иллюстра́ция
баллотироваться	в си́лу чего	имита́ция
безапелляцио́нно	вслѣдствие чего	иммунитѣ́т
безвку́сный	в соответстви́и с	импони́ровать
без у́молку	в течѐние (года)	инакомы́слие
без у́стали	в це́лом	интеллѣ́кт
безъя́дерный	в частно́сти	интели́генция
безыску́сный	галере́я	интервьюѐ́р
беллетристика	гипертрофи́рованный	инфанти́льный
беспрецедѣ́нтный	гостепри́имный	инфраструкту́ра
беспринци́пный	гости́ница	инцидѣ́нт
беспристра́стный	грими́ровать	инъѣ́кция
бессо́нница	группо́рг	искусный
бессчѣ́тный	гуманизм	искусственный
бесчи́сленный	девальва́ция	иску́ство
бе́шенный	дезинформа́ция	искуше́нный
бу́дто бы	деклари́ровать	иступле́нный
вакхана́лия	де́ланный	ита́к (таким образом)
вандали́зм	депрѣ́ссия	и та́к (сказал — как?)
ввиду́ (причина)	дерматин	интерпрета́ция
в виду́ (иметь)	дефи́цит	как бу́дто
верниса́ж	диапазо́н	кампа́ния (выборная)
ве́трѐный	дивиденд	кардина́льный
в заклю́чение	дилѣ́мма	карикату́ра
выда́нный	дилѣта́нт	кассацио́нный
выде́нный	дискомфо́рт	квинтѣ́ссенция
винегре́т	дискредити́ровать	кинематогра́фия
в ко́рне (неверно)	дискримина́ция	коллизия́

коллоквиум	на счёт	оппонент
колонка	не виден	от силы
комментарий	не виноват	отсрочка
коммуникация	не в меру	оттого что (потому что)
коммуникé	не вправе	отчасти
компания (группа)	не в силах	отчего (почему)
компетентный	не в счёт	отчёт
компонент	недаром (не без причины)	панacea
компоновать	недовесить	панорама
компрометировать	недовыполнить	парламентарий
компромисс	не должен	пародия
конвейер	не доставать (не хватать)	патент
констатировать	не жалко, не жаль	патология
конфиденциальный	не женат	периферия
конченный	не замужем	персонификация
конъюнктура	некстати	пессимизм
корректурa	не надо	плагиат
корреспондент	не намерен	платёжеспособность
коррупция	ненамного (отстать)	по-видимому
коэффициент	не напрасно	по возвращении
криминальный	не нужно	поглощать
культуртрегер	несотъемлемый	под конец
лимитированный	не очень	под рукой
литературно-критический	не под силу	под силу
литературно-художествен- ный	не полностью	под стать
локализовать	не по себе	по истечении
мало-мальский	не прав	поистине
мало-помалу	неприемлемый	по мере того как
мелиорация	не прочь	понемногу
миграция	непрощеный	поодиночке
мистификация	не раз	по одному
на выбор	не слышен	по окончании
на глаз	несмотря на	по очереди
на днях	несмотря на то что	по праву
на нёт (свести)	не согласен	посередине
на память	не спеша	по совести
напоказ	не сразу	по старинке
наполовину	не стыдно	постскриптум
на поруки	не торопясь	почтамт
на протяжении	ни при чём	пребывать где
на равных	ни разу	превалировать
на редкость	общественно полезный	превосходный
на совесть	общественно-политический	предаваться чему
наспех	объективный	предварительный
насчёт чего	оккупация	предоставлять
	оппозиция	предотвращение

предполагать	саботаж	фальсифицировать
предприимчивый	сверстник	фанатичный
предшествующий	сверхъестественный	фантазмагория
преёмственность	с виду	фешенебельный
президент	северо-восток	филантроп
преимущественный	сенсация	финансово-экономический
премьер-министр	сентиментальный	цейтнот
пренебрегать	серьёзный	целлофан
преобладать	силуэт	цивилизованный
пресечение	симптом	частнобственнический
прёссинг	скрупулёзный	чересчур
престиж	смешанный (лес)	чествовать
претворять	смышлёный	член-корреспондент
претендент	со временем	шеествовать
прецедент	социально-политический	шефствовать
привилегия	стеллаж	шовинизм
прийти	стоматологический	эквивалент
примитивный	субсидировать	экзаменационный
приоритет	субъективный	эксекучия
при смерти	суверенитет	экология
притом	суррогат	экскурс
причём (союз)	тавтология	эксперимент
провокация	также (союз)	эксплуатация
проект	терраса	экспрессивный
происшествие	то есть	экстремистский
пропаганда	тоже (также)	эластичный
просчёт	только что	элегия
радиационный	тоталитарный	электрификация
раса	травматологический	эмиграция
рассрочка	трансформировать	эмпиризм
расчёт	третейский (суд)	эпопея
расчётливый	третировать	эрудиция
рассчитывать	тривиальный	эскиз
реабилитировать	труженик	эффект
режиссёр	узокведомственный	юннат
репрессировать	уникальный	юный
ретроспективный	ура-патриотизм	юрисконсульт
референдум	утилитарный	юриспруденция
ровесник	участвовать	явственный
ротапринт	учебно-воспитательный	якобы

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

- Александрова З.Е.* Словарь синонимов русского языка. М.: Сов. энцикл., 1969.
- Ашукин Н.С., Ашукина М.Г.* Крылатые слова. М.: Гослитиздат, 1955. (АА).
- Букчина Б.З., Калауцкая Л.П.* Слитно или раздельно?: Опыт словаря-справочника. М.: Рус. яз., 1983.
- Калауцкая Л.П.* Склонение фамилий и личных имен в русском литературном языке. М.: Наука, 1984.
- Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1987. (СО).
- Орфографический словарь русского языка.* М.: Рус. яз., 1986.
- Орфоэпический словарь русского языка:* Произношение, ударение, грамматические формы. М.: Рус. яз., 1987.
- Розенталь Д.Э.* Прописная или строчная?: Опыт словаря-справочника. М.: Рус. яз., 1985.
- Розенталь Д.Э.* Управление в русском языке. М.: Книга, 1981.
- Словарь антонимов русского языка.* М.: Рус. яз., 1978. (СА).
- Словарь русского языка:* В 4 т. М.: ГИС, 1957—1961. (СлРЯ-1).
- Словарь русского языка:* В 4 т. М.: Рус. яз., 1981—1984. (СлРЯ).
- Словарь синонимов.* Л.: Наука, 1976. (СС-1).
- Словарь синонимов русского языка:* В 2 т. М.: Наука, 1970—1971. (СС-2).
- Словарь современного русского литературного языка:* В 17 т. М.; Л.: Наука, 1950—1965.
- Толковый словарь русского языка:* В 4 т. / Под ред. Д.И.Ушакова. М.: ОГИС, 1935—1940. (ТСУ).
- Фразеологический словарь русского языка.* М.: Сов. энцикл., 1967. (ФС).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ	5
Глава I. КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ КУРСА «СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК»	11
§ 1. Язык как знаковая система (11). § 2. Функциональные стили языка (13). § 3. Устная и письменная речь (17). § 4. Понятие литературного языка (19).	
Глава II. ЛЕКСИКОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА	21
§ 1. Лексическое значение слова (21). <i>Парадигматические связи</i> (24); <i>Синтагматические связи</i> (27). § 2. Структура словарной статьи и отражение в ней элементов лексического значения слова (30). § 3. Полисемия (32). <i>Типы переносов</i> (33); <i>Мнозначность и стиль</i> (38). § 4. Омонимия (44). § 5. Синонимия (47). § 6. Антонимия (53). § 7. Оценочная лексика (56). § 8. Стилистические пласты лексики (58). § 9: Стилистическое использование окрашенной лексики (62). § 10. Фразеология (70). § 11. Устаревшие и новые слова (74). <i>Устаревшие слова</i> (75); <i>Новые слова</i> (77). § 12. Исконно русская и иноязычная лексика (81). § 13. Иносистемные элементы в литературных текстах (89). <i>Жаргонизмы</i> (89); <i>Диалектизмы</i> (92).	
Глава III. ФОНЕТИКА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА	95
§ 1. Гласные и согласные звуки (95). § 2. Слог и ударение (97). § 3. Позиционные и исторические чередования звуков (97). § 4. Фонема и парадигматика звуков (101). § 5. Орфоэпия (102). <i>Произношение отдельных звуков</i> (102); <i>Произношение сочетаний звуков</i> (103); <i>Произношение отдельных грамматических форм</i> (104). § 6. Транскрипция (104). § 7. Интонация (106). § 8. Выразительные средства фонетического уровня языка (108). § 9. Фонетика и письмо: графика, орфография, пунктуация (110). <i>Графика</i> (110); <i>Орфография</i> (112); <i>Пунктуация</i> (116).	
Глава IV. МОРФОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА	117
1. Морфемика и словообразование	117
§ 1. Грамматическое значение и способы его выражения (117). <i>Грамматическое значение</i> (118); <i>Способы выражения грамматического значения</i> (119); <i>Морфологическая категория</i> (121). § 2. Морфемный состав слова (121). § 3. Словообразование (126).	
2. Части речи	135
Общие признаки частей речи.....	135
Имя существительное.....	137
§ 1. Значение предметности (137). § 2. Лексико-грамматические разряды имени существительного (139). <i>Нарицательные и собственные имена</i> (139);	

Конкретные, вещественные, собирательные и абстрактные существительные (145); Одушевленные и неодушевленные существительные (152). § 3. Категория рода имен существительных (153). § 4. Категория числа имен существительных (160). § 5. Категория падежа имен существительных (161). Значения падежей (161); Способы выражения падежных значений (165); Склонение имен существительных (165).

Имя прилагательное..... 167

§ 1. Частеречное значение и лексико-грамматические разряды имени прилагательного (167). *Качественные прилагательные (168); Относительные прилагательные (169); Притяжательные прилагательные (169); Порядковые прилагательные (170).* § 2. Степени сравнения качественных имен прилагательных (170). *Сравнительная степень (171); Превосходная степень (172).* § 3. Краткая форма качественных имен прилагательных (173). § 4. Склонение и стилистическое использование имен прилагательных (175).

Имя числительное..... 176

§ 1. Лексико-грамматические разряды числительных (176). *Количественные числительные (176); Собирательные числительные (177); Дробные числительные (178).* § 2. Стилистическое использование имен числительных (178).

Местоимение..... 180

§ 1. Лексико-грамматические разряды местоимений (180). § 2. Грамматические признаки местоимений (184). § 3. Стилистическое использование местоимений (186). § 4. Переход других частей речи в местоимения (189).

Глагол..... 190

§ 1. Значение и система грамматических форм глагола (190). *Глагол и предложение (190); Семантические классы глаголов (191).* § 2. Инфинитив (193). § 3. Категория наклонения (194). *Изъявительное наклонение (195); Сослагательное наклонение (196); Повелительное наклонение (196).* § 4. Категория времени (202). *Настоящее время (202); Прошедшее время (205); Будущее время (207); Относительный счет времени (209); Организация времен в тексте (209); Глагольные времена в текстах разных функциональных стилей (211).* § 5. Категория лица (215). *Основные значения и способы образования форм лица (215); Значения форм лица по степени обобщенности субъекта (216); Переносное употребление форм лица (217); Безличные глаголы (218).* § 6. Отражение субъектно-объектных отношений действия в системе грамматических категорий глагола (219). *Переходность—непереходность (219); Возвратность (220); Залог (221).* § 7. Категория вида (223). *Первичные и вторичные по виду глаголы (223); Видообразование вторичных глаголов (223); Способы образования видовых пар (228); Одновидовые глаголы (229); Способы глагольного действия (229).* § 8. Причастие и деепричастие (231). *Причастие (231); Деепричастие (233).*

Наречия и слова категории состояния..... 234

§ 1. Наречия (234). § 2. Слова категории состояния (236).

Служебные слова..... 237

§ 1. Предлоги (237). § 2. Союзы (239). § 3. Частицы (241).

Модусные слова..... 246

§ 1. Модальные слова (246). § 2. Междометия (247).

Глава V. СИНТАКСИС СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА..... 249

Предложение и связи слов в предложении..... 249

§ 1. Предложение (249). § 2. Согласование (252). § 3. Координация (253).

§ 4. Управление (255). § 5. Примыкание (256). § 6. Параллельные связи (256). § 7. Семантические и функциональные характеристики связей (257).	
Простое предложение	259
§ 1. Двусоставное предложение и его главные члены (259). Простое сказуемое (259); Составное сказуемое (261); Сложное сказуемое (262); Связи сказуемого с подлежащим, выраженным количественно-именным сочетанием (264). § 2. Односоставные предложения (266). Бесподлежащие предложения (267); Бессказуемые предложения (269); Стилистическое использование односоставных предложений (271). § 3. Нечленные предложения (273); § 4. Второстепенные члены предложения. Способы осложнения членов предложения (274). Средства осложнения членов предложения (276). § 5. Основные закономерности порядка слов в предложении (277). § 6. Эллиптические и неполные предложения (280). Эллиптические предложения (281); Неполные предложения (282). § 7. Расчленение структуры простого предложения (284). § 8. Средства осложнения структуры простого предложения (285). Однородные члены предложения (286); Обособленные члены предложения (292); Вводные конструкции (294); Вставные конструкции (295); Конструкции, тождественные нечленному предложению (298).	
Сложные синтаксические конструкции.....	303
§ 1. Типы сложных предложений (303). Сложноподчиненные предложения (303); Сложносочиненные предложения (306); Бессоюзные предложения (308). § 2. Средства связи частей сложного предложения (309). § 3. Чужая речь (312). § 4. Сложное синтаксическое целое (314). § 5. Основы пунктуации (315).	
Приложение 1. Таблицы	317
Приложение 2. Повторите материал школьной программы.....	360
§ 1. Членение текста на простые предложения (360). § 2. Основные правила пунктуации (361). § 3. Сложные случаи различения частей речи (363). Различение причастий и отглагольных прилагательных с суффиксами, омонимичными причастным (363); Наречия (364); Служебные слова (365). § 4. Случаи морфемного членения слова, важные для правописания (366). § 5. Основные правила орфографии (367). Написание частицы не с различными частями речи (367); Написание н и ни в причастиях и отглагольных прилагательных (369); Правописание наречий (370); Написание частицы ни (371); Некоторые другие правила орфографии (371); Образец анализа текста (372).	
Приложение 3. Словарик	374
Словари и справочники	379

Учебное издание

Майдапова Людмила Михайловна

**ПРАКТИКУМ ПО СОВРЕМЕННОМУ РУССКОМУ
ЛИТЕРАТУРНОМУ ЯЗЫКУ**

Для студентов-журналистов

**Редактор *В.И.Первухина*
Технический редактор *Т.М.Качула*
Корректор *В.В.Шапина***

ИБ № 558

Подписано в печать 13.01.93. Формат 60x84 1/16. Бумага тип. № 2.
Гарнитура Литерат. Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,0. Усл. кр.-отт. 24,23.
Уч.-изд. л. 26,0. Тираж 3000 экз. Заказ 36 . Арт. С 93.

Издательство Уральского университета.
620219 Екатеринбург, ГСП-830, пр. Ленина, 13 б.
Отпечатано с оригинала-макета в типографии НИИОргпрома,
620219 Екатеринбург, ул. Белинского, 34.